Георгий Максимов

Полководец

романы
повести
рассказы
советской
России

георгий
максимов

полководец

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» МОСКВА — 1968

Р2
М17

Роман Г. Максимова «Полководец» посвящен Михаилу Васильевичу Фрунзе. Но это не роман-биография, вернее всего его можно назвать романом военным.

Первая книга «Полководца» повествует о едва ли не самом тяжелом периоде в истории молодого Советского государства. В марте 1919 года 50-тысячная колчаковская армия генерала Ханжина обрушилась на нашу малочисленную, измотанную боями Пятую армию, прорвала ее фронт и устремилась к Волге... Над Восточным фронтом нависла угроза разгрома. Троцкий уже планировал отход наших войск за Волгу.

Но сформированная по решению ЦК и Совета обороны Южная группа Восточного фронта, конечной задачей которой намечался поход на помощь Туркестану, была срочно пополнена мобилизованными рабочими, добровольцами и лучшими политработниками и повернута против армии Ханжина.

Командующим Южной группой был назначен М. В. Фрунзе. Фрунзе умело возглавил войска и блестящим контрударом разгромил основные силы Колчака.

Первая книга романа «Полководец» и рассказывает о том, как в героических боях, преодолевая сопротивление Троцкого и его ставленников, рождалась эта нелегкая победа.

В романе, кроме Фрунзе, действуют Куйбышев, Фурманов, Чапаев, Тухачевский, С. С. Каменев и ряд других известных в истории Советского государства партийных и военных руководителей.

Художник И. СТАРОСЕЛЬСКИЙ

7—2—2
130—68

книга первая

так начался разгром...

Глухая ночь. Снег, глубокий, прочерченный вкривь и вкось пешеходными тропинками, заполонил улицы и площади древнего русского города, скрыл ржавые, давно не ремонтированные крыши его домов, края куполов многочисленных церквей и соборов, обрамлял зубцы кремлевской стены. Снег был плотный, слежавшийся, и если бы не тропинки, можно было подумать, что город вымер.

За кремлевской стеной, на третьем этаже бывшего здания сената, тускло светились два окна. В кабинете с простой, но очень удобной мебелью за столом склонился Ленин, что-то быстро записывая в блокноте.

На пороге кабинета появилась пожилая женщина, в поношенном, кое-где аккуратно заштопанном платье и гладко причесанная.

— Звонит товарищ Стасова,— сказала она вполголоса.

Владимир Ильич снял трубку телефона:

— Здравствуйте, Елена Дмитриевна. Да, мы еще не виделись. Что это вы не спите? Так, так... Фрунзе? А-а... Арсений! Помню, помню, еще по Стокгольмскому съезду... Да, мы в Совете обороны рекомендовали его командующим Четвертой армией... Что, что? Реввоенсовет республики назначил командармом Четвертой бывшего генерала Новицкого, а Фрунзе членом Реввоенсовета? Но ведь это же совсем не то, что нам нужно! Четвертая армия сформирована в основном из местных партизанских отрядов. Словом — крестьянская стихия в самом ее первозданном виде... А как отнесся к этому назначению сам Новицкий? Был в Реввоенсовете, протестовал? Настаивал назначить командармом Фрунзе? Ситуация, доложу вам! — Владимир Ильич коротко рассмеялся.— А Троцкий что?.. Сказал, что все будет так, как он решил? Да, это на него похоже... А знаете, генерал-то прав. Командармом Четвертой надо назначить большевика, хорошего организатора и человека бесспорно волевого. Генералу с тамошней вольницей не справиться.— Он опять коротко рассмеялся:— Нет, каков генерал. Восстал против Троцкого! Видать, боевой... На германском фронте дивизией командовал? Боевой... Четвертая армия нацелена нами на Туркестан. Предполагается, как только она справится с уральскими белоказаками, объединить ее с некоторыми другими воинскими соединениями и выделить в самостоятельную группу. Надо в кратчайший срок помочь Туркестану. Положение там отчаянное: от Асхаба-

да жмут англичане, в Фергане разгулялись басмачи, в Бухаре — эмир, а у них ни патронов, ни снарядов. Делают кое-что кустарным способом. Но ведь это же капля в море... Фрунзе, кажется, родом из тех мест... Даже местными языками владеет? Очень хорошо. Такого и надо. Не будет зависеть от переводчиков... Ставьте вопрос на ЦК. Троцкий будет возражать? Ничего, Елена Дмитриевна, ставьте... Спокойной ночи.

Владимир Ильич положил трубку на аппарат. С минуту смотрел, подперев кулаком подбородок, в окно. Там, в верхнем левом углу, бесшумно вращалась вертушка-вентилятор.

— Взбунтовавшийся генерал,— чуть улыбнувшись, сказал он.— Великолепно! — и снова взялся за перо.

МЯТЕЖ

1

Восемнадцатого января 1919 года, часов около десяти вечера, в кабинете аргентинского по паспорту подданного Эдварда Сварда, а в действительности — англичанина Роберта Сиднея сидел Рахметбек Ходжаев — средних лет узбек, худощавый, с тонкими черными усиками и небольшой бородкой, слегка прикрывавшей щеки и подбородок. Одет Рахметбек был в шелковый халат, из-под которого виднелся европейский, хорошо сшитый костюм из доброт-ного материала.

Дом, в котором с некоторого времени поселился Эдвард Свард, находился в Ташкенте, на границе старого и нового города, на одной из тех улиц, где в досоветское

время любили селиться русские чиновники среднего ранга. Сад позади дома доходил до берега Урды. За Урдой начинался старый город — лабиринт из кривых, невероятно узких улочек, тупиков, высоких глиняных оград, по-местному — дувалов, пропыленных садов, пересохших арыков, молчаливых, словно вымерших, домов, обращенных к улицам глухими стенами, без окон. Здесь издавна обитали коренные жители края — узбеки, реже встречались татары, бухарские евреи и все те, кто в силу разных причин веками оседали в этом некогда торговом центре Востока, ассимилируясь до того, что стоило труда отличить их потомков от основных жителей.

Окна кабинета Эдварда Сварда глядели на новый город. Там были широкие прямые улицы, тенистые бульвары, обсаженные карагачом и пирамидальными тополями, магазины, казармы.

Еще совсем недавно здесь, перед дворцом генерал-губернатора, регулярно, в положенное время сменялись парные часовые, по мостовым, рассыпая искры из-под копыт, мчались лихачи на дутых шинах, не только ни в чем не уступая лихачам обеих российских столиц, но даже рассчитывая «утереть им нос», так как здесь тоже была своего рода столица — столица Туркестана. Более сдержанно, с сознанием собственного достоинства, проезжали экипажи важных чиновников. На коленях у их владельцев покачивались в такт движению объемистые, тисненой кожи портфели. Вереницы ломовых извозчиков, груженных всевозможными товарами — российскими и заграничными,— въезжали в широкие ворота торговых складов и лабазов. А по вечерам улицы нового города были залиты электрическим светом, в садах гремела музыка, к театрам, к зданию дворянского собрания то и дело подъезжали экипажи с декольтированными дамами. Хорошо выдрессированные лакеи с привычной почтительной улыбкой встречали гостей.

Теперь же на обоих берегах Урды было темно и тихо. Два города — древний, еще помнящий Тамерлана, и новый, возникший после покорения края, затаились, выжидая исхода событий, нависавших над ними, как тяжелая свинцовая туча.

В кабинете Эдварда Сварда настольная керосиновая лампа с зеленым абажуром неярко освещала старинный письменный прибор с бронзовым медведем-чернильни-

цей, вечный календарь накладного серебра, остановившийся на октябре 1917 года, коробку из-под сигар, груду переплетенных годовых комплектов «Нивы», глубокие кожаные кресла, весьма потертые, портреты на стенах в черных дубовых рамках: архиерея в клобуке со строгим пристальным взглядом и старомодной сухопарой дамы в наколке.

Все здесь выглядело так, будто грозные события последних двух лет прошли где-то стороной. И казалось, что завтра утром хозяин дома — почтенный надворный советник,— позевывая и крестясь, войдет в кабинет, неторопливо соберет бумаги на столе, передвинет вечный календарь на следующее число и, позавтракав в столовой, отправится в казенную палату.

Но за столом неизвестно куда сбежавшего надворного советника сидел «аргентинский подданный» — слегка лысеющий блондин, выше среднего роста, в высоких сапогах и в теплой, верблюжьей шерсти, куртке. За его спиной, со стены, лукаво улыбалась строгому архиерею беззастенчивая красавица, чуть прикрытая складками газового шарфа, явно вырезанная из какого-то иллюстрированного журнала.

А напротив Эдварда Сварда в глубоком кожаном кресле небрежно расположился Рахметбек Ходжаев.

И гость и хозяин говорили мало, нисколько не тяготясь длинными паузами. Эдвард Свард перелистывал изящный томик стихов Киплинга в подлиннике. Гость, слегка прикрыв глаза длинными, изогнутыми кверху ресницами и чуть-чуть улыбаясь, наблюдал за хозяином. Время от времени в поле его зрения попадала иностранная красавица, но ничего, кроме спокойного ожидания с небольшой примесью скуки, не отражалось на его лице. Со стороны можно было подумать, что в комнате сошлись двое хорошо знакомых, почти друзей, у которых столько общего, что даже молчание им не в тягость.

Эдвард Свард взглянул на часы.

— Без двух минут десять,— сказал он негромко и безлично, словно подумал вслух.

— В книге судеб исчислены все времена и все сроки,— так же неопределенно отозвался гость.

Свард пытливо взглянул на него. Рахметбек, опустив веки, рассматривал свои длинные тонкие пальцы.

Уже два часа как начался мятеж бывшего военного

комиссара Туркестана Осипова. Оба они знали об этом и ждали исхода событий, но далеко не одинаково.

Если для Сварда осиповский мятеж был картой, на которую он поставил крупную ставку, то для Рахметбека он был лишь событием, настолько незначительным, словно оно и вовсе его не касалось.

Он давно уже наблюдал, как Осипов, в бытность военным комиссаром Туркестана, исподволь готовил заговор: выводил, под предлогом военной необходимости, из города стойкие советские батальоны и полки; пополнял остающиеся бывшими офицерами старой русской армии из тех, кто люто ненавидел новый строй, дезертирами, всяким сбродом, сбежавшимся сюда после Октябрьской революции из центральных губерний, в надежде переждать, отсидеться, пока то ли Колчак, то ли еще кто-нибудь не задушит молодую Советскую республику. Он видел это и думал, что мешать Осипову не следует. Пусть эти русские — и пришлые и местные — основательно погрызутся. В конце концов выиграет тот, кто умеет выжидать. И лукавая улыбка время от времени появлялась в уголках его тонких губ. Но Свард не замечал ее. Он все чаще краем глаза поглядывал на часы.

Вдалеке прозвучал одиночный выстрел. Затем несколько выстрелов отозвались значительно ближе, и кто-то грузно побежал мимо окна.

У Эдварда Сварда чуть приподнялась бровь.

Через минуту в двери черного входа со стороны Урды щелкнул замок.

— Сэм,— негромко окликнул Свард.

В комнату вошел молодой, гладко причесанный человек с тем неуловимым оттенком в манерах, который бывает только у особого рода слуг, с весьма неопределенным кругом обязанностей и называемых сотрудниками для поручений. Он с трудом сдерживал прерывистое дыхание.

— Простите, сэр, я задержался...

Свард взглянул на него и сказал:

— Хорошо, задерните штору.

Тяжелая, добротная материя мягкими складками прикрыла окно.

— Вы уверены, что Осипов не сможет удержаться? — неожиданно в упор спросил Свард.

И словно в ответ ему вдали в районе Дома свободы

загремела частая ружейная стрельба, застучал пулемет.

Рахметбек помедлил, прислушиваясь.

— У аллаха милости много,— отозвался он.

Свард недовольно хмыкнул.

Осипов уверял, что у него все предусмотрено. Вечером он по одиночке вывезет в казармы 2-го Сибирского стрелкового полка членов туркестанского правительства, там их арестуют, и с Советской властью в Ташкенте будет покончено.

Было это третьего дня.

Тогда Осипов был здесь. Ему явно хотелось произвести выгодное впечатление. Он говорил неторопливо, солидно, но руки... У людей уверенных, волевых пальцы не шарят по всем карманам в поисках коробки спичек, лежащей на столе. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять его состояние. Аресты некоторых его сторонников лишили его мужества. Очевидно, в Чрезвычайной комиссии стало что-то известно о готовящемся заговоре. Нет, мятеж еще не созрел, и не такой человек, как Осипов, должен бы его возглавить. Но выбора не было. Из Оренбурга поступали тревожные вести. Там атаман Дутов еще держался, но Первая Красная Армия теснила его. Туркестанская армия наступала от Актюбинска. Надежда белогвардейцев прочно отрезать Туркестан от России оказалась под угрозой.

Пришлось дать согласие на восстание.

Свард прислушался. Пальба в районе Дома свободы усилилась. Затем значительно правее прозвучало несколько залпов, и они слились в сплошной треск.

— Бесполезно испытывать судьбу,— вполголоса сказал Рахметбек.

Он протянул руку и взял со стола томик стихов Киплинга, брошенный Свардом, полистал его.

День, ночь, день, ночь
Мы идем по Африке... —

чуть нараспев читал по-английски, с хорошим произношением, Рахметбек.

День, ночь, день, ночь —
Все по той же Африке.
И — пыль, пыль, пыль
От шагающих сапог...

Рахметбек, слегка помедлив, сказал:

— Да, пыли хватает и здесь, в Туркестане, а вот шагающих сапог что-то не видно. Вероятно, это недостаток моего зрения.

Свард покосился на него:

— Вы имеете что-нибудь предложить?

— Предложить? О нет! Только глупый гость станет угощать хозяина... Но если говорить о силах, на которые можно опереться, то я знаю только одну такую силу.

— Мусульманство?

— Другой здесь нет. В Москве это, кажется, понимают.

— Вздор! Что бы там ни понимали, Туркестан плотно отрезан от Москвы.

— Да, пока.

— И будет отрезан.

— Возможно.

На секунду взгляд Сварда остановился на Ходжаеве: «Знает или не знает? Впрочем, все это вздор. Что он может знать?»

— Большевикам сейчас не до Туркестана,— твердо сказал Свард.— Адмирал Колчак скоро дойдет до Волги и соединится с войсками генерала Деникина. Казаки атамана Дутова в Оренбурге. Нет, Москве не до Туркестана.

— Все это, может быть, и так,— бесстрастно отозвался Рахметбек.— Я не политик и не военный. Могу и заблуждаться. Но мне кажется, что Туркестан за последнее время сам пытается прорваться к Москве. Я имею в виду большевистский Туркестан. Их Актюбинский фронт как будто продвигается к Оренбургу.

— Мелочь. Временный успех. От Актюбинска до Оренбурга расстояние!..

— Да, немаленькое,— сказал Ходжаев, поднимаясь.— Впрочем, мне пора...

Оставшись один, Эдвард Свард некоторое время озабоченно прислушивался к нарастающей пальбе.

В дверях показался гладко причесанный молодой человек.

— Полковник Русанов,— доложил он и пропустил в кабинет пожилого человека в полувоенном костюме, с хорошей армейской выправкой.

Полковник был явно раздражен, хотя и пытался сдер-

живаться. Он устало опустился в кресло и на минуту закрыл глаза.

— Плохие новости, полковник? — спросил Свард.

Тот отозвался, не поднимая век:

— Больше. Скверные...

— Вы там были?

Полковник выпрямился, преодолевая усталость.

— Послушайте, сэр. Это чертовски глупое предприятие. Да, я был и у этого недоноска Осипова... С ума можно сойти, до чего он бездарен. Любой юнкер знает, как опасно оказаться под перекрестным огнем артиллерийских батарей. А этот кретин, бывший военный комиссар Туркестана, не сумев привлечь на свою сторону крепость, с первых же шагов терпит поражение при попытке захватить Главные мастерские. А ведь там у большевиков тоже есть артиллерия. Представляете, что будет с казармами второго полка, когда по ним с обоих пунктов откроют огонь.

— Успокойтесь, полковник,— сказал Свард.— Не все так плохо, как это вам представляется. Там, в Главных мастерских, далеко не все большевики, даже среди руководителей. Кое-кто из них сам не прочь сбросить нынешних правителей. Этот их председатель Агапов, как мне говорили...

— Это известно. Но не окажутся ли они генералами без армии?

— Вы упускаете из виду, что комендант крепости Белов левый эсер.

— И что же?

— Ему скорее по пути с Осиповым, нежели с большевиками.

Русанов усмехнулся:

— Не стройте иллюзий, сэр. Я плохо разбираюсь в партийной мешанине, но этот Белов в Совнаркоме едва не застрелил Осипова. И наверное, застрелил бы, не помешай ему присутствующие.

— Когда это было?

— Сегодня под вечер. Дело в том, что между ними всегда были натянутые отношения. Началось это еще в Фергане. Не знаю, что там у них произошло...

С минуту Свард сосредоточенно хмурил брови.

— Не думаю, чтобы Осипов не учел этого. Полагаю, что и в крепости у него есть свои люди... Хотите вина?

— Предпочел бы водку.

— Сэм!

Осушив залпом рюмку, полковник несколько успокоился.

— Чудес на свете не бывает, сэр,— заговорил Русанов.— Осипов, конечно, может некоторое время продержаться, но дело проиграно. Да, оно проиграно с самого начала... За границу он сумеет выбраться, если пробьется к Чимкентскому тракту. Надеюсь, у него хоть на это хватит ума. Будет там писать мемуары на тему «Как я чуть-чуть не стал Наполеоном».

Русанов еще осушил рюмку, заговорил насмешливо:

— Золото из банка все-таки он успел захватить. Кажется, это его первая и единственная победа... Кстати, насчет мемуаров. Не заметили ли вы, сэр, в последнее время изобилие великих людей: Наполеонов, Бисмарков, Жанн д'Арк... Наполеонов — больше всего. Скажите, этот мусульманский христосик, которого я встретил по пути к вам, Рахметбек Ходжаев, не из их числа?

Свард почувствовал возможность отомстить Русанову за все неприятности, которые пришлось выслушать.

— Рахметбек весьма популярен среди мусульман,— сказал он,— а мусульмане здесь — сила.

Полковник пожал плечами.

— Что-то я не вижу этих сил там, у Осипова. Так, человек с полсотни халатников болтается у него. Может быть, немного больше,— сказал он равнодушно, потом, помедлив, словно обронил:— Обычная история.

— Что вы хотите сказать?

— О, ровно ничего. Просто я вспомнил, что вы никогда не умели в полной мере использовать население колоний для закрепления своего господства.

У Сварда чуть приподнялась правая бровь.

— Я не сказал бы этого. Индия, например...

— Привязывать людей к жерлу пушек, как это было во времена восстания сипаев, вряд ли искусная политика, сэр. Но здесь не Индия, да и времена не те... Но оставим это. Итак, Осипова почти наверное можно сбросить со счетов. На атамана Дутова надежды мало. По последним сведениям, Первая большевистская армия основательно теснит его. Не понимаю, чем заняты наши в Москве, да и в самой армии. Правда, в одном из полков там было что-

то вроде восстания. Кого-то убили. Но это же сущие пустяки. Разве это требуется!

Свард как-то странно взглянул на полковника, словно впервые увидел в нем нечто новое.

— Я не разделяю вашего пессимизма, полковник. Обстановка на фронте далеко не в пользу красных. Насколько мне известно, наступление армий адмирала Колчака — вопрос самого ближайшего будущего. Взятие Перми — не последнее их слово.

— Возможно.

— Так что же вас беспокоит?

Полковник усмехнулся:

— То же, что и вас: не прорвутся ли, несмотря ни на что, красные в Туркестан.

Свард сделал протестующее движение. Русанов с досадой передернулся:

— Оставьте это для грудных младенцев, сэр. Если не так, то за каким, с позволения, дьяволом вам понадобилось это явно преждевременное восстание?

Возражать было нечего. Да Русанов и не ждал возражения. Он думал о том, что Туркестан, пожалуй, одно из немногих мест в бывшей Российской империи, где можно, искусно используя национальные и социальные противоречия, отсидеться, пока там, в России, бушует гражданская война. В сущности он и сам не знал, зачем это ему нужно. Жизнь была, как старая потрепанная колода игральных карт. И не все ли равно, какая карта выпадет. Проигрыш в конечном итоге обеспечен. Но это было запрятано у него в душе где-то очень глубоко, а сейчас в нем кипела злость крупного военного специалиста, наблюдавшего, как его сподвижник совершает один глупейший промах за другим.

— Эх, ничему-то мы не научились! — сказал Русанов.— Это довлеет над нами, как проклятие. Кажется, достаточно было дорреровского восстания в прошлом году, чтобы понять: большевиков авантюрой не возьмешь. Помните, сэр, как хорошо будто бы все тогда складывалось. Граф Доррер сидел в тюрьме. Оттуда дал идею воспользоваться лозунгом автономии. Рассылал директивы, руководил подготовкой к восстанию. Кажется, все предвещало успех. И демонстрация за автономию, и слабость туркестанского большевистского правительства, и наши офицерские кадры, еще не дезорганизованные, не растре-

панные — среди них подвизался и мой братец, олух этакий! Но случился маленький просчет. О, сущие пустяки! Не учли настроения толпы. Она не действовала, черт бы ее побрал! Она только наблюдала... Она не шевельнулась даже и тогда, когда этот сумасшедший командир советского эскадрона Эккерт с пятью всадниками самым наглым образом арестовал графа в гуще демонстрации и увез его обратно в тюрьму.

— Положим, не один Эккерт. А сводный мусульманский отряд красногвардейцев?

— К тому и речь веду. Коренное население, вышедшее на демонстрацию за автономию Туркестана, пассивно созерцало. Это были зрители. А те из них, кто действовал, действовали против нас.

Полковник потянулся к рюмке, слегка отхлебнул из нее и поставил на место.

И гость и хозяин молчали, прислушиваясь к звукам извне.

Стрельба почти смолкла. В наступившей тишине изредка слышались короткие пулеметные очереди, одиночные выстрелы.

Свард хмурился. Все, что говорил Русанов, было ему хорошо известно. Раздражал тон полковника, чрезмерно независимый. Подумать только! Кто он такой, этот полковник? Эмигрант в собственной стране. Не больше. А как разговаривает! Сварда не раз подмывало одернуть собеседника, но что-то мешало. И это тоже вызывало досаду.

— Что же вы предлагаете?

Полковник помедлил, словно обдумывал ответ.

— Большевиков можно бить только их методами.

— Именно?

— Вы не заметили, сэр, одной особенности у большевиков? Сколько их всего-то? В сущности не так много на всю Россию. Но, черт возьми, почему-то всегда получается так, что вокруг них образуется плотное кольцо людей, которым, казалось бы, нет никакого дела до политики. Отсюда все наши просчеты.

— Что же вы предлагаете: произвести социализацию, национализировать банки, промышленность?

Полковник холодно взглянул на Сварда:

— Я говорю серьезно, сэр.

И под этим взглядом Свард почувствовал себя неловко.

— Извините,— буркнул он.

— Я не открываю ничего нового,— словно думая вслух, продолжал Русанов.— Идеи иногда можно не без успеха заменить деньгами. Особенно здесь, где еще крепки родовые отношения. Почему бы здесь не создать несколько хорошо вооруженных отрядов из коренного населения, достаточно сильных, чтобы покончить с большевиками в Туркестане?! А там...

— Деньги?..

— Да, деньги и оружие. Платить придется всем — и рядовым всадникам и всяким курбаши[1]... Все это проделывалось не раз на Востоке. Удивляюсь, почему вы сами до сих пор об этом не подумали.

— Я этого не сказал бы... Мадаминбек, Иргаш, Хол-Ходжа...

Русанов с досадой отмахнулся:

— Размах не тот. Они больше занимаются грабежом населения и только восстанавливают его против себя. Удивляюсь, как это большевики не догадаются использовать такое обстоятельство. Роздали бы оружие по кишлакам, и от басмачей осталось бы только воспоминание.

— Что же вы предлагаете?

— Видите ли, сэр, думаю, что пора переходить от разрозненных наскоков к планомерным действиям широким фронтом всех антибольшевистских сил. Басмачи пока что орудуют главным образом в Ферганской долине и отчасти в Семиречье. Почему бы не оседлать горный перевал Чичкан в Аулие-Атинском уезде? Для этого надо лишь снять заставы у Кетмен-Тюбе и Кара-Буре. Тогда было бы возможно установить прямую связь с Бухарой. Пора его высочеству, сыну солнца и племяннику луны Сейиду Алим-хану, на время оставить свой гарем и заняться делом. Не плохо было бы привлечь и Монстрова с его Крестьянской армией, благо начальником штаба у него генерал Муханов.

— Но это же советские войска. Монстров входит в большевистский штаб Туркестана.

Русанов усмехнулся, допил рюмку и сказал:

— Осипов был даже военным комиссаром...

Помолчали. Свард спросил:

— Какие деньги и сколько вы имеете в виду?

— Прежде всего золото, миллионов сто. Наскрести лю-

---

[1] Курбаши — главарь басмаческой шайки.

быми средствами, где угодно и как угодно. Затем — советские, можно даже царские, они здесь в отдаленных кишлаках пока что в ходу.

— Допустим... А что еще?

— Оружие. Понадобится много оружия и хорошего.

Свард задумался.

— С оружием можно будет устроить,— сказал он.— Сейчас, после окончания войны, его в Европе сколько угодно. Доставят его сюда через Кашгар. Это трудный путь, но, кажется, наиболее безопасный. Наш консул в Кашгаре не откажется помочь, конечно, через... русского консула господина Успенского. С деньгами будет сложнее. Сто миллионов — это очень большая сумма, очень...

— А вы не торгуйтесь, сэр. Если большевики укрепятся в Туркестане, это обойдется значительно дороже. Здесь рядом Афганистан, да и до Индии не очень далеко. Надеюсь, вы понимаете?..

Русанов прислушался. Пальба прекратилась. Что бы это значило? Передышка? Впрочем, какое это имеет значение? Осиповская затея не удастся. Хотя черт его знает! В этой свистопляске все может случиться.

— Все будет зависеть от того, сэр,— сказал он,— как долго Дутов сможет продержаться в Оренбурге.

— Ну, это не так безнадежно, полковник. Конечно, красные после падения Перми предпринимают разные меры, чтобы укрепить свой Восточный фронт. Не так давно даже назначили нового командующего.

— Фронтом?

— Нет, Четвертой армией. Какой-то Фрунзе.

Полковник вздрогнул.

— Фрунзе?.. Фрунзе — Михайлов?

— Да, это его фамилия. Впрочем, как у многих русских большевиков, у него, вероятно, были и другие, сообразуясь с обстоятельствами. Но это, кажется, последняя... Вы его знали, полковник?

Русанов не отозвался. Он пристально смотрел в одну точку — отблеск света лампы на «вечном календаре» — и видел: кряжистый, плотный человек, стриженный ежиком, с пристальным взглядом, пытливо вглядывается в штабную карту на столе, испещренную цветными кружками, квадратиками, прямоугольниками — условными обозначениями воинских частей и подразделений. И кто знает, не повернет ли этот человек так, что радужные надежды

Сварда и его, полковника, собственные полетят к черту. В свое время Русанов имел возможность наблюдать эту способность у военного комиссара Ярославского округа Фрунзе. Видел он и то, как Фрунзе без труда разгадывал людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. Тогда Русанов не стал дожидаться, пока Фрунзе остановит свое внимание на нем, и, никого не предупредив, откочевал в Ташкент. Здесь, за несколько тысяч километров от Москвы, он чувствовал себя гораздо увереннее.

Из задумчивости его вывел повторный вопрос Сварда.

— Фрунзе? Да, мне приходилось встречаться с ним...— неопределенно отозвался Русанов, потом встряхнулся, заговорил возбужденно, чуть насмешливо.— Так... значит — Фрунзе?.. И именно в Четвертую армию? Не куда-нибудь, а в Четвертую, нацеленную на Туркестан. А знаете ли вы, сэр, что Фрунзе — Михайлов из этого края? Родился и вырос здесь... Зловещий признак!

— Не понимаю.

— Что же здесь непонятного? Да если Фрунзе со своими войсками прорвется сюда, в Туркестан, все наши с вами планы полетят к дьяволу. Он-то местный. Его на кривой не объедешь...

Внезапно снаружи застучали в дверь.

— Отворяйте!

— Хозяева!

— Эй!

Полковник сунул руку в карман и повернулся на стук. Эдвард Свард выпрямился и взял его за руку.

— Не глупите, полковник! Пройдите выходом к Урде.

В дверь ломились. Русанов исчез.

— Сэм, впустите их.

В дом, тяжело ступая, входили вооруженные люди.

— Вы хозяин? — К Сварду подошел пожилой, рабочего вида человек, в бобриковом пиджаке и в шапке-ушанке.— Посторонние в доме есть? Предъявите документы.

Эдвард Свард слегка поклонился.

— Быть может, это следовало сделать прежде вам?

Он выждал немного и распорядился:

— Сэм, дайте паспорта. Нет, посторонних в доме нет.

От дверей послышался ропот. В такое-то время еще документы! Но пожилой рабочий, которого все называли

Иваном Матвеевичем, строго взглянул на своих спутников, и те замолкли.

— Ваша правда, гражданин,— сказал Иван Матвеевич.— Вот мое личное удостоверение.— Он порылся в кармане и подал Сварду потертое и порядочно промасленное удостоверение на имя машиниста первого класса Ташкентского железнодорожного депо Парамонова.— Извините, другого предъявить не могу.

— Это кто у вас? — спросил Иван Матвеевич, принимая паспорт от Сэма.

— Мой сотрудник.

Паспорта были на добротной бумаге, в дорогом переплете. И совсем непонятные, Иван Матвеевич вертел их в руках и так и этак.

— А советского документика у вас нет?

В удостоверении Ташкентского Совета было сказано, что аргентинский подданный Эдвард Свард является ученым-лингвистом, и поэтому ему следует оказывать всяческое содействие.

Иван Матвеевич отошел в сторону и, подозвав к себе сына — довольно бойкого на вид молодого человека,— спросил вполголоса:

— Серега, ты часом не знаешь, что такое лин-гвист?

— Где?

— Да вот тут сказано: ученый-лингвист.

Сергей на миг задумался:

— Ученый, говоришь? Ну, это, значит, который по научной части и вообще... Да ты, папань, сам-то иль не знаешь?

— То-то и дело, что не знаю. Я ведь в машинисты из кочегаров собственным горбом выбрался. А тебя, балбеса, в четырех классах городской школы варили, да, видать, недоварили. Ученые, они разные бывают: другого не грех и в подвал посадить...— Он снова повертел в руках непонятное удостоверение.— И печать, и подписи — все на месте.— Лингвист. Скажи ты на милость, ну что бы оно такое значило?!

— Может, козявок собирает...— предположил Сергей,— бывают такие.

— Сам ты козявка. Придется убираться отсюда... Никого посторонних не нашли?.. Ну, пошли дальше.

Оставшись один, Свард долго сидел задумавшись. Его лицо вдруг как-то осунулось, заострилось. Сквозь обыч-

ную, каменную невозмутимость проступила тревога. Он думал о том, удастся ли Осипову продержаться хотя бы несколько дней. За это время можно будет сманеврировать, договориться с большевиками о каком-либо компромиссе, переформировать правительство.

«Только бы он, идиот, не расстрелял прежде времени арестованных в казармах второго полка комиссаров. Тогда никакое соглашение не будет возможно».

Потом в памяти его всплыл разговор с Русановым. Этот полковник чрезмерно самоуверен. Следовало сбить с него спесь.

Свард позвал молодого, гладко причесанного человека.

— Сэм,— сказал он,— вы заметили, как полковник вздрогнул при имени Фрунзе?

— Да, сэр. Я наблюдал за ним через...

Свард жестом остановил его.

— А как вы думаете, почему?

— Не знаю, сэр.

— Очень плохо, Сэм. Надо узнать.— На лице у Сварда появилось торжественное выражение.— Это очень важно для нас... Очень важно.

— Слушаю, сэр.

2

Поздно вечером возвращался комендант ташкентской крепости Иван Панфилович Белов к себе домой. На душе у него было смутно. Он был недоволен собою: не сдержался и в ответ на явно провокационное заявление в Совнаркоме военного комиссара Туркестана Осипова, что не кто иной, а именно Белов снабжает оружием антисоветское подполье, выхватил наган и направил на Осипова. Хорошо, что управляющий делами Совнаркома успел схватить его за руку. Нет, нехорошо получилось. Решительно нехорошо. Осипов несомненно прохвост. Белов раскусил его еще в Фергане. Там Осипов вел себя весьма двусмысленно, вечно шушукался с откровенными белогвардейцами, пьянствовал с подозрительными типами. Не лучше он ведет себя и здесь. Чего стоит его предложение расформировать Красную гвардию, или вот это, из-за которого сыр-бор разгорелся: разоружить учебную команду, основную реальную силу в крепости. И как этого не видят руководители-коммунисты? Положим, расформировать Красную

гвардию ему не дали, вмешался Ташкентский совдеп. Там председателем Шумилов, большевик-подпольщик. Этого на мякине не проведешь. Но с учебной командой получилось иначе. С Осиповым согласились и председатель ТуркЦИКа Войтинцев, обычно поддерживавший Белова, и председатель Совнаркома Фигельский. Что они, ослепли, что ли? Не видят, куда гнет Осипов... Так они и поссорились, на этот раз откровенно. Правда, спустя час или немногим больше Осипов заговорил с Беловым почти дружественно, приглашал к себе в штаб 2-го полка попить чайку и заодно закончить оформление финансового отчета Белова по экспедиции в Ферганскую долину. «Там у меня начфин орел. Он все твои счета в полчаса провернет», — сказал Осипов на прощанье. «Ну нет, к себе ты меня не заманишь», — подумал тогда Белов и ничего не ответил. Он не забыл, как в прошлое посещение штаба 2-го полка его там едва не пристрелили.

Дул холодный пронзительный ветер. По улицам мела поземка.

«Ташкентская крещенская погодка,— усмехнулся Иван Панфилович.— В наших краях такие ли бывают морозы под крещенье!» Он вдруг остановился, прислушался. Где-то справа прозвучал выстрел, потом еще... Потом раздался залп. «Что бы это могло значить?» — подумал Иван Панфилович и заторопился в крепость.

Там было тихо. В помещении учебной команды — необычно малолюдно, всего человек тридцать-сорок. Откуда-то со стороны вынырнул начальник учебной команды Шишарин.

— Где остальные? — спросил Белов.

— Разошлись по домам.

Иван Панфилович тяжело посмотрел на Шишарина. Странный он какой-то, суетится, глаза бегают по сторонам.

— Кто разрешил?

— Так ведь в некотором роде праздник завтра, воскресенье и...

— А-а, крещенской водички захотелось. Понятно...

Шишарин поежился под насмешливым взглядом коменданта и поплелся вслед за ним.

Школа инструкторов была на месте полностью, 1-я артиллерийская рота — тоже. Белов поспешил в крепостную роту. При входе послышалось обычное:

— Встать, смирно!

Командир роты, молодцеватый, подтянутый, шагнул навстречу.

— Товарищ комендант, крепостная рота...

— Вольно, сидите, сидите,— сказал Белов, любуясь командиром и тем особым подчеркнутым воинским порядком в роте, с которым давно сроднился.

Внезапно в коридоре послышался тяжелый топот. В роту вбежали два красноармейца, запыхавшиеся, в поту, без поясов, растерзанные, один даже без шапки.

— Беда, ребята! Вторую батарею разоружают...

Бойцы вскочили, окружили вбежавших, посыпались вопросы, восклицания.

— А ну, тише,— сказал негромко Белов, но его услышали, смолкли.— Отдышитесь. Говорите толком, кто разоружает?

Вторая батарея стояла на Госпитальной улице. Бойцы рассказали, что полчаса назад ее внезапно окружили солдаты 2-го Сибирского полка, арестовали командира и артиллеристов и повели к себе в казармы. Им двоим удалось скрыться в темноте. По ним вдогонку стреляли.

— Так кто же все-таки вас разоружил? По чьему приказу?

— Не знаем. Говорили, что по приказу военного комиссара...

— Осипова?

— Ну да!

— Его самого,— подтвердил и второй боец.

«Так,— подумал Белов.— Осипов все-таки не удержался и решил разоружить учебную команду. А в памяти всплыло приглашение в штаб 2-го полка попить чайку.— Значит, пока я с ним распивал бы чай, он тут разоружил бы учебную команду, а может быть, и не только ее».

Красноармейцы ждали, что скажет комендант крепости.

— Объявите тревогу,— распорядился Белов командиру роты.— Займите барбеты[1].

Он почти бегом направился в штаб крепости и уже по пути услышал команду «В ружье!» и стаккато тревоги, рассыпаемое по крепости горнистом.

— Звонили? — спросил Белов.

Дежурный ответил отрицательно. Белов подсел к те-

---

[1] Барбет — земляная насыпь за крепостной стеной.

лефону, позвонил на квартиру председателю ТуркЦИКа Войтинцеву, председателю Совнаркома Фигельскому, председателю Ташкентского Совета депутатов Шумилову. Никого из них дома не оказалось.

«Где же они могут быть?» — в сотый раз задавал себе вопрос Иван Панфилович. Наконец он догадался позвонить в Дом свободы. К телефону подошел Войтинцев.

— В городе явно неспокойно,— сказал Белов.— Происходит какая-то стрельба.

— Да, стрельбу и мы слышали, но ты, Иван Панфилович, не волнуйся. Скоро все выяснится.

— Возможно, но у меня Осипов разоружил батарею на Госпитальной улице. Это что, подготовка к разоружению учебной команды? Тогда почему это делается без меня? Я же говорил вам, что с Осиповым я не сработаюсь, и просил освободить меня от должности коменданта крепости. Вы тогда убедили меня остаться на своем месте. А теперь разоружают подчиненную мне часть, даже не поставив меня в известность. Что же это такое? Недоверие?..

С минуту длилось молчание.

— Да, Осипов тут что-то наворочал,— сказал Войтинцев.— Вопрос о разоружении учебной команды окончательно не решен. Поторопился наш военный комиссар. Поторопился... Но ты, Иван Панфилович, не волнуйся. Через час-полтора я увижу Осипова. Поговорю с ним. Все будет хорошо.

— Не знаю, Всеволод Дмитриевич, хорошо ли будет, но вот что я вам скажу: гарнизон я поднял по боевой тревоге и никого к крепости не подпущу, если с ними не будет вас или товарища Фигельского.

Белов положил трубку, дал отбой, оглянулся и увидел Шишарина.

— Учебная команда поднята по тревоге?

Шишарин засуетился, зачем-то сунул руку в карман, оглянулся. Сзади стоял адъютант коменданта крепости Веверс, невозмутимый латыш, рослый и широкоплечий.

— Н-нет...

— Вы что же, сигнала не слыхали, или вам нужно особый?

Шишарин метнулся к двери, но Белов остановил его:

— Погодите, пойдем вместе.

Они двинулись к казарме. Адъютант на шаг сзади непоколебимо шел за ними. Шишарин повернул было к обыч-

ному входу, но Белов решительно направился вдоль казармы, и тому ничего не оставалось, как подчиниться.

Вдруг Белов остановился изумленный. Парадный ход в казарму, с массивными дубовыми дверями, всегда запертый на замок и засовы, был распахнут настежь. А вдали, в самом конце улицы, двигалась к крепости толпа вооруженных людей. Всего лишь несколько секунд понадобилось Ивану Панфиловичу, чтобы оценить обстановку. Он бросился в гостеприимно раскрытую дверь, вбежал в коридор, и отчаянный, стремительный возглас пролетел по коридору, взвился по лестничной клетке и, подхваченный дневальными, заметался по помещениям:

— В ружье!

И через минуту по коридорам, по лестницам, клацая затворами винтовок, тяжело, на полную ногу грохая сапогами, сбегались бойцы.

— Закройте дверь! — приказал Белов.

Дверь заперли на замок, на засовы, забаррикадировали дровами из поленницы, столами, койками — всем, что подвернулось под руку. Часть бойцов рассыпалась по окнам первого и второго этажей, сюда же выкатили и приладили пулемет.

А толпа все приближалась, нарастала, как поток. Из переулков в нее вливались ручейки вооруженных людей, растекались по площади в поисках незащищенного входа в крепость.

На вышке вспыхнул прожектор. Его луч лег вдоль улицы, заскользил по толпе, и стало видно, что солдат там немного. Они тонули в массе котелков, шляп, форменных фуражек, каракулевых и бобровых шапок. Впереди них размахивали обнаженными шашками несколько офицеров в папахах с кокардами Российской империи и в погонах.

На втором этаже казарм какой-то боец учебной команды, присмотревшись к идущим впереди, воскликнул в изумлении:

— Ребята, глянь, да это же наш Арбузов!

— Где, где? — посыпались вопросы.

— Вон там, правее, толстенький такой... И погоны прицепил. Вот сука продажная!

Заместителя начальника учебной команды Арбузова узнал с барбета и комендант крепости Белов.

— Ян,— сказал он адъютанту,— видите нашего знакомого?

— Это есть мерзавец,— отозвался адъютант, вынимая из кобуры маузер.

— Погодите, Ян,— остановил его Белов и, поднявшись над парапетом, крикнул во всю мочь, как кричал, когда подымал под ураганным огнем противника в штыковую атаку свой взвод 1-го Сибирского стрелкового полка:

— Стойте! Граждане, стойте! Отойдите от крепости. Вас ведут под пулеметы. Стойте!..

В ответ раздалось несколько выстрелов. Кусок кирпича, отколотый пулей, хлестнул по виску. В глазах у Белова потемнело. Кто-то огромный, с ухватками медведя, навалился на него и стащил вниз. А над ухом удивительно знакомый голос пророкотал:

— Это есть величайший глупость — подставлять голова под шальной пуля...

Иван Панфилович решительно освободился из объятий своего адъютанта.

— Погоди, Ян, тут не сразу поймешь, где глупость, а где предательство.

Он снова поднялся к парапету. Находившиеся поблизости бойцы пытливо, с недоумением посматривали на него. Все-таки комендант был левым эсером, и кто знает, о чем он думает. А Иван Панфилович вглядывался в надвигающуюся толпу за стеной, стараясь понять, что там намерены делать.

Вскоре он заметил, как в конце улицы показался новый отряд. Передние несли бревно, видимо — спиленный телеграфный столб. За ними — другие, с длинными лестницами. В середине толпы отряд разделился. Те, что с бревном, направились прямо к парадному входу в казарму, люди с лестницами повернули вправо. Теперь все было ясно. Атака намечалась в двух пунктах: пока одни будут ломиться в двери казармы, другие постараются перебраться через стены к своим сообщникам в крепости.

— Передать по цепи,— негромко скомандовал Белов,— стрелять по моей команде. Первый залп в воздух, поверх голов...

И от бойца к бойцу побежало:

— Передать по цепи... Первый залп...

— Передать по цепи...

— Передать...

Белов выждал с минуту, и когда несущие телеграфный столб были уже впереди толпы, скомандовал:

— Гарнизон, пли!

Раздался нестройный залп. Толпа шарахнулась, попятилась, но люди в полувоенной одежде, составляющие ее ядро, не дрогнули. Вскинув винтовки, они ответили стрельбой. О парапет крепостной стены застучали пули. Кто-то размахнулся и бросил гранату, не долетевшую и разорвавшуюся у основания стены.

Невысокий, толстенький, с новенькими погонами на плечах, отчаянно размахивая наганом, что-то кричал, показывая на парадный вход.

— Огонь! — снова скомандовал Белов.

С барбетов затрещали ружейные выстрелы, слева, из окна казармы учебной команды, застучал пулемет. Толпа дрогнула, бросилась врассыпную. Только толстенький Арбузов в запальчивости все еще размахивал наганом. Но вот образумился и он.

— Прекратить огонь! — во всю мочь, так что было слышно по всей стене, крикнул Иван Панфилович. Когда стрельба стихла, неожиданно подряд, один за другим, раздались два выстрела.

Бежавший позади всех заместитель начальника учебной команды Арбузов как-то странно захромал на одну ногу, затем на другую и повалился на мостовую.

Белов в ярости обернулся:

— Был приказ прекратить огонь!

Адъютант коменданта, неторопливо вкладывая маузер в деревянную кобуру, сказал невозмутимо:

— Это есть предатель. Я стреляйт его по ногам. Теперь не убежит. Надо узнайт, кто открыл парадный двер.

Белов приказал доставить раненых в крепость. А когда несколько бойцов подняли на руках Арбузова и понесли, он сказал адъютанту:

— Распорядитесь поместить этого в лазарет отдельно и приставьте к нему охрану понадежней. Не исключено, что от него попытаются избавиться сообщники.

— О, я приставийт надежный охрана, очень надежный,— заверил адъютант.

Дали отбой. На барбетах остались лишь часовые усиленных караулов. Иван Панфилович обошел казармы, распорядился приготовить бойцам дополнительный ужин — «Им сегодня, может быть, всю ночь не спать»,— побывал

в школе инструкторов, в крепостной и в 1-й артиллерийских ротах. В учебной команде он опять обратил внимание на Шишарина. Удивительно! В прошлом опытный офицер, а держится, как новоиспеченный прапорщик перед старыми солдатами. Хихикает, заискивает...

Всюду, куда ни приходил Белов, его засыпали вопросами: «Кто напал на крепость?», «Что происходит в городе?», «Кто поднял мятеж и против кого?» А что он мог сказать? Сам знал не больше их.

В крепостной роте он распорядился выслать в город разведку. Старшего выбрал сам, старого солдата Прудникова. Этот не подведет и не струсит. Вместе еще в семнадцатом году действовали в солдатском комитете 1-го Сибирского полка.

В штабе крепости было по-прежнему тихо. Лишь начпрод в своем углу копался в бумагах.

— Ты что это, Иван Иванович, не спишь? — спросил Белов.

Тот поднял усталый взгляд на коменданта.

— До сна ли тут, Иван Панфилович? Вот и копаюсь в отчетах, чтобы время убить...

Да, в крепости едва ли найдется хоть один человек, спящий в эту ночь. Но все же что происходит в городе? Кто они такие, пытавшиеся захватить крепость? Иван Панфилович сказал дежурному, чтобы тот по телефону связал его с правительством или с Ташкентским Советом депутатов.

— Ищите их по всем телефонам.

Дежурный покрутил, покрутил ручку, в недоумении подул в трубку, доложил упавшим голосом:

— Телефон не работает.

«Так, выключен. Значит, телефонная станция в руках у этих... Дело серьезное,— подумал Белов.— Впрочем, этого надо было ожидать».

Он сидел у себя в кабинете, погруженный в мрачные думы. Все было неясно, все неопределенно.

Вошел адъютант и остановился у дверей. Иван Панфилович вопросительно взглянул на него.

— Допросиль этого сволоча Арбузова.

— Раненого?!

Адъютант с досадой передернулся.

— Он есть раненный в нога, мягкий места. Я умейт стрелять...

Да, стрелять адъютант коменданта крепости умел, Белов наблюдал не раз.

— Что же он говорит?

— Мятеж поднял Осипов... Его штаб во втором полку.

— Чего же он добивается?

— Другая власть...

У входа послышались голоса и шаги. Адъютант непроизвольно положил руку на кобуру маузера.

Вошел Прудников, вернувшийся из разведки. За ним двое ввели обезоруженного красноармейца.

— Так что, товарищ комендант,— доложил Прудников,— далеко нам пройти не удалось. Все улицы к крепости перекрыты. Есть засады и в домах.

— А это кто с вами? — спросил Белов.

— Перебежчик из второго полка. Присоединился к нам, когда мы были уже на обратном пути.

— Как вы пробрались? — спросил Белов у перебежчика.

— Дворами. По улице не пройти.

— Зачем?

— А что там делать? Офицеры уже нацепили погоны. За мордобоем дело не станет.

— Вы коммунист?

— Нет. Коммунистов там поубивали.

— Кого?

— Да всех, кого захватили. И Войтинцева, и Фигельского, и Шумилова... Человек пятнадцать всего... Остальных я не знаю.

Несколько секунд Иван Панфилович колебался.

— А эсеры... левые эсеры,— сказал он, запинаясь.— Там есть?

— Как не быть! Есть и эсеры. А левые они или какие, кто ж там разберет.

— Их что, тоже убили?

— Ну кто их будет убивать! Шамсутдинов, ну тот, что из старого города, привел отряд, небольшой, правда, человек около ста, сейчас охраняет казармы второго полка. Чуть-чуть меня не застукал, собака. Еле увернулся от него. Комиссар земледелия Лавенков,— он у нас как-то еще на митинге выступал, за Советскую власть распинался,— так тот и вовсе повел отряд к Дому свободы, выбивать оттуда большевиков. Да я многих-то и не знаю... Да, вот еще: Успенский...

— Заместитель председателя ТуркЦИКа?

— Он самый... Тот, правда, вроде как бы арестован, но ходит свободно.

— А ты не ошибся? — внезапно охрипшим голосом спросил Белов.— Может быть, это не Успенский? Может, кто-нибудь другой?

— Ну как это ошибся,— обиделся перебежчик.— Да я его, почитай, раз двадцать видел, и даже вполне близко; невысокий такой, лицо круглое, и пенсне...

Давно ушли Прудников с перебежчиком, а Иван Панфилович все стоял у окна, вглядываясь в предрассветные сумерки. На душе у него было муторно. «Что же это такое? — в который раз задавал он себе вопрос. Ну, Осипов был понятен... Чего иного было ждать от этого авантюриста?! Можно сбросить со счетов и Лавенкова, хотя он и член правительства. Мало ли их, затаившихся гадов. Но Успенский, член Президиума Центрального Комитета! Как же это так? Только вчера на открытии съезда левых эсеров он выступал с обстоятельной речью... Но тут мысль его сделала скачок. А что, если чемодан этот с двойным дном? Что, если все подготовлено заранее? На восемнадцатое созывается съезд туркестанских левых эсеров, все руководители в сборе, а в ночь на девятнадцатое начинается мятеж. Разве не могли «они» втихомолку сговориться с Осиповым? Ведь на кого-нибудь он рассчитывал опереться?»

Белов поймал себя на мысли, что думает о левых эсерах как-то отстраненно, словно о посторонней для него организации. Не раз уже такое с ним бывало, особенно после эсеровского мятежа в Москве. И хотя тогда руководители туркестанских левых эсеров отмежевались от своего центрального комитета, у Белова затаилось недоверие к ним.

В кабинет несколько раз осторожно заглядывал адъютант и тихонько закрывал за собою дверь. А Белов все думал и думал.

— Ян,— вполголоса окликнул адъютанта Иван Панфилович, когда тот вновь заглянул к нему:— Так что же это такое, Ян?

— Это есть контрреволюция.

Белов в досаде махнул рукой:

— Это я и сам понимаю, каменный ты мой адъютант.

Тот не успел решить, обидеться ему или не обратить

внимания, как в дверях вырос дежурный по штабу и доложил:

— Там у ворот крепости какие-то в автомобиле, четверо. Спрашивают вас.

На секунду Белов задумался: кто это пожаловал?

— Машину с шофером оставьте за воротами. Приставьте к ней караул, двоих с винтовками. Остальных попросите сюда.

Иван Панфилович встал, одернул гимнастерку и стоял так, невысокий, плотный, словно врос в пол, не спуская взгляда с двери. Адъютант хотел было выйти. Белов жестом остановил его: быть здесь.

Они вошли, молодцеватые, подтянутые, в шинелях, сшитых на заказ, и в папахах серого каракуля,— явно бывшие офицеры.

— Мы делегация от Временного комитета,— заявил первый из вошедших, высокий, с испитым лицом и припухшими веками. Он замолчал и выразительно посмотрел на адъютанта.

— Здесь посторонних нет,— отозвался Белов.— Говорите. Что за Временный комитет? Кто его возглавляет?

— Осипов.

— Так. Дальше.

— Мы надеемся, что вы, как человек интеллигентный...

— Не надейтесь, я мужик,— сказал, как уронил на пол пудовую гирю, Иван Панфилович. Высокий на минуту смутился, но быстро справился.

— Мы свергли власть кучки узурпаторов. В наших руках весь Ташкент...

— Если так, то зачем вы здесь?

— Мы не против Советов, но мы хотим, чтобы они были избраны свободным трудовым народом,— продолжал высокий, не отвечая на вопрос Белова.— И мы вправе рассчитывать, что вы, как левый эсер...

Лицо у Ивана Панфиловича потемнело от сдерживаемого бешенства. Он сжал край стола так, что побелели концы пальцев.

— У нас от Осипова к вам письмо.

Непослушными руками Белов разорвал конверт, вынул крупно, вкривь и вкось исписанный листок бумаги. «Пьяный, не пьяный, а в порядочном градусе писал»,— подумал он об авторе. В письме было сказано:

«Дорогой Иван Панфилович!

Во имя общего дела, свободного волеизъявления народов Туркестана забудем наши, право же, незначительные разногласия. Думаю, что и тебе достаточно осточертели диктаторские замашки всех этих Войтинцевых, Фигельских, Шумиловых и прочей сволочи, думающих не о благе народа, а о собственном благополучии. Объединим же свои силы для общей цели — свержения ненавистного большевистского владычества. Твое место в нашем Временном комитете, а позднее и в правительстве ждет тебя.

Сейчас только твоя крепость еще занимает неясную позицию. Главные железнодорожные мастерские, 4-й Туркестанский полк, Оренбургская школа военных инструкторов, 1-е Туркестанские курсы, возглавляемые генералом Востросаблиным, и многие другие перешли на нашу сторону. Даже сарты[1] в старом городе поголовно вооружились и ведут наступление против большевиков.

Если же ты почему-либо не сможешь присоединиться к нам, то сделай так, чтобы крепость хотя бы сохранила нейтралитет.

Обнимаю тебя и жду здесь в штабе.

Председатель Временного комитета
и командующий войсками Туркестана Осипов».

Иван Панфилович с силой опустил на стол руку с посланием. В кабинете напряженно молчали. Он взглядом подозвал адъютанта, сказал негромко.

— Соберите в столовой гарнизон свободных от наряда и обязательно коммунистов. Если кто в наряде — подмените...— И дежурному: — Вызовите сюда караул.— А когда четверо красноармейцев с примкнутыми штыками, тяжело топая, появились в дверях, он сказал парламентерам: — Располагайтесь здесь, господа.

— Это что же, арест? — спросил вдруг осевшим голосом высокий.

— Нет, мера предосторожности, чтобы и с вами не случилось того, что с членами правительства у вас в штабе второго полка,— сказал Белов и вышел с непроницаемым, словно окаменевшим лицом.

В столовой было людно. Столы были сдвинуты, поставлены к стенке, один на другой. В образовавшееся про-

[1] Сарты — шовинистическое наименование узбеков.

странство плотно, плечом к плечу, грудь к груди набились красноармейцы и командиры. Кое-кто сидел на подоконниках. А предприимчивый наводчик Чалый, насмешливый украинец, любимец всей артиллерийской роты, ухитрился взгромоздиться на штабель столов и с высоты этого шаткого сооружения, покуривая в рукав, бросал язвительные реплики. Все уже были осведомлены о событиях в городе, о расстреле комиссаров, о письме Осипова, и каждый спешил высказать свое мнение, поделиться соображениями.

Еще издали услышал Иван Панфилович этот шум, и ему пришло на ум, что столовая напоминает растревоженный улей. При его появлении разговоры стихли. Он с тем же неподвижным, словно окаменевшим лицом подошел по проходу, при виде его образовавшемуся в толпе, к единственному столику, оставленному, очевидно, только потому, что «так принято», сказал буднично:

— Ну что ж, поговорим, товарищи... Вы знаете, что военный комиссар Туркестана Осипов поднял мятеж против нашей законно избранной власти. Он объявил военную диктатуру и уже расстрелял многих членов правительства. А теперь послушайте, что он пишет. Письмо адресовано мне, но касается оно всех нас.— Белов зачитал письмо Осипова и продолжал: — Думаю, что не все в нем правда. Особенно относительно сил, присоединившихся к мятежникам. Привирает новоявленный диктатор. Иначе незачем было бы ему просить крепость о нейтралитете. Неизвестно также, как отнесутся к мятежу наши войска на Закаспийском, Ферганском и Актюбинском фронтах. Ташкент — это еще не весь Туркестан. Но положение исключительно серьезное. И у нас не все благополучно. Кому-то понадобилось открыть парадный вход в казармы как раз в то время, когда явно враждебная вооруженная толпа подступала к крепости. Мы рассеяли ее, но поручиться нельзя, что попытка предательства не повторится... Так что же мы ответим Осипову?

В наступившей тишине послышался сверху голос Чалого:

— Эх, кабы той котюга Осипов да не слизнул у нас батарею на Госпитальной, дали бы ему гарбуза хорошего...

Вихрастый подросток, с лицом, густо усыпанным веснушками, приподнявшись на цыпочки, ломающимся голосом задорно крикнул:

— А теперь что же, нельзя?

— Ни, чому не можно... Тильки сумнуюсь я, Михаська, як бы ты в штаны не напустил...

Никто даже не улыбнулся. Чалый почувствовал, что пошутил не вовремя, вжал голову в плечи и затянулся из рукава цигаркой.

— Что же мы ответим Осипову, товарищи? — снова негромко, но отчетливо спросил Белов.

И тут прорвалось:

— Да чтоб тому гаду сдать крепость?!

— Ишь чего захотел! Мы, значит, сиди сложа руки, а он тем временем будет расстреливать нашу власть!..

— К чертовой матери разговоры! Бить белых гадов!..

К столу протискался командир крепостной роты, худощавый, смуглый, с небольшими, аккуратно подстриженными усиками. Он весь дергался от еле сдерживаемого бешенства.

— Мы не боялись генерала Коровниченко,— сказал он,— когда тот по приказу Керенского пожаловал с карательной экспедицией в семнадцатом году сюда к нам, в Ташкент. А ведь тогда мы были куда слабее. Не побоимся и Осипова. Наша крепость всегда была опорой Советской власти. Такой будет и впредь. И пусть там, в штабе второго полка, не тешат себя надеждой. Здесь предателей нет. А если какой и найдется, мы сами расправимся с ним, как с бешеной собакой...

Его голос потонул в гуле выкриков:

— Правильно!.. Правильно!..

— Бей гадов!..

— К стенке!..

А когда шум поутих, у стола уже стоял адъютант коменданта Ян Веверс.

— Коммунисты крепости,— твердо, словно чеканя слова и на этот раз почти без акцента, сказал он,— предлагают заявить: мы, красноармейцы и командиры, не потерпим никаких диктаторов и до последней капля крови будем защищать наш крепость.

Проголосовали дружно и стали расходиться по местам. Предстояла тревожная ночь и, может быть, не одна.

Ян Веверс слегка задержался и отстал от коменданта. Его нагнал начальник учебной команды Шишарин.

— Закурим? — предложил он.— У меня отличные папиросы.

— Спасибо. Не хочу.

Шишарин суетливо закурил сам и, пахнув дымком, сказал:

— Коммунисты правильно сказали относительно диктатора...

Веверс молчал.

— Только видите ли, Ян...— перешел Шишарин на доверительный полушепот.— Я ничего плохого не хочу сказать, но, знаете ли... Такое время, приходится присматриваться к каждому.

— Приходится,— односложно обронил Веверс.

— Вот, вот,— обрадовался Шишарин,— и я это говорю. Иван Панфилович прекрасный человек, но ведь он все-таки левый эсер. Да и письмо Осипов прислал именно к нему, личное. Вы обратили на это внимание?

— Обратил.

— Всякое может быть. Осипов не зря, видимо, предлагает ему место в военном комитете и в правительстве. Значит, на что-нибудь...

Веверс вдруг круто повернулся и быстро пошел к штабу крепости, оставив изумленного Шишарина, так и не успевшего закончить фразы.

У входа в кабинет коменданта он столкнулся с выходившими оттуда парламентерами и услыхал фразу, брошенную им вслед Беловым:

— Можете так и передать вашему Осипову!..

Иван Панфилович стоял посредине кабинета с багровыми пятнами на щеках и тяжело дышал. Он боролся с искушением задержать этих посланцев новоиспеченного диктатора и тут же у крепостной стены их расстрелять.

— Ян,— сказал он, справившись с собой,— проводите с караулом «этих» за ворота, чтобы с ними ничего не случилось. Понимаете?..— И, резко отвернувшись, подошел к окну.

Когда Веверс вернулся в кабинет, Иван Панфилович все еще стоял у окна, вглядывался в предрассветную муть и думал о том, какие же все-таки воинские части в городе остались верны Советской власти. Как бывший начальник гарнизона — его освободили от этой должности месяц назад по требованию Осипова,— он хорошо знал их численность, вооружение, командный состав, моральное состояние, теперь пытался представить себе, как они отзовутся на мятеж. Конечно, за этот месяц Осипов мог там многое изменить, но все же... И еще он думал о том, долетела ли

весть о мятеже до фронтовых войск и как на нее отозвались? За Ферганский фронт он был спокоен. Там сейчас находился председатель крайкома Компартии Солькин, да и командующий фронтом не из тех, кто способен на авантюры. За Актюбинский фронт тоже можно было не волноваться. Наступательные бои, которые там начались несколько дней назад, не дадут мятежникам возможности двинуть на Ташкент сколько-нибудь значительную воинскую часть. К тому же главком Туркестана Зиновьев[1], руководивший операцией, не даст спровоцировать какое-либо антисоветское выступление. Командный состав там тоже надежный. Скорее всего, они пришли бы на помощь Советам. А вот с Закаспием неясно. Недели три назад Колузаев неожиданно снял с фронта свой отряд под предлогом необходимости обмундироваться и привел его в Ташкент. Говорили, что сделал он это самовольно. А так ли на самом деле? Ведь за такие вещи обычно расстреливают. Однако Колузаеву это сошло с рук. Да и насколько ему можно верить? Что из того, что этот бывший фельдфебель 1-го Сибирского полка — левый эсер? Лавенков и Шамсутдинов тоже эсеры, однако это не помешало им орудовать вместе с Осиповым. Да и сам Успенский вызывает сомнения. Белов не желает ему зла, но почему в штабе 2-го полка с ним так предупредительны? На все это у Ивана Панфиловича ответа не было. Но один вопрос тревожил больше всего: только ли крепость не сдалась мятежникам? А как же Главные мастерские, железнодорожники? Ведь там же Красная гвардия, которую Осипову не позволили расформировать...

Он отошел от окна и устало опустился на стул.

— Выпроводили их, Ян?

— Да, Иван Панфилович.

— Без происшествий?

Адъютант чуть усмехнулся:

— В крепости есть дисциплина.

Да, дисциплина в крепости, несмотря на срывы, все же чувствовалась. Это Белов и сам знал.

---

[1] Зиновьев Георгий Васильевич — большевик, главком Туркестана, командующий войсками Оренбургского фронта, командарм Туркестанской армии Южной группы Восточного фронта, начальник Военно-инженерной академии Красной Армии. Умер в 1934 году.

— А как вы думаете, Ян, если бы мы послали в штаб Осипова своих парламентеров, вернулись бы они оттуда?

— Нет.

— Пожалуй, вы правы... А знаете — почему? Сил у них маловато, уверенности нет, вот и торопятся. Да будь у них...

Иван Панфилович внезапно смолк, прислушиваясь.

Издалека, раздирая предрассветную тишину, донесся низкий, густой, прерывистый гудок, словно кто-то, огромный и мощный, взывал о помощи.

Иван Панфилович и Веверс переглянулись и в один голос воскликнули, еще не веря себе:

— Главные мастерские!

Адъютант осторожно заметил:

— Может, это Бородинские?

Но Иван Панфилович отмахнулся:

— Подите вы... Бородинские! Да у них и гудка-то настоящего нет. Так, вроде паровозного. Нет, это Главные.

А гудок, низкий, густой, все ревел и ревел, наполняя тревогою город.

— У них там артиллерия есть? — вдруг спросил Веверс.

— Да, две батареи, не считая мортир. Не знаю только, как у них обстоит со снарядами... Вы к чему это? — покосился Белов на адъютанта.

Тот мечтательно смотрел куда-то поверх головы коменданта крепости и усмехался:

— Я думайт, Осипов ошень неудачно располагайт свой штаб.

— А-а! Ну, об этом говорить еще преждевременно.— Иван Панфилович некоторое время сосредоточенно молчал.— Связь бы наладить с ними,— сказал он в раздумье. Да и не все можно сказать по телефону. Послать кого-нибудь? Перехватят... А что-то сделать все-таки надо.

Иван Панфилович встал и заходил по кабинету, бормоча под нос:

— Солдата послать? Чепуха... Переодеть? Тоже сомнительно. Интеллигентом не переоденешь, не во что. Да и кто их знает, какие там у них порядки...

— А если Мишку?

— Какого Мишку?

— Водовозова, из крепостной роты.

Иван Панфилович задумался.

Подростка лет четырнадцати Мишку Водовозова прои-

лой весной обнаружил возле кухни командир крепостной роты. Паренек спал, свернувшись калачиком, в углу за пристройкой прямо на земле. Был он истощенный — только кожа да кости, в лохмотьях и невероятно грязный. Оказалось, он уже не первый день появляется у кухни к обеду. Повара из сострадания подкармливали его. Каким образом он проникал в крепость — никто не знал. Из расспросов выяснилось, что он круглый сирота. Отец с матерью умерли от тифа полгода назад. Родных у него не было. Предоставленный самому себе, он жил как придется: днем слонялся по базарам, а на ночь забивался в какой-нибудь угол.

В роте его обмыли, приодели, рассчитывая передать в какое-нибудь детское учреждение, да так за суетой и забыли. Миша прижился в крепости и вскоре стал общим любимцем.

Все это было известно и Ивану Панфиловичу, когда он думал о предложении Веверса.

— Нет,— сказал он не очень решительно.— Погубим мальчишку. Ведь ему придется дать письмо. На словах ему в Главных мастерских не поверят. А если его схватят мятежники и найдут письмо,— заколебался Белов,— хотя он местный, к тому же беспризорничал...

— Вы поговорите с ним,— предложил адьютант.

Через несколько минут Миша Водовозов был в кабинете командира крепости.

— Явился по вашему приказанию,— бойко отчеканил Мишка и сверкнул плутоватыми глазами.

— Садись,— сказал Иван Панфилович, все еще не решив, поручать ли такое ответственное дело подростку,— поговорить надо. Гудок слыхал?

— Это в Главных мастерских-то?

— А тебе откуда известно, что в Главных?

Мишка пренебрежительно дернул плечом, словно хотел сказать: кому же такой пустяк не известен?

— Да в роте у нас все это знают.

Иван Панфилович пожевал губами.

— Так вот, Миша, надо туда, в Главные мастерские, доставить письмо.

— Могу.

— Не торопись... Письмо очень важное. Попадешься в руки осиповцев — живым не выберешься. А не попасться очень трудно. В городе по улицам патрули.

— А зачем идти улицами? Можно садами. Теперь зима, кто их караулит.

— Тебя заметят, как только выйдешь из ворот крепости. Прудников пробовал...

— Нет, из ворот нельзя. Надо через стену, за конюшнями. Там ни одной собаки не встретишь. Веревку только, и все...

Иван Панфилович подозрительно посмотрел на Мишку.

— Ты этим путем уже пользовался... раньше, когда в крепость проникал?

— Приходилось...— сказал Мишка и потупился.

«А ведь такой и впрямь сможет пройти»,— невольно подумал Иван Панфилович.— Ишь ты, в крепости нашел слабое место. Надо будет там установить дополнительный пост».

Он подсел к столу, написал письмо, запечатал его. Придирчиво осмотрел одежду Мишки и остался доволен. Ничего на нем не было подчеркнуто военного: сапоги, шапка-ушанка, вот разве что ватник... Впрочем, эти ватники в городе не редкость.

— Вот что, Миша: пакет этот первому встречному не давай. Там тоже разные люди. Предать могут.

— Да вы не тревожьтесь, Иван Панфилович, я там многих знаю: командира Красной гвардии, командира партийной дружины, Ивана Матвеевича.

— Это какого, Парамонова?

— Его самого.

Белов подумал, что здесь они ничего не решат. Приходилось полагаться на Мишкину сметливость.

— Ну что ж, иди, Мишутка,— сказал он и приказал адъютанту помочь пареньку перебраться через стену, так чтобы в крепости об этом ни одна душа не знала.

Солнечный луч, прорвавшись сквозь облака, ударил в окно, заиграл на стекле, скользнул в комнату и пощекотал лицо спавшего за столом человека.

Иван Панфилович чихнул и проснулся. С минуту он тупо смотрел перед собой, силясь вспомнить, что произошло и почему он заснул у себя в кабинете. Затем он подошел к окну и распахнул его. В комнату со свежим морозным воздухом ворвался яростный колокольный звон. Трезвонили, как на пасху, во все колокола, и в ближайшей

церкви и в тех, что подальше, а издали доносился малиновый перезвон собора.

«Воскресенье сегодня и крещенье, воду святят»,— отметил в уме Иван Панфилович. Но нет, это не был обычный воскресный звон. Уж очень радостно заливались колокола!

Вошел адъютант и тоже встал у окна.

— Хоронят нас, Ян, торопятся...— сказал Иван Панфилович.— Ишь, взыгрались долгогривые.

— Дурной примета.

— Да, похоже, что город в руках у мятежников.

А колокола заливались, ликовали, захлебывались, бухали, гудели, рассыпались мелкой трелью, будто и впрямь рухнули какие-то преграды, и радость, злорадная, торжествующая, годами скрывавшаяся в тайниках души, вдруг выплеснулась и растеклась по городу.

Иван Панфилович захлопнул окно и отвернулся.

Вошел дежурный и доложил, что у ворот крепости какой-то вооруженный отряд просит впустить.

— Что за отряд?

— Из старого города.

— Впустите начальника. Остальных держите под прицелом.

Минут через десять послышались шаги и в кабинет вошел невысокий круглолицый узбек, с усами, переходившими в небольшую бородку, чуть тронутую сединой. Одет он был в халат, подпоясанный ремнем, на котором слева висели две бутылочные гранаты, а справа кобура с наганом. Порывистый, подвижный, с темными поблескивающими глазами, он выглядел значительно моложе своих шестидесяти лет.

— Ачил! — воскликнул, поднимаясь ему навстречу, Белов.— Какими судьбами?!

— Судьбы людей еще до рождения предопределены и записаны аллахом в книгу жизни, как говаривал наш учитель в медресе[1],— отозвался тот, посмеиваясь.— А сейчас я просто из старого города с отрядом. Там у нас в Иски-Джува[2] народ поговорил и решил, что нехорошо оставлять

---

[1] Медресе — мусульманское духовное училище.

[2] Иски-Джува — район в старом Ташкенте, был заселен рабочими-строителями и ремесленниками.

Советскую власть в беде. Ну, здравствуй, Иван Панфилович! Принимай гостей...

Они обнялись.

— Что же ты сразу не сказал там, у ворот?

— Да мы не одни... По дороге встретили отряд осиповцев. Жаль было упускать. Без надзора они еще глупостей наделают. Ну, пришлось убедить их, что оружием играть не следует. Они было не согласились, но гранаты в наших руках рассеяли их заблуждение.

— Раненые есть?

— Нет, обошлось так.

— Что же мы держим ваш отряд у ворот! Ян, распорядитесь впустить. А этих, что они разоружили, заприте понадежней и приставьте караул. Пусть немного остынут.

Веверс вышел.

Ачила Бабаджанова хорошо знали в старом городе. Активный участник восстания шестнадцатого года, он, будучи по профессии каменщиком, пользовался заслуженным авторитетом среди узбеков рабочих-строителей.

— Рассказывай, Ачил, что видел, что делается в городе,— сказал Белов.

— Дела невеселые. В центре мы не были. Сам понимаешь, с нашим отрядом туда показываться нельзя. Шли окраиной. Наша старогородская партийная дружина сунулась было, кончилось это плохо. Но сын говорил...— он с отрядом конной милиции побывал в центре,— так вот он говорил, что от Главных мастерских мятежники еле унесли ноги, так их там встретили. Не повезло им и у казарм военного училища. Там — Востросаблин. Он хотя и старый генерал, но человек верный...

— Ну, а город как?

— Город в руках Осипова. Слыхал колокольный звон? По улицам народ в шляпах, в котелках, как до революции... Бой был только у Дома свободы. Но наших оттуда выбили.

Да, нерадостные вести...

Ачил Бабаджанов ушел посмотреть, как устроился его отряд, а Иван Панфилович остался у себя, в который уже раз думая: что сталось с Мишей Водовозовым? Сумел ли шустрый парнишка добраться до Главных мастерских? А если добрался, в надежные ли руки передал письмо? Ведь там тоже народ всякий.

3

Холодный январский ветер свистел в промерзших улицах города, гнал по земле снежную крупу, наметал ее в застывшие колеи дорог, порошил в глаза озябшим людям, мчался мимо путаницы рельсовых путей, стрелок, крестовин и, ударившись в закрытые наглухо ворота Главных мастерских, затихал.

У ворот группа вооруженных рабочих внимательно посматривала вперед и по сторонам.

Вчера, часов около десяти вечера, отряд мятежников пытался захватить мастерские, но был рассеян красногвардейцами. А минут через пятнадцать после этого у ворот оказался председатель совета мастерских Агапов. Ему рассказали о происшествии. «Чепуха»,— возразил он.— Пьяную крещенскую братию приняли за мятежников». Он ушел, посоветовав рабочим идти спать.

Но от заводских ворот никто из красногвардейцев не ушел. Уже несколько дней в городе носились слухи о готовящемся контрреволюционном мятеже. А утром стало известно об аресте в казармах 2-го Сибирского полка народных комиссаров, и тогда с полчаса не смолкал тревожный, прерывистый гудок, сзывая защитников Советской власти.

Рахметбек Ходжаев неторопливо подошел к проходной будке, задержался на минуту, перебросившись несколькими фразами с караулом, и прошел во двор Главных мастерских.

Здесь было как в осажденной крепости. У оружейного склада раздавали винтовки прибывающим рабочим. Из патронного — несли цинки[1]. В глубине вооруженные люди строились повзводно и поротно. Орудийные расчеты копали укрытия для снарядов. На подъездных путях импровизировали бронелетучку — сооружение, уже хорошо зарекомендовавшее себя в прежних боях,— на железнодорожной платформе устанавливали орудие, пулеметы, а по бокам «бронировали» ее тюками прессованного хлопка. Среди всего этого многолюдья особенно выделялась небольшая воинская часть. Это были слушатели курсов военных инструкторов. Многие из них, будучи в ночь

---

[1] Цинки — металлические ящики с патронами.

мятежа в городском отпуске, заслышав тревогу, не смогли попасть к себе в крепость и явились в Главные железнодорожные мастерские. Получив оружие, они построились и, заняв свободное место, в стороне от движения, составили винтовки с примкнутыми штыками в пирамиды.

Командовал ими невысокий худощавый старичок, слегка прихрамывавший.

«Востросаблин,— отметил в уме Рахметбек Ходжаев.— Ай-ай-ай, генерал-лейтенант, а с ними! Как же это его Осипов просмотрел? Неосмотрительно, неосмотрительно...» — Но мысль эта скользнула и погасла, не затронув, не взволновав. Что ему до схватки этих двух лагерей! У него свой путь и свои цели.

Побродив по заводскому двору, потолкавшись среди людей, Рахметбек направился в контору мастерских. Там, как в штабе крупного воинского соединения, по коридорам метались озабоченные люди, надрывно звенели телефоны, появлялись и исчезали вестовые...

Сквозь неплотно прикрытые двери кабинета председателя совета Главных мастерских Агапова (прежде это был кабинет директора) доносились возбужденные голоса. Рахметбек заглянул в кабинет и быстро прикрыл дверь: там шло заседание временного Реввоенсовета.

Его избрали тут же в мастерских, как только стало известно об аресте членов правительства. Он не был однороден по своему составу. Исторически сложилось так, что в Туркестане наряду с коммунистами в правительство входили и левые эсеры, имевшие свою крупную организацию. Это обстоятельство и отразилось при формировании временного Реввоенсовета. В нем не было единодушия, особенно на этом заседании, длившемся уже несколько часов. Спор разгорелся по вопросу о времени выступления против мятежников.

Левый эсер Колузаев, назначенный командующим войсками, несколько раз брал слово, чтобы доказать преждевременность выступления.

— Мы не можем нарушить свое слово,— говорил Колузаев, рассекая воздух кулаком.— Мы предъявили Осипову ультиматум. Здесь были его представители, и мы потребовали, чтобы он прекратил мятеж...

— Так он тебя и послушается,— сказал Казаков, бывший народный комиссар по продовольствию, один из немногих руководящих работников, избежавших ареста

мятежниками. Он с трудом сдерживался, чтобы не оборвать этого демагога.

— Вы забываете, Аристарх Андреевич, что в казармах второго полка в руках у Осипова наши товарищи...— сказал Колузаев.

Кто-то из дальнего угла сказал негромко, но так, что услыхали все:

— Ну, положим, о ваших товарищах там что-то не слышно.

Колузаев побагровел, на лбу у него вздулись вены.

— Я протестую!— закричал он.— Доподлинно известно, что товарищ Успенский тоже арестован. И я спрашиваю вас: имеем ли мы право рисковать жизнью своих товарищей? Ведь если мы не выдержим срока ультиматума, это даст Осипову повод их уничтожить.

В зале стало тихо. В казармах 2-го Сибирского полка находились в заключении близкие люди, с которыми многие сроднились еще в подполье или во время подготовки Октябрьского восстания, люди, с которыми они создавали первые Советы, боролись с контрреволюцией. И невольно возникали сомнения: а что, если Колузаев прав? Что, если они своим преждевременным выступлением поставят под угрозу жизнь этих людей?

Встал Николай Андреевич Дрожжин, круглолицый, лет тридцати, в солдатской гимнастерке и в хорошем демисезонном пальто, накинутом на плечи. Ворот у гимнастерки с нарочитой небрежностью был расстегнут на две пуговицы, придавая Дрожжину вид доброго малого. Опытный оратор, подкупающий слушателей не столько смыслом речей, сколько звонкой фразой, он быстро выдвинулся, одно время даже возглавлял правительство, но вскоре оказалось, что это ему не по плечу. Отстраненный от руководства, он примкнул к группе «старых коммунистов», состоявшей из таких же обиженных, пытавшихся любыми средствами вернуться на прежние посты, но, столкнувшись с решением партийного съезда, резко осудившим группу «старых коммунистов», затаился.

Странные противоречивые чувства испытывал Дрожжин, окидывая взглядом членов временного Реввоенсовета. Он отчетливо понимал всю опасность мятежа, тревожился за судьбу арестованных Осиповым товарищей, но где-то в сокровенной глубине души его таилась мыслишка, что всего этого могло и не быть, находись он в руко-

водстве. И эта мыслишка как-то случайно, помимо его воли, прорвалась:

— Теперь поздно судить, кто и насколько виноват в происшедшем, хотя Председатель Совнаркома товарищ Фигельский и Председатель ТуркЦИКа товарищ Войтинцев, находясь вместе с Осиповым в Верховной военной коллегии республики, казалось, должны были бы лучше знать, чем был занят этот прохвост...— сказал Дрожжин и вдруг запнулся, услыхав ехидное замечание Агапова:

— А что тут, собственно, разбираться? Все трое в одной партии состоят.

Кругом зашумели, послышались негодующие восклицания. Казаков с силой опустил кулак на стол.

— Довольно демагогии! Мы здесь уже с утра толчем воду в ступе... И я не понимаю, почему на заседании Реввоенсовета присутствует Агапов?

— Меня избрал рабочий класс, товарищ Казаков. Вам пора бы знать...

— Что рабочие имели неосторожность избрать вас председателем совета Главных мастерских, мне хорошо известно, но никто вас не избирал в Реввоенсовет. Думаю, что вам лучше оставить нас одних...

— Большевистская демократия,— сказал Агапов, направляясь к двери.

— Какая она, эта самая демократия, у меньшевиков, мы нагляделись,— отозвался Иван Матвеевич Парамонов, сверкнув глазами из-под насупленных бровей.— Ну вот что, пора кончать болтовню. И нечего упрекать наших товарищей, которых, может, и в живых уже нет, что они просмотрели Осипова. Этим, товарищ Дрожжин, делу не поможешь. Не только они проглядели. Вот, например, Колузаев в одной квартире живет с Осиповым, а ведь тоже ничего не заметил.

— Я протестую против грязных намеков,— вскочил с места Колузаев.

— Заладила сорока Якова одно про всякого. Протестую, протестую... Воевать надо, а не протестовать, и воевать немедля...

В коридоре послышалась возня.

— Да пусти, тебе говорят!— раздался высокий мальчишеский голос.— Так я тебе, дураку, и скажу! Не хватай, а то укушу!

Дверь с шумом распахнулась, и в кабинет влетел под-

росток в телогрейке и шапке-ушанке, съехавшей на ухо. За ним виднелся сконфуженный красногвардеец.

— Понаставили тут ахламонов...— С минуту паренек рыскал глазами по лицам присутствующих и, заметив Ивана Матвеевича, сел на пол и стал снимать сапог.

— Вот,— сказал он, подходя к Парамонову с сапогом в одной руке и с пакетом в другой.— От коменданта крепости товарища Белова. Целый день пробирался. Осиповцы, как бешеные собаки, рыскают по городу...

Парамонов разорвал конверт, прочел письмо вслух. Там было сказано:

«Дорогие товарищи!

Только по тревожному гудку мы догадались, что Главные мастерские не захвачены мятежниками. Иных сведений нет. Связь отсутствует.

Осипов присылал в крепость своих парламентеров, уговаривал нас хотя бы сохранить нейтралитет, но гарнизон отверг его домогательства.

Крепость верна своему долгу и будет защищать законно избранную власть против любых покушений.

Нам надо объединить свои действия. Информируйте нас о положении в городе и о мерах, которые предпринимаете для подавления мятежа. Со своей стороны полагаю, что атаковать мятежников надо немедленно, пока они еще не притащили с фронта какую-нибудь воинскую часть, а это, памятуя, что Осипов был военным комиссаром республики, не исключено.

Начинать надо, по-моему, с артиллерийского обстрела штаба мятежников — казарм 2-го Сибирского полка. Взять их под перекрестный огонь от Главных мастерских и из крепости. Это сразу внесет расстройство во все их планы, лишит уверенности. А это уже половина победы.

Думаю, что у вас маловато снарядов. Постарайтесь, при первой же возможности, наладить их транспортировку из крепости. В случае необходимости транспорт прикроем ружейно-пулеметным огнем.

Должен вам сообщить печальную весть, если она до вас еще не дошла. От перебежчика из 2-го полка стало известно, что наши товарищи, арестованные Осиповым, уничтожены. Среди них Войтинцев, Фигельский, Шумилов, всего человек около пятнадцати. Фамилии остальных не выяснены.

И. Белов».

— Ну вот тебе, Колузаев, и ответ от Осипова на ультиматум,— сказал Иван Матвеевич, передавая письмо Казакову.— Посмотри, Аристарх Андреевич, ты почерк Белова знаешь лучше. А то еще скажут, что письмо не от него.

— Как это не от него?— взметнулся Миша.— Мне сам Иван Панфилович его дал и писал при мне...

— Помолчи, малец. Тут дела выше твоего разума... Так как же, Аристарх Андреевич, Белов это писал или нет?

— Конечно, он,— подтвердил Казаков.

— Так может статься — все это провокация?

Послышались возгласы протеста.

— Нет, говорите? А вот мы это сейчас проверим,— сказал Иван Матвеевич.— Слушай-ка, малец, как тебя зовут? Мишей, говоришь? Ну, так вот, расскажи нам, что там в крепости происходит?

Миша Водовозов подробно и довольно связно рассказал о том, как был обнаружен открытый парадный ход в казармах учебной команды, о попытке мятежников захватить крепость и как адъютант Веверс подстрелил помощника начальника учебной команды, о прибытии парламентеров и о том, как их проводили.

— Откуда он все это знает?— не выдержал Колузаев.

— Ну вот еще!— дернул плечом Миша.— Да я же там живу, в роте...

Это было сказано так искренне, с детской непосредственностью, что не поверить было нельзя. Иван Матвеевич спрятал улыбку в усы.

— Вот что, Миша,— сказал он.— Ты погуляй там, в коридоре, а мы поговорим. Дело-то военное. Сам понимаешь, раз ты живешь в роте...

Дверь за Мишей закрылась.

— Думаю, что разногласия исчерпаны,— сказал Казаков.— Пора действовать. Может быть, товарищ Колузаев доложит нам план наступления?

Тот встал, кряжистый, широкоскулый, подстриженный коротко, по уставу «под ежик». Типичный фельдфебель-служака, царь и бог в своей роте, со скрытым пренебрежением посматривающий на молоденьких прапорщиков и подпоручиков — своих командиров.

Иван Матвеевич, наклонясь, что-то шепнул Казакову.

— Минутку,— сказал Аристарх Андреевич,— есть предложение пригласить сюда Востросаблина.

— Это еще зачем?— возразил Колузаев.— Авось и без царских генералов обойдемся.

— Этот, как ты говоришь, царский генерал не сдал белогвардейцам Кушку и так их шугнул от крепости, что они больше туда и носа не показывали,— отозвался Иван Матвеевич.— И сейчас привел свою школу сюда, отбив нападение осиповцев. Тебе, как командующему, надо бы знать это... Голосуй, Аристарх Андреевич.

Проголосовали. Большинство высказалось за приглашение. Послали за Востросаблиным.

Он пришел, невысокий, сухонький старичок, с порога привычно козырнул, чуть прихрамывая, прошел в глубь кабинета и скромно сел в сторонке.

Докладывал Колузаев. Он предложил из имеющихся в Главных мастерских людей сформировать четыре полка. И этими полками атаковать штаб мятежников. Он говорил веско, убедительно, сам любуясь округленностью своих фраз, и вдруг смолк на полуфразе, словно с разбегу налетел на неожиданное препятствие.

— Словом, если я вас правильно понял,— послышался негромкий старческий голосок Востросаблина,— вы предпочитаете фронтальную лобовую атаку казарм второго полка. Все выгоды такого положения на стороне противника. Ведь он-то будет укрыт за стенами, а нам придется действовать на улицах, великолепно простреливаемых.

— Революционный порыв сметет любое сопротивление врага,— высокомерно бросил Колузаев.

— Не сомневаюсь, но это будет стоить многих излишних, никак не оправданных жертв... И потом мне хотелось бы кое-что уточнить. Первое. Как вы намерены соединиться с войсками крепости? И второе. Что предпринять для того, чтобы мятежники не смогли организованно отступить из города?

— А зачем нам соединяться с крепостью? Только лишняя трата сил. Мы одновременно нажмем на мятежников с двух сторон. И от них останется мокрое место.

— Погодите, погодите, товарищ Колузаев,— забеспокоился Казаков.— Как же будет с доставкой снарядов из крепости? У нас их действительно мало...

А деликатный старческий голосок Востросаблина въедливо продолжал:

— Раздавить мятежников — желание естественное. Но как вы намерены координировать свои действия и крепости при полном отсутствии связи?

Колузаев с ненавистью посмотрел на Востросаблина. На лбу у него выступил пот.

— Наша связь — революционное сознание пролетариата. Этого вам не понять.

Среди присутствующих пробежал шепоток недовольства. Можно ли так разговаривать с человеком, неоднократно делом доказавшим свою преданность Советской власти?

— Забываетесь, Колузаев,— жестко сказал Казаков.

Но ни один мускул не дрогнул на лице у Востросаблина. Только старческие глаза его, чуть потускневшие от времени, заблестели.

— Вы правы, товарищ Колузаев,— сказал он.— Мне действительно многое непонятно из того, что происходит теперь. Но я без труда отличу грамотную военную операцию от авантюры.— И, обращаясь к членам Реввоенсовета, он добавил:— Если мне будет позволено высказать свое мнение, думаю, что план этот следует уточнить. Так, например: незачем создавать четыре полка с весьма неопределенными задачами. Да и не полки это вовсе. Полк понятие определенное. Правильнее будет назвать эти подразделения группами. Таких групп, на мой взгляд, потребуется три... Нет ли у вас хорошего плана города?

— Да зачем план?

— Что, мы своего города не знаем?— послышались голоса.

— Для наглядности,— сказал Востросаблин.— Город и я неплохо знаю.

Колузаев не утерпел, съехидничал:

— Словом, как в генеральном штабе: планы, карты...

— А что,— сказал Востросаблин,— неплохое, между прочим, учреждение, если там находятся люди, знающие свое дело. Без штабов в современных условиях воевать нельзя. Помнится, когда большевики брали власть в Петрограде, у них тоже был свой штаб, только он как-то иначе назывался... Так, значит, нет плана?.. Правда, у меня есть, но схематический, так сказать, бытовой.

Он вынул из внутреннего кармана кителя старенький, аккуратно подклеенный на изгибах план, расстелил его на столе. Вокруг него сгрудились члены Реввоенсовета.

Только Колузаев остался сидеть на месте, иронически поглядывая на остальных.

— Вот как мне представляется вся операция,— сказал Востросаблин, водя пальцем по плану.— Одна группа занимает левый фланг, от Тезиковой дачи, по улицам Госпитальной, Константинопольской, Духовской, до Куклейской включительно. Она и начинает военные действия. В задачу ее входит выбить оттуда мятежников и обходным движением соединиться с крепостью.

— А казармы второго полка?— спросил Казаков.

— Пока не трогать. Пусть там думают, что бои на левом фланге — отвлекающий маневр... Далее. Вторая группа занимает правый фланг от Куклейской, Кауфманской, Ассакинской, с выходом на Пушкинскую. Часть этой группы должна прочно оседлать Чимкентский тракт и не дать мятежникам отступить к старому городу. Между правым и левым флангом находится группа центрального участка. Ее задача — очистить город и занять казармы второго полка.

Иван Матвеевич наклонился к Казакову.

— Каков старик, Аристарх Андреевич, а!— прошептал он.— Вот кого надо бы начальником штаба Туркестана.

Казаков одобрительно кивнул.

Взбешенный, вернулся Колузаев к себе в кабинет, с силой захлопнул дверь и с размаху опустился в кресло. Все летело в тартарары. Рушился план, который он обдумывал вот уже больше месяца. И все из-за этого старого черта Востросаблина. Въедливый старикашка, вредный. Хорошо еще, что члены Реввоенсовета не все поняли из его намеков. Но план все-таки сорвался. Только и удалось впихнуть своего человека командиром центральной группы. Наиболее важными — лево- и правофланговыми — командуют коммунисты.

Он подошел к окну. Во дворе быстро выстраивались красногвардейские и красноармейские части и, не задерживаясь, уходили в город. Бронелетучка была закончена и стояла «под парами».

«Зашевелились, дьяволы, обрадовались...»

Весь день сегодня он только и делал, что оттягивал выступление советских войск против мятежников, сначала

под предлогом, что еще не все собрались, затем затеяли канитель с выборами Реввоенсовета, с переговорами. За это время он успел послать несколько записок Осипову. В них за фразами о прекращении мятежа можно было без труда прочитать, что происходит в Главных мастерских. Но Осипов что-то медлил. Захватил город, устроил колокольный звон и запнулся. Уж не ждет ли он, что ему Колузаев отсюда поможет? Помочь-то можно. У него еще есть вполне боеспособный отряд в семьсот штыков, который он привел с Закаспийского фронта. Конечно, прямо против большевиков их не подымешь. Придется маневрировать. А для чего? Осипов в своих воззваниях болтает о демократии, об учредительном собрании. Демократия демократией, учредилка учредилкой, но диктатором-то остается Осипов. Какая же роль, в случае победы мятежников, отводится ему, Колузаеву? Осипов об этом что-то помалкивает... Нет, торопиться не следует, а то как раз сядешь голым задом на горячую плиту.

Заводской двор между тем освободился. Оставались только резервные части и артиллерийский расчет. Между ними метался Агапов, что-то говорил, в чем-то убеждал.

«И чего это он мельтешит?— с досадой думал Колузаев, наблюдая за Агаповым.— На пулю нарывается, идиот. Впрочем, черт с ним. Одним свидетелем будет меньше».

Прозвенел телефон. Со станции сообщали, что с Ферганского фронта идут эшелоны с войсками.

— Кто возглавляет?

— Председатель крайкома Солькин и заместитель командующего фронтом Коновалов.

— Так... Что еще?

— Идет также эшелон Чиликанова от станции Арысь...

— Это председатель Арысского исполкома, что ли?

— Он самый... Да, только что с телеграфа приняли депешу, что из Семиречья идут эшелоны. Они уже в Аулие-Ата.

— Ладно, сейчас приду.

Колузаев бросил трубку, с минуту постоял в раздумье. Вести были нерадостные. Если все эти войска прибудут в Ташкент, с Осиповым будет покончено. Он провел рукой по лицу, будто смахивая невесть откуда налетевшую осеннюю паутину, и поспешил на телеграф.

Там, ознакомившись с сообщениями промежуточных

станций, он продиктовал по телеграфу своим доверенным на Кауфманскую: задержать эшелоны, идущие с Ферганского фронта. Такие же приказания он отдал и в отношении эшелонов из Семиречья и со станции Арысь.

— Дайте ленту,— сказал Колузаев, когда приказания были переданы.

Телеграфист размотал с катушки бумажную ленту с передачей приказаний и подал Колузаеву. Тот скомкал ее и, засунув в карман, не торопясь вышел из телеграфа.

4

Ночь. Холодный ветер ошалело метался по темным улицам города, тряс оголенные ветви пирамидальных тополей, бился в плотно закрытые ставни домов, за которыми в дальних комнатах, в боковушках и подвалах притаились люди, с тревогой прислушиваясь к ружейно-пулеметной пальбе.

А по тротуару опустевшей, точно вымершей улицы, вглядываясь в темноту, двигался гуськом вооруженный отряд.

— Правее!— вполголоса сказал передний и повернул в какую-то щель.

Двое шедших за ним изредка переговаривались шепотком.

— Темень адова, того и гляди, либо в арык попадешь, либо нос расквасишь.

— А ты приглядывайся да ноги повыше подымай. Вот как только выйдем к мосту, тут и засядем. Надо его через переправы не пропустить.

— Как ты его не пропустишь, у него небось броневики.

— Ну и что ж, что броневики! И против броневика можно найти средство. Главное, не теряйся. Держи себя крепче. Страх ведь он только тогда власть над человеком имеет, когда ему волю дашь.

— А тебе не страшно, Иван Матвеевич?

— Почему не страшно? Страха не чувствует только чурбан. Я вот года три назад с воинским на занятый путь влетел. Шел я по «зеленой улице», вне всяких расписаний. А на пути товарный с балластом. Я за тормоз — ползет мой состав. Дал контрпар — ползет. До товарняка всего полтора рельса осталось. А сзади у меня два вагона взрывчатки... Так у меня шапка на голове поднялась.

Щель кончилась. Отряд пересек улицу и повернул в пролом какого-то дувала. Впереди зачернел мост.

— Пришли! — сказал Иван Матвеевич. Он быстро распределил людей.

Позади тоже был большой глиняный дувал.

Иван Матвеевич подозвал сына:

— Вот что, Серега, раздобудь-ка парочку ломов, надо в том дувале, что позади, несколько проломов сделать, на случай, если отступать придется.

Тот возмутился:

— Это перед гадом Осиповым ты отступать собираешься?!

Но Иван Матвеевич прикрикнул на него, и Сергей скрылся в темноте.

Ломы разыскали в соседних домах. Быстро пробили отверстия в ограде.

— Вот теперь ладно! — сказал Иван Матвеевич. — А то хорохоримся. Отступать перед гадом! Силы ты его считал? Отступать тоже надо уметь.

Подошли еще два отряда. Один ушел к радиостанции, другой занял мельницу.

Было холодно. Люди жались к дувалам, укрывались за выступами домов, теснились друг к другу, туже затягивали пояса и воротники, прятали руки в рукава.

В группе Ивана Матвеевича слышался тихий говор.

— А зима в нынешнем году, как назло, лютая. И холодно, и голодно. Домишки старые — продувает насквозь.

— Поневоле продует. Топить-то нечем. В прошлом месяце выдали по двацать фунтов саксаула[1]. На один раз протопить хватило. Пропадать, видно, придется. Всем пропадать. Сами-то ладно. Детишек жалко. Чем детишки виноваты?!

— У нас что! У нас еще терпимо, — в раздумье отозвался Иван Матвеевич. — Был я с месяц тому назад у киргизов. Вот где жуть! Гололедица. Пастбища подо льдом, джут по-ихнему. Скотина вся обезножела, выколачивая корм изподо льда. Идешь, а на льду кровь. Помочь им надо, а как поможешь, когда что ни день, то новый мерзавец объявляется, вроде Осипова.

Кто-то съехидничал:

— Коммунистом был, комиссаром! За партию распинался!

[1] Саксаул — порода дерева, растущего в пустыне.

На него зашумели:

— Мало ли пробирается в партию всяких...

Иван Матвеевич прекратил шум.

— Ты, Юров, и сам не знаешь, что говоришь.

Юров огрызнулся из темноты:

— Ну где же мне знать?

— Ну да, не знаешь. Ты вот в эсерах значишься, а эсер из тебя такой же, как из Осипова коммунист. В эсеры пошел ты из озорства. Кто, мол, мне закажет!

Кто-то вздохнул:

— Житье наше, житьишко! От Москвы отрезаны казаками, от Каспия — англичанами, в Фергане — басмачи. Погибать, видно, придется. Отбиваемся, а толку... Хоть бы Москва помогла!

Его резко перебил высокий гортанный голос:

— Зачем говоришь — погибать? Кто хочет погибать? Ты хочешь? Он хочет? Глупый слова — погибать! Драться надо. Хорошо драться. Со всяким врагом драться: и с англичанином драться, и с казаками драться! Москва далеко! Самим драться надо.

— Гляди, как Галимхан развоевался!..

Вокруг рассмеялись невесело.

Молодой узбек огляделся по сторонам, не понимая, чему они смеются, но чувствуя что-то обидное для себя в этом смехе.

— Тебя, Галимхан, басмачи помилуют, — сказал Юров, — а нас миловать некому.

Галимхан вскочил, как обожженный.

— Меня? Басмачи? — он схватил Ивана Матвеевича за руку: — Скажи ты им, Матвеич! Ты все знаешь! Скажи...

Он весь дрожал от незаслуженной обиды.

— Сядь! — мягко потянул его за рукав Иван Матвеевич. — Не выставляй зря голову. Еще под пулю попадешь. А вы, ребята, зря обижаете Галимхана.

— Так разве Галимхан в басмачах не был? — отозвался Юров.

— Был. А только свою ошибку Галимхан давно уже искупил кровью. Тебе это известно, Юров... Да и Москва не так уж далеко. Москва...

Справа послышались залпы.

— По местам! — скомандовал Иван Матвеевич.

Ружейно-пулеметная стрельба за рекой усилилась, при-

ближалась. Отряд, укрывшийся правее по Куйлюкской улице, ударил по разведке Осипова и оттеснил ее.

— Серега, — окликнул Иван Матвеевич, когда стрельба стихла, — возьми человек двадцать и пройди к мельнице. Займите позицию там. Да без толку не стреляйте. Наше дело — не дать Осипову вырваться из города. Понятно? Ну так действуй, слесарек! — Иван Матвеевич, будто нечаянно, прикоснулся к локтю сына. — Действуй! Да возьми с собой Галимхана. Он мужик опытный и не робкий. — Затем, насупив брови больше обычного, прошелся вдоль цепи своих бойцов, выждал, пока сын увел отряд, и вернулся на прежнее место.

Бой разгорался где-то значительно левее и впереди. Иван Матвеевич вслушался.

— Юров, — окликнул он вполголоса, — а ведь это, пожалуй, наши уже возле крепости...

— А где же еще? Там и есть, — отозвался тот.

Керосиновая лампа горела тускло, отбрасывая желтый кружок на стопку бумаги на столе. Электростанция не работала. В окна пробивался мутный рассвет.

Запустив левую руку в свои пышные волосы цвета спелой ржи, Дрожжин писал:

«Бандитский удар предателя Осипова в спину молодой Советской республики...»

Надо было спешно выпустить воззвание к населению. Из типографии уже звонили несколько раз. Но Дрожжина то и дело отрывали. Все двери в Реввоенсовете были открыты настежь, и всякий оказавшийся на территории мастерских мог беспрепятственно входить, куда ему вздумается.

Прозвенел телефон. Не выпуская пера, Дрожжин взял трубку.

— Кто это? А-а! Так, так... Ну, что у вас? Что? Появились в районе мельницы? Много? Отбили? Не иначе как разведка. Пробуют слабое место. Понятно. Понятно. Хорошо, учтем. Подошлем туда еще...

Он распахнул окно, подозвал командира одного из отрядов, строившихся во дворе.

— Вот что, — сказал ему Дрожжин. — Бери свой отряд и бегом к мельнице. Там Сергей Парамонов. У него всего-то два десятка бойцов. Второй раз отбивают разведку осиповцев. Подкрепить надо.

Тот сказал, что следовало бы сообщить об этом командующему.

Дрожжин вспыхнул.

— К черту! Командующего словно черти с квасом съели. Пока ты его будешь искать, Осипов смоется. Действуй!

И опять, как на заседании Реввоенсовета, у него возникли мысли о том, что все делается не так, как надо, и будь его воля — все было бы по-иному. Но ему не доверяют. Вместо боевых оперативных действий сунули пропаганду. Вот и старайся, пиши эти дурацкие воззвания, агитируй, а кого? Обывателя? Или мусульман из старого города? Как же, дождешься от них помощи... Это было, как боль в застаревшей ране: нет-нет да и даст о себе знать.

Проводив глазами уходивший отряд, Дрожжин вернулся к столу, но не успел взяться за перо, как прибыл посыльный от Ивана Матвеевича Парамонова.

Старик сообщал, что на польском костеле противник установил пулемет. По всей видимости, Осипов будет пробиваться к Чимкентскому тракту, а сил у него мало. Следовало выслать на правый фланг бронированную платформу с орудием.

Дрожжин выругался.

— А, черт! Да где же наш командующий?! — И вдруг сорвался, закричал: — Не могу же я... ну, понимаешь, не могу за всех распоряжаться! — Остыл он так же быстро, как и вспыхнул: — Ну, ладно, что-нибудь придумаем.

Затем Дрожжин звонил и по полевым телефонам и по железнодорожному, разыскивал бронированную платформу. А командующего все еще не было.

Из окна он видел, как в дверь мастерских въезжали грузовики со снарядами из крепости. По бортам грузовиков стояли вооруженные бойцы. На крышах кабин водителей были установлены легкие пулеметы.

«Значит, прорвались к крепости, — отметил Дрожжин в уме. — Востросаблин оказался прав. Осиповцы не придали значения обходному движению левого фланга».

Но и это не порадовало. Опять обошлись без него.

Внезапно мощный глухой удар потряс все здание; зазвенели стекла. Это выстрелила первая пушка во дворе Главных мастерских. И через минуту-другую до Дрожжина донесся издалека второй артиллерийский выстрел.

«Крепость отозвалась, — сообразил Дрожжин. — Да, не хотел бы я сейчас оказаться на месте Осипова».

А батарея во дворе Главных мастерских все била и била, и словно в ответ ей отзывалась артиллерия крепости.

Дрожжин снова взялся за злополучную листовку и вдруг услышал мягкий вкрадчивый голос, не сразу дошедший до его сознания:

— Салам, Николай Андреевич!

Одно мгновение Дрожжин смотрел на нового посетителя, ничего не соображая, затем лицо его прояснилось.

— А-а, Рахметбек! Здравствуй...— сказал он, радушно пожимая протянутую руку. — И ты, значит, пришел.

— Друзья познаются в беде, Николай Андреевич. Я и вчера здесь был, но у вас шло заседание Реввоенсовета.

— Да, да. Ты посиди минуточку, я сейчас...

Его прервал телефонный звонок.

— Так. Слушаю, Иван Матвеевич! Все-таки прорывается к Чимкентскому тракту. Нет, платформу послать не могу. Колузаева нет... Погоди минутку, кажется, идет сюда. Сейчас позову.— Дрожжин открыл окно и окликнул Колузаева.

Тот вошел, медлительный и грузный, словно каменная статуя, если бы статуя могла двигаться. Неторопливо взял трубку, сказал внушительно:

— Да... Нет, бронеплатформу дать не могу... У тебя, товарищ Парамонов, только один участок, а у меня весь фронт. И мне виднее, куда и что следует направлять... Вздор все это. Просто у вас нервы не выдерживают. Чего он полезет на Чимкентский тракт? Будто других дорог нет. Да, окончательно — не дам... Казакова здесь нет. Есть Дрожжин. Могу передать трубку. Не надо, значит... Ишь ты, по выбору. Не доверяет тебе, Николай Андреевич, старик Парамонов, — сказал Колузаев Дрожжину. — Казакова ему подай...— И, тяжело ступая, вышел из комнаты.

Дрожжин снова взялся за перо.

— Напиши мне пропуск, — сказал Ходжаев. — Я целый час потерял у ворот. Не пропускают. Напиши мне такой, чтобы везде пропускали.

— Тебе? А-а, хорошо. Тебе можно, Рахметбек. Ты свой человек...

Он взял бланк, написал пропуск и, подышав на печать, с силой оттиснул ее.

Издали доносилась ружейно-пулеметная стрельба.

Дописав, наконец, воззвание, Дрожжин отослал его и, с наслаждением закурив, сказал неопределенно:

— Такие-то вот дела...

— Да, да, кто бы мог думать! — покачал головою Рахметбек.— Военный комиссар, коммунист.

— Ты об Осипове? Дрянь он белогвардейская. Дрянь и больше ничего.

— Да, да, и я то же говорю. Разве так много у нас бойцов, что не подняли против него мусульман?

— Мусульмане, которые пришли, — в полках, а бойцов у нас действительно маловато. — Дрожжин наклонился к Рахметбеку.— Скажу тебе по секрету, роты у нас — только название, что роты, в иных по полсотне бойцов, и то необученные. Если бы не рабочие Главных мастерских, капут бы Советской власти в Ташкенте.

— Вот и я говорю, что надо поднять мусульман, опубликовать воззвание, собрать отдельный полк. Да я сейчас сам напишу. Мне поверят...

От ворот послышался шум.

— Да пусти же, тебе говорят!

— Понаставили вас тут!

Дрожжин распахнул окно, прислушался. Затем он вскочил и выбежал на крыльцо. Чуть позже сюда же пришли Колузаев и Казаков.

Из проходной показалась странная процессия.

Впереди прыгал на костылях высокий худой человек в больничном халате. За ним шли люди с забинтованными головами, с руками на перевязи, исхудавшие, шли, пошатываясь от ветра, одиночками, опираясь на палки, и по двое, обнявшись, поддерживая друг друга.

— Оружия! — сказал передний. — Мы не станем дожидаться белогвардейцев. Мы их сами встретим...

— Оружие! Дайте нам оружие! — кричали за ним остальные.

Не стоило труда узнать в них красноармейцев.

— Мы из больницы, — говорил между тем передний.— Лучше умереть в бою, чем ждать, пока тебя зарежут в постели.

— Успокойтесь, товарищи,— сказал внушительно Колузаев.— Вам надо лечиться, мы охраняем больницу и вас...

Но ему не дали окончить.

— К черту! — кричали раненые. — Хватит болтать! Дайте нам оружие! Мы сами пойдем в цепь.

К Колузаеву протискался раненый боец. Все лицо его было забинтовано, только для рта и глаз виднелись отверстия в марле.

— Слушай, Колузаев! — сказал он. — Ты меня знаешь. Это, может быть, из-за тебя я оказался в больнице, а многие и вовсе полегли, когда ты с месяц назад внезапно, никого не предупредив, снял свой отряд на Закаспийском фронте. Мы тогда своими телами закрывали брешь на твоем участке. Так что тебе лучше помолчать... Мы хотим вернуться в бой. Там сейчас решается судьба Советской власти в Туркестане. Умереть не трудно. Но умирать обезоруженным под глумлением пьяной банды, как наши товарищи в казармах второго полка... Дайте нам оружие, или мы повернем эти пушки, — он кивнул в сторону батареи, — и прямой наводкой разнесем Реввоенсовет.

Шея Колузаева побагровела. По лицу поползли вишневые пятна. Казалось, что его хватит удар.

— А ну поспокойней, — взял его за руку Казаков. — Оружие надо выдать.

— Не допущу анархии. Я командующий?..

— Ты... И поэтому ты распорядишься оружие выдать. Такой порыв ценить надо.

Колузаев не выдержал:

— А ну вас к черту! — сказал он, отвернувшись. — Делайте что хотите... — и пошел в сторону мастерских.

Открыли склад. Раненые хватали винтовки, набивали патронами карманы. Казаков распорядился перебросить их на грузовиках.

— К Ивану Матвеевичу Парамонову, — сказал он. — Там слабинка...

— К телефону! — кричал посыльный. — Товарищ Казаков, к телефону!..

По пути он встретил Дрожжина.

— Аристарх Андреевич, ты не видел Рахметбека? — спросил Дрожжин.

— Какого Рахметбека?

— Ходжаева. Понимаешь ли, он хотел написать воззвание к мусульманам.

— Ну напиши сам. Только и делов.

— Вообще-то я не очень верю в эту затею. Как же, дождешься от мусульман помощи. Если удастся нейтрали-

зовать их — и то хлеб. А Рахметбек в старом городе очень авторитетен. Это следует использовать. Так, значит, не видел?.. Ну где он может быть? Как сквозь землю провалился. Пойду поищу...

Но Рахметбека он в этот день так и не нашел.

Со станции Казакову сообщили, что с Кауфманской кто-то настойчиво вызывает по телефону Агапова.

Казаков помедлил, обдумывая, что же ему предпринять: Агапова сегодня в мастерских еще не было.

— Хорошо, — сказал он, — сейчас придем.

Он позвал двух членов Реввоенсовета и вместе с ними пошел на телеграф.

Было ветрено. Выпавший ночью снег таял, образуя лужи. По ружейно-пулеметной пальбе, то затихавшей, то усиливавшейся, можно было судить, что бои идут в районе казарм 2-го Сибирского полка. Издали доносилась артиллерийская канонада.

Шедший рядом с Казаковым член Реввоенсовета сказал одобрительно:

— Дает жизни Иван Панфилович Осипову. Вот тебе и левый эсер!

— Недоразумение, — буркнул Казаков, размышлявший о том, что бы мог значить этот вызов со станции Кауфманской Агапова.

— Что — недоразумение? — не понял член Реввоенсовета.

— Его членство у эсеров.

На телеграфе их уже поджидал дежурный по станции, любопытные служащие, изнывающие от безделья: поезда-то не ходили.

Казаков попросил их удалиться.

— Вызывайте Кауфманскую, — сказал он телеграфисту и, заметив его недоуменный взгляд, подтвердил: — Ничего, ничего, вызывайте.

Телеграфист застучал ключом. Из Кауфманской спросили, здесь ли товарищ Агапов.

— Отвечайте: здесь, — сказал Казаков.

Телеграфист усмехнулся и передал. Но в Кауфманской, видимо, сомневались. «Скажите ваше имя и отчество», — простучал аппарат оттуда.

Это уже было интересно.

— Передайте: у аппарата Василий Ефимович Агапов. Кто вы и чего хотите?

Из Кауфманской сообщили: «У аппарата Исаев, Баранов и Савицкий. Нами, как мы с вами договорились, здесь сформирован отряд из местных крестьян для Осипова в двести пятьдесят человек. Люди вполне надежные, оружием владеют. Срочно вышлите оружие, его у нас почти нет, и поезд для переброски отряда в Ташкент. Горим желанием сразиться с большевистской совдепией».

— Ну как? — спросил Казаков изумленных сообщением членов Реввоенсовета. Те только пожимали плечами.

— Стучите, — сказал Казаков телеграфисту: — Здесь мы уже управились. Отряд распустите, а сами немедленно приезжайте к нам в Главные мастерские. Паровоз высылаю.

В ответ последовало: «Рады будем свидеться».

— Наклейте ленту на бланк,— сказал Казаков,— и на обороте дайте ее расшифровку.

Телеграфист принялся разматывать катушку.

— Зачем это? — поинтересовался один из членов Реввоенсовета.

— Документ и очень важный. Пригодится, — сказал Казаков и, принимая бланк, спросил телеграфиста: — Вы знаете, что такое военная тайна?

Тот даже обиделся:

— Я, Аристарх Андреевич, хоть и беспартийный, но совестью не торгую. Понимаю, что к чему. Будьте спокойны — ни кот, ни кошка не пронюхают.

— Ну вот и отлично. Пошли, товарищи. До свидания.

Они зашли к дежурному по станции. Казаков распорядился послать в Кауфманскую паровоз.

— Дайте ему «зеленую улицу». На обратном пути направьте паровоз в Главные мастерские.

— У нас в эти дни вся дорога зеленая. Поездов нет, — невесело пошутил дежурный и позвонил в депо.

Вернувшись в Главные мастерские, Казаков вызвал начальника охраны.

— Агапов не появлялся еще? — спросил он.

— Нет, пока не видно. И очень хорошо, что не показывается.

— А что?

— Мешает, стервец. Как ни наткнусь на него, все с кем-нибудь шушукается. Вот кончим с Осиповым, будем переизбирать, обязательно.

— Не знаю, может, и не придется, — сказал Казаков. Начальник охраны не понял, но промолчал. — Вот что, как Агапов появится, надо его немедля арестовать. Только тихо, без шума. Подбери людей понадежней, и где-нибудь в сторонке без свидетелей, чтобы никто не видел. А то наши эсеры сейчас вой поднимут. Он хоть и не эсер, а поднимут. Как же, демократия, народный избранник и все такое. А он подлюга, а не избранник.

— Понятно. Сделаем.

— И еще вот что. Часа через полтора сюда с Кауфманской прибудет паровоз. Привезет трех хороших «друзей». Распорядись, чтобы стрелки поставили на дальний тупик и заперли их. Ключи от стрелок возьми себе. «Друзей» тоже надо арестовать, по возможности тихо, и запереть их отдельно от Агапова. Только осторожно. Они вооружены.

— Ладно, управимся.

Паровоз шел без остановок. Мимо проплывал очередной семафор, паровоз встряхивало на крестовинах стрелок, помощник машиниста с ходу обменивался с дежурным жезлами, и станция оставалась позади.

По пути Баранов и Савицкий несколько раз пытались заговаривать то с кочегаром, то с помощником машиниста, но бригада попалась какая-то странная. На все вопросы они отмалчивались, и лишь неопределенная фраза: «Вот приедете, сами увидите» — была единственной сколько-нибудь вразумительной. К машинисту они и не пытались приставать с вопросами, до того у него был неприступный вид.

Командир взвода Исаев ни с кем не заговаривал. Он стремился скорее попасть в Ташкент и еле сдерживал нетерпение, считая станции. Вот миновали Урта-Аул, разъезд № 54. Позади остался Кзыл-Тукумачи.

Нет, это он хорошо сделал, что вовремя примкнул к Осипову. Не век же ему оставаться во взводных. И на этом посту последнее время стало трудно удерживаться. Все пристают с социальным происхождением. А что он скажет, если у его отца две мельницы и крупорушка?.. Но теперь все будет иначе. В суматохе мятежа легко можно выдвинуться. Да и Агапов поможет. Они давно знают друг друга. Не по пустякам же он так настойчиво вызывал его.

Станцию Ташкент прошли не останавливаясь и даже

без жезла. Исаев счел это хорошим предзнаменованием. Значит, их ждут с нетерпением. Не сбавляя хода, паровоз вкатился в гостеприимно раскрытые железнодорожные ворота Главных мастерских, прогрохотал на стрелках и затормозил в тупике, окутываясь паром.

Исаев хотел спуститься с паровоза молодцевато, но было высоко, да и подножки, по которым предстояло сойти, были таковы, что лучше не рисковать. Он взялся за поручни и, осторожно нащупывая ногою выступы, стал спускаться спиною вперед. Но едва он коснулся земли, как почувствовал, что его с двух сторон взяли под руки, и кто-то сказал негромко:

— Без шума! Пройдем сюда.

Исаев оглянулся. Ворота были уже закрыты, а его держали два незнакомца, высокие и дородные. Третий, поменьше, деловито расстегнул у него кобуру, вытащил наган, повертел барабан, проверяя, заряжен ли, и сунул револьвер себе в карман.

— Что это значит? — рванулся Исаев.

— Тише, тебе говорят, — сказал тот, что поменьше. Державшие под руки сжали его так, что он не мог шевельнуться.

Исаев сдался и послушно пошел, куда его повели. За ним таким же порядком шли Баранов и Савицкий.

...Через полчаса начальник охраны, зайдя к Казакову, доложил:

— Эти трое доставлены в лучшем виде и заперты.

— Надежно?

— Вполне. Можете не сомневаться.

5

Второй день шли бои. Линия фронта непрерывно сжималась. От мятежников был очищен ряд районов города. Уже можно было, без риска попасть под обстрел, проехать в крепость. Телефонная станция находилась еще в руках у Осипова, но прошлой ночью связисты протянули в крепость линию полевого телефона.

Колузаев с ненавистью смотрел на ни в чем не повинный аппарат, и ему хотелось одним ударом сбросить его на пол и топтать так, чтобы под ногами хрустел эбонит трубки, корежился металл корпуса. А из крепости, методиче-

ски, как на учении, ухали и ухали орудия, не давая мятежникам передохнуть.

«Старается Белов, — со злобой думал Колузаев. — Выслуживается. Тоже мне, эсер называется...»

Он невольно потянулся к ненавистному телефонному аппарату. «Позвонить? Сказать, чтобы прекратили огонь, ну хотя бы под предлогом, что бьют по своим...» Но широкая увесистая рука, усыпанная рыжеватыми волосками, бессильно упала на стол. «Нельзя! У этого подлеца небось до черта понатыкано наблюдателей. Враз сгоришь. Колузаев и так рисковал, заявив сегодня ночью на заседании Реввоенсовета, что бойцы устали и сильно терпят от холода, и потому им надо дать передышку, в то время как ему сообщали с обоих флангов: «Войска готовы к новым боям. Настроение у них бодрое...» Хорошо, что никто не догадался проверить: так ли устали бойцы, как он докладывал?

Но что-то предпринять надо. Песенка Осипова спета. Еще несколько часов, и с мятежом будет покончено. Осипову надо дать уйти. Нельзя допустить, чтобы он попал в руки к большевикам. Кто знает, как он поведет себя на суде! На пощаду ему рассчитывать бессмысленно. И не захочет ли он прихватить с собою в могилу и его, Колузаева? И одного ли? Что стоит Осипову рассказать о встречах с руководителями центрального комитета левых эсеров и о планах, разработанных во время этих встреч, об Агапове... Кстати, куда он делся? Дома его нет, здесь в мастерских тоже не видно. Вероятно, почувствовал, что запахло жареным, залез в какую-нибудь нору и притаился. Дубина! Разве этак спасаются?!

Колузаев прикинул в уме, куда может направиться Осипов, уходя от преследования, и вдруг беспощадно отчетливо понял, что он с самого начала мятежа только об этом и думает. Поэтому он и не поехал в штаб 2-го Сибирского полка, куда его приглашал Осипов, и ничего не сделал, когда тот дал ему знать, что у него «все готово». Оказывается, он все это время сомневался в успехе осиповской затеи, а когда стало известно, что крепость не сдалась, его сомнения превратились в уверенность. Она и одна при ее вооружении смогла бы продержаться до подхода войск с фронта.

Да, все это так, но кто мог думать, что этот Белов окажется таким несговорчивым!

Колузаев с ненавистью смотрел на телефонный аппа-

рат, связывающий его с крепостью, и упорно думал о том, куда метнется Осипов, оставляя Ташкент?

Пути было только два. Первый и самый вероятный — Чимкентский тракт, к басмачам Ферганы, и второй, более трудный — через станцию Урсатьевскую к эмиру бухарскому или же в район Гарма, к границе. За Урсатьевскую можно было не бояться. Там у Колузаева есть свой человек — командир саперного отряда, левый эсер Петренко. Они давно уговорились в случае необходимости прикрыть отступление Осипова. Потом можно будет сказать, что не разобрались и преследователей приняли за мятежников. Но как быть с Чимкентским трактом? Если Осипов вздумает уходить в этом направлении, его без труда смогут настичь, и тогда хорошо, если его убьют в перестрелке или он сам догадается застрелиться.

В коридоре послышались шаги. Колузаев торопливо взял в руку цветной карандаш и склонился над планом города, всем своим видом показывая, что он очень занят. В кабинет вошли Казаков и Иван Матвеевич.

— Какими судьбами, товарищ Парамонов? — сделал удивленное лицо Колузаев. — Вы бросили свой фланг в такой ответственный момент...

— А что там делать? Казармы второго полка взяты. Осипов с отрядом, как и следовало ожидать, бежал по Чимкентскому тракту. Иван Панфилович на прощанье угостил их шрапнелью из дальнобойных. На том дело и закончилось. Сейчас наши части прочесывают город, добивают, где что осталось, но это уже не в счет.

Колузаев прислушался. Оказывается, за раздумьем он и не заметил, как крепостная артиллерия прекратила огонь. Не слышно было и ружейно-пулеметной стрельбы.

— Вы организовали погоню за Осиповым? — спросил Казаков у Колузаева.

Тот простодушно развел руками.

— А кого я пошлю, да и на чем? Я уже докладывал Реввоенсовету...

— Вы обещали Реввоенсовету изыскать возможности организовать погоню. Что вами сделано?

— С дорогой душой, Аристарх Андреевич, послал бы самую лучшую часть за этим предателем, чтобы привести его сюда в город и судить всенародно, но что я могу сделать?! Лошадей нет, люди измотаны боями...

— Ну, положим, люди найдутся, — сказал Иван Матвеевич.

Казаков не отступал:

— Почему вы не использовали автомашины?

— Горючего нет.

— Как, совсем нет?

— Ну, до Чирчика хватит, а дальше что? Пешком за ними не угонишься.

— Словом — кругом шестнадцать,— не выдержал Иван Матвеевич. — Удивительно, Колузаев, получается! Когда я просил бронелетучку, чтобы не выпустить Осипова из города, у тебя появилась в ней крайняя нужда в другом месте. А теперь, когда Осипов все-таки удрал, оказывается, что его не на чем преследовать.

— Что ты этим хочешь сказать? — вспыхнул Колузаев. — Договаривай...

— Я уже все сказал. Пока что — все... А там будет видно.

Колузаев тяжело задышал. Шея у него начала багроветь.

— Нет, Парамонов, ты договаривай. Выкладывай свои грязные намеки.

Вмешался Казаков:

— Что это ты, товарищ Колузаев, по всякому поводу на скандал напрашиваешься? Неуравновешенный ты какой-то стал. Нервничаешь. Парамонов только и сказал, что мы упустили Осипова. Пойдем, Иван Матвеевич.

А когда они вышли, Казаков сказал Парамонову:

— Зря ты, Иван Матвеевич, подкусываешь Колузаева. Этим ты ничего не добьешься. У этого сукиного сына на все найдется отговорка и довольно убедительная.

— Так что же делать, Аристарх Андреевич?

— Ждать надо. Пока что у них, у левых эсеров, в Реввоенсовете большинство. Погоди, они еще покажут себя. Так что зря порох не трать. А теперь вот что: надо погоню за Осиповым все же организовать. Подбери людей понадежнее, вооружи их, патронов захватите побольше, гранат-лимонок. Словом — выступаете через час. Отряд поведешь ты.

— А лошади?

— Постараюсь достать. Каких-никаких, а достану.

Оставшись один, Колузаев долго сидел, тупо уставившись взглядом в угол. Посещение его Казаковым и Иваном Матвеевичем не оставляло сомнений, что члены временного Реввоенсовета — коммунисты не успокоятся, пока не организуют преследование Осипова. Что он мог им противопоставить?

Колузаев отлично понимал, что все эти дни он балансировал, как циркач на канате. И если вначале мятежа еще можно было, пользуясь сумятицей, активно мешать коммунистам, то теперь, после разгрома осиповцев, любой неосторожный шаг мог привести его к личной катастрофе. Но что-то делать было надо. Собственная жизнь стоила того, чтобы о ней позаботиться. Он подумал о том, что наиболее опасные, пригодные для преследования воинские части — 4-й полк, партийная дружина и особенно Оренбургская школа военных инструкторов — находятся под командой его единомышленника, левого эсера Якименко. Следовательно, не все еще потеряно.

Колузаев разыскал листок бумаги и стал торопливо писать Якименко, чтобы тот берег людей и зря силы не терял. Письмо получалось не очень внятное, но Якименко его поймет. Запечатав конверт, Колузаев разыскал во дворе надежного вестового и приказал передать письмо лично в руки адресату и без свидетелей.

Теперь, кажется, было сделано все.

6

Они собирались, как после внезапного стихийного бедствия — урагана небывалой силы, невесть откуда налетевшего, или землетрясения, оставившего после себя трупы и груды развалин, — со скрытой пытливостью разглядывали всякого вновь входившего. «Жив, оказывается. Смотри-ка!.. А говорили...» Здесь, в Доме свободы, уже прибранном и застекленном, но еще со следами пуль на штукатурке, впервые после разгрома мятежников сходились оставшиеся в живых члены Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров, Ташкентского Совета депутатов и Временного революционного совета. Предстояло сформировать правительство. Но не все здесь были единомышленники. Это было заметно даже по тому, как они группировались в кулуарах перед заседанием.

Самая большая группа была возле заместителя председателя ТуркЦИКа, левого эсера Успенского. Круглолицый, упитанный, с ямочками на щеках, похожий на преуспевающего доктора из провинциального городка, он, размахивая зажатым в руке пенсне на широкой черной ленте, оживленно беседовал с окружающими. Успенский и в самом деле когда-то был врачом, но давно уже сменил свою профессию на политическую деятельность. С приемами опытного оратора, то повышая голос так, что в нем начинал звучать металл, то понижая его до доверительного шепота, он описывал свои переживания с того момента, как патруль мятежников арестовал его на улице вместе с народным комиссаром путей сообщения Дубицким и привел их в казармы 2-го Сибирского полка.

У противоположной стены тихо разговаривали Казаков и заместитель народного комиссара путей сообщения Туркестана Дмитрий Павлович Саликов, в прошлом рабочий-металлист. Несмотря на свои неполные тридцать пять лет, он уже изведал и баррикадные бои тысяча девятьсот пятого года, и тюрьму, от которой у него и до сих пор осталась памятка — подергивающаяся щека.

К ним подошел Дрожжин, все такой же молодцеватый, с нарочито расстегнутым воротом гимнастерки.

— Кажется, будет бой, — сказал он, кивнув в сторону группировавшихся возле Успенского. — Готовятся...

— Когда же у нас с эсерами обходилось без драки, — отозвался Казаков.

— Не знаю, чего мы с ними нянчимся. Прихлопнуть их к чертовой бабушке, и дело с концом. Руководителей пересажать, а партию распустить...

— И сделать их в глазах тех, кто идет за ними, великомучениками, борцами за правду, поднять их авторитет, — сказал насмешливо Саликов. — Ты этого хочешь, Николай Андреевич?

— Ерунда. В Москве же распустили?

— Да, после того как они устроили мятеж, арестовали Дзержинского и тем окончательно разоблачили себя.

— А Осипов? Будто они здесь так уж и ни при чем?

— Верней всего, что без них не обошлось, да как ты это докажешь? И то учти, что не все среди них вроде Успенского, есть и такие, как Белов... Да вот и он сам, и Ачил с ним.

В дверях показались Белов и Бабаджанов. Понемногу

зал стал наполняться. Пришел Колузаев, окинул насупленным взглядом присутствующих и сел у стола президиума.

Прозвенел звонок. Казаков с грустью смотрел на собравшихся в этом зале: как мало в нем большевиков! Да, враги знали, что делали: выбивали самых крепких, надежных, закаленных в подпольной борьбе. Нелегко их будет заменить, а придется. И надо по-деловому, без предвзятости, обсудить каждую кандидатуру. Он так и сказал об этом во вступительной речи.

К трибуне не торопясь, уверенно прошел Успенский. Накануне в крайкоме Компартии по поводу его доклада были серьезные разногласия. Невозможно было представить, чтобы по такому вопросу, как формирование правительства, делал доклад левый эсер. Многим это казалось отходом от большевизма. Дрожжин и кое-кто из разгромленной группы «старых коммунистов» говорили о предательстве в отношении революции и рабочего класса. Страсти притушил Саликов. «И я ничего хорошего не жду от доклада Успенского, но он — оставшийся в живых заместитель председателя ТуркЦИКа. Приходится с этим считаться. И еще одно соображение: левые эсеры, оказавшиеся сейчас в силу известных обстоятельств в большинстве в органах власти, с этим мятежом очень подмочили свою репутацию, хотя прямых улик против них и нет. Но люди не слепые, видят, кто куда гнет. Так дайте же им распоясаться, и они быстро растеряют остатки своего влияния».

И теперь, слушая Успенского, Казаков думал о том, правильно ли они поступили, выпустив его с докладом?

Размахивая зажатым в руке пенсне на широкой черной ленте, Успенский говорил с подъемом, напористо, восхвалял заслуги левых эсеров в подавлении мятежа.

Задумавшись, Казаков не заметил, как Успенский от перечисления заслуг перешел к вопросу конструирования органов власти.

— Да, мы разгромили мятеж, — с пафосом говорил Успенский, — но нам надо в полной мере учесть его уроки. Думаю, что в такой исключительно критический момент нельзя восстанавливать старую форму власти. Я, как известно, заместитель председателя Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета,— широко улыбнулся он, и ямочки на его щеках заиграли. — Мне, так сказать, экс оффицио, то есть по должности,— перевел он,— полага-

лось бы защищать эту форму, но, говоря по всей совести, не могу этого делать. Законодательная работа в настоящее время бесполезна и даже вредна.

«Куда он, стервец, гнет, — думал Казаков. — Куда заворачивает?»

— Необходима, крайне необходима, так сказать, демократизация власти, — продолжал Успенский, явно любуясь собственной речью. — В этом смысле, мне представляется, что наш свободно избранный Временный военно-революционный совет больше соответствует переживаемому нами моменту.

«А-а, теперь понятно! — догадался Казаков. — В Реввоенсовете у вас большинство. Неплохо придумано, чтобы подтихую захватить власть...»

А Успенский продолжал:

— Что скрывать, в прошлом у нас было не все благополучно по части демократии. Далеко не все, товарищи... Ведь ни для кого не секрет, что Осипов был одним из руководителей республики, он был коммунистом, товарищи...

В зале зашумели, послышались возгласы негодования.

— Да, да, товарищи, — поднял голос Успенский, перекрывая шум. — Он был членом Коммунистической партии! Это факт! И от него никуда не уйти, как бы этого ни хотелось нашим товарищам коммунистам... — И вдруг он смолк, прерванный на полуфразе.

— В порядке ведения собрания, — послышалось от двери.

Все повернулись на голос и увидели Ивана Панфиловича Белова. Комендант крепости стоял, чуть расставив ноги, прочно, как вкопанный. Такого не сдвинуть.

— Прошу прощения, что прервал вас, — продолжал он. — Может быть, это непосредственно к докладу и не относится, но, на мой взгляд, весьма существенно... Как известно, вы тоже были арестованы мятежниками и доставлены в казармы второго Сибирского полка.

— Да, это так, — слегка обескураженный, подтвердил Успенский. — Но я не понимаю...

— Минуту терпения. Сейчас поймете... Поверьте, я не хочу вам зла и радуюсь, видя вас живым и здоровым. Но мне, как, вероятно, и другим, здесь присутствующим товарищам, небезынтересно знать: как это произошло, что вы остались живы?

В зале водворилась мертвая тишина. Было слышно, как скрипело перо секретаря, торопливо писавшего протокол.

— Не понимаю, Иван Панфилович, — пожал плечами Успенский, — что вы хотите этим сказать. Хорошо известно, что меня арестовали на улице вместе с Дубицким.

— Вот именно... Но наркома путей сообщения, товарища Дубицкого, мятежники тут же, как только привели в казармы, расстреляли. А вас, народного комиссара просвещения и заместителя председателя ТуркЦИКа, и пальцем не тронули. Как это понять?

Успенский силился улыбнуться, но улыбка получилась вымученная.

— Вы заставляете меня отвечать за действия Осипова... — И вдруг вспыхнул, застучал кулаком по трибуне. — Да как вы смеете бросать свои грязные намеки?! И это мне, одному из руководителей Туркестанского Центрального Комитета партии левых социалистов-революционеров! Вы забываете, что вы всего-навсего рядовой член нашей партии...

— Вызывает сомнения честь принадлежать к партии, провалившейся в центре и потерявшей авторитет в массах, но об этом мы поговорим позднее, на съезде, который, надеюсь, продолжит свою работу, так удачно начатую... накануне мятежа.

Побелевший от бешенства Успенский только и мог сказать:

— Если вас на него допустят...

— Вы забываете, что я делегат съезда,—возразил Иван Панфилович. — Если понадобится, я появлюсь там со всей своей низовой организацией... Хотел бы я посмотреть, как вы заткнете мне рот.

Звонок опомнившегося от изумления Казакова прервал эту перепалку.

— Товарищ Успенский, продолжайте доклад.

Некоторое время Успенский никак не мог взять нужный тон.

— Такое оскорбление... — бормотал он. — Думаю, что собрание отметит...

— Ничего, ничего, — подбадривал его Казаков. — Это вы разберетесь там у себя в партии. Давайте по существу.

Но говорить с прежним подъемом Успенский уже не мог. Слушали его плохо.

Иван Панфилович, почувствовав, что его тронули за плечо, обернулся и увидел своего адъютанта.

— Вы что, Ян? — спросил он, когда они вышли из зала заседания.

— Я этого сволоча, Шишарина, арестовал.

— Наши подозрения подтвердились?

— О, да! Это он открывайт парадный ход и ждал мятежник. Этот, что я подстрелил, Арбузов, так само при нем и сказал.

— Ну что ж, держите его покрепче. Надо будет основательно разобраться. Не может быть, чтобы они действовали только вдвоем. У них в крепости кто-нибудь еще есть.

Веверс как-то странно смотрел прямо перед собой.

— Его уже нет, — с усилием обронил он.

— Кого нет?

— Да этого сволоча Шишарина.

Выяснилось, что, когда Веверс сопровождал арестованного Шишарина, группа бойцов учебной команды буквально вырвала из рук у него своего бывшего начальника и тут же расстреляла.

— Вы должны были защищать его, товарищ Веверс,— жестко сказал Белов и тут же подумал: «А что он мог сделать? Да попробуй Ян заступиться за Шишарина, его и самого могли в суматохе пристрелить. Разбирайся потом».

— Да, это мой вина, — мрачно подтвердил Веверс.

— Да ну вас, — отмахнулся Белов. — Вы понимаете, что произошло?.. Убрали свидетеля! Чисто работают, ничего не скажешь. А этот, которого вы подстрелили, Арбузов, он-то по крайней мере жив?

— Да,— подтвердил Веверс.— Я его перевел камер и приставийт караул, надежный, из коммунист.

— Хорошо. Никого, кроме нашего врача, к нему не допускайте. Полная изоляция от внешнего мира. Ни газет, ни передач... Езжай, я скоро буду в крепости.

Белов вернулся в зал заседания. На трибуне Колузаев, видимо, заканчивал свою речь. Размахивая какой-то бумажкой, он говорил:

— ...Опять начинаются сепаратистские действия наших коммунистов. Опять мы все здесь решаем одно, а наши товарищи коммунисты делают по-своему.

— Например? — сказал Казаков.

— За примером дело не станет. Вот, скажем, не дольше как позавчера, то есть буквально на другой день как това-

рища Казакова избрали председателем Реввоенсовета, он, вопреки воле большинства, лично телеграфировал в Москву о мятеже.

— Ну и что? — отозвался Казаков. — Телеграмма была послана от имени краевого комитета Компартии.

— Вы бросьте, Аристарх Андреевич, прикрываться своим крайкомом! — почти закричал Колузаев, заглушая поднявшийся в зале ропот, — прием, к которому он не раз прибегал, чтобы подавить протесты. — Вам оказали доверие, избрали вас председателем, но ведь можно и переизбрать!.. И мы переизберем...

— Кто это «мы»? — поднялся с места Саликов. А когда шум утих, он сказал: — Вы напрасно надрываете голосовые связки, Колузаев. Здесь криком не возьмете... Казаков мог бы послать телеграмму о мятеже и от своего собственного имени, и не вам бы, так часто распинающемуся о свободах и демократии, протестовать против естественного права переписки без цензуры. Но телеграмма послана в Москву от имени Компартии Туркестана, а Компартия никогда не была под надзором ни у Колузаева, ни у левых эсеров вообще. Что же касается переизбрания, давайте соберем ну хотя бы рабочих Главных мастерских и поговорим. Вот и расскажете им, что Казаков не угодил вам потому, что информировал товарищей Ленина и Свердлова об осиповском мятеже. Так прямо и скажите... Интересно, продержитесь ли вы на трибуне хоть пять минут? Вряд ли!

Поздно вечером вернулся Белов в крепость. У ворот его встретил Веверс.

— Вы чего не спите, Ян? — спросил Белов. — В крепости спокойно?

— Вполне.

Они прошли в штаб. В кабинете Белов снял шинель, расстегнул воротник гимнастерки, снял пояс и устало опустился в кресло.

— Да, дела... — вздохнул он.

— Что решили? — спросил Веверс.

— А что иное наши товарищи левые эсеры могли решить? Оставили власть в руках временного Реввоенсовета, благо их там большинство. Ни президиума ТуркЦИКа, ни Совнаркома восстанавливать не будем до созыва седьмого съезда Советов. Чувствуй они себя поувереннней,

они с наслаждением проголосовали бы и против Советской власти... Вообще с партией левых эсеров надо кончать, — жестко сказал Белов и задумался.

Невесело у него было на душе. Не думал он, вступая в эту партию, что когда-нибудь придет к такому выводу. Тогда ему все представлялось иначе. А теперь что? Банкротство? Полное банкротство партии.

— Хорошо еще, — вдруг сказал он, словно продолжая разговор, — что в Реввоенсовете есть такие, как Казаков, Саликов, старший Парамонов. У них эти наши «левые» не расплящутся.

— А с вами как? — спросил Веверс. — Вы-то остались в Реввоенсовете?

Белов невесело рассмеялся.

— Ох, как бы им хотелось вышибить меня оттуда! Особенно Успенскому и Колузаеву... Ну, да черт с ними. Вот что, Ян, надо прекратить свободное хождение из крепости и в крепость. У складов оружия, боеприпасов и у пороховых складов удвоить караулы. Отберите для них надежных людей. И обратите внимание на интернационалистов. Понимаете: бывшие военнопленные стосковались по дому. Их могут спровоцировать, ну хотя бы обещанием вернуть на родину.

— Что? Военное положение?

— Ну, военное или не военное, а предосторожность не помешает... А теперь давайте-ка спать. Я сегодня заночую в крепости.

7

Отряд Осипова уходил в горы. Он шел верхами на прекрасных текинских скакунах, по пути хватая свежих коней, бросая по дороге обозы, оружие, раненых.

Вырвавшись из Ташкента, пробившись сквозь редкие цепи советских войск, он уходил по Чимкентскому тракту все дальше и дальше к границе.

При его приближении жители разбегались или запирали наглухо ворота, не зная, кто это уходит, отстреливаясь, — красные ли, белые ли, свои или чужие? Да и кто в то время был свой? Привычные понятия: свой — это родной, близкий, своего рода, племени — вековечные понятия эти были нарушены. Все чаще встречались люди, совсем иначе определявшие степень родства, восстающие против

своих родоначальников, люди, для которых седая борода аксакала[1] уже не была олицетворением власти и мудрости. Людей этих время от времени находили зарезанными в собственных кибитках или в придорожных канавах с пулей в спине. Но от этого их не становилось меньше. Так что же это был за отряд, поспешно отступавший в горы и на ходу огрызавшийся короткими пулеметными очередями? Этого не знали в аулах. И потому тяжелые ворота дворов, обнесенных надежными, метровой толщины, саманными стенами, способными выдержать нешуточную осаду, были плотно закрыты изнутри. Во дворах бесились спущенные с цепей здоровенные псы. А кое-где неприметно торчали из щелей дула старинного мушкета, берданки, трехлинейной винтовки или новейшего винчестера.

Аулы приготовились к отпору, но, еще не зная намерений отряда, выжидали.

А отряд уходил все дальше и дальше в горы, к снеговым вершинам, устилая свой путь обмороженными, полузамерзшими людьми.

В отряде происходило то же, что происходит в отощавшей волчьей стае лютой зимой: гибнут молодые, неокрепшие, гибнут дряхлые, не способные сопротивляться, гибнут обессилевшие, и только матерые, выносливые еще держатся. Матерым хорошо знакомы и топи пинских болот, и пронизывающий холод карпатских вершин. Они предвидели возможность такого похода и подготовились. Одетые тепло, по-зимнему, отогреваясь спиртом, взятым из госпиталя, они двигались колонной, в центре которой шли вьючные кони с небольшим, но увесистым грузом, упакованным в шести кожаных мешках, опечатанных сургучом.

В мешках было золото Туркестанской советской республики, взятое в сейфах Государственного банка. И теперь, торопясь к границе, они зорко следили друг за другом, настороженные, как взведенный курок, не доверяя друг другу и радуясь при виде каждой новой жертвы, отставшей в пути.

В этих шести кожаных мешках была их последняя надежда — перекочевав через границу, устроиться сообразно своим вкусам; пожить без забот, попить, погулять или открыть доходный кабачок с женской прислугой.

---

[1] Аксакал — старейший в роду *(тюркск.)*.

Вот и все, что осталось у них от горделивой мечты вывернуть мир наизнанку.

И как изголодавшиеся волки при дележке случайной добычи, они готовы были вцепиться друг в друга и рвать, кромсать, в надежде добыть кусок поувесистей.

Рота Ивана Матвеевича, собранная наспех, посаженная на арбакешных[1], не пригодных для кавалерийской службы лошадей, словом, рота «ездящей пехоты», как про себя он сам ее называл, гналась за уходившей в горы бандой Осипова. Красноармейцы двигались быстро, без отдыха, но еще быстрее уходила волчья стая, увозя с собою шесть кожаных мешков — убогий результат грандиозно задуманного мятежа.

У перевала стали попадаться отставшие мятежники, ослепленные ярким сиянием горных снегов. Они плелись неуверенно, винтовками ощупывая дорогу, сами не зная, куда и зачем. Воспаленные кроваво-красные веки их слезились, и слезы намерзали на лицах.

Раненых, обмороженных и ослепленных становилось все больше. Они встречались уже группами. В большинстве это была зеленая молодежь, увлеченная Осиповым. Их взяли только на случай арьергардных боев, чтобы прикрыть отступление основного ядра, и теперь бросили за ненадобностью. Где им было тягаться с конными авантюристами, спешившими к границе, для которых война — профессия, мятеж — развлечение, а возможность поживиться — единственный стимул в жизни.

Дальше преследовать банду было бесполезно. Иван Матвеевич решил повернуть в Ташкент.

Возвращались медленнее, с остановками, и только теперь почувствовали, до чего все устали.

Галимхан еще бодрился и пытался затянуть песню не песню, а так что-то заунывное из двух-трех нот. Это было так печально, что Юров не выдержал:

— И чего завыл? Подожди хоть собственных похорон, тогда и повоешь.

— Хороший песня, — не обижаясь, отозвался Галимхан. — Ух, какой хороший! Что ты знаешь, Юров? В старые времена пели о великом батыре. Его не смогли одолеть силою, но извели хитростью... Хороший песня!

---

[1] Арбакешная лошадь — упряжная, приученная к работе в упряжке.

В Ташкент рота въехала во второй половине дня. Она пересекла окраины и остановилась. Все улицы, прилегающие к Дому свободы, были запружены народом. Слышались звуки траурного марша.

Из Дома свободы выносили гробы, обитые красной и черной материей.

— Четыре, пять, шесть,— машинально считал Иван Матвеевич, не спрашивая, кого это хоронят.— Восемь, девять, десять, одиннадцать...

По стечению народа, по суровым, хмурым лицам он уже понял: сообщение Белова о расстреле народных комиссаров в казармах 2-го полка было правдой.

А гробы из Дома свободы все несли и несли.

— Где отыскали? — спросил Иван Матвеевич у кого-то из траурной процессии.

— В конюшне, — коротко сказал тот.

— Где?

— Ну да! В конюшне! Там их убили и закопали. Мы весь город перерыли, никак доискаться не могли. А они, оказывается, там. Да ты откуда, что не знаешь?

— Мы за ним гнались, — тихо сказал Иван Матвеевич, — за самим Осиповым.

— Не догнали?

— Ну где там догнать! Кони у нас заморенные, еле плетутся.

Похоронная процессия тронулась. Вслед за гробами прошел почетный караул, поплыли траурные знамена.

Иван Матвеевич выждал, пока прошла колонна последней организации, скомандовал своему отряду построиться и замкнул траурную процессию.

На заре Иван Матвеевич неожиданно проснулся и долго не мог сообразить, что он у себя дома. Где-то под полом скребла мышь. Иван Матвеевич долго ворочался с боку на бок, недоумевая, что это такое могло его разбудить. Он мысленно перебрал в памяти события последних дней и вспомнил засевшее в памяти непонятное слово «лингвист».

«Надо бы у Дрожжина спросить...» — решил он.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

1

Из Пугачева выехали рано утром. Два парных возка бодро скользили по наезженной снежной дороге. В переднем разместились командующий Четвертой армией Михаил Васильевич Фрунзе со своим помощником Федором Федоровичем Новицким, в заднем — адъютант Сиротинский и порученец, молодой, лет восемнадцати-двадцати крепыш, с густыми бровями, которого все за неизменную серьезность и немногословность называли не иначе как по имени-отчеству: Никитой Игнатьевичем.

Было у Михаила Васильевича искушение воспользоваться от Пугачева поездом, но паровозы, ходившие на древесном топливе, снежные заносы и общее состояние же-

лезной дороги заставили предпочесть конную тягу. Так было надежней. К тому же представлялась возможность ближе ознакомиться с местным населением, побывать в воинских частях, расположенных по пути на Уральск.

Надо было самому посмотреть, что происходит в 22-й Николаевской дивизии, держащей фронт против белоказаков, оценить ее боеспособность, разобраться в причинах недавнего мятежа в Орлово-Куриловском полку. О мятеже Фрунзе узнал еще в Москве, куда он, комиссар Ярославского военного округа, был вызван для получения нового назначения. Вместе с ним в Москву прибыл и военный руководитель округа, Федор Федорович Новицкий, в прошлом генерал старой русской армии.

В Реввоенсовете республики, где к военному дарованию Фрунзе относились скептически, Михаилу Васильевичу предложили ехать на Южный фронт, потом передумали и направили в Четвертую армию Восточного фронта членом Реввоенсовета, утвердив командармом Новицкого. Михаилу Васильевичу было все равно. В глубине души он рассчитывал получить полк, не больше. Но тут взроптал Федор Федорович. У него была трезвая голова, и он отлично понимал, что только такой человек, как Фрунзе, мог спаять армию, повести ее за собой.

Своими соображениями Федор Федорович в простоте души поделился с председателем Реввоенсовета, вторично прорвавшись к нему на прием. Невысокий, собранный, он стоял перед председателем Реввоенсовета республики и, слегка волнуясь, решительно заявил, что командовать армией должен Фрунзе, проявивший за время работы в Ярославском округе превосходные знания военного дела и несомненные организаторские способности. Для себя же он считал более приемлемым пост начальника штаба армии. Троцкий холодно выслушал его и сказал, глядя куда-то в сторону: «Вопрос решен. Пересматривать не будем...» Но назначением командующего Четвертой армией заинтересовался Центральный Комитет партии.

После вмешательства ЦК и назначения Михаила Васильевича командармом возникла еще одна отсрочка: от него зачем-то потребовали найти себе заместителя по округу и полностью сдать дела. На это ушел месяц.

А с Восточного фронта долетели тревожные вести. Не так давно сдали Пермь, бросив там железнодорожный состав, санитарный поезд с ранеными и более двадцати

орудий с упряжками. Из-за неорганизованности, а возможно и предательства, почти без боев потеряли около двадцати тысяч красноармейцев и командиров. Линия фронта угрожающе прогибалась...

И, наконец, в Четвертой армии, куда стремился и никак не мог попасть Фрунзе, разразился мятеж.

В 22-й дивизии, защищавшей Уральск, под влиянием антисоветской агитации восстал Орлово-Куриловский полк, сильно засоренный при последней мобилизации кулаками. Главари мятежа убили командира и комиссара полка, связались с белогвардейцами и отказались наступать. Командование армии растерялось, ограничилось полумерами. А восстание разрасталось. К мятежникам присоединились Туркестанский полк и команда бронепоезда. Посланные из штаба армии член Реввоенсовета Линдов и политработники Майоров и Мягги были расстреляны, вновь назначенный комиссаром Орлово-Куриловского полка Чистяков растерзан на митинге.

Троцкий, когда в Реввоенсовет республики поступили сообщения о мятеже, что называется, рвал и метал. В его приемной то и дело вспыхивали сигнальные лампочки. В дверях беззвучно, как привидения, появлялись адъютанты и, получив приказание, ошалело метались по коридорам старинного здания.

Троцкий требова́л немедленно отправить из Москвы несколько полков с тяжелой и легкой артиллерией. Что? То есть как это нет свободных сил? Направлены на Южный фронт? Отменить! Вернуть...

Но прозвучал телефонный звонок из Совета обороны. Владимир Ильич спросил, где сейчас находится Фрунзе и почему его еще нет в Четвертой армии.

«Нет, нет, никаких полков,—сказал он, выслушав Троцкого.— Поторопите Фрунзе. Пусть разберется на месте...»

Самару, где разместился штаб Четвертой армии, явно лихорадило. По улицам мчались ординарцы, и цокот копыт их взмыленных коней летел в переулки, в окна, пугая и без того встревоженных жителей. От центра к вокзалу шли воинские подразделения, шли сумрачно, без песен, не в ногу, закинув винтовки за плечо на ремень. Связисты тянули провода полевого телефона, подвешивая его куда придется: на ближайшее дерево, на забор, на покосившийся

телеграфный столб. Другие снимали уже ранее натянутые линии, силясь разобраться в путанице изолированной проволоки. И всюду были солдаты.

Они стояли в очередях возле каких-то зданий, толпами слонялись по улицам в расстегнутых шинелях, неподпоясанные, группировались на перекрестках, затрудняя движение, рыскали по базарам. Из дома в дом змеились слухи, один другого тревожнее, один другого неправдоподобнее: «Колчаковцы уже заняли Уфу...», «Казаки прорвались и к вечеру будут в городе...», «Штабы эвакуируются... Уже повезли пишущие машинки и комиссарских жен».

На базарах, среди изобилия съестных припасов, среди толп спекулянтов, покупателей, перекупщиков и просто зевак, сновали какие-то юркие личности. Они предлагали акции бывших нефтяных и железнодорожных компаний, не стоившие той бумаги, на которой они были напечатаны, скупали золотые изделия и монеты и попутно, шепотком, сообщали «самые достоверные новости» о разгроме красноармейских частей, о неминуемом падении Советской власти, о восстании в Москве и Петрограде — весь нехитрый репертуар контрреволюционной провокации, рассчитанной на обывательскую глупость.

А по вечерам, едва затихало движение, в городе поднималась стрельба. Стреляли беспорядочно, в воздух, в разных концах города, стреляли, чтобы разрядить винтовку или дурное настроение, от скуки и просто ни с того ни с сего. Со стороны могло показаться, что неприятель уже в городе, что бои идут на улицах, а на самом деле это была «пальба в небо». И на эту пальбу обратил внимание Михаил Васильевич.

«Что это у вас происходит? — спросил он у начальника гарнизона. — Страна напрягается из последних сил, поставляя боеприпасы фронту, а здесь каждый вечер пускают на ветер тысячи патронов. Почему вы не прекратите этого безобразия?!»

Тот безнадежно махнул рукой:

«Пробовали уже, товарищ командующий, запрещали... Да разве их обуздаешь! Стихия...»

Фрунзе нахмурился. Да, в тоне начальника гарнизона была та же неуверенность, которую он наблюдал с первого же дня приезда в Самару. Она сказывалась во всем: и в бестолковых скачках ординарцев по городу, и в захламленности помещений штаба армии, и в чрезмерной первоз-

ности, с какой принимались здесь малейшие неудачи на фронте. Люди словно решили, что им уже ничто не поможет, и работали с оглядкой друг на друга: не опоздать бы, не остаться бы одному, схватить вовремя все эти сводки и карты, скомкать, бросить их в сани... и пошел нахлестывать и коренную и пристяжных!

Это было дико, ни на чем не основано. Две недели назад Первая армия совместно с туркестанскими войсками с боями заняла Оренбург, вышибив оттуда казаков атамана Дутова. Через два дня частями 25-й и 22-й дивизий Четвертой армии был занят центр восставшего белого казачества — Уральск. А здесь настроения были таковы, что с ними о победе и думать было нечего.

Следовало вскрыть причины этой нервозности.

Побыв всего шесть дней в штабе армии и отдав необходимые распоряжения, Михаил Васильевич собрался ехать в Уральск. Его попытались отговорить от этой поездки: у всех еще свежи были в памяти трагические события в 22-й дивизии. Он отмахнулся от непрошеных советчиков:

— Ну да, буду я тут штаны просиживать! А война вообще дело опасное... — и выехал в Уральск.

Вьется заснеженная дорога, мелькают вешки, постукивает на выбоинах возок.

— Не замерзли, Федор Федорович?

Из поднятого воротника тулупа показался заиндевевший клинышек эспаньолки Новицкого.

— Нет, пока терпимо, Михаил Васильевич. Не поднялась бы метель...

Фрунзе вгляделся в горизонт.

— Как будто не предвидится... Хотя в этих краях всяко бывает. Просторы-то какие!

— Да, просторы... — ворчливо отозвался Федор Федорович. — Глазу зацепиться не за что.

Михаил Васильевич коротко рассмеялся.

— Признайтесь, Федор Федорович, что вы все-таки замерзли. Ну почему вы не обулись в валенки? Форсите?

Клинышек эспаньолки исчез в воротнике тулупа.

— Я ноги под носки в газету завернул. Старый юнкерский способ,— послышалось из воротника.— Вы ведь тоже в кожаных сапогах. Думаете, не знаю, почему? Армия-то разута...

Да, армия была плохо обмундирована, недостаточно вооружена и едва насчитывала шесть тысяч человек, тогда

как у противника одних только казаков было до десяти тысяч сабель. Это Михаил Васильевич знал по сводкам. Следовало самому убедиться в том, что ни в каких сводках не отражалось: в боеспособности ее частей, в качестве командного и политического состава.

Въехали в какое-то село, огромное, раскинувшееся на десяток километров и явно зажиточное. Добротные пятистенные дома с вместительными надворными постройками, обнесенные плетнями или заборами из штакетника, отстояли на значительном расстоянии друг от друга. Видимо, жили здесь просторно и сытно.

На улице то и дело встречались подвыпившие сельчане, на площади возле гармошки толпилась молодежь.

— Масленица,— сказал Михаил Васильевич.— Гуляют мужички. А вон и винокуренные заводы,— указал он на прозрачные дымки, курившиеся над трубами некоторых изб. Самогон добывают.

— А вы почему так решили?— отозвался Федор Федорович.— Может, они блины пекут...

— Ну, нет! Когда блины, дым погуще. А этот как паутинка. Ошибиться трудно. На это я еще в бытность в Верхоленском уезде нагляделся.

В Верхоленском уезде Иркутской губернии, куда Фрунзе попал «на вечное поселение» после двукратного смертного приговора и шестилетнего заключения во Владимирской, Николаевской и знаменитой зверским режимом Александровской центральных каторжных тюрьмах, Михаил Васильевич организовал из ссыльных поселенцев кружок по изучению военных знаний, названный в шутку военной академией. Ленин в письмах из-за границы настойчиво советовал большевикам изучать военное дело. Первая мировая война принимала явно затяжной характер. Она не могла не окончиться поражением русского империализма. Следовало использовать ссылку, чтобы подготовиться к тому времени, когда придется брать власть в свои руки, а главное — удерживать ее.

Фрунзе улыбнулся в усы, вспомнив споры у карты Европы. Эту географическую карту он добыл в Иркутске тайно от полиции, проделав четырехдневный путь из Манзурки, своего места поселения, когда ездил за столярным инструментом для колонии ссыльных. Споры были ожесточенные, яростные: в ссылке, как и по всей России в те дни, люди делились на оборонцев и пораженцев.

К Уральску подъехали под вечер. У крайнего дома на заставе стояли два красноармейца.

— Стой! Кто такие?

От стены отделился один из красноармейцев, лениво, в развалку подошел к переднему возку.

— Кто такие будете?

Федор Федорович не выдержал, взорвался:

— Командарм,— сказал он, как выстрелил, возмущенный тем, что часовой не вызвал караульного начальника.— Вас разве не предупредили о его приезде?

— Кажи документы,— подошел второй красноармеец.— Мало ли тут ездит. О всех не напредупреждаешься.

Новицкий хотел было что-то сказать, и, видимо, резкое, но Михаил Васильевич жестом остановил его и предъявил свое удостоверение.

— Остальные — со мной.

Часовой не торопясь прочитал документ, шевеля губами, зачем-то посмотрел его с обратной стороны и, возвращая, сказал:

— Езжайте.

— Простите, Михаил Васильевич,— заговорил взволнованно Новицкий, когда они отъехали от заставы.— Но это черт знает что! Не понимаю, как вы можете допускать такое!..

Фрунзе усмехнулся:

— Не отсюда надо начинать, Федор Федорович. Взыскать с часовых, что не вызвали начальника караула, что тот не отдал рапорт командарму, нетрудно, но разве дело в этом? В дивизии произошли события из ряда вон,— я имею в виду гибель Линдова и других,— а в штабе фронта никто ничего толком не знает. Болтают о мятеже, о сплошь кулацких селах в этом краю, хотя таких в природе вообще не существует. Беседовал я и с руководителями особого отдела — та же песня: следствие выдают за причины и тоже толком ничего не знают.

По улицам, в распахнутых шинелях, группами и в одиночку бродили красноармейцы, под переборы гармошки пели залихватские частушки:

Эх, саратовску Матаню
Знаю вдоль и поперек,
Знаю, как она танцует,
Знаю, как она поет...

Михаил Васильевич обратил внимание на то, что многие из них были в кожаных куртках, что называется, «с иголочки» и в новых хромовых сапогах.

— Откуда это у них?

— Первая бригада, занявшая Уральск, захватила склад кожи да, видать, как это говорится, и размайданила его. В общем, действуют по праву первой ворвавшейся части эпохи средневековых войн. В штабе армии я видал об этом донесение. Подшито оно в «деле» аккуратно, но, кажется, там этим и ограничились.

На повороте из дома вышел красноармеец, тоже в кожанке, накинутой на плечи, и с винтовкой в руке. Он постоял на крыльце, со скукой посматривая на мутную, в облаках, луну, и вдруг вскинул винтовку и с азартом один за другим выпалил все пять патронов вверх, «по звездам».

Михаил Васильевич остановил возницу, спросил у красноармейца:

— Полегчало?

Тот с минуту стоял, очумело глядя перед собою.

— Полегчало, говорю?! — повторил Михаил Васильевич.— Чем от казаков будешь отбиваться?

Красноармеец очнулся, вызывающе посмотрел на командарма:

— А тебе что за дело? Ты, что ли, за меня будешь их бить?! — и пошел в дом, бормоча: — Ездиют тут всякие...

Возок тронулся в путь. А пальба, бесцельная, глупая, не утихала. Стреляли и справа и слева, позади и далеко впереди, словно на город ринулся неприятель и надо было выдержать, отстоять его.

Федор Федорович давно уже держал на ладони прекрасный хронометр в золотой оправе и несколько раз, включая секундомер, что-то сосредоточенно подсчитывал в уме. Фрунзе искоса наблюдал за ним и не мешал.

— Да,— сказал Новицкий, ставя стрелку секундомера в исходное положение,— этак они, если пересчитать по всей армии, миллиона три патронов ежедневно пускают на ветер.

— Ну уж и три,— возразил Фрунзе, взяв у него из рук хронометр и любуясь им.— Откуда у вас такая роскошь?

— Именной. За Карпаты получил, когда с дивизией прикрывал отступление нашей армии,— пробормотал Федор Федорович в воротник тулупа и вдруг вскинулся: — А относительно патронов вы напрасно сомневаетесь. Три

миллиона, не меньше! Я и в Самаре подсчитывал и по пути. Везде одно и то же. Прекратить надо!

«Да, прекратить бесцельную трату патронов следует самым решительным образом,— думал Фрунзе,— но ведь это только часть того, что надо сделать по оздоровлению армии, и не самая главная. Это лишь следствие общего состояния дисциплины, потери боеспособности, неуверенности в своих силах».

Впереди показались огни в окнах штаба дивизии.

2

Земля дымилась поземкой. Снежная пыль, шурша, струилась по широкому плацу Уральска и наметала сугробы у стен давно опустевших лабазов и базарных рундуков. В мути позднего зимнего рассвета темнели, как маяки, фигуры линейных бойцов, высланных начальником гарнизона на предстоящий смотр войскам. В отдалении, на левом фланге, стояла кавалерийская воинская часть Богучарова. Она стояла стройно, что называется, «ухо в ухо». Кони ее были как на подбор, хорошо выкормленные, оседланные по всем правилам. Под стать были и кавалеристы: в длинных шинелях, в лихо заломленных папахах. Но, за исключением этой части и линейных, на плацу не было никого.

Михаил Васильевич взглянул на часы. Время смотра уже наступило, а войск еще не было. Он стоял у окна в отведенной ему квартире, смотрел на видневшийся вдали пустынный городской плац, и глубокая резкая складка, прочертившая его лоб, не разглаживалась.

Накануне начальник 22-й Николаевской дивизии и как старший по должности — начальник гарнизона города Сапожков, получив приказ командарма о смотре, созвал старших командиров частей, расквартированных в Уральске.

В городе находились первые бригады 22-й Николаевской и 25-й Самарской дивизий. Обе они две недели назад штурмом овладели Уральском, выбив оттуда белоказаков. Но начдив 22-й Сапожков, пользуясь своим положением начальника гарнизона, при всяком удобном и неудобном случае выдвигал на первый план свою бригаду, умаляя заслу-

ги Самарской. Это обстоятельство и породило между начсоставом бригад нездоровые отношения. Самарцы относились ревниво к своей славе одной из лучших бригад фронта и всякое умаление ее, действительное или мнимое, встречали, что называется, в штыки.

Узнав о прибытии Фрунзе, они ждали, что новый командарм первым делом посетит их часть, но Михаил Васильевич, встревоженный недавними трагическими событиями, прежде всего занялся 22-й дивизией. Начсостав 1-й Самарской бригады, напрасно прождавший Михаила Васильевича полдня, обиделся. К тому же до Уральска уже долетел кем-то пущенный провокационный слух, что новый командарм — немец и бывший царский генерал. Слух этот заметался по гарнизону, обрастая подробностями, будто прислан Фрунзе с особыми полномочиями и, в наказание за мятеж в Орлово-Куриловском полку, намерен ввести здесь дисциплину покруче, чем в старой русской армии.

Настроения эти не были секретом для Сапожкова. Он и решил на них сыграть, чтобы выставить соперников перед новым командармом в самом невыгодном свете.

Совещание старших командиров гарнизона Сапожков созвал не в штабе, а у себя на квартире. Так ему было удобнее показать этим заносчивым самарцам, кто здесь в городе хозяин.

Как и следовало ожидать, командиры бригады самарцев, раздосадованные бесплодным ожиданием командарма, встретили весть о смотре враждебно. Это сказывалось в недомолвках, в иронических замечаниях, бросаемых вскользь, но с расчетом попасть прямо в цель. А командир Пугачевского полка Плясунков, временно замещавший комбрига Кутякова, бывшего в краткосрочном отпуске, не замедлил съязвить:

— Вам оно, понятно, виднее. Всякие там смотры, парады, церемониальные марши... А наше дело — беляков бить.

Сапожков не сдержался:

— Одни вы воюете?

— Почему одни? — возразил с усмешкой Плясунков.— Только враги у нас порою бывают разные. Мы колчаковцев бьем, а кое-кто своих комиссаров.

Сапожков закусил губу. Объявив наскоро о времени смотра, он закрыл совещание.

По пути домой Плясунков поостыл и, прощаясь со своими командирами, сказал, что на смотр войска вывести все-таки надо. Те хмуро выслушали его и разошлись.

Оставшись один, Сапожков долго ходил из угла в угол. Раздражение, вызванное замечанием Плясункова, не улеглось. Хуже всего, что Сапожкову нечего было возразить. Когда начался мятеж в Орлово-Куриловском и Туркестанском полках, белоказаки атаковали Уральск, и, не подоспей Кутяков со своей бригадой,— с Уральском пришлось бы распроститься. Но в этом Сапожков даже себе признавался неохотно, тем более он не мог снести такого рода напоминания от кого бы то ни было. Кутяковцев следовало осадить.

И когда к Сапожкову явился начальник штаба, чтобы уточнить последние распоряжения относительно смотра, у него уже созрел план.

— Вот что,— сказал Сапожков своему начальнику штаба,— ты тут намудрил. Кутяковскую бригаду надо поставить на левый фланг. Первыми пройдут наши части, все до единой. Понятно?..

— Не за обозами же их ставить,— попытался было возразить начальник штаба.— Все-таки строевые войска.

Но тут Сапожкова, что называется, прорвало. С грязной бранью он стукнул кулаком по столу:

— Войска!.. Войска! А что мне в них, в этих войсках! Пройдут сначала все наши части. Все! С кухнями, с обозами... А потом — они, пусть показывают командарму свою стать.

Начальник штаба, зная характер своего начдива, молчал.

— Да скажи нашим,— крикнул Сапожков вдогонку начальнику штаба, когда тот был уже на пороге,— пусть на парад явятся дружно, как штык!

Об этом совещании стало известно и командарму. Весть эту принес, как всегда хорошо обо всем осведомленный, Никита Игнатьевич. В комнате Михаила Васильевича водворилось напряженное молчание. Адъютант командующего Сиротинский с затаенной надеждой поглядывал на Новицкого. Тот пофыркивал, как рассерженный еж, и хмурился. Фрунзе невозмутимо продолжал рассматривать карту фронта в районе Уральска.

Федор Федорович наконец не выдержал:

— Не поймите меня превратно, Михаил Васильевич,— сказал он.— Я не страдаю боязнью масс, но кажется мне — момент для смотра выбран неудачно.

Фрунзе поднял взгляд от карты, сказал просто:

— В вашей личной храбрости, Федор Федорович, никто и не сомневается, но почему вы считаете момент для смотра неудачным?

— Да как вам сказать,— замялся Новицкий.— Не улеглось здесь еще после Линдова... Вы же видели, как держался начсостав дивизии на совещании: молчат, как идолы, и в глаза не смотрят. Нехорошо...

— Хорошего, конечно, мало,— в раздумье отозвался Фрунзе.— А вам, Федор Федорович, приходилось видеть. чтобы мятежи гасли сами собою, без резкого противодействия?

— Но ведь мятежа-то уже нет, открытого, по крайней мере.

— Вот именно, открытого!.. Но состояние дивизии таково, что вспыхнуть он может в любой день. Это как затаившийся пожар или скрытый недуг. Не так ли?

Новицкий промолчал. Михаил Васильевич еще раз пробежал взглядом по карте.

— Вот что, Федор Федорович,— сказал он,— подготовьте распоряжение. Полки Отдельной Покровской бригады надо влить в состав двадцать второй Николаевской дивизии. Они понадежнее. И разместить их распоряжением начдива (не будем действовать через его голову) от станции Алтата до Уральска. Наш Иваново-вознесенский отряд, прибывший в Самару, направьте форсированным маршем в Уральск, временно разместите здесь и разверните в полк. Самарский батальон следует подтянуть к Уральску, на линию Уральск—Оренбург, и тоже развернуть в полк... Не знаю, что собой представляет Балаклавский отряд...— Фрунзе на минуту задумался.— Впрочем, его тоже разместим по тракту Уральск—Оренбург и развернем в полк. Так у нас получится, помимо Покровской бригады, три свежих полка, не зараженных местными настроениями. Из них — два абсолютно надежных, о состоянии же балаклавского начдив двадцать второй доложит мне в Самару.

Он помолчал немного и обратился к Сиротинскому:

— Сергей Аркадьевич, телеграфируйте в Самару ивановознесенцам, пусть Фурманов, Волков, Шарапов и

Дронов, не дожидаясь отряда, немедленно выезжают в Уральск... Теперь, кажется, все.

Фрунзе откинулся на спинку стула, как человек, наконец-то отыскавший решение трудной задачи.

— А смотр?..— заикнулся было Сиротинский.

— Состоится завтра в назначенное время...

Было это вчера, а сегодня Михаил Васильевич стоял у окна отведенной ему квартиры, смотрел на видневшийся вдали городской плац и думал о том, как трудно, со скрипом укладывается в жесткие рамки армейских формирований буйный порыв, взметнувший людей на борьбу со старым миром. Дисциплина, неразлучная с муштрой, рухнула. А как должна выглядеть новая — понимали еще немногие, пугало, отталкивало само слово «дисциплина», невольно вызывавшее в памяти весь арсенал мер воздействия царской армии, от фельдфебельской зуботычины до перекрестного пулеметного огня.

И все же начинать следовало с дисциплины. Надо было противопоставить офицерским дивизиям противника боеспособные, спаянные революционной дисциплиной части Красной Армии.

...Начдив Сапожков все же просчитался. Он думал, что взбешенные командиры 1-й Самарской бригады либо совсем не выведут свои подразделения на смотр, либо выведут со значительным опозданием, чтобы подчеркнуть свое отношение к этой, на их взгляд, никчемной затее нового командарма. Он даже представлял себе, как это произойдет. Его дивизия будет уже построена на плацу в образцовом порядке, когда начнут прибывать самарцы. Тут он им и укажет на место в конце построения, за обозами своей дивизии. Укажет громко, внушительно, так, чтобы все слышали. Хорошо, если бы произошло это в присутствии командарма. Тогда поражение соперников было бы полное. И к нему, Сапожкову, не придерешься. Сами опоздали, на себя и пеняйте. Вот и стройтесь теперь за нашими обозами. Там ваше настоящее место...

Но все получилось не так.

Первая пехотная часть его дивизии, опоздав на полчаса, явилась, шагая вразнобой, переговариваясь в строю. Командир при входе на площадь стал преувеличенно громко отсчитывать шаг, сам порою сбиваясь с ноги.

С десятиминутными интервалами стали прибывать и остальные.

Старшие командиры, сгруппировавшись в центре, разговаривали о пустяках, мало заботясь о построении своих частей. Это передалось и бойцам. В строю зашевелились, послышались разговоры, кое-где задымили цигарки.

Плясунков, заметив, что его бригаду отводят на левый фланг и выстраивают за обозами Николаевской дивизии, ожег взглядом начдива Сапожкова:

— Это что же, по вашему приказанию?

Тот на миг смутился. Не так у него получилось, как намечал. Части его дивизии не явились вовремя на плац. Но он быстро оправился. Будь здесь Кутяков, Сапожков, может быть, и не рискнул бы на такое оскорбление. Хорошо был известен характер комбрига Первой. Но с командиром полка Плясунковым можно было и не считаться.

— А что здесь такого?— сказал он с вызовом.— Не буду же я ломать дивизию для вашего удовольствия. Вот пройдет Двадцать вторая, будете маршировать и вы.

Плясунков круто повернулся и направился к своей бригаде. Он боялся, что не выдержит и наделает глупостей.

А в группе командиров 1-й бригады не стеснялись открыто выражать свое недовольство.

— Забавляемся,— говорил один из них,— маршируем...

Его поддержали:

— В солдатики играют.

К ним подошел командир батальона, высокий, молодцеватый парень с чубом, заломленным кверху, на папаху.

— Долго стоять-то будем? Что ж командующий не едет?

Из группы отозвались:

— Подождешь...

— Я людей морозить не буду,— решительно заявил комбат.— Не старый режим! Федька,— окликнул он помощника,— поворачивай обратно.

Кто-то попытался образумить его:

— Не дури, Хвостов. Под суд попадешь.

Хвостов и сам почувствовал, что зарвался, но решил, что сойдет и на этот раз безнаказанно, как сходило раньше.

— А, идите вы...— отмахнулся он и, чувствуя, что на него смотрят сотни глаз, четко прошел к своему батальону и вызывающе скомандовал:

— Нале...ва! Правое плечо вперед... Шагом... марш!

Образовавшееся по фронту свободное пространство хотели закрыть, передвинув части, но не успели.

— Внимание! — послышалась команда.

Командиры разбежались по своим местам.

— Смирно!

Начальник дивизии, держа руку под козырек, подошел к Фрунзе с рапортом.

Михаил Васильевич видел самодовольное лицо начдива, слушал обычные слова рапорта и вдруг почувствовал, что именно сейчас, вот здесь, на смотру, должно быть положено начало разгрома противника.

Четко, уверенно прошел он к правому флангу, сказал, чеканя слова:

— Здравствуйте, товарищи!

Ему ответили нестройно, вразброд.

Так же четко прошел он ко второй части и тоже чеканя слова:

— Здравствуйте, товарищи!

Он шел вдоль фронта сомкнутых шеренг, всюду подмечая следы недисциплинированности, прошел, не ускоряя шаг, мимо зачем-то выведенных на смотр полевых кухонь и обозов, мимо свободного пространства, оставшегося на месте самовольно ушедшего со смотра батальона, порадовался при виде конной части Богучарова — те ответили на приветствие командира дружно — и когда кончил обход, сказал резко:

— Старших командиров и комиссаров через час прошу явиться ко мне!

...Они собрались, мрачно выслушали замечания командарма и разошлись, не сказав ни слова.

Часам к двум дня из штаба 1-й бригады явился посыльный с пакетом, адресованным: «Командующему Четвертой».

У Михаила Васильевича в это время шло оперативное совещание. Предстояло в ближайшие дни разгромить главные силы белоказаков, группировавшиеся в районе форпостов Чеганский, Владимирский, имея в виду в дальнейшем занять оплот белого казачества — Лбищенск. Первым этапом в этом наступлении было большое казацкое селение Щапово.

Получив пакет, Михаил Васильевич вскрыл его, быстро прочитал, явно удивился и прочитал еще раз.

В пакете было сказано:

«Командарму 4.

Предлагаю Вам прибыть в 6 часов вечера на собрание командиров и комиссаров для объяснений по поводу ваших выговоров нам за парад.

Врио комбрига Плясунков».

Слово «парад» было выведено с ехидной тщательностью и покрупнее других.

— Оставить без ответа,— сказал Михаил Васильевич и передал пакет Новицкому.

У Федора Федоровича тоскливо сжалось сердце.

«Ну, началось...» — подумал он, прочитав записку, и в памяти опять возникли кошмарные подробности только что затихшего мятежа, о которых он был достаточно наслышан, а под руками, как на беду, нет ни одной надежной воинской части. Улучив минуту, Новицкий вышел в соседнюю комнату и поманил к себе Сиротинского.

— Сергей Аркадьевич, что же делать, а? Ведь этак может произойти непоправимая беда... Какую-нибудь часть вызвать с фронта?

— Может, обойдется еще...— неуверенно сказал Сиротинский.— Михаилу Васильевичу приходилось со всяким сталкиваться.

— Да, конечно,— уныло отозвался Новицкий.— Но все это было не то. А тут стихия... Вооруженная стихия.— Он вздохнул.— А все-таки каким молодцом он держался с командирами на разборе итогов смотра. Все увидел, все подметил, да так им прямо в глаза и выложил! Поверите ли, Сергей Аркадьевич, у меня по спине мурашки бегали. Давно я себя так не чувствовал; пожалуй, со времени выпуска из юнкерского...

Федор Федорович помолчал, что-то обдумывая, и спросил Сиротинского:

— А вы заметили на смотре кавалерийскую часть?

— Богучарова?

— Вот именно. Она очень выделялась дисциплинированностью. И сдается мне, что командир и его часть не разделяют общих настроений. Держатся они, во всяком случае, особняком... Может быть, ее изъять из бригады и прикомандировать к командарму?

— Богучарова Плясунков прямо со смотра отправил в разведку,— сообщил Никита Игнатьевич.

— Да?.. Скверный признак. Что-то они там затевают...— Новицкий покачал головой и вернулся в кабинет Фрунзе.

Вскоре за ним в кабинет вошел и начальник особого отдела дивизии. Он молча подал командующему сложенный вчетверо листок бумаги. Михаил Васильевич быстро прочел, чуть прищурился, взглянул на начальника особого отдела:

— Этот, чубатый?

— Да, комбат Хвостов,— вполголоса, чтобы не слышали остальные, подтвердил тот.

— Сведения точные?— с сомнением спросил Фрунзе.

— Безусловно. Возможно только, неполные...

— Хвостов... Хвостов,— в раздумье сказал Фрунзе.— Правда, я видел его издали, но кажется, что мы с ним уже встречались, да и фамилия как будто знакомая. Вот никак не могу вспомнить... Как он оказался здесь?

— Прислан штабом фронта.

— Ну что ж, продолжайте заниматься этим фруктом.

Начальник особого отдела вышел. Фрунзе сказал присутствовавшим на совещании:

— Все как будто ясно. Щапово надо взять на рассвете, когда казакам особенно хорошо спится. Внезапность атаки занимает не последнее место в наших расчетах, поэтому надо выступить точно, в назначенное время и продвигаться скрытно до неприятельских постов охранения, а если удастся, то, сняв посты, и дальше... Подчеркните это в приказе особо,— обратился он к начальнику дивизии.

Не постучавшись, вошел посыльный.

— Товарищ Плясунков спрашивает, будете ли вы на собрании или нет?

Посыльный хоть и робел, но держался нагловато. Видимо, и ему передались настроения начальников.

Собеседники, затаив дыхание, ждали.

— Хорошо, приду...— сказал Фрунзе и продолжал заниматься разбором предстоящей операции.

— Ну вот и все,— закончил он и поднялся.— Можете быть свободны.

В кабинете остались Федор Федорович, начдив и Сиротинский, убиравший со стола топографические карты.

— Разрешите вас сопровождать,— с полувопросом обратился к Михаилу Васильевичу Сапожков. Ему очень не хотелось быть в 1-й бригаде на собрании, но положение начальника гарнизона обязывало.

У Фрунзе чуть приподнялась правая бровь.

— Это зачем?

— Как начальник дивизии и...

Михаил Васильевич прервал его.

— Как начальнику дивизии вам следовало бы позаботиться о дисциплине в своей части; для начала хотя бы о дисциплине командного состава.— Он жестом остановил пытавшегося что-то сказать начдива.— В происходящем здесь я не склонен винить только вас. Да и не в этом сейчас дело, кто и насколько виноват.

— Простите, Михаил Васильевич,— не выдержал Новицкий,— но нельзя же, в самом деле, вам идти одному!

— А что это изменит, Федор Федорович, пойду ли я один или даже вчетвером?

Новицкий не нашелся что возразить.

...Фрунзе ушел, взяв с собою только адъютанта.

С тяжелым чувством провожал их взглядом, из окна приемной, Никита Игнатьевич. Он не ожидал от этой встречи ничего доброго. Надо было что-то предпринять, чтобы оградить командарма от какой-нибудь выходки «взбесившихся дураков», как мысленно окрестил он участников этого нелепого собрания. Но что он мог сделать? И сознание собственного бессилия угнетало его.

В приемную вышли начдив и Новицкий, растерянно переглядываясь и пожимая плечами.

Никита оторвался от окна, не торопясь оправил пояс, крутнул барабан нагана, проверяя, заряжен ли.

— Пойти размяться,— сказал он густым басом, ни к кому не обращаясь.

Федор Федорович, пытливо посмотрев на него, посоветовал:

— Только осторожнее...

— Не маленький,— отозвался Никита Игнатьевич, засовывая по гранате в карманы шинели, и вышел.

Еще не доходя до дома, где собирались командиры и комиссары 1-й бригады, Фрунзе услышал гам, крики, густую соленую брань. Видимо, все говорили там сразу, стре-

мясь заставить слушать только себя и перекричать других.

Фрунзе вошел в сени, поискал руками в темноте дверную скобу и открыл дверь.

В комнате клубился едкий махорочный дым. Керосиновая лампа мигала бледным пятном; ей не хватало воздуха.

В переднем углу, на скамейке, сидел, облокотясь на стол, Плясунков.

Это был рослый мужчина с резкими чертами малоподвижного лица, самолюбивый и упрямый, один из тех, кто почти всегда выдвигается на первый план при всякого рода неорганизованных сборищах. В прошлом солдат старой русской армии, человек незаурядной личной храбрости, он добровольно вступил в Красную Армию и вскоре выдвинулся в командиры. Был он сметлив, а частые удачи и малая политическая грамотность сделали его самоуверенным.

Обидевшись на замечания Фрунзе, он созвал командиров, чтобы, как он выразился, «поставить нового командарма на место». Плясунков смутно представлял себе, как это произойдет: скажет ли он командующему нечто веское, убедительное или резко потребует извинений, и пусть все видят, что он никому не позволит делать ему замечания при подчиненных...

Но все вышло иначе. Собрание, словно конь, закусивший удила, вышло из повиновения. Попытки Плясункова руководить им ни к чему не привели, потому что у каждого в душе таилось: если комбриг замахнулся на командарма, то почему ему надо считаться с комбригом, да еще на собрании?..

Плясунков сидел за столом, красный, распаренный, и чувствовал, что еще немного, и он не выдержит; подымавшееся в нем бешенство вот-вот дойдет до горла, и тогда он сам не знает, что сделает: застучит ли по столу кулаком, закричит ли дурным голосом с упоминанием души, бога, матери и всего прочего, или молча выхватит наган и разрядит его прямо перед собою в первого, кто подвернется.

Внезапно в комнате стало тихо. На пороге стоял Фрунзе...

Взобравшись на карниз, Никита через окно видел, как Михаил Васильевич что-то сказал, вероятно поздоровался.

В ответ никто даже не шевельнулся.

Неторопливо прошел Фрунзе мимо сторонившихся при его приближении командиров и, сев на скамейку, чуть в стороне от президиума, что-то спросил.

И тут прорвалось. Высокий истерический голос донесся из затемненного угла:

— Да что же это такое, братцы! Мы тут воюем, кровь проливаем, а всякие приезжие из центра...

Шквалом взметнулся многоголосый стремительный рев, навис, ударился в плотную, будто литую фигуру командующего, задребезжал стеклами, рассыпался выкриками:

— Нас!.. Нас... боевых командиров!..

— ...Позорить!

— Маршировке учить!..

И снова накатился вал, ударился, рассыпался:

— В генералы метите!..

— По золотым погонам стосковалось немецкое превосходительство!..

Никите было видно, как через толпу, забившую проход, работая локтями, настойчиво пробивался вперед командир с лихо заломленным на папаху чубом.

«Это же тот, что увел со смотра свой батальон,— отметил в уме Никита.— Интересно, что ему, чубатому, нужно?» — Он шарахнулся в сторону, затаился у стены: показалось, что Михаил Васильевич пристально посмотрел в окно.

А Хвостов упорно пробивался вперед. Он вспотел, чуб его растрепался, глаза были воспалены то ли от бессонницы, то ли от беспробудного пьянства.

И опять у Михаила Васильевича возник вопрос: «Где же все-таки я его видел?» И вдруг он вспомнил Москву, улицу Петровку, справа — колонны Большого театра, а впереди — здание гостиницы «Метрополь», огрызающееся яростными пулеметными очередями, беспорядочной ружейной пальбою.

Михаил Васильевич только что приехал в Москву. С трудом добравшись до дома генерал-губернатора, занятого теперь Военно-революционным комитетом, и узнав, что в Москве началось свержение Временного правительства, он послал в Шую Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов телеграмму, чтобы оттуда срочно выслали сформированный им двухтысячный вооруженный рабочий от-

ряд, а сам с винтовкой в руках присоединился к войскам, атаковавшим в «Метрополе» защитников Временного правительства. И вот здесь-то, в «Метрополе», на главной лестнице, Михаил Васильевич увидел поручика с безумными от страха глазами, спускавшегося с четвертого этажа в сопровождении низкорослого, рябоватого солдата в длинной, не по росту, шинели. «Иди, иди, гад,— говорил солдат, норовя пощекотать офицера штыком.— Там тебе, кабысдоху, покажут, как людей калечить, детей сиротить, покажут!.. Я тебя, гада, заприметил, еще когда ты из окна с пулемета поливал по нас. Ну, думаю, доберусь я до тебя, прямо так об мостовую и шваркну. А он, гад, что придумал!— обратился солдат к стоявшим на лестничной площадке бойцам.— Вломился это я в номер, что, думаю, за оказия: пулемет аж кипит, как самовар, вокруг — лент настрелянных, гильз — тьма, а пулемегчика нет. Я туда-сюда, и под кровать заглянул, и в ванную, и в закуток, где у них сортир устроен, чтобы, если кому случится по нужде, недалеко ходить,— а пулеметчик как сгинул. Только вижу я, в шкафу дверка чуть колыхнулась, а это он там притаился с наганом и сидит. Ну, я малость его прикладом и утихомирил... Счастлив твой бог, что не застал я тебя, гад, у пулемета...»

Кто-то посоветовал: «А что ты с ним нянчишься? Пхни штыком, и делу конец». «Э-э, нет! Непорядок,— возразил солдат.— Застал бы я его у пулемета, когда я был в сердцах, другой разговор. А так мясник я, что ли?» На площадке зашумели, и неизвестно, какова была бы судьба офицера, не вмешайся Фрунзе.

И вот теперь он видел этого бывшего офицера, настойчиво пробивавшегося к нему. Хвостов уже добрался до средины комнаты, но дальше не смог: перед командиром люди сгрудились особенно плотно, плечо в плечо.

Хвостов приподнялся на носки и через голову других бросил угрожающе:

— Уже забыли Линдова, командующий!..

Михаила Васильевича передернуло. Если от вчерашних штукатуров, кузнецов, безземельной крестьянской голи он многое мог снести, зная, что и возмущение их и это безобразно-нелепое собрание только следствие невысокого политического и культурного уровня, то этот чубатый был совсем из другого теста. Он-то хорошо понимал, что делал.

— Вы этого хотели, Плясунков?— вполголоса спросил Фрунзе.

Лицо комбрига налилось, как спелая вишня. Он не знал, что ответить.

Фрунзе встал.

— Прекратите базар!— негромко, но четко прозвучал его голос.— Вы понимаете, что делаете? Какой пример вы подаете бойцам?!

В комнате затихли.

Клевавший от усталости носом Богучаров вдруг очнулся и с веселым удивлением посматривал вокруг. Он со своими конниками сегодня проскакал верст пятьдесят по тылам противника, на собрание явился с опозданием, когда Фрунзе был уже здесь. Кто-то невдалеке от входа уступил ему место. Богучаров сидел на лавке, опершись на зажатую в коленях саблю, тщетно борясь с дремотой, мягко обволакивающей все его уставшее тело. Проснулся он мгновенно, как только затих шум.

— Чем же вы меня хотите испугать? Смертью?..— говорил Михаил Васильевич в наступившей тишине.— Но царское правительство два раза по приговору военного окружного суда пыталось меня повесить... В Иваново-Вознесенске казаки, арестовав, накинули мне петлю на шею и волокли меня по улице. Были и другие случаи... Так что смерть я видывал и довольно близко... Здесь много болтали о генерале. Не знаю, может быть, это и так. Но если я и генерал, то генерал от революции. И военную академию я заканчивал в Николаевской центральной каторжной тюрьме, а позднее — в ссылке в Сибири... Неплохая академия, если хочешь чему-нибудь научиться.

— Тэ-эк-с!— не без ехидства отозвался кто-то за спинами окружавших Фрунзе.— Стало быть, еще покруче завинтим, командующий!..

«Это — Хвостов»,— отметил в уме Михаил Васильевич, а вслух сказал:

— Здесь нет командующего. Командующий на таком собрании не может, не должен присутствовать. Здесь — член партии. И от имени партии я подтверждаю все свои замечания, сделанные за смотр. Сейчас я убедился, что был излишне мягок, но не рекомендую истолковывать это как признак слабости. Больше таких собраний не будет. Если понадобится, я не остановлюсь ни перед чем, но разлагать армию не позволю!..

— Вот теперь все ясно,— послышался возглас.— Запахло самодержавием...

Фрунзе поискал глазами и увидел нагло ухмылявшегося Хвостова. Командир батальона чувствовал себя уверенно. Его залихватский чуб, уже приведенный в порядок, придавал ему вид бравого рубаки и «своего» парня.

Михаил Васильевич шагнул к нему. Плотная стена людей, разъединявшая их, расступилась.

— Почему вы здесь?— И в сторону комбрига:— Разве приказ об отстранении Хвостова от командования батальоном не выполнен?

Плясунков заерзал, не зная, куда ему деваться. Хвостов вызывающе молчал. Сочувствие собрания было на его стороне. Это понимал и Фрунзе. Он подумал, что, пожалуй, начальник особого отдела дивизии не поблагодарит его за то, что он сейчас скажет, но иного выхода не было. Следовало отсечь этого чубатого от остальных командиров.

— Послушайте, вы, бывший лейб-гвардии поручик,— сказал Михаил Васильевич в нарастающей тишине,— с чего это вы вздумали причесываться под загулявшего мастерового?.. Вы хотя бы фамилию изменили. А то ведь фамилия-то дворянская, столбовая...

— Вы ошибаетесь! Это неправда...— Хвостов хотел сказать это веско, но получилось как-то неубедительно.

— Да ну? Значит, это не вы из окна «Метрополя» поливали нас свинцом из пулемета? Не вас ли это вытащил солдат из гардероба?

Командиры и комиссары недоуменно переглядывались, словно спрашивая друг друга: «Что это? Что он говорит?» В бригаде Кутякова не переносили бывших офицеров и даже слегка бравировали этим: вот, мол, какие мы! Ни к кому на выучку не идем! И вдруг оказалось, что этот комбат, которого они готовы были защищать, как своего, рабочего человека, тоже бывший офицер.

Фрунзе пожал плечами.

— Удивительно, как это у вас совмещается: презрение ко всем без исключения бывшим военным с трогательной защитой этого молодца. Или ему поставлено в заслугу нарушение приказа?

Командиры от смущения старались не встречаться с ним взглядом. И только Хвостов готов был броситься на командира. Но настроение окружающих было уже не то.

Хвостов рванулся к выходу.

— А ну, погоди!— послышалось от дверей.— Куда спешит твое благородие?

Выход загородил, привычно шаркнув рукою по поясу, рослый плечистый командир-кавалерист. Хвостов остановился.

— Богучаров, к порядку,— сказал Плясунков.

— Виноват, товарищ комбриг. Это вот чубатого надо бы призвать к порядку...— Он оглядел собрание.— Я к нему уже давно приглядываюсь, и сдается мне, что такого прохвоста не часто встретишь... Очень мы не в меру доверчивы.— Богучаров махнул рукою.— А ну вас... Товарищ комбриг, разрешите уйти, с устатку ноги не держат...

Тихо было в зале. Так тихо, что слышно, как стучал маятник старых, засиженных мухами часов-ходиков.

Фрунзе ждал, не скажет ли еще кто-нибудь, но командиры молчали. И без того было сказано и сделано за день так много ненужного, вредного. Они и сами теперь не вполне понимали, из-за чего началась вся история. Ну да, был смотр, и на смотру многие показали себя не с лучшей стороны. Пришлось выслушать от командарма неприятную правду. Но разве сами они не так же требовательны к своим подчиненным?! Многие из них были еще солдатами в прошлую войну и хорошо знали, к чему ведет всякое неподчинение на фронте. Так зачем же понадобилось это собрание? Они смотрели на командарма: он явно их не боялся. И это им тоже нравилось.

— Имеете еще что-нибудь?

Все молчали. Фрунзе козырнул и медленно пошел к выходу. Кто-то вежливо посторонился и открыл ему дверь.

Зимняя морозная ночь. Звезды яркие, будто вымытые. В отдалении глухо лаяла собака.

Фрунзе шел молча, погруженный в думы. На полшага сзади него держался адъютант. От забора отделилась коротенькая фигурка.

Фрунзе вздрогнул, остановился:

— Никита Игнатьевич! Ты зачем здесь?

— Это я, Михайло Васильевич, перед сном прогуливаюсь, для моциону.

— Сам выдумал?

— Да не сам, а доктор. Очень, говорит, полезно...

— А не говорил ли доктор, что тебе еще полезнее будет прогуляться на гарнизонную гауптвахту? Не говорил? Это он просто упустил из виду.— Фрунзе усмехнулся.— Ну что ж, раз моцион, так моцион...

Он вынул полевую книжку и написал распоряжение об аресте Хвостова.

— Вручи начальнику особого отдела и скажи, чтобы они этого чубатого хорошенько поискали. Может случиться, что его дома не окажется.

На квартиру пришел Михаил Васильевич совершенно спокойный. Он видел причины слабости армии и понимал, что в них не было ничего порочного: армия изживала партизанские настроения. Процесс этот несколько затянулся и потому протекал неровно.

Фрунзе ходил по комнате, улыбаясь в усы. Скоро, очень скоро поведет он ее в бой, здоровую, окрепшую...

— Вы чему это, Михаил Васильевич? — спросил Федор Федорович.

— Вспоминаю сегодняшнее собрание... Хороши бы вы были в роли командующего!

— Это я и сам знаю. А вот почему наши главкомы этого не поняли, простите, это выше моего разумения.

— Ничего, поймут.

Федор Федорович с сомнением отозвался:

— Не знаю, может быть.

3

Это навалилось на него совершенно неожиданно. Он не любил вспоминать прошлое, особенно если оно касалось его лично. Он и в партийных анкетах и в автобиографии отделывался суммарными данными: привлекался к суду столько-то раз, сидел в тюрьме столько-то лет, и все. А тут получалось так, будто у него на груди полный бант Георгиевских крестов и он позвякивает ими перед собеседниками. Теперь же и собеседников-то не было. И выходило совсем глупо.

Федор Федорович и Сиротинский давно уже спали в соседней комнате, Никита Игнатьевич еще не возвращался. А он сидел в отведенном ему просторном кабинете большого, видимо купеческого дома и, вместо того чтобы почитать час-другой перед сном — непоборимая привыч-

ка, приобретенная еще в юности,— помимо своей воли думал о прошлом.

С чего это его прорвало? Может быть, потому, что сегодня он изменил себе и впервые публично сказал и о виселице, дважды угрожавшей ему, и об этом казачьем аркане, на котором волокли его по улицам?.. Но у него не было другого выхода. Надо же было пресечь усиленно распространяемые провокационные слухи о том, что он в прошлом царский генерал. Даже его молдаванскую фамилию провокаторы, что называется, взяли на вооружение, раззвонив, что Фрунзе не только генерал, но еще и немец, то есть особо ненавидимая в старой русской армии категория генералов. Что ж, надо отдать им должное, придумано неплохо. Здесь, в Четвертой армии, сплошь крестьянской, это может прозвучать особенно сильно...

Все-таки где это у него началось?

Ну, были политические кружки, сперва в Верненской гимназии, позже — в политехническом институте в Петербурге; горячие споры в стремлении добраться до истины и бессонные ночи над нелегальной литературой; студенческие сходки, страстные речи, протесты... Все это — как у всех...

Может быть — расстрел рабочей манифестации на Дворцовой площади 9 января, где и он был ранен, и последовавшая вскоре высылка из столицы?.. Нет, это была лишь подготовка, накопление знаний, опыта.

Тогда, быть может, Иваново-Вознесенск, куда его послала партия на подпольную работу; знаменитая семидесятидвухдневная стачка рабочих-ткачей, в руководстве которой и он принимал участие, ежедневные сходки, вначале в городе, а позднее — на Талке, речи, доклады, листовки и этот казацкий аркан, на котором его волокли по пыльным улицам города?.. Пожалуй... Но там, в Иванове, была крепкая группа большевиков, с большим жизненным опытом. Многие из них уступали ему в марксистской подготовке, но опыта политической борьбы у них было куда больше, нежели у него, двадцатилетнего, только что начавшего свой нелегкий путь профессионального революционера.

Нет, это Шуя!.. Небольшой уездный городишко Владимирской губернии. Сюда направил его Северный комитет партии ответственным организатором.

Когда он представил себе район своей деятельности,

его взяла оторопь. Даже одна только Шуя была не просто уездным городом. Здесь находились текстильные фабрики с сотнями и тысячами рабочих. А рядом были Кохма, Тейково, Южа, Родники — тоже с текстильными фабриками, с рабочими поселками и полуфабричными-полукрестьянскими селениями. И все это теперь было на его ответственности, двадцатилетнего районного организатора партии.

Но все же опыт массовой политической работы у него уже был. Осмотревшись, он решил начать с организации боевой дружины. В памяти еще свежи были случаи безнаказанной расправы полиции и черносотенцев с рабочими демонстрациями в Иваново-Вознесенске.

Вооружались как могли. Собрали у кого что было, немного револьверов Михаил добыл у Иваново-Вознесенского комитета большевиков. Но этого было мало. Тогда принялись за полицию. Делалось это просто. Обычно в густых сумерках или ближе к ночи к стоявшему на посту городовому подходили трое. Один наставлял на городового револьвер и рекомендовал не шуметь. Двое других снимали с него шашку, забирали револьвер и свисток. Последний — чтобы городовой не мог сразу поднять тревогу. Затем все трое исчезали.

Вскоре было налажено изготовление пороха в лаборатории одной из фабрик, гранаты делали из отрезков газовых труб, потом стали отливать их корпуса на заводе. Очень много пришлось повозиться с правильной центровкой отлитых пуль. Но постепенно справились и с этим. Патронов к револьверам начали выпускать столько, что их хватало не только Шуе, но и соседним организациям.

Но этого было уже мало. Что могла сделать горстка вооруженных партийцев-дружинников при столкновении с полицией и казаками? И тогда у Фрунзе родилась мысль, смелая до дерзости: начать обучение беспартийных молодых рабочих умению владеть огнестрельным оружием.

Он хорошо продумал систему организации групп обучающихся рабочих, принципы их укомплектования, предусмотрел меры конспирации.

Стремясь создать как можно больше таких групп, он не знал ни дня ни ночи, постоянно был в разъездах, а чаще ходил пешком, по двадцать-тридцать верст в день. Его можно было видеть то в Кохме, то в Юже, то в Родниках. Кинешма формально не входила в его район, но и там он,

что называется, мимоходом, помог большевикам разработать план,— кстати, блестяще удавшийся,— изъятия оружия в вычугском полицейском управлении. Все это происходило наряду с каждодневными беседами, с частыми выступлениями на нелегальных сходках, с вовлечением новых членов в партийные организации.

Вскоре полиции стало известно, что в Шуе действует какой-то опытный организатор. Позднее стала известна и его кличка — Арсений. Но все попытки поймать его ни к чему не приводили. Выручали Фрунзе находчивость, умение принимать облик разных людей: рабочего, забулдыги-мастерового, преуспевающего приказчика, интеллигента; а главное — большая популярность в рабочей среде. Сколько раз его предупреждали о засадах, о готовящемся налете полиции на квартиру, где он остановился!..

И когда в Москве началось Декабрьское восстание, он привез туда свой большой отряд, сражался вместе с ним у Николаевского вокзала, на Триумфальной площади, на Бронной и на Пресне. А когда восстание было подавлено, он, мимо всех полицейских засад и кордонов, благополучно вывел свой отряд обратно в Шую.

Теперь он настолько освоился с ролью ответственного организатора партии, что когда из окружного комитета сообщили о необходимости напечатать несколько тысяч листовок с призывом бойкотировать выборы в Государственную думу, он охотно взялся за это поручение.

Типография Лимонова находилась в двухэтажном доме в центре города, на главной площади. Перед ее широкими окнами нижнего этажа часто останавливались любопытствующие зеваки, в базарные дни толпились приезжие, а невдалеке, прямо против главного входа в типографию, постоянно торчал городовой. Казалось, что среди белого дня, без шума и стрельбы захватить ее невозможно. Но он понимал, что только неслыханная дерзость и может их выручить.

Раздобыв план здания типографии и изучив по нему расположение цехов, коридоров, лестниц черного хода, расспросив у рабочего типографии, члена подпольного кружка, сколько в здании телефонных аппаратов и где они находятся, сколько человек работает в конторе, часто ли наведывается в типографию хозяин и как долго там задерживается, он отобрал из дружины наиболее надежных боевиков и посвятил их в свой план. Каждый из членов

дружины получил твердое задание: где ему находиться, что делать и что предпринимать на случай непредвиденного осложнения.

17 января 1906 года в шесть часов вечера, в течение двух-трех минут, поодиночке, несколько обычного вида горожан вошли в типографию и собрались на лестничной площадке. По его сигналу они надели маски, вынули револьверы и быстро разошлись по своим местам.

Двое остались у главного входа встречать случайных посетителей, двое поднялись наверх, опустили шторы, зажгли свет и собрали служащих в кабинете владельца типографии. Тут же был и сам Лимонов. Один из боевиков встал у телефона. Остальные заняли посты у черного хода и в коридорах.

В это же время другая группа боевиков, вооруженная пистолетами и бомбами, рассредоточившись, с беспечным видом гуляла на улице.

Шторы опустили и в нижнем этаже, где находились наборные кассы и печатные машины.

Арсений вместе с профессиональным революционером слесарем Павлом Гусевым прошли туда и коротко рассказали, для чего нужна листовка, и попросили ее отпечатать.

Рабочие охотно откликнулись и, чтобы ускорить выпуск листовок, одновременно сделали два набора и запустили их на двух плоскопечатных машинах.

Уже около часа работала типография на революцию, когда неожиданно к подъезду на одноконных саночках и без кучера подкатила жена Лимонова. Бросив вожжи на козырек санок, она впорхнула в подъезд и ахнула, увидев двух мужчин в масках. Ей сказали:

«Тихо!.. Вам решительно ничто не угрожает. Придется только часок-другой поскучать в обществе своего супруга»,— и препроводили наверх в кабинет хозяина.

Но жена Лимонова никак не могла успокоиться. Она несколько раз принималась всхлипывать, просила дружинников не убивать ее, предлагала им деньги, и неизвестно, что еще бы она делала, если бы выведенный из терпения супруг не рявкнул:

«Вот дура-баба! Ну что ты нюни распустила? Нужны им твои деньги, как собаке пятая нога... Да будь их власть — они все у тебя отберут! Все... И дом, и типографию... А ты суешь им десятку!»

Михаил Васильевич усмехнулся: «Этот купчишка кое-что понимал в социалистической революции. Интересно, как он дошел до этого: собственным умом или подсказал кто-нибудь?» — и вспомнил городового Шишко.— Вот этот решительно ничего не понимал!..

Городовой стоял на посту напротив входа в типографию и не видел ни того, что какие-то люди вошли в типографию и почему-то долго оттуда не выходят, ни того, как другие, вполне приличного вида, разгуливали вблизи нее.

Его внимание привлекла лошадь. Оставленная госпожой Лимоновой без присмотра, она перебралась на тротуар вместе с санками и загородила проход. Это был явный беспорядок. К тому же до двадцатого, когда вся чиновная Россия получала жалованье, оставалось еще три дня, а жизнь дорожает. Рассудив, что безгрешные доходы никому еще карман не прожгли, Шишко принял строгий вид, зачем-то потрогал усы, поправил шашку и величественно зашагал в типографию.

Он уже ощущал в своей широкой ладони двугривенный, а может статься, и весь полтинник. Но едва он переступил порог дома, как увидел направленные на него дула двух пистолетов.

«Руки вверх!..»

Шишко похолодел от ужаса, дико взглянул на людей в масках и медленно опустился на пол, пытаясь что-то сказать. Его разоружили и для собственного спокойствия заперли в подвал.

В восемь часов вечера листовки были отпечатаны, аккуратно обрезаны и сложены в небольшие пачки. Забрав их, боевики исчезли, предварительно перерезав в двух местах провод телефона.

Скандал получился необычайный! Вся полиция города и губернии была поднята на ноги, искали виновников дерзкого налета, нахватали кучу народа, но вскоре всех выпустили... Искали Арсения. А он, в непривычном, хорошо сшитом костюме в это время пробирался в Стокгольм на Четвертый партийный съезд делегатом от Иваново-Вознесенской окружной организации большевиков.

С Владимиром Ильичем он встретился в перерыве на второй день съезда. Он был самым молодым делегатом, и это смущало его. Но Владимир Ильич так внимательно слушал его, что он невольно рассказал о важнейших революционных событиях, в которых ему довелось участвовать.

В частности, он сказал, что не следует так полагаться на баррикады, как это было в Москве во время Декабрьского восстания.

«Так, так,— одобрительно отозвался Владимир Ильич...— Развейте, пожалуйста, эту вашу мысль...»

«При современном оружии,— сказал он,— баррикада не защищает ее борцов. Винтовочные пули легко ее пробивают. Она может только задержать движение, да и то лишь конницы».

«Так. А что надо?»

«Военный опыт, знание тактики уличных боев, умение маневрировать своими силами. В этом отношении царские офицеры были куда более нас подготовлены. Одним энтузиазмом противника нам не одолеть».

«Да, вы правы, Арсений. Нам надо изучать военное дело, иметь своих офицеров. В «Анти-Дюринге...» Вы читали его?»

«Да, конечно».

«Так вот, там у Энгельса есть прямое указание на необходимость революционеру овладевать военными знаниями. А рабочие интересуются военным делом?»

«Еще как интересуются, Владимир Ильич! И в Шуе, и в Иванове, создавая боевые дружины, нам приходилось многим отказывать...»

Ленину сказали, что его ждут в президиуме.

«Иду, иду,— отозвался он.— Я не прощаюсь с вами, товарищ Арсений. Мы еще увидимся, поговорим...»

Михаил Васильевич встал из-за стола, прошел, разминаясь, несколько раз по комнате, подошел к окну.

— Пожалуй, вот это и определило все дальнейшее,— сказал он и усмехнулся.— Однако сам с собою начал разговаривать...

Луна уже поблекла и скатилась ближе к краю небосвода, когда Никита Игнатьевич, увидев свет в окнах кабинета, нерешительно постучался к Фрунзе.

— Ну как моцион? — спросил шутливо Михаил Васильевич. Глаза у него сейчас были необычные, да и сам он какой-то не такой, каким привык видеть его Никита.— Каковы результаты?

— Хвостова нигде нет. Полагаю, он сбежал.

— Вполне возможно. Не предполагал я только, что так

скоро. Ну, небольшая беда. Иди спать, и чтобы я тебя до обеда не видел. Заставы предупредили?

— Пароль сменили. Особый отдел все еще ищет его.

— Ну спи. Где-нибудь отыщется.

Но Хвостов не отыскался ни на другой день, ни в последующие.

4

Вечером 15 февраля в штабе 1-й бригады 25-й дивизии, по просьбе Фрунзе переданной из Первой в Четвертую армию, Плясунков, замещавший комбрига Кутякова, занимался разбором поставленной перед бригадой задачи. Тут же были вызванные в штаб командиры полков.

— Значит, так,— говорил Плясунков, водя тупым концом карандаша по карте-двухверстке.— Хутор Щапово будет брать вторая бригада Николаевской дивизии. Наше дело, находясь в армейском резерве, обеспечить их тыл и левый фланг... Ты, Петро, выдвигай свой полк от Барбастау в Джуваньшкуль на Джамбейтинском тракте.... Вот сюда. Понятно?

Командир полка подтвердил, что понял.

— Да не зарывайся, если почувствуешь у противника слабинку, как в прошлый раз. Сообразуйся с приказом. А самое главное, не дроби ты свой полк. Помни: казак, он разве вояка, он — коршун. Пока у тебя сила, как в кулаке, сжата, казак тебе не страшен, а раздробишь, рассыплешь по ротам или и того хуже — по взводам, тут он на тебя коршуном ринется и почнет щипать... Этому еще Василь Иванович Чапаев учил. А он казака насквозь понимает. При нем белоказаки даже дышать боялись!.. Да, видать, не угодил кому-то, в академию послали...

Он замолчал, прислушиваясь. С улицы донеслись топот, визг полозьев, голоса.

— Кто это пожаловал?

В избу, обгоняя клубы морозного пара, стремительно влетел вестовой и, растопырив руки, словно загораживая проход, выпалил:

— Командарм!

Плясунков приосанился.

— Посторонись! — сказал он вестовому.

Стоявшие возле карты командиры непроизвольно подтянулись, одернули гимнастерки.

Фрунзе вошел в сопровождении Федора Федоровича, адъютанта и Никиты.

— Здравствуйте, товарищ Плясунков! Что, разбираете оперативную задачу? Продолжайте, пожалуйста...

Комбриг отвечал сдержанно и подчеркнуто официально.

— Да мы уже почти закончили, товарищ командующий. Так, мелочи кое-какие уточняем.

Плясунков взял карандаш и не торопясь стал объяснять командирам задачу предстоящего боя, время от времени искоса поглядывая на командарма. Объяснял он хорошо, четко, и было видно, что командир он незаурядный.

Фрунзе внимательно слушал его, спрашивал иногда, если было непонятно, и опять слушал, а под конец сказал:

— Правильно делаете, товарищ Плясунков, что не дробите силы. У нас нет сплошной линии фронта. Только сосредоточенные, сжатые в кулак части могут в такой войне рассчитывать на успех. Очень хорошо делаете!..

Лицо комбрига просветлело.

— Мы только перед вашим приездом об этом же толковали,— сказал он, значительно взглянув на своих командиров.— Казак, он вроде коршуна. Как только наседка распустит цыплят, тут и он, как с неба свалится.

Фрунзе рассмеялся:

— Вот именно — коршун! Значит, все дело в том, чтобы не быть глупой наседкой.

Из другой половины дома вышла молодая приветливая женщина и остановилась на пороге:

— Пожалуйте закусить.

Плясунков отрекомендовал ее:

— Моя жена.

Он сказал это с вызовом, словно хотел подчеркнуть, что у него здесь в армии есть жена и что ему все равно — нравится это кому-нибудь или не нравится.

На столе уютно пофыркивал самовар. На тарелках были горячие, прямо из печи, ватрушки, подрумяненные коржики, старательно завитые крендельки. Все это было вкусное, хорошо пропеченное.

— Не тяготит вас фронтовая обстановка? — спросил Михаил Васильевич хозяйку, принимая от нее стакан с чаем.

— Меня? Нет... — Она держалась просто, совсем не стесняясь.— Только непорядок...

Плясунков нахмурился.

— Опять ты за свое, Аня!

Вопрос Михаила Васильевича затронул давнишний спор между супругами. Плясунков заподозрил, что заговорил об этом командующий неспроста; немало было отдано приказов, запрещающих комсоставу возить за собою жен. Да и сама Анна чувствовала, что невольно связывает мужа, хотя Плясунков из упрямства никогда в этом не признавался.

— Который год воюю! — жаловался Плясунков.— Как ушел на действительную, так домой и не заглядывал. Что ж, теперь всю жизнь бобылем обиваться?!

— Разве ты один? — возразила хозяйка.— Тогда вели дать всем командирам лошадей для их жен. Вот обоз получится!..

Фрунзе промолчал, чтобы не обострять и без того натянутых отношений с комбригом. Вопрос этот, хотя и важный, все же был не первоочередной.

Михаил Васильевич поблагодарил хозяйку и встал.

— Распорядитесь дать нам проводника в хутор Круглоозерный,— сказал он Плясункову.

У того от удивления вытянулось лицо:

— Вы разве не заночуете здесь? Я уже распорядился...

— И совершенно напрасно. Ночевать мы будем у себя на командном пункте... Конный отряд в мое распоряжение выделили?

— Да, Богучарова. Он сейчас там, в Круглоозерном.

— Вот и отлично!.. Давайте проводника.

Плясунков уже справился с собою и сказал почтительно, но твердо:

— Хорошо, товарищ командующий! Только вместе с проводником разрешите дать вам и конную охрану. У нас здесь степь, а казакам никакие дороги не заказаны.

Фрунзе со своими сопровождающими уехал, а Плясунков хмуро ходил из угла в угол, что-то обдумывая. Затем он прошел в помещение штаба и приказал телефонисту позвонить в штаб своего полка, расквартированного в Круглоозерном, и вызвать к аппарату Богучарова. А когда тот отозвался на другом конце провода, Плясунков сказал:

— Вот что, Иван: к вам поехал командарм. Ты с отрядом выделен в его распоряжение... Ну, это ты знаешь

из приказа. Я вот что хочу сказать: не спускай с него глаз! Неровен час, он еще в какое-нибудь пекло полезет... Кажется, из таких. Так ты за ним доглядай... Что значит как? Понятно, не нарушая приказа... Да ты что, дитя несмышленое? Сам знаешь, как... Ну вот, так-то лучше.

Гулкая морозная ночь. Треск сухой ветки чудится выстрелом, всякий шорох — шагами людей.

В хуторе, раскинувшемся на несколько верст, было тихо. Спали утомленные дневным переходом бойцы, дремали жители, притерпевшись к случайностям фронтовой жизни, угрюмо молчали цепные псы, подавленные небывалой массой людей, делить которых на своих и чужих они были уже не в состоянии, и только горластые деревенские петухи, повинуясь древнему инстинкту, время от времени перекликались в морозной тишине.

В стороне, у омета соломы, притаилась красноармейская застава — первый пост на подступах к вооруженному селению, до отказа наполненному спящими бойцами. На заставе не спят, знают по опыту: заснув, можно уже никогда больше не проснуться. С казаками это обычное дело. Ринутся они, перерезав охранение, на сонный поселок и пойдут крошить! А перед зарею, как назло, спать хочется нестерпимо.

От омета вправо и влево далеко белеет снежная равнина. В стороне чуть проступает темный силуэт мельницы. Заставе у омета было прекрасно видно все впереди.

Раздергав солому, умяв ее своими телами, бойцы жались друг к другу, слушая рассказ о смотре. Все они, кроме рассказчика, были в тот день в карауле и в смотре не участвовали.

— Суров, значит? — спросил сидевший с края углубления в омете.

Рассказывавший повозился, расширяя соломенную пещеру.

— Беда! Идет по фронту, а сам глазами так и сверлит, так и сверлит! Даже дух занимает.

— Чудак! Чего же ты испужался?

— Испужаешься! Командиры побойчее нас с тобою, а притихли, как мыши перед котом.

Кто-то решил:

— Генерал, не иначе...

— Ну, генерал не генерал, а полковник — обязательно.

— И у нас тоже сказывали,— отозвался третий, молчавший до сих пор боец,— а только не верится. Не сробеют наши командиры перед генералом. Бивали мы их немало.

— Бивали! Тоже скажет! Бивали тех, что у белых командуют.

— У белых ли, у красных ли, а только не очень у нас генералов боятся. Тут, я думаю, что-нибудь другое. Тут бери выше...

Его с досадой перебили.

— Так, по-твоему, кто такой новый командарм?

Собеседник обозлился:

— Кто, кто! Вот пристал, как репей. А я почем знаю!

Вдруг старший сказал:

— А ну, тихо! Кажись, кого-то леший несет...

Бойцы застыли в ожидании.

Из балки показался верховой, за ним двое саней в сопровождении группы конников.

— Стой!— крикнул старший и, шагнув на дорогу, цокнул затвором.— Что пропуск?

Передний сдержал коня, отозвался с ухмылкой:

— А ты ори погромче, чтобы все слышали. Иди сюда, скажу...

Услыхав пропуск, старший отступил с дороги.

Когда путники миновали заставу, боец, рассказывавший о смотре, вдруг сказал, понижая голос:

— Ребята, а ведь это командарм проехал!

— Где?

— Который?

— Да вон на передних санях...

Но как ни силились бойцы, никого рассмотреть не могли; мешали ехавшие сзади конники.

— Эх, ворона!— с досадой сказал старший.— Что ж ты раньше молчал? Почитай с самого начала я в полку, а не слышал даже, чтоб командармы по фронту ездили. Такой случай упустили... А ты говоришь — генерал!

Наступление развертывалось медленно. Было уже утро, а Орлово-Куриловский и Малоузенский полки Николаевской дивизии все еще не выступили. Начальник

дивизии Сапожков метался от телефона к телефону, кричал, ругался, гонял посыльных, и все без толку.

Михаил Васильевич наблюдал, не вмешиваясь.

По замыслу надо было ночным штурмом к рассвету овладеть хутором Щапово, имея в виду в дальнейшем разгромить главные силы противника, сосредоточенные в районе хутора Чеганский. Для штурма была назначена 2-я бригада Николаевской дивизии при поддержке Мусульманского полка. Сделано это было не без умысла. Именно во 2-й бригаде недавно разыгралась трагедия, когда погибли Линдов и ряд командиров и политработников. Надо было лично убедиться, насколько она боеспособна. Но куриловцы и малоузенцы затянули выступление. Лишь часам к восьми утра в штабе дивизии было получено сообщение, что они начали атаку.

Оставив Федора Федоровича в штабе, Фрунзе выехал к линии фронта.

Застоявшиеся лошади рванули с места. Кучер тряхнул вожжами:

— Эгей! Берегись!..

Лошади наддали еще сильнее и вынесли возок за околицу Круглоозерного. Тяжелые свинцовые тучи плотно обложили окрестности. Изредка срывались порывы ветра и гасли, словно обессилев.

— А ведь, пожалуй, закрутит...— сказал возница, кивнув вдаль.

Фрунзе всмотрелся. Там, на горизонте, и в самом деле что-то надвигалось, белесое, расползающееся.

«Только этого еще не хватало!» — с досадой подумал он.

Уже было ясно, что расчет на внезапность атаки приходилось отложить. Сказалось отсутствие навыков точного выполнения приказов и общая нераспорядительность.

Возница оглянулся на пятерых конников, сопровождавших командарма, и сокрушенно качнул головой.

— Жидковата у нас охрана,— сказал он вполголоса Никите Игнатьевичу, примостившемуся рядом с ним на облучке.— Тут казаков понасыпано, как блох у старого кобеля. Так и рыскают...

— Боишься?— усмехнулся Никита.

— Кто, я-то? Шутишь, товарищ хороший. Да я самого Василь Иваныча не раз возил! А у Чапая не забалу-

ешь. Там у тебя в середке хучь как овечий хвост дрожи, но виду не показывай.— Он тряхнул вожжами и сказал со вздохом:— Где-то он теперь, наш Василь Иваныч?!

— Учится. В академии.

Возница неодобрительно покрутил носом:

— Пока он выучится, нас к тому времени казаки вчистую порубают.

«И этот о том же»,— отметил в уме Фрунзе.

О Чапаеве Михаил Васильевич слышал уж не раз и едва ли не с первого дня, как прибыл в армию. Говорили о нем разное. Одни — с восторгом, восхищаясь его военными качествами и какой-то необыкновенной удачливостью, другие — главным образом в штабе армии — пренебрежительно, объясняя его успехи случайностью или вовсе их отрицая, вопреки очевидности, и с раздражением доказывали, что Чапаев не кто иной, как своевольник, партизан, не признающий дисциплины, и вообще человек крайне опасный. Черт его знает, куда он повернет!.. Но было ясно, что человек он незаурядный, хотя и не из покладистых. Поэтому, видимо, от него и постарались избавиться. А жаль! Сейчас он очень пригодился бы. А что он с характером, так это не так уж страшно. Хуже иметь дело с человеком-тряпкой. Такой дров не наломает, но и толку от него не много.

Возница вдруг привстал на санях, вглядываясь в черневшую в стороне группу деревьев, и сдержал лошадей. Туда же смотрел и Фрунзе.

Впереди была река. Лошади, осторожно ступая, опускались на лед. От деревьев послышался выстрел. Пуля прожужжала где-то поблизости.

— Рыскают!— сказал Михаил Васильевич.

В бледном рассвете зимнего утра чуть виднелись за деревьями несколько верховых казаков.

Возница рванул коней карьером, быстро зажал вожжи в коленях и, не сбавляя хода, вскинул винтовку и выстрелил.

Казаки медленно опускались в балку.

— Не боятся, толстозадые,— с досадой сказал возница,— знают, что с такого хода не попадешь.

— Зачем же тогда было стрелять?

— Так ведь сердце горит, товарищ командующий!

— Плохо перекрыты дороги, — заметил Фрунзе сопровождавшему его работнику штаба дивизии.

— Сплошной линии фронта нет,— возразил тот.— А казаки-то местные. Они здесь все лощинки, все балки знают. Большая часть не пройдет, а разъезды в несколько человек всегда могут просочиться. Мы так же поступаем, когда надо бывает послать разведку.

Бой в районе Щапова разгорался. Ружейно-пулеметная пальба катилась из края в край, то затихая, то усиливаясь. Над головами с воем пролетали снаряды.

Оставив лошадей в лощине, куда не достигали пули, Фрунзе с его сопровождавшими прошел на полковой командный пункт.

Командир, один из тех, кто был на собрании начсостава бригады, коротко доложил:

— Теснят нас, товарищ командующий! Похоже, напоролись на силу...

Это было очень заметно по плотности огня противника, прижимавшего цепи красноармейцев к земле.

Поскрипывая ступеньками, Фрунзе взобрался под крышу ветряной мельницы, где был устроен наблюдательный пункт.

Попавшая в зону военных действий, мельница эта, видимо, еще недавно работала. На затоптанном полу лежали штабелями мешки с зерном, в закроме была мука, белая мучнистая пыль висла на паутине по углам, покрывала стены.

Щапово, огрызавшееся пулеметными очередями, густым ружейным огнем, шрапнельными разрывами, неожиданно начало заволакивать белой дымкой. Через минуту в ней скрылись и красноармейские части. Видневшееся на горизонте облачко разрослось, захватило полнеба, надвинулось. И вот уже закружило, замело. Резкий ветер бил в лицо. Снег слепил глаза, забирался за воротник.

Наблюдатель с досадой обернулся к телефонисту:

— Черта лысого тут увидишь!..

Без корректировки артиллерия, поддерживающая наступающих, била наугад, неуверенно. Ее огонь ослабевал. А впереди, на линии фронта, с возрастающей яростью гремела пальба. Там, во взлетах слепящей, спирающей дыхание пурги, красноармейские цепи, лишенные артиллерийской поддержки, бросались в атаку на хорошо подготовившегося неприятеля и откатывались назад, встреченные сплошным ружейно-пулеметным огнем.

Вдруг, как это бывает только на фронте, где победа и

поражение находятся рядом, из балки, прилегавшей невдалеке, с гиком вылетела полсотня казаков и, смяв небольшое пехотное прикрытие, устремилась к ветряной мельнице.

— Ну, кажется, мы попали в переделку,— сказал Никита Игнатьевич.

Он стремглав скатился по лестнице вниз, запер дверь изнутри деревянным брусом и приготовил гранаты.

Фрунзе огляделся. С ним были: адъютант, работник штаба дивизии, Никита, занявший оборону у входа, наблюдатель и два связиста — всего шесть человек против полусотни.

Один из связистов, пользуясь тем, что провод пока не оборван, сообщил на батарею о случившемся, сказав при этом:

— Если будем что говорить, без условного слова не верьте.

Оттуда ответили:

— Знаем.

Казаки были уже близко, когда с фланга по ним неожиданно ударил пулемет, и горсть конников, вылетев из-за мельницы, в молчаливом ожесточении врубилась в казачью лаву.

Контратака была настолько неожиданной, что передние казаки попятились, задние наскочили на передних. Ободренные красноармейцы охраны в свою очередь открыли по ним огонь. Лава дрогнула, рассыпалась и скрылась за пригорком.

Когда Михаил Васильевич спустился вниз, все уже было окончено. У мельницы в конном строю стояла группа всадников под командой Богучарова.

— Двоих поранило,— козырнул Богучаров в ответ на вопрос Фрунзе о потерях,— не сильно, товарищ командующий.

— Как вы оказались здесь?

— А мы, товарищ командующий, следом за вами шли, низинками.

— Кто же это распорядился?

— Комбриг, товарищ Плясунков. Потому как эти...— он с непередаваемым пренебрежением кавалериста покосился в сторону пехоты,— разве они что смогут!..

Бушевавший двое суток буран наконец-то прекратился, и наступила такая тишина, что не верилось: действи-

тельно ли в воздухе метались тучи взбесившихся фурий, хлестали снежными косами, намерзали на лице тонким слоем льда, сбегали за воротник обжигающе-холодными струйками. Теперь все, вплоть до горизонта, было покрыто белой волнистой пеленой.

Застоявшиеся, упитанные кони шли бойкой рысью.

Михаил Васильевич думал о штурме хутора Щапово. Как и ожидал он, бой этот отчетливо вскрыл слабые стороны Николаевской дивизии. Стало ясно, что без предварительной политической работы в подразделениях и не дисциплинировав прежде всего командиров, нечего было и думать о разгроме противника. Вызывали сомнения и сведения разведки о нарастающем разложении у белоказаков. Своими соображениями он поделился с Новицким.

— Болтовня! — решительно сказал Федор Федорович.— Видели, как нас встретили у Щапова? Разве разлагающиеся части так дерутся!..

— Элементы разложения, может быть, там и есть,— возразил Фрунзе,— только скажутся они в том случае, если мы основательно потреплем противника... Наступление надо отложить, произвести перегруппировку, пополнить части. Только после этого можно будет начинать решительную операцию.

Впереди показался пригород Уральска.

Уже при въезде в город почувствовалось изменившееся отношение к командарму.

Встречные бойцы почтительно сторонились и с затаенным любопытством поглядывали на Фрунзе, точно оценивая; командиры подтягивались и козыряли. Здесь уже знали и о поездке на фронт, и о разговоре в штабе бригады, и о случае на мельнице.

На крыльце здания штаба толпились командиры, политработники. Стоявшие сзади подымались на носки, тянулись заглянуть через головы передних на то, что происходило внизу. Улица была запружена любопытными жителями города и красноармейцами.

При приближении командарма толпа расступилась.

Прямо напротив штаба развернутым фронтом стояла красноармейская часть, совсем не похожая на обычные части Четвертой армии. Хорошо заправленные шинели, туго подпоясанные ремни, остроконечные шлемы, не так давно введенные в армии и досель тут невиданные, новенькие, прямо со станка винтовки, а главное, бодрый,

молодцеватый вид и дисциплинированность сразу выделяли ее. Часть только что прибыла издалека, но бойцы стояли в строю так, будто они вышли из теплых казарм, перед тем сытно пообедав.

— Наши, ивановские,— сказал Михаил Васильевич и сошел с саней.

Они собрались под вечер у командарма. Михаил Васильевич задержался в штабе дивизии; земляков встретил Никита Игнатьевич.

— Глядите-ка, братцы,— сказал Дронов, сняв шлем и отряхивая его у порога.— Наш-то Никита Игнатьевич на вольных харчах поправился.

Взъерошенный, как бойцовый петух перед схваткой, с небольшими, очень бойкими глазами на морщинистом лице, пожелтевшем от времени и лишений, обрамленном короткой рыжеватой бородкой, торчащей задорно вперед, Фаддей Ефимович Дронов был хорошо известен в фабричных городках — Шуе, Кохме, Тейкове, да и в самом Иваново-Вознесенске, как неутомимый агитатор-спорщик, способный довести своих противников до белого каления. Сколько раз приходилось ему схватываться и с эсерами и с анархистами, но особенно доставалось от него меньшевикам, с которыми у него были особые счеты.

Еще в молодости, полуграмотный ситцепечатник, или, как их называют, «раклист», Дронов, жадно тянувшийся к знаниям, был вовлечен в кружок меньшевиков. Здесь были люди образованные, знающие. Они обо всем говорили уверенно, судили решительно. И это особенно нравилось ему. Но вскоре Дронов убедился, что разговорами у них все и кончается. А он рвался действовать. Бесконечные рассуждения угнетали его. Он колебался, не зная, что предпринять. Из этого состояния его вывела одна встреча.

Как-то незадолго перед окончанием работы его сосед, такой же раклист, но постарше, спросил: «Ты сегодня на Талку пойдешь? Или так и будешь со своими меньшевиками путаться?» — «А что там?» — поинтересовался Дронов. Сосед сказал: «Будет один... Он тебе мозги просветлил бы...» Дронов решил не идти, но передумал, узнав, что выступать будет Арсений. Об этом агитаторе он слышал не раз. Говорили о нем много и неизменно с восхищением, с душевной теплотой. Скептику по натуре, Дронову захо-

телось самому посмотреть: что же представляет собой этот Арсений?

Первое впечатление разочаровало его. «И что они нашли в нем?» — думал Дронов, пытливо рассматривая невысокого широкоплечего паренька лет двадцати, откуда-то внезапно появившегося среди рабочих, собравшихся на берегу Талки. Но стоило Арсению заговорить, как вся недоверчивость Дронова куда-то исчезла. Он слушал оратора, с изумлением отмечая, что тот высказывает его собственные мысли, но куда лучше, чем это мог бы сделать он сам.

В этот вечер с меньшевиками у Дронова было покончено бесповоротно. Вскоре на практической подпольной работе они сблизились — организатор Иваново-Вознесенского большевистского подполья Михаил Васильевич Фрунзе, известный под кличками Арсений и Трифоныч, и злой на язык раклист Дронов.

— Нет, вы только поглядите, товарищи,— не унимался Дронов,— как он раздобрел! Ну чисто стоялый жеребчик. Только что не брыкается.

— А ты подойди поближе, может, и брыкну,— хмурил брови Никита.

— Ну-ну! Сошлись петухи,— отозвался, посмеиваясь, Фурманов.— И что это тебя, Фаддей Ефимович, подмывает дразнить Никиту?

— Это я, Дмитрий Андреевич, для храбрости, чтобы не заробеть. Начальство все-таки...

— Да, испугаешь тебя...— широко улыбнулся Никита Игнатьевич. Несмотря на разницу лет, они с Дроновым были друзьями, но друзьями, так сказать, свирепыми, не упускавшими случая слегка поцарапаться.— Проходите, проходите,— приглашал он остальных.— Михаил Васильевич сейчас будет. Просил извинить его. Так что располагайтесь...

— А где он?— спросил Фурманов.

— В штабе дивизии. Мозги вправляет за Щапово.

— Кое-что слышали и мы,— сказал Дронов,— пока здесь дожидались вас. Говорят, круто вам пришлось.

— Ну, чего там — круто! Так, анархия, черт бы ее побрал, бестолочь.

В коридоре послышались шаги. Вошел Фрунзе в сопровождении Сиротинского.

— Здравствуйте, товарищи. Извините, что заставил вас ждать.

Они окружили его, жали руку, пытливо вглядывались: какой он стал теперь, их Арсений? Было ново, непривычно видеть в роли командующего армией своего, близкого человека, которого они знали еще в подполье.

— Заседание укороченного состава Иваново-Вознесенского... не пойму что-то... то ли губкома, то ли губисполкома, можно считать открытым,— сказал, ухмыляясь в бородку, Дронов.

Все улыбнулись. Иваново-Воснесенская организация послала на фронт своих едва ли не самых деятельных работников, из-за вечной нехватки людей так загруженных и перегруженных многочисленными обязанностями, что хоть крои человека на несколько частей. На миг им представилось, что они и впрямь по какому-то поводу собрались в губкоме и, поговорив с Михаилом Васильевичем, обменявшись мнениями, разъедутся кто в Кинешму, кто в Родники, в Южу, в Тейково...

— Ну, как там у нас в Иванове?— спросил Фрунзе.— Да вы садитесь. Разговор будет долгий... Как проводили вас?

— Грех жаловаться,— отозвался Дронов,— проводили лучше быть нельзя, всем городом. Наш Дмитрий Андреевич,— он скользнул взглядом по Фурманову,— речь сказал. Правильная речь, хорошая. Ничего не скажешь. А морозец аж за душу берет! Ну, думаю, пропали наши ивановцы!.. Нет, ничего...

— Да я и говорил-то минут десять,— недовольно отозвался Фурманов.

— Вот и я о том же. Пожалел, значит, земляков Дмитрий Андреевич, сознательный...

Ивановцы откровенно посмеивались. Была хорошо известна способность Дронова найти в любом деле смешинку.

— Ну что ж, товарищи,— сказал Фрунзе,— поговорим о том, что нам предстоит...

Затаив дыхание, слушали ивановцы неторопливую речь Михаила Васильевича. Они силились представить себе далекий Туркестан, о котором только и знали, что там растет хлопок. На прощанье в Иваново-Вознесенске в небольшом товарищеском кругу им так и сказали: «Без Туркестана не возвращайтесь. Сами знаете, фабрики вот-вот остановятся. Последний хлопок дорабатываем». Но на пути к хлопку был сильный белоказачий заслон, были бе-

логвардейские корпуса, и в самом Туркестане шли кровопролитные бои на многих фронтах, возникавших то там, то здесь, словно их какой-то каверзный черт подбрасывал из своего лукошка. Впрочем, «черт» этот был хорошо известен: в Закаспийском крае стояли английские войска.

— Недавно мы воссоединились с Туркестаном, вы это знаете,— говорил Фрунзе,— но воссоединение это непрочное. В районе Уральск —Оренбург накапливаются значительные силы белоказаков. Надо их разгромить... На днях ожидается решение: из туркестанских войск в Оренбурге и местных пополнений сформировать Туркестанскую армию и объединить ее с Четвертой армией в Южную группу Восточного фронта. Разгромив белоказаков, мы двинемся на помощь Туркестану. Положение у них там действительно отчаянное. Можно только удивляться, что они еще держатся. Вы знаете, как они прорвались к Оренбургу?

Нет, этого никто из них не знал.

— Они очистили все оружейные склады, забрали последние снаряды и патроны и, послав радиограмму в ЦК партии, двинули под командованием главкома Туркестана Георгия Васильевича Зиновьева в наступление на Оренбург Актюбинскую группу войск, предварительно пополнив ее и вооружив. На такое можно решиться, только когда уже ничего другого не остается.

Из материалов, с которыми Михаил Васильевич ознакомился за время командования Четвертой армией, было видно, как тяжело сказывалась война без резервов, особенно на Восточном фронте, который Главное командование почему-то считало второстепенным и при затруднениях на других фронтах снимало с Восточного дивизии и планировало снять всю Вторую армию. Между командованием Восточным фронтом и Главным командованием на этой почве нередко возникали конфликты, в конечном итоге сказывавшиеся на ходе оперативных действий.

Известие о наступлении туркестанских войск от Актюбинска на Оренбург застало Главное командование врасплох. Оно заметалось в поисках выхода и ничего иного не придумало, как обязать Четвертую армию, «обеспечивая направления от Уральска на Саратов и Самару... начать операцию по овладению Оренбургом».

Получив эту директиву, командующий Восточным фронтом Сергей Сергеевич Каменев схватился за голову.

«О чем они там думают?— жаловался он члену Реввоенсовета фронта Гусеву.— Что они делают! Ведь это же две самостоятельные задачи на двух различных операционных направлениях. Расстояние между ними более двухсот пятидесяти верст. Чем мы его прикроем, это расстояние?!»

Спасая положение, командование Восточным фронтом двинуло в наступление на Оренбург только что восстановленную Первую армию.

— Да, положение там, в Туркестане, отчаянное,— повторил Фрунзе.— И если им сейчас не помочь,— мы надолго потеряем этот край. А наша Четвертая армия очень ослаблена, особенно мятежом в Орлово-Куриловском полку. Я уже телеграфировал Якову Михайловичу Свердлову, просил выслать из центра комиссию. Надо расследовать деятельность не только мятежных частей, но и всего руководящего персонала армии. Видимо, придется пойти на большие изменения в его составе, а хороших командиров мало, еще хуже обстоит дело с политработниками. Кое-кого обещал дать из самарской парторганизации Куйбышев. Но и у самого Валерьяна Владимировича крепких коммунистов не густо.— Он помедлил, словно взвешивая то, что собирался сказать.— Так или иначе, с этим мы справимся... Но нам предстоит поход в Туркестан. А это будет посложнее. Там много народов со своими традициями, с бытом, совершенно вам не знакомым. Не рассчитывайте, что вас встретят с распростертыми объятиями. Люди там изверились. Их не раз обманывали. Каждый шаг ваш будет взвешен, обдуман, перетолкован.

— Характерный, значит, народец,— сказал Дронов.

— Тебя бы так потолочь, как их,— отозвался Никита,— интересно, каким бы ты стал?!

— А тебе откуда известно, как меня толкли?— мгновенно ощетинился Дронов.

Михаил Васильевич с усмешкой взглянул на своих собеседников. За годы совместной работы он хорошо узнал их.

Несомненно, самым грамотным из них пока что был Фурманов. По молодости, по политической незрелости он в начале революции за короткий срок успел побывать и в эсерах, и в максималистах, и даже в анархистах-синдикалистах, и все это сочетая с активнейшей работой в Сове-

те, где добросовестно справлялся с многими обязанностями. Забавно было наблюдать, как он искренно пытался объединить самоотверженную борьбу за укрепление Советской власти с поисками какого-то своего пути, иного, чем у большевиков. К счастью, у него был трезвый ум и недюжинная способность к анализу. Убедившись, что иного пути, как с большевиками, нет, он резко порвал со всеми этими партиями, группочками, течениями и объявил об этом на страницах «Рабочего края».

Было заманчиво оставить его у себя в штабе армии. Всегда нужно иметь рядом человека, которого можно послать в любую часть и знать, что он быстро разберется в обстановке, как бы она ни была сложна, и, возвратясь, доложит точно и объективно, что там происходит. А что Фурманов с такими поручениями легко справляется, в этом Михаил Васильевич убедился еще будучи комиссаром Ярославского военного округа. Но он подумал, что если пойти по этому пути, то, пожалуй, не останется ни одного сколько-нибудь толкового работника из иваново-вознесенцев, которому не нашлось бы дела в штабе армии. Слов нет, в штабе армии бестолковщины поубавится, но в дивизиях и бригадах все остается по-прежнему.

Нет, не для этого Иваново-Вознесенская организация отдала на фронт своих лучших партийных работников!

Михаил Васильевич прикинул в уме, кого из присутствующих и в какие части послать.

«Шарапов вполне подойдет комиссаром в 3-ю кавалерийскую дивизию. Там бойцы лихие, но и он не из тихеньких. Игнатия Парфеновича Волкова — комиссаром стрелковой бригады... Какой именно — надо подумать. Подберем ему одну из труднейших. Справится. С Фурмановым и Дроновым следует поговорить особо...»

В раздумье Михаил Васильевич пропустил момент, когда разговор зашел о хлопке.

— Хлопок... Хорошо, конечно,— говорил Дронов.— Только думается мне, что дорога до него ой какая длинная! И не прямо, а вот как иной раз узор на ситце, все вавилонами, да почудней... Вот и Туркестан тоже — кто ж его знает, какой он, Туркестан этот?

— Советский,— односложно прогудел Никита.— Наш!

— Это я, дорогой мой, и сам хорошо знаю. Понятно — советский. Раз там Советская власть и раз они вот уже второй год отбиваются от врагов. А все-таки как это бу-

дет, если прикинуть на нашу мерку? Ведь если в России в головах у людей порою такая каша, что только руками разведешь, то как же там, вдали от Москвы, от руководства партии?— Он подумал и вдруг сказал:— Может статься, что никакого Туркестана и нет вовсе.

Никита удивленно приподнял брови:

— То есть как это нет?

— Очень просто, дорогой мой. Нет, и все тут.

— Не пойму я тебя. Да ты взгляни хоть на карту.

— Глядел,— бумага, и больше ничего. На карте, Никита Игнатьевич, наш Иваново-Вознесенск до революции заштатным городом значился. Однако полк пехоты и полк казаков из него никогда не выходили. Так и жили у нас, чтобы наши фабричные ребята не очень бушевали. Вот тебе и заштатный город!.. Так и Туркестан. И на карте обозначен и в географиях имеется, а вот приедем мы с тобою и увидим, что в действительности есть какая-то земля, которую не сразу сообразишь, как и назвать.

— Чудишь!..— добродушно усмехнулся Никита.

Михаил Васильевич покачал головой:

— Любите вы, Дронов, озадачить человека.

— Пусть привыкает. В жизни, Михаил Васильевич, всякое бывает, а больше чудного.

— Может быть... А что касается того, какая это земля, мы увидим в самом непродолжительном будущем...

Когда ивановцы уходили, Фрунзе задержал Фурманова и Дронова.

— Завтра же выезжайте в Александров-Гай, в отдельную бригаду,— сказал он Фурманову.— Надо там наладить политработу. В ближайшие дни эту бригаду мы развернем в дивизию. Для нее отберем все, что у нас есть лучшего. По замыслу это должна быть такая дивизия, которую можно бросить на прорыв неприятельского фронта с уверенностью в успехе или для локализации наступательного порыва противника. Словом, превосходная воинская часть.— Михаил Васильевич помедлил.— Остановка за начдивом,— продолжал он.— Не помню, кто это сказал, что сто баранов под командою льва страшнее ста львов под командою барана. Грубовато сказано, а в принципе верно.

— Что ж, так и не подыскали начдива?— спросил Фурманов.

— Есть одна кандидатура... Слава о нем гремит по

всему краю, но многое говорит и против него. Я имею в виду Чапаева. Он из академии сбежал. Я дал согласие на его службу в Четвертой армии. Но — дивизия!.. Тут приходится не раз подумать. Стихия все-таки...

— А что о нем говорят в штабе армии?

У Фрунзе заиграли лукавые искорки в глазах:

— Ну, в штабе у нас о Чапаеве хорошего не услышишь. Сдается мне, что они его просто боятся... Так вот, Дмитрий Андреевич, комиссаром этой дивизии назначим вас. О Чапаеве же решим по его приезде.

Ушел и Фурманов. Михаил Васильевич молча ходил из угла в угол. Дронов понимающе поглядывал на него. Это он наблюдал не раз. Уж если Фрунзе заходил по комнате — значит, что-то задумал.

— Вот какое дело, Фаддей Ефимович,— сказал командарм, круто повернувшись к Дронову,— придется тебе осесть здесь, в Уральске, комиссаром дивизии. Что она собой представляет, ты, вероятно, в какой-то степени осведомлен.

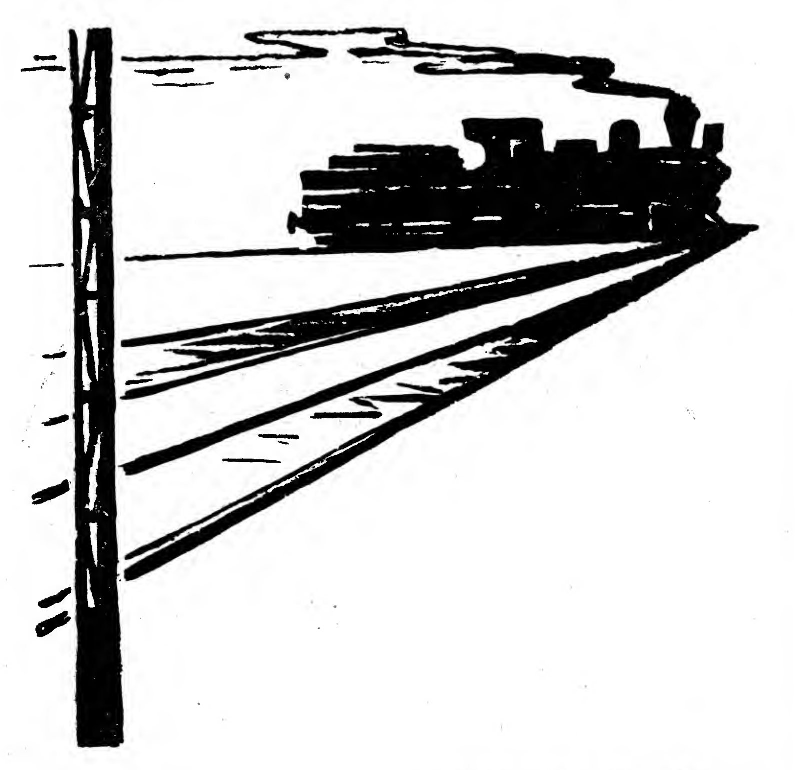
— Наслышан маленько. Да и самому кое-что довелось видеть, вас дожидаючись.

— Тем лучше... Предстоят серьезные бои. Надо разгромить белоказаков. Без этого нечего и думать о походе на помощь Туркестану. К сожалению, это отлично понимает и противник. Он всячески активизирует белоказаков: проводит поголовную мобилизацию, переформировывает части, пополняет вооружение... Вам здесь, в Уральске, предстоит выдержать его отчаянный натиск. Но его надо выдержать во что бы то ни стало.

— Понятно, Михаил Васильевич.

— Ну вот и отлично. Сегодня же приступай. Обрати особое внимание на начдива Сапожкова. Не нравится он мне. Фактов у меня против него мало, но не нравится. Не такой здесь нужен начдив. Ведь это же по его приказанию Кутяковскую бригаду поставили за обозами! Так что присмотрись к нему основательно...

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

1

Заседание временного Реввоенсовета Туркестана закончилось к утру. Многие уже разошлись — кто домой, а кто прямо на работу.

Начинался день такой же, как вчерашний, напряженный, суматошный, чреватый неожиданностями, взлетами и падениями — обычный день зимы девятнадцатого года.

В зале еще оставались несколько членов Реввоенсовета и кое-кто из приглашенных на заседание. Немного в стороне от них, ближе к окну, стоял, не вступая в разговор, высокий широкоскулый киргиз Акмат Туртубеков. По его малоподвижному лицу нельзя было понять, согласен ли он с кем-нибудь из собеседников или со всеми не согла-

сен. Он только что прискакал из Семиречья и на заседание попал к самому концу. Его коня держал в поводу у подъезда молодой паренек, стройный и подтянутый. Паренек, по-видимому, был в Ташкенте впервые и беспокойно поглядывал на окна Дома правительства.

Говорили о басмачах. Вопрос этот только что обсуждался на заседании Реввоенсовета. Сравнительно небольшие шайки басмачей, орудовавшие в Ферганской долине, после разгрома январского мятежа в Ташкенте значительно разрослись. Уже определились два основных центра басмачества. Один, возглавляемый бывшим начальником милиции Маргелана Мадаминбеком, оперировал в Скобелевском, Андижанском и Наманганском уездах, а второй осел в Кокандском уезде, под командованием уголовного каторжника Иргаша. Каждый из них объединял ряд шаек помельче.

Было известно, что Мадаминбек, связанный с русскими белогвардейцами, контрреволюционерами Закаспийского края и даже Колчаком, именовавший себя «командующим туркестанскими войсками белой гвардии», обосновался возле кишлака Горбуа, расположенного в стороне между станцией Горчаково и разъездом Владыкино. Иргаш же, построивший в районе кишлака Бакчир настоящий укрепленный лагерь, опирался на Улему[1] и эмира бухарского, называл себя пашаликом[2]. И хотя они враждовали между собой из-за первенства, населению Ферганы от этого было не легче.

На заседании Реввоенсовета были доложены сообщения с мест о бесчинствах басмачей. Не сообщения, а вопли о помощи! Писали общественные работники, писали дехкане[3], писали уполномоченные жителей старого города Андижана. И в каждом таком письме сообщалось: «Кишлак разграблен догола, угнан скот, расхищен хлеб, а владельцы, пытавшиеся защищать свое имущество, поплатились за это жизнью...» «Грабежи, поджоги и убийства приняли такие размеры, что население не в состоянии переносить долее такую участь...» «В старом городе что ни ночь, то разбой, грабежи и убийства...»

---

[1] Улема — буржуазная националистическая организация.

[2] Пашалик — верховный вождь, в данном случае: верховный командующий мусульманской армией.

[3] Декхане — крестьяне.

Обнаглевшие басмачи перешли к активной борьбе с красноармейскими частями. Совсем недавно ими был уничтожен Андижанский отряд в сто семьдесят человек. А на днях Мадаминбек со своим отрядом среди бела дня ворвался в областной центр Ферганы Скобелев, захватил тюрьму и освободил оттуда более двухсот басмачей и белогвардейцев.

На заседании Реввоенсовета было высказано много всяких предложений, создали даже Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией в Фергане, но никто и не подумал привлечь к борьбе с басмачами коренное население. Об этом и размышлял Акмат Туртубеков, прислушиваясь к разговорам в зале.

Говорил представитель Ферганского облисполкома, высокий, худощавый, с лицом, чуть тронутым оспой. Он был недоволен решением о посылке Чрезвычайной комиссии:

— Как хотите, Аристарх Андреевич, но вся эта возня с комиссией ни к чему. Руководящих органов у нас и без того достаточно, нам нужна вооруженная сила.

— Силу главным образом надо изыскивать на месте,— сказал Казаков, отрывая взгляд от блокнота, в котором что-то писал.

— Обком уже привел в боевую готовность все партийные организации и рабочих области, способных владеть оружием, но этого недостаточно.

— А вот Чрезвычайная комиссия это и выяснит,— вмешался Дрожжин, которому не терпелось «осадить» представителя облисполкома.

— Будто мы сами не в состоянии этого сделать! — возразил тот.

— Видите ли,— сдержанно сказал Казаков,— когда события принимают характер общественного бедствия, как у вас в Фергане, надо, чтобы какой-то авторитетный орган, лишенный местнической предвзятости, мог объединить усилия всех организаций на борьбу с ним. Ваш областной оперативный штаб явно не в состоянии справиться с басмачами...

— Да какое там, к бесу, общественное бедствие! — возмутился представитель облисполкома.— Определенного противника в Фергане нет. Так, шайки, рассыпанные по области. Какая же это угроза Советской власти? Их надо просто уничтожить. О чем тут говорить!..

С минуту Казаков молчал, сдерживая раздражение.

— Так, значит, отдельные шайки, рассыпанные по области? — сказал он, успокоившись.— А известно ли вам, что Осипов находится в ставке Мадаминбека? Там же нашли приют и белогвардейцы, бежавшие после подавления январского мятежа. А их немало, и все это народ военный, обстрелянный... Известно?

Представитель облисполкома передернул плечами.

— Ну и что из того? Не страшно...

— Не страшно?.. А известно ли вам, что бухарский эмир передал хорошо вооруженный двухтысячный отряд Иргашу? Не известно? Неважно же работает ваш оперативный штаб.

— Может, это и неправда...— попытался защищаться представитель облисполкома.

— Нет, сведения самые точные...— Казаков помедлил.— О том, что басмачи вербуют и в городах в свои шайки, обещают платить рядовому тысячу рублей на всем готовом, а офицеру две тысячи, это вы, вероятно, и сами знаете, небось читали их прокламации.

— Читали...

— А откуда они деньги берут, знаете? Немалые деньги!

— Грабят, конечно.

— Это само собою, но одними грабежами они долго не продержались бы. Нет, у них мошна понадежнее. Вот, например, на днях английский консул в Кашгаре передал через царского консула, однофамильца нашего товарища Успенского,— Казаков чуть улыбнулся заместителю председателя ТуркЦИКа, тот вскинул пенсне на широкой черной ленте, не зная, как ему отнестись к шутке, и ничего не решил.— Так вот, английский консул передал басмачам сто тысяч рублей. Не поскупились и проживающие в Кашгаре русские купцы и бежавшие из Туркестана предприниматели, отвалили басмачам сто пятьдесят тысяч. Это только то, что нам известно... Так что же, вы и теперь будете утверждать, что басмачи не опасны для Советской власти?

— В беде конь пьет зауздапный, а джигит идет в реку в сапогах,— неожиданно сказал Акмат.

Все повернулись в его сторону.

— Я хочу сказать,— продолжал Акмат, старательно подыскивая слова,— у нас мало свободных, не занятых

на фронтах сил, а басмаческие шайки растут с каждым днем. Они и будут расти, а сил, которые можно было бы послать против них, будет все меньше.

— Откуда тебе это известно, Акмат,— не без досады спросил Дрожжин,— откуда тебе известно, что сил у нас будет все меньше?

Акмат пожал плечами:

— Люди не могут идти вместе, не имея общей цели.

— Цель у нас есть,— сказал Дрожжин, — она известна тебе, Акмат, наша цель — коммунизм!

— Ты прав, Дрожжин! Это очень хорошая цель. Она красива,— Акмат взглянул в окно и увидел на светлеющем небосклоне крупную звезду.— Она красива, как эта звезда, но до нее много, много дней пути, а людям надо знать, что будет с ними завтра.

Он стоял у окна и мысленно видел свой многонациональный край, видел киргизов, согнанных с лучших земель переселенцами, видел переселенцев, теснимых казаками-староселами, видел голодных, оборванных беженцев, возвратившихся из Китая на родину к разрушенным аулам, к своим пастбищам, захваченным более сильными родами... Все это видел он и не знал, как им помочь. Он сделал полтысячи верст верхом, чтобы найти ответ, но не получил его. Здесь много говорили о правильных взаимоотношениях с коренным населением, но сколько ни говори «мед, мед» — во рту не станет сладко. В борьбе с басмачами они по-прежнему рассчитывали только на свои силы.

— Басмаческие шайки растут,— сказал Акмат,— потому что в кишлаках почти не знают, что такое Советская власть... Зачем снимать с фронтов войска? Они там нужнее. Не надо войск. С басмачами можно управиться и без них. Пошлите в аулы и кишлаки хороших, знающих людей. Пусть они поговорят там, наведут советские порядки. И дайте декханам оружие, чего вы боитесь?

Водворилось напряженное молчание. Все избегали встречаться с ним взглядом.

— Недурненький план,— наконец отозвался Успенский, вскинув на нос пенсне. Он чуть помедлил и сказал рассчитанно эффектно:— Да, недурненький план снабжения оружием... басмачей.

Акмат побледнел от гнева. Казалось, он вот-вот бросится на Успенского, и тогда неизвестно, что произойдет... Дрожжин встал между ними.

— Успокойся, Акмат. Ты неправильно понял товарища...

Акмат рукой отстранил его:

— Слушайте, вы, доктор Успенский! Я ведь хорошо вас знаю... еще по Перовску. Вы помните шестнадцатый год, доктор Успенский?.. Шестнадцатый год в Перовске? — Успенский вдруг как-то потускнел. Пенсне его соскользнуло с носа. Он подхватил его и стал в замешательстве протирать. Акмат отвернулся от него и заговорил спокойнее: — Знаете, что значит слово «басмач»?

— А чего там знать? Бандит...

— Примерно — да. Точнее: налетчик, разбойник, насильник. Вот как назвал их народ. Мы гоняемся за этими басмачами по всей Ферганской долине, то мы их пощипаем, то они нас, и не даем возможности самому народу расправиться с ними. А он-то больше всего страдает от басмачей.

— Ну, это ты, Акмат, хватил через край,— сказал Дрожжин.

— А-а! С вами говорить...

Акмат резко рванулся к двери, сбежал с крыльца и вскочил на коня. Через минуту конский топот затих в переулке.

— Сумасшедший!— сказал Дрожжин.— Хороший парень, но сумасшедший. Ишь, что придумал! Ну и ну!

— А может быть, он в чем-то и прав? — задумчиво отозвался Казаков.— Мы-то хорошо знаем, откуда берутся басмачи...

Ему никто не ответил. Когда все разошлись, Казаков сказал Дрожжину:

— Слушай, Николай Андреевич, о чем это говорил Акмат Успенскому? Что такое было в Перовске в шестнадцатом году?

— Так, сболтнул что-нибудь сгоряча,— отмахнулся Дрожжин.— Чепуха!

— Нет, тут что-то не то. Видел, как Успенский скис? Пустяком его не осадишь. Что бы это могло быть?

2

Акмат гнал коня по пустынным улицам Ташкента. Его спутник еле поспевал за ним. Но кони были измучены и вскоре перешли на шаг.

Опустив поводья, ехал Акмат, недоумевая: что же в сущности произошло?

Вот он говорил народу, и не раз, о мудрости, что идет из Ташкента, о новых порядках на земле, при которых бедняки научатся улыбаться, о людях, думающих установить на земле справедливость. Сперва над ним посмеивались, говорили, что джаток[1] Акмат захотел отведать пищи баев. Но смеялись так, словно гнали от себя заманчивые картины будущего, боялись поверить в них. Потом перестали смеяться и уже с нетерпением поджидали Акмата или, заслышав, что он уехал на дальние джайлоу[2] к чабанам, сами скакали туда. У затухающего костра они сидели, жадно слушая его нехитрые речи, и пересказывали их другим.

Если смотреть со стороны — ничего не менялось в аулах и после отъезда Акмата. Но почему так хмурились лица баев? Почему неслись ему вдогонку проклятья? И почему Акмат не раз внезапно менял свой путь, предпочитая заброшенные горные тропинки хорошей дороге?

А теперь все рушилось. Люди, о которых он говорил, как об источнике мудрости, даже не оттолкнули его. Они просто не заметили того, из-за чего он проскакал долгий путь. Они казались очень сведущими. У них все было учтено, предусмотрено и на все имелся ответ. Но до чего же это было совсем не то, что было нужно!

В тишине бледного утра гулко цокали конские копыта. Какая-то собака выскочила из подворотни, постояла в нерешительности и не торопясь пошла вдоль улицы.

«Ей тоже некуда идти...» — машинально отметил в уме Акмат и вдруг почувствовал, что кто-то дернул его коня за повод.

— Да ведь это Акмат! Ты что же от друзей отворачиваешься? И Асан с тобой? Здравствуй, Асан! — говорил Иван Матвеевич.

Акмат спрыгнул с коня, спешился и Асан.

Иван Матвеевич любовно оглядел Акмата:

— Как поживаешь, Акмат? Твой отец, почтенный Туртубек, по-прежнему в ауле Алла-Су? А этот, как его, джигит аллаха...

— Кыдыр?

---

[1] Джаток — бедняк, лишившийся скота *(киргизск.)*.

[2] Джайлоу — горное пастбище с альпийской растительностью *(киргизск.)*.

— Вот-вот! Он что, все еще не остепенился? Все такой же?..

Иван Матвеевич, обычно сдержанный, забрасывал Акмата вопросами, даже не дожидаясь ответа.

— Каким ветром вас занесло в Ташкент? Что такой кислый? В Реввоенсовете был? Что же я тебя там не видел? Правда, я ушел, не дождавшись конца заседания... А сейчас куда?

— Не знаю,— тихо сказал Акмат.— Не знаю, Иван Матвеевич. Ехал к тебе...

— Вот и хорошо.

— Но ты куда-то шел.

— Пустяки. Просто просидели всю ночь в Реввоенсовете. Голова гудит, будто соборный колокол. Спать-то уже не к чему. Думал к себе в депо наведаться. Так что поворачивай ко мне. Ну, заворачивай, заворачивай, нечего тут... Там и коней поставишь.

Он явно обрадовался встрече, и Акмат это понимал. Хмурое лицо его начало проясняться.

Дружба Ивана Матвеевича с Акматом началась в одну безлунную летнюю ночь тысяча девятьсот шестнадцатого года, на железнодорожном перегоне между станциями Пахта—Вревская.

Иван Матвеевич вел товарный поезд, привычно облокотясь на подоконник правого окна паровоза и поглядывая вперед. Перегон был нетрудный и не требовал особого внимания, если не считать отощавших безнадзорных верблюдов, которых хозяева осенью пускали на вольный выпас. Такому верблюду ничего не стоило улечься на рельсы, и никакими сигнальными гудками нельзя было его согнать с пути. Но сейчас было уже лето. Многие «бродяги пустыни», которым в чужом ауле не дадут и глотка воды, мучимые жаждой, вернулись к своим хозяевам. Так что опасность подобного неожиданного препятствия на пути значительно уменьшилась.

Внезапно Иван Матвеевич насторожился. Невдалеке, впереди, чуть правее полотна дороги, блеснул огонек и прогремел выстрел, затем второй, третий...

— Никак, казаки...— сказал помощник Ивана Матвеевича.— Опять кого-то гонят.

Время было тревожное. По всему Туркестану и Се-

миречью прокатилась волна восстаний, вызванная несправедливостями при мобилизации в армию коренного населения Средней Азии. Несправедливости были обычны для здешних народов, только на этот раз, может быть, все было сделано откровенней: сыны аксакалов, старейшин родов, племен и просто богатых людей всеми правдами, а чаще неправдами были освобождены от военной службы. Вместо них были взяты, не считаясь с возрастом, бедняки. Терпение народа лопнуло. Декхане взялись за оружие. Но что они могли противопоставить хорошо вооруженным войскам царской армии? Старинные мултуки, берданки? Восстание подавлялось беспощадно. Это хорошо знал Иван Матвеевич — один из тех русских людей, которые пришли сюда на постройку новой железной дороги, да так и остались здесь, в новом крае. Им полюбился этот досель неизвестный народ, их трудолюбие, пытливость ко всему новому. Но об этих своих симпатиях в то время лучше было помалкивать.

Иван Матвеевич все это знал. Быть может, потому он и прикрикнул на помощника:

— Гляди влево!

Поезд брал небольшой подъем. Иван Матвеевич левой рукой потянул регулятор до отказа. Выстрелы остались позади. Опять перед глазами Ивана Матвеевича замелькал очерет, росший по обеим сторонам железнодорожного полотна.

Иван Матвеевич продолжал смотреть вперед.

И вдруг он почувствовал рядом с собою кочегара. Тот, вместо того чтобы шуровать уголь в топке, что-то пытался сказать ему, и вероятно, не в первый раз.

— Ну что тебе?!

— Там кто-то на подножке.

— Кто?

— Не знаю, какой-то в халате.

Поезд шел к закруглению. Еще одна-две минуты, и тот, кто находился на подножке паровоза, силой инерции будет сброшен на насыпь, в этом месте довольно крутую.

В какую-то долю секунды перед Иваном Матвеевичем промелькнуло все, что произойдет сейчас. Тщедушный человечек,— он так и подумал «тщедушный»,— только силой воли держащийся за поручни, покатится вниз под насыпь, ломая позвоночник и ребра.

— Гляди вперед,— с хрипом сказал Иван Матвеевич своему помощнику.

Привычным движением он рванул регулятор на тихий ход, метнулся к двери паровоза и схватил человека, висевшего на подножке, за руку, силясь втащить его в кабину, но тот то ли не понял намерения Ивана Матвеевича, то ли потерял сознание.

— А ну, помоги!— крикнул Иван Матвеевич кочегару.

Вдвоем они с трудом втащили неожиданного пассажира.

«И чего это он представился мне тщедушным?» — подумал Иван Матвеевич, рассматривая лежащего на полу кабины паровоза молодого, лет двадцати пяти — двадцати восьми, парня в цветном халате.

— Плесни-ка на него!

Но кочегар и сам уже догадался. В жестянку из-под конфет «Ландрин» он нацедил воды из тендера и опрокинул ее на незнакомца. Тот очнулся, вскочил, хотел что-то сказать, но Иван Матвеевич, взяв его за плечи, с силой усадил на свое сиденье.

— Не прыгай! Не блоха,— и, по отдельным фразам поняв, что перед ним киргиз, заговорил на его языке:— Ну, что с тобою стряслось, парень? Говори, здесь чужих нет.

— Там казаки...

— Видел. Ну и что? Преследовали? Что же ты натворил такого, что по тебе стреляли? Ограбил кого-нибудь? Нет? Убил?

Незнакомец кивнул утвердительно.

— Понятно... Кого же это ты упокоил? Ну, это и не так важно. Только бы не стоящего человека...

— Офицера.

— О-о! Да ты, видать, бунтовщик!

И тут нечаянный пассажир заговорил:

— Ты говоришь, бунтовщик!.. Нас шесть сыновей у Туртубека. Я самый старший, но у Джуназака тоже шесть сыновей... Скажи, почему у Джуназака не взяли на войну ни одного сына? Ты думаешь, я смерти боюсь?

— Не думаю,— сказал Иван Матвеевич,— иначе ты не схватился бы за поручень паровоза. Вернейшей смерти на закруглении трудно придумать.

— Погоди смеяться!.. Да, я бросился к паровозу. Старый Туртубек, мой отец, не раз говорил мне: «Держись около русских, рабочих русских, Акмат. Они тебя поймут». Не знаю, почему он так говорил. Может быть, потому, что сам он раньше работал каменщиком и много видел. И вот... я оказался среди восставших кара-киргизов; так нас называют. Потом были казаки, были загнанные кони, стрельба... Выдашь меня?

— Дурак! — Иван Матвеевич расправил тогда еще не очень пышные усы.— Ты что, не знаешь, что есть телеграф и жандармы? На Вревской тебя обязательно ждут... Вот тебя, голубчика, снимут с паровоза и в кандалы, а заодно и меня... Не вози государственного преступника. Вот так-то, мой дорогой.

Молодой киргиз встрепенулся:

— Я спрыгну.

— Вот и выходит, что ты совсем глупый... Тебя небось казаки по всей линии караулят! Ну, спрыгнешь! Под пулю попадешь! — и вдруг Иван Матвеевич зашептал: — Плавать умеешь? Дышать через тростник умеешь? Нет? Как-нибудь справишься... Лезь в тендер паровоза. Там вода плескается и все такое, но тебя там ни один черт искать не станет.

Вревскую проехали спокойно. Жандармы и казаки обыскали весь поезд, но кто из них мог догадаться, что преступник находится в тендере паровоза?

На станцию Ташкент-Товарная Иван Матвеевич прибыл под утро. В мутном рассвете тускло светили редкие фонари. Отцепив состав, Иван Матвеевич повел паровоз в депо. На полпути он, однако, остановился.

— А ну, вылазь, Акмат, если жив.

Из-за приоткрытой крышки тендера показалось худощавое лицо.

— Ой, как ты дрожишь! Зуб на зуб не попадает, был бы спирт или водка...

Кочегар сказал:

— Есть самогон.

— У тебя всегда что-нибудь есть! Но на этот раз — кстати. Давай его сюда.

Дежурный сцепщик никак не мог понять, почему это паровоз Ивана Матвеевича вдруг стал на полпути к депо.

Он не видел, как справа с паровоза скользнула тень человека. Он не мог слышать, как Иван Матвеевич назвал

Акмату свой адрес и строго-настрого приказал ждать его там.

Так и завязалась эта дружба, с годами все больше крепнувшая... В Ташкенте Акмат несколько дней скрывался у Ивана Матвеевича. Затем его по хорошо налаженным полулегальным связям отправили в Баку и устроили на нефтепромыслы.

Вернулся Акмат Туртубеков к себе на родину вскоре после Февральской революции. Но это уже был совсем другой человек. Иван Матвеевич с удовольствием поглядывал на него. «Закалочку прошел. Толк будет». И действительно, скоро из Семиречья в Ташкент стали долетать слухи о том, что Акмат восстановил против себя баев, что вокруг него группируются молодежь и те, кто в свое время пострадал при восстании.

Слушая все это, Иван Матвеевич довольно поглаживал усы: «Нашей закалки паренек».

Позднее, после Октябрьской революции, Иван Матвеевич, будучи в Семиречье, не раз встречался с Акматом, бывал у него в доме и думал о том, что при хорошем руководстве Акмат мог бы стать подлинным вожаком среди киргизов.

В доме Ивана Матвеевича уже встали. Невестка — плотная русоволосая женщина, бывшая всего второй год замужем, не суетясь, но удивительно споро убирала постель. Увидев неожиданных гостей, она приветливо улыбнулась и, закончив уборку, взяла самовар.

— Вот это дело! — кивнул Иван Матвеевич.— Гляди, Асан, кажется, совсем застыл. А Серега в полк ушел? Что так заторопился? Ну, раздевайтесь, я сейчас ваших коней управлю.

— Погоди, и я с тобой,— сказал Акмат.

Они вышли во двор. Кони стояли понуро, изредка переминаясь с ноги на ногу.

— Заморил ты коней, Акмат, что за нужда случилась?

— Джут...— отозвался Акмат,— гибнут стада, гибнут люди!

— Знаю. Сам видел. А еще?

Акмат стоял перед ним, глядя в землю. Они достаточно знали друг друга, чтобы понимать с полуслова.

— Джут и будет косить стада, Акмат, пока вы не на-

учитесь косить траву на сено. У нас в России зимы политее ваших, а скотина не мрет. Сеном запасаемся. Помочь вам, конечно, следует, и помогут... А еще что?

Акмат поднял на Ивана Матвеевича тоскливый взгляд.

— Как жить будем?

— А-а, вот это другое дело! В прошлый раз, когда я у вас был, мне тоже думалось об этом. Надо полагать, хорошо будем жить, Акмат! Невозможное дело, если люди возьмутся налаживать жизнь, да чтобы она не наладилась.

Акмат вдруг схватил Ивана Матвеевича за рукав.

— Мы устали ждать. Понимаешь — устали. Здесь говорят о хорошей, справедливой жизни, а у нас человек, выходя из дому, заряжает ружье или прячет за пазуху нож. По аулам разъезжают курбаши, созывают к себе народ.

— Говорил ты в Реввоенсовете об этом?

Акмат коротко рассказал о том, что произошло в Реввоенсовете. Иван Матвеевич задумался.

— Нелегкое дело замыслил,— сказал он.— Не поймут тебя, Акмат. Оружия не хватает, но не в этом дело. Укоренилось в нас это проклятое недоверие к коренному населению, особенно к декханам. Не у всех, конечно, но укоренилось. Поговори вот с таким, как наш Дрожжин. Он тебе даже обоснует это недоверие. Ну да ничего. Выправится все это. Выправится... Пойдем чай пить. Голод — плохой советчик, а ты, поди, еще со вчерашнего утра не ел.

В доме уже чаевничали. Невестка Ивана Матвеевича угощала Асана. Дородная, красивая, она сидела у самовара, еле приметно улыбаясь. Юноша, принимая от нее стакан, конфузился и отводил взгляд от ее полных рук, обнаженных выше локтей.

Пили чай, неторопливо говоря о мелочах. Допив стакан, Иван Матвеевич поднялся.

— Ты, Поля, постели гостям, пусть отдохнут, а я в город схожу. Надо повидать кое-кого... Отсыпайтесь.

В Реввоенсовет Иван Матвеевич попал только к вечеру. Там было людно. То и дело сновали какие-то люди с папками. Приходили и уходили посетители, звенели телефоны, слышался говор, восклицания. Казакова на месте не оказалось. Иван Матвеевич подумал и направился к Дрожжину.

Тот, явно не выспавшийся, с покрасневшими от бес-

сонницы глазами, сосредоточенно слушал объяснение какого-то финансового работника, так и сыпавшего словечками: «баланс», «сальдо», «старнировать».

В комнате плавал табачный туман, и почему-то Ивану Матвеевичу казалось, что и в голове у Дрожжина вот такой же туман, в котором плавают поджарые верткие «сальдо» и рыхлые, студенистые «балансы».

Увидев Парамонова, Дрожжин некоторое время смотрел на него, силясь что-то вспомнить.

— Тут кто-то звонил о тебе, Иван Матвеевич,— сказал он и вдруг просиял:— Да, звонили из крайкома партии насчет киргизов. Там надо разобраться, помочь. Хотели просить тебя. Ты и язык знаешь и вообще...

— За тем и пришел,— отозвался Парамонов.— Вот удостоверение, подпиши. А в крайкоме я уже побывал.

— Значит, в Семиречье! Ну что же, дело,— сказал Дрожжин.— Тут вчера Акмат был. Молол разное. Чудак он все-таки.

— С ним и едем.

— А-а, ну, тем лучше!

Он размахнулся, поставил свою подпись со множеством завитушек и точек и, сразу же забыв об Иване Матвеевиче, затеял спор с каким-то посетителем.

Но тот напомнил о себе:

— Скажи ты мне, Николай Андреевич, что это такое: ученый-лингвист? Давно хотел спросить у тебя, да все забываю.

Дрожжин с удивлением оглянулся на Парамонова.

— Ученый-лингвист? Какой-такой ученый?

— Документик я на днях видел... Не знаешь? И ты не знаешь? Вот тебе раз! А я-то надеялся!

— А, иди ты, старик! Не до тебя тут...— отмахнулся Дрожжин.— Черт его знает, что оно значит!

— Документик-то подписан тобою,— сказал Иван Матвеевич,— а выходит, что и ты не знаешь!

3

В старом городе, в доме Рахметбека Ходжаева, скрытом за высокими дувалами, хозяин принимал гостей.

В просторной комнате, все стены и полы которой были покрыты коврами, на расшитых шелковых подушках, у низенького восьмигранного столика, инкрустированного

перламутром, сидело четверо давно знакомых между собой людей.

Сдержанный, как всегда, Рахметбек гостеприимно подливал гостям горячего чая, одним движением бровей приказывал слуге — плечистому, с рябоватым лицом и явно недюжинной силы — Мереду сменить опорожненные тарелки со сладостями и ни на минуту не упускал из поля зрения никого из своих собеседников.

Справа от него сидел ишан[1] Искандер — сухощавый, высокий старик с чуть сгорбленной спиной, с лицом, испещренным глубокими морщинами, и глазами фанатика. По сану его полагалось бы душевное спокойствие и умиротворенность, но страсти, преждевременно состарившие его, никогда не утихали в нем. Это сказывалось решительно во всем: и в порывистых движениях, и в беспокойных, беспрестанно шевелящихся пальцах, и даже в самой речи его, резкой, отрывистой.

Полной противоположностью ишана Искандера был гость, сидевший слева от хозяина — Тюракул Джуназаков. Среднего роста, предрасположенный к полноте, коротко стриженный, с лицом, густо заросшим иссиня-черным, коротким, словно мех, волосом, с узкими щелочками почти агатовых глаз, он говорил осторожно, нередко повторяя фразу, пока не находил следующую.

Четвертый собеседник, по имени Кудаяр, сидевший напротив хозяина, был тоже иного склада. Невысокий, жилистый, с кривыми ногами, как у человека, редко сходившего с коня. В отличие от других гостей он был одет небрежно. Под полой его поношенного халата без труда угадывалась деревянная кобура маузера.

Большая керосиновая лампа с матовым абажуром, подвешенная к потолку, ярко освещала лица собеседников.

Они говорили уже давно, но совсем не о том, зачем собрались. Когда же слуга Меред, убрав со столика чайную посуду и поставив на него блюдо с дымящимся пловом, удалился, ишан Искандер не выдержал, взорвался:

— Во имя милостивого и единого, скажите мне, долго ли еще неверные будут топтать нашу землю, попирать веками освященные адат[2] и шариат[3], осквернять своим ды-

---

[1] Ишан — духовное лицо у мусульман.
[2] Адат — право, основанное на обычаях.
[3] Шариат — мусульманское право.

ханием наш воздух? Разве вы не видите, что с каждым днем все больше правоверных отпадает от ислама и начинает исповедовать проклятый коммунизм! Женщины без стыда открывают свое лицо, и никто их за это не побивает камнями. Седая борода аксакала уже не вызывает почтения. Да и может ли быть иначе, если сыны шайтана и свиньи натравливают правоверных друг на друга, смущают равным разделом воды и земли? О, аллах милосердный! Разделить воду и землю! Как можете вы, чья мудрость и мужество не вызывают сомнения, так спокойно переносить все это?! Почему мы не объявим газават[1] и не сметем с лица земли всю эту нечисть? Ну почему? Отвечайте мне...

Некоторое время все молчали. Джуназаков весело и хитровато поглядывал то на хозяина, то на Кудаяра.

— Резать надо! — решительно сказал Кудаяр. — Всех резать!

Рахметбек Ходжаев чуть-чуть усмехнулся, как усмехается взрослый, слушая неразумный лепет ребенка.

Джуназаков вдруг заерзал, зацокал языком. И без того узкие щелочки глаз его вытянулись в ниточку.

— Ой, ой! Зачем так говорить... резать? Зачем так говорить? Их много, очень много. У них пушки, пулеметы, солдаты. Много солдат.

Кудаяр мрачно пробормотал:

— Нас больше... — и осекся под пристальным взглядом Рахметбека, на миг блеснувшим из-под густых ресниц.

— Вы во многом правы, уважаемый ишан Искандер, — медленно заговорил Ходжаев. — Ваши слова преисполнены мудрости. И никто лучше нас, здесь присутствующих, не может оценить ваше ревностное служение делу ислама. Но времена меняются, уважаемый ишан Искандер. Учение большевиков подобно заразе. Оно не щадит и правоверных. И чем беднее правоверный, тем легче оно проникает к нему в душу. Бороться с ним трудно.

— У нас есть Улема, — запальчиво сказал ишан. — Хотя эти собачьи дети и запретили ее, но она существует и будет существовать. Она может...

Рахметбек мягко перебил его:

— Да, я знаю, Улема у нас есть. И многое она может

[1] Газават — так называемая «священная война» против неверных, то есть немусульман.

сделать, имея в своем руководстве таких светочей ислама, как ишан Искандер. Но у большевиков не один полк, состоящий из мусульман.

— Собаки, забывшие веру отцов!

— Согласен. Но газават неизбежно обрушится и на них. А у каждого мусульманина-красноармейца немало родственников в кишлаках. И не все они люди состоятельные. Кто может сказать, не посеет ли он в их сердцах смятение? Но послушаем, что об этом думает наш уважаемый Тюракул.

Захваченный врасплох Джуназаков что-то забормотал невнятное. Да, он тоже считает, что газават при сложившихся обстоятельствах принесет больше вреда, чем пользы. Но он человек не очень сведущий в политике и затрудняется определить, насколько это его мнение правильно.

Джуназаков изворачивался, хитрил и никак не хотел высказать своего мнения. Полуприкрыв ресницами глаза, Рахметбек наблюдал за ним, отлично понимая, что у того на уме.

Итак, соглашение не состоялось. Кудаяр не в счет. Тому только бы резать, а кого и почему — значения не имело. Но ишан Искандер и Тюракул Джуназаков и не думали уступать своего первенства.

Глупцы! Что они понимают в назревающих событиях? Их ли силами справиться с большевиками! Нет, надо было менять тактику.

Одно мгновение Рахметбек боролся с искушением: мигнуть Мереду, гости отсюда не вышли бы. Здесь же во дворе их можно было бы и закопать. Но он преодолел его. Пусть тешатся. В конце концов все, что они ни сделают, пойдет на пользу ему, Рахметбеку. В нужный момент он сумеет их обезвредить одним ударом, и притом не своими руками.

Продолжать беседу не имело смысла. Рахметбек Ходжаев и виду не подал, что недоволен гостями. Он по-прежнему радушно угощал их, но в беседе проявил такую осторожность, что окончательно сбил их с толку.

Оставшись один, Рахметбек долго сидел, откинувшись к стене и полузакрыв глаза, но он не дремал. Может быть, никогда еще мысли его так напряженно, так отчетливо не сменяли одна другую.

Эдвард Свард заблуждался, думая, что Рахметбек Ходжаев плохо осведомлен о положении на Актюбинском фронте. И без того достаточно информированный обо всем, что происходило в Туркестане, Ходжаев, после того как по рекомендации Дрожжина его кооптировали в Реввоенсовет, мог узнавать о всех событиях, что называется, из первых рук.

Он знал, что Туркестанская армия ударом от Актюбинска воссоединилась с войсками советского Восточного фронта, взявшими Оренбург. Путь из Москвы в Туркестан был открыт. Правда, железная дорога еще не могла наладить сквозного сообщения, так как мосты были взорваны и само полотно дороги во многих местах было повреждено, но это дело временное. Если армии Колчака не выйдут на Волгу, бесперебойное сообщение с Москвой будет налажено. При таком положении было безумием начинать открытую борьбу. Требовалась иная тактика. Но какая?

Рахметбек вышел во двор. Небо было пасмурное. Дул холодный ветер. Неяркая луна ныряла в клочьях рваных облаков.

От стены отделилась фигура в халате.

— Меред,— негромко сказал Ходжаев,— ты проводил их?

— Да, господин.

— Ну?

— Они сразу же разошлись в разные стороны.

— Хорошо, Меред. Турсун у себя?

— Да, господин.

— Ложись спать, Меред. Тебе надо хорошо выспаться. Завтра будет много работы.

Рахметбек жил в старом городе Ташкента, в одной из глухих улочек, извилистой и до того узкой, что въехавшая в нее арба то и дело чиркала то правой, то левой осью по окаймлявшим ее высоким глиняным дувалам. Во всей улице не было ни одного окна, а массивные ворота, усаженные огромными выпуклыми шляпками кованых железных гвоздей, и не менее массивные калитки были всегда на запоре. Улица начиналась на базарной площади и вилась, делая неожиданные повороты и петли, пока не упиралась в стену. Собственно, это был непомерно длинный тупик, и у входа в этот тупик целые дни постукивал своим молоточком горбатый медник Турсун.

Он сидел на пороге своей мастерской, устроенной в про-

ломе дувала, черный от копоти, с длинной, сужавшейся книзу черной бородою, прочерченной серебряными нитями. Склонившись над небольшой наковальней, зажатой в коленях, он распрямлял податливую медь или насекал узоры, зорко поглядывая на то, что происходило вокруг. Перед ним слева был пестрый шумный базар, полный движения, жестов, говора и красок, справа — пустынная, как кладбище, улица с тяжелыми, окованными железом воротами дворов-склепов. Иногда Турсун уходил к себе в мастерскую, и тогда в глубине ее струилось короткое пламя горна, то красноватое, то зеленое, а из дверей прямо на улицу валил едкий угольный дым.

О Турсуне знали мало. Его склоненную над наковальней фигуру видели ежедневно, и к этому привыкли. Как он жил, была ли у него семья, дом, это могло быть известно только на этой улице, но двери дворов ее были всегда на запоре, а любопытный, решивший пренебречь нелюбезным приемом и заглянуть внутрь, рисковал навсегда остаться здесь закопанным где-нибудь в углу двора. Еще меньше о меднике знали в новом городе. И уж конечно, никому из жителей его и в голову не могло прийти, что нелюдимый, вечно перепачканный копотью медник Турсун и мягкий, приветливый Рахметбек — сводные братья.

Он сидел на простой кошме у мангала[1], худощавый, словно иссушенный каким-то недугом — хотя на самом деле был здоров и обладал незаурядной физической силой,— и протягивал к огню жилистые руки с длинными пальцами, почерневшими от многолетнего обращения с металлом.

— Устал, брат,— сказал Рахметбек, подсаживаясь к мангалу.

Турсун слегка пожал плечами:

— Не больше, чем всегда.

Помолчали.

— Не сговорились? — спросил Турсун.

Рахметбек отрицательно качнул головой.

— Я так и предполагал. Тюракул что-то очень часто стал бывать у Дрожжина. Тебе это известно, Рахметбек?

— Жирная свинья!

— Да, но хитрая и злая... Ишан Искандер сам помышляет возглавить борьбу.

---

[1] Мангал — жаровня (*тюркск.*).

— Дурак!

— Да, но опасный. За ним Улема... Что же ты намерен делать, братец?

Рахметбек не ответил. Этот вопрос он и сам не раз задавал себе. Наклевывалось и решение. Он приближался к нему исподволь, чутьем, обостренным до крайности, угадывая, чего надо держаться. Но сколько еще было неясного, неизвестного! Да, Туркестанская армия воссоединилась с войсками Красной Армии. Следовательно, путь из Москвы в Туркестан открыт. А так ли это? Кто может предугадать, как развернутся события?

— Не сговорились,— между тем, словно думая вслух, говорил Турсун.— Может быть, это даже хорошо, что не сговорились.

— Почему?

Турсун пристально взглянул на брата, чуть-чуть усмехнулся:

— На верблюде не спрячешься за козла.

— В случае неудачи?

— Хотя бы... Джуназаков рвется в Семиречье? Ему хочется быть большим батыром?[1] Очень хорошо! Пусть будет... Ишан Искандер всюду рассылает своих людей, поднимает мусульман против неверных? Очень, очень хорошо! Пусть поднимает. Еще кто-нибудь соберет отряд и будет резать проклятых собак-большевиков. Замечательно! Пусть режет... Но тебя, Рахметбек, это не должно касаться. Ты член Реввоенсовета, Рахметбек. Ты должен быть там. И чтобы тебе верили.

— А здесь?

— Здесь будем мы. Мадаминбек, Иргаш, Кур-Ширмат, Аман-Полван[2] еще не насытились. Надо хорошенько раздразнить их аппетит. Но сам держись в стороне. Тебя знают. Ты на виду.

— А ты?

— Ну кто обратит внимание на горбатого медника Турсуна!

Они опять помолчали.

— Кстати,— заговорил Турсун,— ты знаешь, что Джуназаков зять Рыскулова?

---

[1] Батыр — богатырь; в данном случае: вождь, руководитель.
[2] Главари басмаческих шаек.

— Да, но Турара Рыскулова вряд ли стоит принимать в расчет.

— Почему?

— Он очень близок к большевикам и на разрыв с ними не пойдет.

Турсун тихо, почти беззвучно рассмеялся.

— Ты что-нибудь о мусульманской партии большевиков и о мусульманской Красной Армии слыхал? Правда, об этом пока говорят так, между прочим, но этот замысел Рыскулова в умелых руках может дать многое. Тебе это не кажется?

— Возможно, и так, но пока что это одни разговоры.

— Мудрый должен уметь выждать. Рыскулов метит высоко. Тебе следует считаться с этим, Рахметбек. Держись около него, но не очень близко. Так, что если он слетит, чтобы на тебе это не отразилось.

— Ты хорошо это придумал, Турсун,— сказал Рахметбек, поднимаясь с кошмы.

Турсун быстро взглянул на брата и потянулся к мангалу.

— Ты это и сам знал, когда шел сюда,— бесстрастно отозвался он.

Рахметбек неторопливо прошел к себе в комнату, где только что принимал гостей, там уже все было убрано, и опустился на подушку.

Последняя фраза Турсуна насторожила его. Показалось, что сводный брат думал гораздо больше, чем сказал. Вообще Турсуна нелегко понять, даже Рахметбеку. Почему, например, он избрал эту профессию медника и, несмотря ни на какие уговоры, не хотел от нее отказаться? Теперь, быть может, это даже и к лучшему. Но ведь было же время...

Рахметбек помнит дом своего отца в священной Бухаре. Дом находился едва ли не на самой глухой улице и ничем не выделялся из ряда других. Он был обнесен высоким дувалом, слегка потрескавшимся и выветренным, но крепко оберегавшим его тайны. В доме — несколько двориков, разделенных дувалами пониже, с небольшими тенистыми садами, женская половина с кучей ребятишек от четырех жен старого Ходжи Мирзоева. Ребятишек зорко, как наседки цыплят, охраняли матери. Каждая из них в глубине души лелеяла сокровенную мечту, что именно ее сын будет любимцем отца. Но толь-

ко двое из всех детей пользовались расположением скупого на ласку Ходжи Мирзоева: первенец, от суровой Гульджан,— Турсун, еще в детстве повредивший позвоночник, и самый младший, единственный ребенок красавицы Биби — четвертой жены Мирзоева,— Рахметбек.

Дом казался вымершим. Калитка в его массивных воротах была всегда на запоре. Внутри дом выглядел бедновато. Выбеленные известкою стены, глиняные полы, покрытые кошмою. Ни роскошных текинских ковров, ни шелковых вышитых сюзане. Под стать дому был и его хозяин — в простом бумажном халате и порыжевших от времени ичигах.

У Ходжи Мирзоева на базаре была небольшая лавка с медными изделиями, а позади нее такая же небольшая мастерская с горном и наковальней. Сам хозяин появлялся в лавке редко и не надолго. Там хозяйничал Турсун. Но и тому она не доставляла много забот. Торговля шла не бойко. Лавка с мастерскою была соединена дверью. Чтобы скоротать время, Турсун пристрастился к работе медника, насекал замысловатые узоры на блюдах, делал украшения для седел, мог, при желании, украсить и кинжал.

Иногда в лавку заглядывали и покупатели особого рода. Они проходили прямо в мастерскую, недолго там о чем-то беседовали и уходили, ничего не купив.

Вечером в таком случае Турсун, закрыв лавку, шел к отцу и говорил: «Оразбаю надо сто тысяч. Покупает партию каракуля. Расчет через три месяца. Нам пять процентов в месяц». Отец некоторое время молчал, потом спрашивал: «А шесть нельзя?» Сын отрицательно качал головою: «Не выдержит». Отец соглашался. «Хорошо. А через кого? Через Сердара?» — «Нет,— возражал сын,— через Овеза. Сердара ему знать незачем».

Сделка заключалась. Наутро один из крупнейших торговцев каракулем Оразбай, чей дом на главной улице священной Бухары считался едва ли не самым роскошным, получал через Овеза, жившего довольно скромно, сто тысяч рублей.

Их немало было, таких посредников, дававших в долг под чудовищные проценты, от своего имени, деньги Ходжи Мирзоева. Но вряд ли даже сами посредники имели представление о той ростовщической сети, которую создал почтенный старик в бумажном халате со своим горбатым сыном, медником Турсуном.

Посредники были разные, и на крупные суммы, и на мелкие, но каждый из них думал, что только он один ведет переговоры в мастерской позади лавки медника. И у каждого из них был свой круг должников.

Возвращались долги в срок. Приходилось быть аккуратным. Несколько самонадеянных людей, решивших, что с помощью подкупленного судьи они смогут избавиться хотя бы от уплаты процентов, поплатились жизнью своей и близких. Для этого у Турсуна было достаточно дюжих молодцов, любителей хорошо пожить, не трудясь.

Иная судьба ждала младшего сына Ходжи Мирзоева — Рахметбека. И в этой его судьбе немалую роль сыграл Турсун.

В одно из своих посещений отца Турсун сказал по окончании дел: «Рахметбеку надо учиться».— «Он же учится в медресе»,— возразил отец. «Нет,— отмахнулся Турсун,— ему надо много учиться, хорошо учиться». И Турсун настоял.

Рахметбек в полной мере и теперь еще не знает, что руководило братом. Было ли тут опасение, как бы Рахметбек не вытеснил его из отцовского сердца? Или же желание при помощи ученого брата дать иное применение отцовским капиталам? А может быть, еще что-то, самое затаенное, о чем и думать было опасно? Кто скажет! Турсун не из тех, кто выдает свои намерения.

Рахметбек изучал право, экономику, иностранные языки. Все это он схватывал легко, что называется, на лету, но не глубоко. Среди студентов прослыл «своим парнем» и «левым». Участвовал даже в студенческих беспорядках, но без особых последствий для себя, так как сумел вовремя отойти в сторону. Был всегда при деньгах, но так, что это не бросалось в глаза.

Во время редких и непродолжительных наездов Рахметбека в Бухару Турсун одобрительно посматривал на него и еле заметно улыбался.

Потом Рахметбек уехал за границу. Вел он себя с достоинством, памятуя поговорку: «Не будь ни слишком сладким, чтобы тебя не проглотили, и ни слишком горьким, чтобы тебя не выплюнули». Мало говорил, но слушал охотно, с подкупающим вниманием.

Вернулся Рахметбек на родину, когда в Европе бушевала война. Вернулся кружным путем через Афганистан, сумев избежать интернирования и вообще подозрительно-

го отношения к иностранцам, вызванного шпиономанией того времени.

Дома его ожидали печальные известия. Вспышка холеры унесла всю их семью. В живых остался только Турсун.

Они сидели в тот печальный вечер их встречи вдвоем, задумчивые и грустные.

Только что по всему Туркестану прокатилась волна восстаний, вызванных несправедливостями при мобилизации коренного населения на тыловые работы. «Что ж, это хорошо,— сказал Рахметбек, выслушав рассказ брата об этих событиях.— Нам уже надоели и генерал-губернатор и его солдаты». Турсун усмехнулся: «Не так хорошо, как кажется... Мне говорили, что среди восставших находились люди, во всем обвинявшие баев. Таких было немного, но их может оказаться больше...» — «Ну, до этого еще далеко»,— возразил Рахметбек. Турсун с сомнением покачал головой, но промолчал.

Позднее, перед тем как ложиться спать, Турсун поделился своими планами с братом.

Тревожило и внимание полиции эмира. Видимо, там что-то пронюхали о подпольном банке. А это, при ненасытной алчности эмирских правителей и при полнейшем беззаконии в священной Бухаре, был угрожающий симптом.

Рахметбек посоветовал брату перевести часть денег в какой-нибудь надежный банк нейтральной страны, лучше всего — в швейцарский.

«Завтра ты уедешь в Ташкент,— сказал Турсун,— не следует обращать на себя внимание. Я дам тебе надежную охрану».

Оказалось, Турсун все предусмотрел. В Ташкенте, в старом городе, был куплен дом на имя Мереда, человека дикого, но безусловно преданного семье Ходжаевых. Часть денег была реализована в надежных ценностях, часть подготовлена для перевода окольными путями в международный банк. Остальное можно было изъять из оборота и находясь в Ташкенте.

На другой день под покровом темноты Рахметбек, в простом бумажном халате и в папахе, сопровождаемый десятком головорезов, верхами покинул пределы владения бухарского эмира, чтобы поселиться в тихой улочке старого города. Вскоре к нему присоединился и Турсун, оставивший эмирскую полицию в полной уверенности, что

замученный ею в зиндане[1] житель Бухары и есть тот подпольный банкир, которого они так долго разыскивали. К несчастью для полиции, человек этот оказался на редкость упорным и умер, не открыв, где спрятаны его богатства.

Давно наступила ночь. В старом городе — ни огонька, ни звука. А Рахметбек Ходжаев все еще сидел, откинувшись к стене, в комнате, где сегодня под вечер принимал гостей.

Да, пока все шло в той или иной степени удачно. Поселившись в старом городе, он сумел приобрести значительное влияние. Неизменно приветливый, общительный, он хорошо использовал свои знания, чтобы выступать в роли защитника интересов коренного населения. Его заметили. Заместитель комиссара временного правительства граф Доррер пытался привлечь его к управлению краем, но Рахметбек мягко уклонился от этой чести, хотя личного общения с Доррером не порывал. Надо было выждать. Слишком зыбко, неустойчиво было положение временных правителей, чтобы связывать с ними свою судьбу.

Выплыл он на арену политической жизни позднее. В дни Октябрьской революции он не раз выступал на митингах в старом городе с призывом поддержать новую власть, и вот теперь он, после осиповского мятежа — член Реввоенсовета Туркестана. Но ведь это только одна сторона его деятельности. Была и другая, та, которой руководил Турсун. И кто знает, где, на каком этапе они скрестятся? И что захочет тогда его сводный брат?

Впрочем, до этого было еще далеко.

4

Выйдя от Рахметбека Ходжаева, Тюракул Джуназаков повернул в новый город. Пока он шел с Кудаяром, с его лица не сходила безмятежная улыбка человека, благожелательно настроенного ко всему миру. Но как только на повороте они расстались, улыбка погасла.

Джуназаков был озабочен. Он видел, что Рахметбек

[1] Зиндан — тюрьма.

преуспевает. То обстоятельство, что его кооптировали в Реввоенсовет, свидетельствовало об этом. Не за горами были выборы в Верховный Совет Туркестана, и легко может статься, что Рахметбек войдет в правительство. Все это видел Джуназаков и готов был скрежетать зубами от зависти. Он ничего не знал о намерениях Рахметбека, не понимал его тактики, не видел его подлинного лица. Он только чутьем хищника чувствовал в Ходжаеве соперника, непонятного и потому особенно опасного.

Сын монапа[1], человек недалекий, но весьма изворотливый, Тюракул не заносился далеко в своих стремлениях. Ему бы только сохранить влияние в пределах своего рода, пока не произойдет какое-либо событие, которое сметет большевиков, и тогда можно будет снова жить по-прежнему. О большем он не мечтал. Но для этого следовало быть если не у власти, то так близко около нее, чтобы там, в Семиречье, это отчетливо видели.

Он уже добился некоторых успехов. В Ташкенте с ним уже советовались по вопросам, связанным с Семиречьем. Его знал Дрожжин. Незадолго до осиповского мятежа Николай Андреевич зазвал Джуназакова к себе в кабинет и часа два обстоятельно расспрашивал его о положении киргизов, о том, как в аилах[2] относятся к Советской власти, даже советовался. А это кое-чего стоило.

Джуназаков не обманывался. Его влияние на те или иные мероприятия правительства Туркестана было весьма непрочно. А будь Дрожжин более осведомленным о том, что собой представляет Джуназаков, вряд ли бы он стал с ним советоваться. Кто знает, не вздумает ли этот Рахметбек просветить на этот счет Дрожжина и тем самым укрепить свои позиции в Реввоенсовете?!

Джуназаков, поколебавшись, решительно повернул к зданию правительства.

Несколько дней Николай Андреевич Дрожжин жил с ощущением неполноты, словно что-то забыл очень важное, что-то не сделал, а что именно — вспомнить не мог.

С осиповским мятежом было покончено. Арестованных главарей, среди которых был и Агапов, судили. На след-

[1] Монап — крупный землевладелец, наследственный глава рода *(тюркск.)*.

[2] Аил — киргизское селение.

ствии выяснилось, что он наравне с Осиповым был одним из руководителей контрреволюционного Временного комитета, возглавлявшего заговор. Выяснилось также, что этот комитет в самом конце декабря 1918 года в старом городе Ташкента созвал совещание, на котором присутствовали представители Бухары, Турции, Ирана и Афганистана. На скамье подсудимых оказалось много пойманных с поличным левых эсеров, активно участвовавших в заговоре. На суде, как один из заговорщиков, был назван и Колузаев. Но прямых улик против него не было, и следствие в отношении его прекратили.

Предстоял созыв седьмого чрезвычайного съезда Советов Туркестана. Подготовка к нему шла. Из радиограммы стало известно, что по указанию Ленина в Ташкент был направлен Павел Алексеевич Кобозев, уже два раза побывавший в Туркестане в качестве чрезвычайного уполномоченного центрального правительства. Он ехал с группой партработников, транспортом оружия, боеприпасов и крупной суммой денег.

«Что ж, это хорошо,— думал Дрожжин.— Деньги нам нужны до зарезу, оружие с боеприпасами тоже... Партработники — не лишние. Хотя, конечно, их еще придется учить да учить, пока они не освоятся с краем».

Сын железнодорожника, Николай Андреевич вырос в этом краю, учился в реальном, пока его не исключили из пятого класса «за поведение», как было сказано в решении педагогического совета. Потом он работал весовщиком на одной из станций близ Ташкента. Словом, как любил говорить о себе Дрожжин, он был коренной туркестанец, и потому несколько свысока смотрел на «всяких приезжих». Но в редкие минуты просветления Дрожжин все же сознавал, что знает край недостаточно.

Край был сложный, противоречивый. И если не опереться на людей из коренного населения, можно совершать ошибку за ошибкой и даже не заметить этого. Но где они, эти люди? Кто они?

Вот хотя бы этот Акмат Туртубеков. Неплохой, видимо, парень. Но характер!.. Такой, если дать ему волю, натворит дел...

«Что он в прошлый раз говорил?»

И тут Дрожжин вспомнил, что произошло в Реввоенсовете. На мгновение он ощутил неловкость: так вот что ему не давало покоя несколько дней! Он почувствовал, что

сделал что-то не так. Надо было обстоятельно поговорить с Акматом, выяснить, что привело его в Ташкент. Может быть, стоило подумать над его предложением: привлечь к борьбе с басмачами коренное население. Что ни говори, а Туртубеков свой край знает, хотя и горяч не в меру. Там, в Семиречье, обстановка еще сложнее, чем здесь: русские переселенцы-старожилы, захватившие лучшие земли в низинах, теснили киргизов и тех, кто переселился сюда позднее. Зажиточные киргизы в свою очередь захватили горные пастбища своих соплеменников, бежавших в 1916 году в Китай, и не склонны были возвращать их владельцам. Разобраться во всем этом могли только люди вроде Акмата.

В дверь осторожно постучали, затем показалось вопросительно-улыбающееся лицо Джуназакова.

— Заходите, заходите, Тюракул,— сказал Дрожжин и при этом подумал:— «Вот, кажется, кстати...»

— Я никогда бы не осмелился побеспокоить вас, предварительно не доложив, но вашего уважаемого секретаря почему-то нет в приемной.— Джуназаков всем своим видом старался подчеркнуть, до чего он преисполнен почтения к высокому посту Дрожжина.

Николай Андреевич сделал вид, что равнодушен к чувствам посетителя, но был весьма польщен. И Акмат окончательно был забыт.

Они заговорили о Семиречье. Слушая мягкие, осторожные слова Джуназакова, Николай Андреевич думал, что он, пожалуй, напрасно сетует на отсутствие кадров из местных людей. Вот, например, этот Тюракул! Разве его нельзя привлечь к управлению? Конечно, он не пролетарий и даже не бедняк крестьянин. Но что делать, если в этом диком крае всякий сколько-нибудь грамотный, развитой человек обязательно выходец из состоятельной семьи. Нет, здесь вам не центр России! Здесь такой человек, вроде Тюракула, еще как может пригодиться — понятно, под контролем и все такое...

Дрожжин осведомился у Джуназакова, из какой он среды.

— Перед таким проницательным человеком, как вы, Николай Андреевич, я не оскверню свой рот неправдой,— сказал тот со вздохом.— Мой отец был состоятельным человеком. Конечно, состоятельным в нашем смысле, по сравнению с каким-нибудь джатоком. Но никто еще не

выбирал себе родителей. Впрочем, я давно с ними не живу, отошел от них. Мой отец — человек старых правил. Он проклял меня и даже обещал побить камнями.

— Да ну?!

— Темный старик. Что с него спрашивать? Разве он может судить правильно о новой жизни?

— Судить-то не может, а мешать?..

Джуназаков рассыпался в улыбках, закачал головою:

— Нет, нет! Весь его гнев направлен против меня, его сына. А так он человек неопасный. К тому же он старик, больной, э-э, не стоит об этом...

«И в самом деле,— подумал Дрожжин,— ему, тому старому черту, может быть, три дня до смерти осталось...» — и стал говорить о тяжелом положении во многих аилах Семиречья, о том, что местные власти, по-видимому, недооценивают всей серьезности создавшейся обстановки. Собеседник сочувственно поддакивал.

— Почему бы вам,— несколько неожиданно для себя сказал Николай Андреевич,— не проехать в эти районы и не посмотреть, что там делается. Вы человек местный, скорее разберетесь, что к чему. Ну и помочь, понятно, надо.

Тюракул отнекивался, говорил, что он человек незаметный, что его никто не станет слушать. И чем больше он говорил, тем сильнее росло у Дрожжина убеждение, что перед ним именно тот, кого ему давно не хватало.

— Ерунда все это, Тюракул,— оборвал он сетования собеседника.— Я поговорю с Казаковым, и мы вас снабдим таким мандатом...

Джуназаков сделал вид, что его убедили.

...Дрожжин некоторое время сидел один, думая о том, что на предстоящих выборах в Верховный Совет Туркестана следует выдвинуть кандидатуру Джуназакова.

«Это будет неплохой кандидат,— решил он.— Во всяком случае, не вредный».

А где-то в глубине души у него таилась мыслишка, что кандидат этот своим выдвижением будет обязан ему, и этим тоже не следует пренебрегать. Никогда не лишне иметь поблизости своего человека.

ДЕЛА АРМЕЙСКИЕ

1

Две недели провел Михаил Васильевич Фрунзе в разъездах, побывал почти во всех частях Четвертой армии, знакомился, инструктировал, подмечал их сильные и слабые стороны.

Армия была малочисленна. В ней еще были не изжиты партизанские настроения. Формирование новых частей происходило бессистемно, без отбора по классовому признаку.

Фрунзе сократил разбухшие тылы, беспощадно изъял всех праздношатающихся, делающих вид, что они чем-то заняты, и направил их в строевые части. Самочинные формирования отрядов с громкими названиями и малой

боеспособностью были решительно прекращены. Новые пополнения теперь поступали только через аппарат крупных армейских соединений. Они сразу же оказывались в жестких рамках крепнущей дисциплины. Их фильтровали там, направляя нетрудовые элементы на тыловые работы, проводили с ними политико-воспитательную работу, учили владеть оружием.

Не довольствуясь пассивным обеспечением путей, ведущих с юга и юго-востока на Сызрань — Самару, предписанным Четвертой армии директивой штаба фронта, Михаил Васильевич частями 22-й дивизии и 1-й бригады 25-й дивизии провел боевую операцию и, овладев хуторами Круглоозерным и Барбастау, оттеснил белоказаков на юг от Уральска.

В конце февраля Фрунзе возвратился в Самару с отчетливым представлением, что надо сделать, чтобы разгромить белоказаков.

Выслушав доклад о том, что сделано по его приказаниям с фронта, он поделился своими соображениями с Новицким.

— Бой у Щапова показал, что белоказачий заслон там значительно сильнее, нежели он значился по данным нашей разведки. Это вы, Федор Федорович, и сами видели. Думаю, что на этом пока надо и закончить. Бои в таких условиях ничего не дадут. Сегодня мы у них хутор возьмем, завтра — они у нас. Это отпихивание, а не война. Нужна перегруппировка и решительный удар на Соломихинскую — Лбищенск, с одновременным продвижением уральской группы вдоль реки Урала и тоже на Лбищенск.

— Клещи?

— Именно, Федор Федорович. Надо не дать противнику отвести свои войска на юг.

Новицкий с сомнением пощипал бородку:

— А силы?

— Будем формировать сами из ближайших губерний. Рассчитывать на пополнения из центра не приходится. Надо формировать крупные соединения, а нам дают от случая к случаю маршевые роты. Что с ними можно сделать? И конечно, надо любой ценою создавать внушительный армейский резерв. Эта война без резервов нам уже дорого обошлась. Резерв расположим где-либо поблизости от Самары, возле железной дороги.

— Имеете в виду Уфимское направление?..— с хитринкой спросил Федор Федорович.

Они давно сработались и понимали друг друга с намека.

— А командование фронтом, Михаил Васильевич, насколько я понял по последним директивам, весьма озабочено своим северным флангом.

— Да, я знаю об этом,— сказал Фрунзе.— Они там после потери Перми чрезмерно нервозно воспринимают любое движение противника на север. Но противнику не заказаны и другие направления, хотя бы уфимское... Так что располагайте резерв в районе Самары. Надежнее будет.

Фрунзе и Новицкий занялись деталями предстоящей перегруппировки войск: обсудили некоторые перемещения в командном составе, наметили меры по укомплектованию существующих частей и формированию новых — словом, той повседневной работой, без которой немыслима подготовка к предстоящим боям.

В кабинет вошел дежурный адъютант, явно озабоченный.

— Товарищ командарм, вас хочет видеть командир Чапаев,— и по свойственному многим адъютантам убеждению, что они должны быть глазами и ушами своих начальников, добавил:— Из военной академии сбежал...

— Не сбежал, а откомандирован по личной просьбе с моего согласия,— не резко, но твердо поправил Михаил Васильевич адъютанта.— Просите...— и обратился к Новицкому, сделавшему движение уйти:— Сидите, Федор Федорович, не помешаете.

Новицкому представилось, что сейчас войдет огромный детина, с загорелым обветренным лицом и с зычным, слегка хрипловатым голосом, в грязной, пропахшей потом шинели, распоясанный и небритый. Он с размаху плюхнется в кресло, заложит ногу на ногу, будет дымить огромной козьей ножкой крепчайшего самосада, виртуозно сплевывая сквозь зубы в дальний угол кабинета.

— Разрешите!..

В дверях стоял невысокий худощавый человек с тонкими чертами очень подвижного лица, одетый в хорошо сшитую шинель добротного армейского сукна, в башлыке, откинутом на спину и заправленном концами под хлястик шинели, в оленьих сапогах мехом наружу и в замечатель-

ной темно-серой каракулевой шапке, с золотым позументом на суконном верху. Все на нем было пригнано по мерке, с налетом того чисто военного изящества, которое встречается только в среде настоящих служак, словно родившихся военными.

— Командир Чапаев прибыл в ваше распоряжение.

Михаил Васильевич слегка приподнялся ему навстречу:

— Проходите, садитесь, товарищ Чапаев.

Настороженно, как сильный и ловкий таежный зверь, зачуявший подозрительный запах, прошел Чапаев в кабинет, острым взглядом черкнул по подтянутой фигуре Новицкого, мгновенно определив в нем кадрового офицера старой русской армии, боком обошел мягкое кресло и сел на стул, не сгибая спины и не прислоняясь. Он знал, какая слава гуляла о нем по армейским штабам, и готов был ко всему, кроме хорошего. Он сидел в кабинете командарма, тихий и внимательный, но, взглянув на плотно сжатые губы, на осторожные, скованные движения рук и всего тела, напряженного, как взведенная пружина, Михаил Васильевич вдруг понял, откуда у Чапаева бралась слава неукротимого своевольника и человека опасного; этот командир, на вид такой тихий, мог вспыхнуть в любую минуту. Вероятно, это не всегда учитывали люди, соприкасавшиеся с ним, и, конечно, обжигались.

— Почему вы оставили академию?

— Учиться тяжело, товарищ командарм.

— А если откровенно?

Острый настороженный взгляд броско скользнул по фигуре командующего, встретился с пытливым, доброжелательным взглядом больших серых глаз. И погасла настороженность, и сидит перед командармом не лихой рубака — партизан и своевольник, а просто чем-то смущенный, болезненно самолюбивый человек.

— Ну так что же, товарищ Чапаев, если совсем откровенно, а?

— Сердце не вытерпело, товарищ командующий. В академии у нас застряли на Фридрихе. А на кой он мне ляд сдался, этот Фридрих? Его бы под перекрестный огонь пулеметов сунуть, посмотрел бы я, какой он великий...

— Будто ничего, кроме войн Фридриха Великого, там и не изучали?

— Как ничего! Катапульты еще изучали. Может, по

тем временам и неплохое орудие, но ведь ее, катапульту эту, против казаков не двинешь... Вот и получается, что товарищи мои на фронте бьются, своей жизни не жалеют, а я вроде в тылу окопался.

Федор Федорович, сославшись на неотложные дела, вышел. Чапаев проводил его неприязненным взглядом.

Михаил Васильевич заметил этот взгляд и спросил:

— А скажите, товарищ Чапаев, правда ли, что вы на руку не сдержанны? И что будто бы вы своих политработников нагайкой хлещете, а товарища из штаба армии велели посадить в холодный амбар?

Чапаев усиленно рассматривал свои сапоги, словно увидел их впервые, но превозмог смущение, поднял взгляд:

— Было, товарищ командующий. В горячую минуту одному попало.

— Расскажите подробнее.

— Казаки на нас напали, а часть была необстрелянная. Не выдержали наши бойцы, побежали... А разве от кавалерии убежать? Порубают в капусту... Стали мы их останавливать, кричим, ругаемся. А тут в поле омет стоял. Подскочил я к омету и вижу: забился паренек в омет, трясется, зуб на зуб не попадает. Закипело тут у меня сердце. «Вылазь,— говорю,— так тебя и растак!» А парень очумел, видно. Ну, я его нагайкой и вытянул... Зря, конечно. Парень-то в бой первый раз попал и сразу в такую кашу!.. Только никто не видел, как я его стегнул.

— Откуда же это стало известно?

— Сам разболтал. Обидно ему показалось.

— Ну, а относительно товарища из штаба армии?

— А вот уж это — врут. Не было такого...

Михаил Васильевич подумал, что вокруг имени Чапаева и в самом деле много накручено слухов и сплетен и что слухи и сплетни эти роились в штабах. Никогда ему не приходилось слышать что-либо порочащее о Чапаеве на фронте.

— Так что же, Василий Иванович,— сказал он,— выходит, будем воевать? А где и в качестве кого?

— Куда пошлете, там и буду, товарищ командующий. А кем, это все равно. Хоть рядовым.

— Ну, рядовым — это вы оставьте. Ни к чему такая скромность. Отлично же знаете, что никто вас в строй не поставит.

Фрунзе помедлил.

— Вот что, товарищ Чапаев,— сказал он.— В районе Александров-Гая у нас сосредоточена группа войск. Она состоит из Александро-Гайской бригады и полка, который на днях мы развернули из Балаклавского батальона. Это правое крыло задуманной нами операции. Командовать этой группой будете вы. Думаю, что там встретите знакомых по прежним боям...

— Есть кое-кто...

— Тем лучше... Подробный приказ о наступлении вы получите своевременно, в общих же чертах ваша задача: овладеть районом станицы Соломихинской и наступать на Лбищенск. Этим вы создадите угрозу с тыла главным силам противника.

Чапаев чуть прищурился, словно пытаясь мысленно представить себе карту местности:

— Понятно, товарищ командующий.

— Отлично. В Александров-Гай выезжайте немедленно.

— Есть выехать немедленно! — Чапаев было приподнялся, но Фрунзе движением руки остановил его.

— К вам в группу командование назначит комиссара.

Чапаев вздрогнул, потемнел.

— Для чего, товарищ командующий?

— Будете вместе руководить Александро-Гайской группой.

Глаза у Чапаева снова прищурились. Взгляд заскользил из стороны в сторону.

— Не доверяете, товарищ командующий? Я уже более года состою в партии.

«Ох и трудно же будет тебя ломать, Василий Иванович!» — подумал Фрунзе, а вслух сказал:

— А я уже лет пятнадцать в партии. И у меня не один комиссар, а целый Реввоенсовет. Что ж мы тут будем партийными бородами меряться!.. Не доверяли бы вам, не то что группу войск — полка не дали бы.

— Для чего же тогда комиссар?

— Главным образом — вести политработу, руководить политическим обеспечением военных операций, хотя и вопросы чисто военные с него тоже не снимаются, как, в свою очередь, и с вас не снимаются вопросы политического обеспечения. Пора бы вам знать, Василий Иванович, что наша Красная Армия — армия совершенно нового типа. Основана она на сознательности ее бойцов и коман-

диров. А люди-то в ней разные. Вы знаете о событиях в Орлово-Куриловском полку? Знаете... Так вот, объясните мне: как же это могло произойти, что куриловцы, не давшие белоказакам расправиться с местными советскими работниками, перебившие карательный казачий отряд и выставившие в Красную Армию целый полк, вдруг пошли на поводу у явных врагов Советской власти, взбунтовались, убили командира и комиссара, убили члена Реввоенсовета армии? Почему это произошло? А ведь это те же самые люди, которые у себя в станице заступились за советских работников, за коммунистов!..

Некоторое время оба молчали. Вдруг Чапаев встал.

— Ладно, товарищ командующий,— сказал он,— назначайте комиссара, только, пожалуйста, какого поумнее.

Фрунзе чуть-чуть улыбнулся.

— Дадим вам Фурманова. Он сейчас в Александро-Гайской бригаде. Когда выедете?

— А сейчас, прямо отсюда и выеду. Прохлаждаться некогда.

— Отлично. Документы и все необходимое вам сейчас приготовят.— Фрунзе вызвал дежурного адъютанта и распорядился.— Что ж, Василий Иванович,— сказал он, пожимая руку Чапаеву,— желаю успеха.

— Спасибо. Счастливо оставаться, товарищ командующий.— Чапаев молодцевато козырнул и вышел.

Когда в кабинет зашел Федор Федорович, он увидел, что командарм сидит опершись на руку и с легкой блуждающей улыбкой смотрит куда-то вдаль.

— Что решили, Михаил Васильевич?

— Назначим Чапаева командовать Александро-Гайской группой.

Новицкий замялся.

— А не опасно так, сразу, группой? Может быть, на первых порах было бы лучше дать ему полк.

— А какая разница, Федор Федорович? Полк ли или группа войск? Да если он что-либо и задумает, дивизию соберет. Популярность у него здесь вам хорошо известна. Да и дружков, отчаянных вояк, у него хватает. Опасность, что его могут сбить с толку, конечно, не исключается, но я в него верю. Да, он не очень грамотный, политически не развит, самолюбив до чертиков, но человек честный. Он наш, советский, и на предательство не пойдет. А вы что думаете?

— Разное о нем говорят. Но вот что странно: если послушать наших штабных, то и своевольник он, и никакой дисциплины не признает, все успехи его объясняют случайностями, стечением обстоятельств...

— Словом, как у Суворова: «Помилуй бог: раз удача, два удача, а где же уменье?»

— Именно... А успехи у него несомненные. Чего стоит ну хотя бы бой под Пугачевом, когда он, окруженный превосходящими силами противника, блестяще вывел свою часть из окружения. Или то, как он почти с голыми руками отбивал у противника пулеметы... Нет, это далеко не случайность. Скорее всего это самородок, этакий врожденный военный талант... Да, вы правы, люди за ним идут. Всего он сформировал что-то больше десятка полков.

— Ну вот видите... И потом знаете что? Предпочитаю людей трудных, даже опасных, но умных. А Чапаев далеко не глуп. Словом, как сказал один литератор: «Дьявол должен быть горяч или холоден, а черта ли в нем, в тепленьком!..»

Вошел адъютант и положил на стол перед командармом телеграмму. Тот пробежал по ней взглядом и передал Новицкому:

— Командующий фронтом выезжает в Оренбург.

Федор Федорович в свою очередь прочел ее и спросил:

— Вы едете?

— Надо ехать. Может быть, и договоримся о чем-нибудь.

— Настаивайте на скорейшей отгрузке нам оружия. Мы уже выдохлись; пишем, шлем телеграммы, и все без толку.

— Попытаюсь выцыганить, что смогу, а заодно и познакомлюсь с туркестанскими войсками,— сказал Фрунзе и распорядился приготовить поезд.— Выедем через два часа.

2

В салоне вагона командующего Восточным фронтом Сергея Сергеевича Каменева[1] еще плавал густой табачный

[1] Каменев Сергей Сергеевич — бывший полковник генерального штаба старой русской армии, впоследствии командующий Восточным фронтом, главком, начальник штаба РККА,

дым. Только что закончилось совещание с партийно-правительственной комиссией по делам Туркестана. Комиссия направлялась из Москвы в Ташкент, но по дороге задержалась в Четвертой армии, которой предстояло в самом ближайшем времени повернуть свои войска на помощь Туркестану.

Вагон находился на запасном пути станции Оренбург. Высокий, плотный, с крупными чертами лица и с мощными усами вразлет, командующий опустил раму и, стоя у окна, явно наслаждался тем по-особому свежим воздухом, который только и бывает здесь в начале марта, когда признаков весны еще немного, но она уже чувствуется.

— А ведь весна, Михаил Васильевич,— сказал Каменев,— поглаживая свои пышные светлые усы.

— Да, весна, Сергей Сергеевич,— отозвался Фрунзе, подходя к окну вагона.— Не наделала бы она нам хлопот.

— Об этом и думаю...

Мимо, коротко посвистывая, прошел маневровый паровоз. Сцепщик что-то просигналил ему рожком. Паровоз остановился и вдруг окутался клубами пара.

— Об этом и думаю, Михаил Васильевич,— повторил Каменев. Он поднял раму окна и, подойдя к столу, на котором лежала, свесившись через край, карта Восточного фронта, постоял около, словно собираясь с мыслями.— Вот о чем я хотел переговорить с вами... Послезавтра Пятая армия переходит в наступление. В общих чертах вы знаете ее положение. Оно не из легких. Группировка сил там крайне невыгодная. Фронт растянут, особенно на левом фланге, а подкрепить его нечем. Выход из создавшегося положения только один: двинуть правый фланг в наступление, захватить Аша-Балашевские горные проходы... Вот здесь,— он показал на карте,— закрепиться на них сравнительно небольшими силами, а освободившиеся части перебросить на слабый участок.

Фрунзе с сомнением качнул головою. План был неплох, но не запоздал ли он? Его с успехом можно было реализовать месяца два назад, когда противник после ряда боев сдал Уфу и еще не успел закрепиться в тех же горных проходах. Своими соображениями он поделился с командующим фронтом.

заместитель народного комиссара обороны. Скончался скоропостижно от сердечного недуга 20 августа 1936 года в должности начальника противовоздушной обороны РККА.

Каменев нахмурился.

— Это тот самый срок, который нам понадобился, чтобы доказать главному командованию крайнюю необходимость этой операции,— сказал он. И вдруг не выдержал, взорвался: — Они там командуют списочным составом. Чтобы не допустить падения Перми, мы просили у Главного командования надежную, хорошо вооруженную бригаду, всего на три-четыре недели! Надо было прикрыть свой левый фланг во время переброски частей с правого, а получили «добрый» совет: парировать удары противника на Пермь маневром Второй и Пятой армий. Будто мы сами не догадались бы сделать это, если бы имели такую возможность! Только после вмешательства Ленина нам сунули бригаду из Ярославского военного округа, не закончившую формирование...

— Это из седьмой дивизии? Еще при мне было. Правда, я тогда уже сдавал дела по округу.

— Именно. Но ведь эта бригада никаким образом не могла прибыть вовремя. Вот в чем беда!..— Сергей Сергеевич помолчал, сожалея, что не сдержался и наговорил лишнего. Этот новый командарм мог подумать, что он ищет сочувствия.— Каково состояние вашей армии, Михаил Васильевич? — спросил Каменев уже спокойно.

— Полностью выздоровевшей ее назвать еще нельзя. Очень уж слабы у нас военные комиссары частей. Плохо обстоит и с командным составом. Мало артиллерии. Количественно армия страшно слаба, едва достигает шести тысяч штыков. Иные полки еле насчитывают по двести пятьдесят штыков. Чтобы довести действующие части до состояния боеспособности, я снял с тыла и направил на фронт все, что только было можно. Однако своими силами не обойдемся. Нужны пополнения. Вообще-то пополнения желательны из более отдаленных районов, но дело срочное, потому и прошу дать наряды на четыре тысячи человек из Самарской и Саратовской губерний. Из рук вон плохо с запасами оружия. Их почти нет. Нет и запасных частей.

— А как противник? Сведения из перехваченного вами приказа генерала Савельева подтвердились?

— Не только подтвердились. Они уже несколько устарели. Противник в район к югу от Уральска стянул все свои силы, находившиеся вот здесь...— Фрунзе показал на карте пространство между Уральском, Оренбургом и

Илецкой защитой.— Численность его вооруженных сил доведена до десяти тысяч штыков и сабель. В общем — восемнадцать полков уральских и илецких плюс несколько батальонов 33-го пехотного полка. Но этим они не ограничатся. Там производится сплошная мобилизация, реорганизация частей...

— У Главного командования несколько иные сведения.

— Возможно, но нам здесь виднее. За последнее время разведки дивизий и армии работу наладили. Теперь мы располагаем довольно точными сведениями о противнике... Могу ли я рассчитывать на пополнение людьми и оружием?

— Пополнения можем дать хоть сейчас. За этим дело не станет. Задержка с оружием и обмундированием. Получили наряд на шесть тысяч винтовок с Южного фронта. Приемщики туда поехали. Словом, приму все меры, чтобы вас обеспечить...— Каменев, помедлив, спросил осторожно: — Вы это серьезно собираетесь в месячный срок ликвидировать белоказачий фронт?

— Вполне, при условии немедленной присылки пополнений и оружия.

— У Реввоенсовета фронта есть замысел дать вам задачу поскромнее. Сами же говорите, что армия еще не вполне выздоровела. На первых порах достаточно будет, если вы обеспечите пути, ведущие с юга и юго-востока на Самару—Сызрань. Право же, это будет хорошо.

— Мы и думаем выполнить эту директиву, но только путем разгрома белоказаков... Четвертой армии сейчас крайне необходимы две-три убедительные победы. Это и будет лучшим средством для ее окончательного выздоровления. Удар на Соломихинскую — Лбищенск, с одновременным отсечением противника по реке Урал, и представляется мне именно таким средством.

Каменев несколько раз прошелся по салону, теребя пышный ус.

— Соблазнительно,— сказал он, возвращаясь к столу.— Дьявольски соблазнительно принять ваш план. Активность Четвертой армии приковала бы внимание к себе противника и очень облегчила бы маневр Пятой. Вопрос в том, сможете ли вы это?

Фрунзе отозвался просто:

— Сможем.

С минуту Каменев испытующе смотрел на него, словно хотел понять, действительно ли он имеет дело с человеком серьезным, не бросающим слова на ветер, и вдруг широко улыбнулся:

— Чай пить будем? Мне тут прислали из отбитого неприятельского обоза настоящего чая, только зеленого.

— А-а, кок-чай!.. Прекрасный напиток... Что ж, как говорят, чай пить — не дрова рубить. Полегче все-таки. Заваривать его у вас умеют?

— Есть тут один любитель...— Каменев распорядился накрыть стол.

Уже совсем рассвело. Дым маневрового паровоза, бойко сновавшего по станционным путям, клочьями расстилался по земле. Между рельсами и в кюветах проступала вода. Снег на перроне вокзала был истоптан тысячами ног, перемолот в грязь, скованную ночными заморозками.

— Прошу,— сказал Каменев, когда стол был накрыт.

Чай и в самом деле был превосходный, умело заваренный. Видимо, здесь знали в нем толк.

— Так вот, Михаил Васильевич,— сказал Каменев, помешивая ложечкой в стакане.— Проект создания Южной группы армий Восточного фронта Главным командованием утвержден.

— Наконец-то,— усмехнулся Фрунзе.

— Да, там этот вопрос затянули. Надо форсировать развертывание Туркестанской армии. Кого вы думаете назначить командармом Туркестанской?

— Григория Васильевича Зиновьева. Лучшего мы не найдем, да и незачем искать. Я присматривался к нему. Неплохой военачальник, и войска ему верят.

— Ну что ж, пусть будет так...— Каменев вторично наполнил стаканы и сказал: — А знаете, кто в Реввоенсовете фронта особенно ратовал, чтобы именно вас назначить командующим Южной группой?

— Понятия не имею.

— Гусев.

— Сергей Иванович? — слегка удивился Фрунзе.— С чего это он так?

— Да уж так вот,— развел руками Каменев, умолчав о том, что главным противником назначения Михаила Васильевича был Троцкий. Это по его указанию главком Вацетис возражал против кандидатуры Фрунзе. Гусеву пришлось выдержать серьезное сопротивление главкома.

Поглаживая усы, Сергей Сергеевич сказал с усмешкой:
— Интересно будет на вас посмотреть в Туркестане... Вот придете вы туда во главе двух армий, наведете порядок и станете этаким эмиром... Эмир Туркестана! Каково звучит, а?
Михаил Васильевич отшучивался:
— Там уже есть два самодержца: эмир бухарский и хивинский хан. Зачем им еще третий? К тому же такая роль меня никогда не прельщала.
— Знаю, знаю, Михаил Васильевич. А все-таки что вас так тянет в Туркестан? Оставались бы здесь, на Восточном фронте. Командарма Пятой, видимо, придется заменить... Так что оставайтесь у нас, Михаил Васильевич, вместе бы Колчака громили.
— Колчака, Сергей Сергеевич, надо разбить, и его так или иначе разобьют. Опасность это грозная, но думаю, с нею мы справимся. А Туркестан — это фитиль в пороховом складе всего колониального Востока. И если мы в кратчайший срок наладим правильные взаимоотношения с коренным населением — далеко разнесется об этом молва. Тут никакие границы не удержат.
Каменев недоверчиво покосился на собеседника:
— Час назад на заседании от членов Турккомиссии мы с вами слышали иные речи. Кое-кто, например, утверждает, что в Туркестане сплошная анархия, диктатура разрозненных партизанских отрядов.
— Обычное преувеличение, Сергей Сергеевич. Разрозненные партизанские отряды не смогли бы почти два года отбиваться на нескольких фронтах. Да и сюда, к Оренбургу, не смогли бы пробиться. Вы сами видели их войска, скажите, разве они похожи на партизанскую вольницу?
— Да нет, незаметно...
— Вот видите... В Туркестане, на мой взгляд, есть две серьезные опасности: великодержавный шовинизм пришлого населения и байско-монапский буржуазный национализм. Но Советская власть и Компартия там есть. Помочь им надо. Как можно скорее помочь.
— Может быть, вы и правы,— задумчиво сказал Каменев.— Я, как известно, человек военный, не политик...
— Э-э, Сергей Сергеевич! Война тоже политика, только иными средствами. Это задолго до нас сказано.— Фрунзе встал из-за стола.— Спасибо за чай. Пора ехать... А белоказаков надеюсь разгромить в течение месяца.

— Ну что ж, желаю удачи! — пожал ему руку Каменев и долго еще смотрел на дверь вагона, за которой скрылся Фрунзе.

3

Снаряд прочертил небосвод и разорвался где-то сзади. Фурманов невольно вжал голову в плечи и оглянулся. Это был его первый бой, и Дмитрию Андреевичу каждый выстрел казался нацеленным в него. Он ехал верхом во второй цепи наступающих войск и остро завидовал Чапаеву. Василий Иванович со своего киргиза зорко посматривал вперед и по сторонам, мгновенно реагировал на малейшее изменение в обстановке боя и, казалось, совсем не обращал внимания ни на снаряды, ни на долетавшие сюда изредка пули.

Бой завязался еще в предрассветной темноте на правом берегу Узеня. Передовые части без особого труда выбили белоказаков из прибрежных казахских аулов, с ходу овладели на левом берегу хутором Овчинниковом и были уже в километре от большой станицы Соломихинской, одного из опорных пунктов противника.

Начиналось выполнение первой части плана наступления Фрунзе: выход на тылы Уральской белоказачьей группировки.

В бригаде Чапаев появился накануне рано утром. Он приехал туда со своей ватагой — то ли своеобразным полевым штабом, который неизвестно когда и каким образом успел сформировать, то ли с резервом командиров, слетевшихся к Василию Ивановичу, едва донесся слух, что он вернулся. Здесь были люди свои, многократно проверенные в боях, понимавшие Чапаева со взгляда и беспредельно ему преданные. И сейчас они держались невдалеке, готовые мчаться сломя голову, исполнять любое его приказание.

Под прикрытием артиллерийского огня красноармейцы продвигались вперед. Но Соломихинская зловеще затаилась. Оттуда не стреляли. Не было заметно там и движения. Станица словно вымерла. И это молчание настораживало, заставляло думать о том, что приготовили наступающим гораздые на выдумку казаки.

Чапаев, не спускавший глаз с Соломихинской, время от времени напряженно вглядывался в ветряные мельни-

цы. Они стояли на краю станицы и господствовали над ровной, как блин, заснеженной степью. Быть не могло, чтобы противник не использовал этого обстоятельства и не разместил там свои пулеметы. И еще беспокоило Чапаева отсутствие связи с Балаклавским полком. Только что сформированный и еще как следует не обстрелянный, полк этот должен был, по замыслу, атаковать белоказаков во фланг. Но время шло, а донесений, что он занял исходные позиции, не поступало. К нему посылали и раз, и два, посыльные не возвращались.

У Чапаева, когда ему об этом доложили во второй раз, вдруг сузились глаза, резко обозначились скулы. Командир Краснокутского полка, сообщивший об этом, почувствовал, что у него по спине забегали холодные мурашки.

— Чеков!— вздрагивающим голосом позвал Чапаев. Негромко позвал, но тот услышал, метнулся к нему, рыжий, широкоскулый, готовый в огонь и воду.

— Возьми трех конных,— сказал Чапаев,— скачи в Балаклавский, разберись, что там, и чтобы хоть бегом, хоть как, а чтобы полк был бы на исходной...— и, тронув коня, поскакал к первой цепи, абсолютно уверенный, что его приказание будет исполнено.

А Соломихинская молчала, и это молчание действовало угнетающе. Движение бойцов в первой цепи невольно замедлилось.

— Вперед, вперед, не задерживаться,— подбадривал их Чапаев.— На испуг хотят взять, сволочи. Залпами оглушить...

В серой каракулевой с красным верхом папахе, в черной развевающейся на ветру бурке, он появлялся среди наступающих, чуть задерживался, выслушивал короткие сообщения, тут же отдавал приказание и мчался дальше, вызывая восхищение у людей бывалых, которых храбростью не удивишь.

«В чем его сила? — думал Фурманов, наблюдая за Чапаевым.— Почему одно его появление поднимает боевой дух в войсках?»

Но ответа на эти вопросы у него пока что не было.

Передовые красноармейские части были уже в полукилометре, когда станица ожила. Заговорила скорострельная артиллерия, осыпая снарядами наступающих. В небе появились облачки шрапнельных разрывов. Прогремели

винтовочные залпы. Пули засвистели, вспарывая на излете снег. И наконец, с окраинных ветряков ударили пулеметы.

Красноармейцы остановились, залегли, вжимаясь в мерзлую, покрытую снегом землю. Но это была плохая защита. Пулеметы с высоты ветряных мельниц настойчиво били и били.

К командиру батареи подлетел Чапаев, круто, на всем скаку остановил коня:

— Огонь по мельницам! Весь огонь!.. Сбейте пулеметы...

И умчался вперед, туда, где, прижатые пулеметами к земле, лежали красноармейцы. Надо было поднять их, бросить в атаку. Самое опасное сейчас лежать вот так, неподвижной мишенью.

— Вперед! Вперед!.. Короткими перебежками!..

Позади ухнула артиллерия. Нацеленные на ветряки орудия дырявили их, ломали крылья, срывали крыши, крошили в щепки.

Ободренные присутствием Чапаева бойцы, улучив момент, когда огонь пулемета уходил в сторону, вскакивали группами и в одиночку, стремительно бросались вперед и снова падали на снег, едва огонь пулемета к ним приближался. И каждому казалось, что положение его не так уж плохо, раз почти что рядом верхом на коне находится Василий Иванович.

А он уже мчался дальше, на лету рассыпая приказания, слал своих доверенных, неизменно оказывавшихся в нужный момент около него, то к пулеметам, то в артиллерийский обоз, то в смежные подразделения.

Внезапно перед ним предстал Чеков на взмыленном коне и сам весь в поту.

— Балаклавский полк на исходных позициях,— выпалил он, едва переведя дух.

— Что так поздно?

— Ребята засомневались, Василь Иванович. Командир-то полка у них бывший офицер. Думали, что он их нарочно ведет под пулеметы...

Чапаев побледнел от бешенства. Тонкие губы его вытянулись в ниточку. Он и сам с трудом переносил бывших офицеров, но сейчас об этом он не помнил. Затронуто было его самолюбие.

— А моего приказа, значит, им показалось мало? —

неожиданно высоким, звенящим голосом сказал он.— В моем приказе засомневались?!

Чеков опасливо попятил коня. Но Чапаев словно позабыл о нем. Он, чуть сощурясь, пристально всматривался в левый фланг. Там, вынырнув, по-видимому, из балки, мчалась казачья лава, норовя зайти сбоку и в тыл наступающим.

Чапаев рванул повод, пришпорил коня, поскакал туда. По пути встретил Потапова, скакавшего к нему.

— Казаки, Василь Иваныч! Сотен пять, если не больше,— прохрипел давно сорванным голосом Потапов, круто повернув и пристроившись к Чапаеву. Желтолицый, скуластый, с могучими плечами, он напоминал какого-то монгольского божка.

— Пулеметы?..

— На месте, Василь Иваныч. Послали за подмогой...

Чапаева передернуло. «За подмогой? Значит, не уверены... А когда она подоспеет, это подмога?!» Он хлестнул коня и карьером влетел в красноармейскую цепь.

— Ни с места! Подпустите их ближе — и по команде залпом...— пронеслось по рядам приникших к заснеженной земле красноармейцев.— Спокойней, ребята, спокойней... Конный пешему бойцу не страшен. Пока он до тебя дотянется, ты его три раза ссадить успеешь.

Казачья лава надвигалась. На батарее заметили ее. Наводчик нервничал: не накрыть бы своих. Приземистый командир артиллерии, всю первую мировую войну провоевавший на германском фронте, отстранил его, сел сам.

Первый снаряд разорвался позади казаков. Второй угодил в самую гущу.

— Давай шрапнель,— сказал командир артиллерии.

В небе над лавой вспыхнули облачки разрывов, осыпая ее свинцом. Но казаки надвигались. Уже были отчетливо видны взмыленные, роняющие пену кони, сытые, перекошенные ненавистью лица, зловеще поблескивавшие обнаженные шашки.

Казаки послали коней в намет. Лава неотвратимо приближалась. Чапаев, прищурясь, не спускал взгляда с дорожной вехи, колыхавшейся невдалеке на ветру. Он давно заметил ее и ждал. И как только передние ноги коня накрыли ее, он махнул рукой командиру батальона.

— Огонь! — во всю мочь скомандовал тот.

Ударил залп, второй... Истошно застучали пулеметы.

Падали, как подкошенные, лошади, придавливая седоков, падали с лошадей сраженные казаки. В несколько мгновений стройная казачья лава спуталась, перемешалась и замерла, словно наскочив на непреодолимое препятствие.

А пулеметы яростно вгрызались в нее, рвали на части, кромсали. Винтовочные залпы прокладывали в ней широкие просеки. И лава дрогнула, повернула и мчалась уже обратно, сопровождаемая ружейно-пулеметным огнем.

Чапаева уже не было здесь. Он спешил к центру боя. Там красноармейцы продвинулись за мельницы, накапливались для последнего броска. И вдруг справа донеслось: «Ур-ра!» Чапаев одобрительно хмыкнул. Это Балаклавский полк ударил во фланг противнику и угрожающе выходил ему в тыл. Опасность эту почувствовали и в станице. Огонь оттуда даже усилился, но стал он какой-то неслаженный, нервозный, словно люди стреляли и прислушивались к тому, что происходит у них в тылу.

Не трудно было догадаться, что там происходит. Сгруппировавшиеся за мельницами, укрывшиеся за заборами красноармейцы ринулись в атаку. Казачьи пулеметы словно захлебнулись, смолкли. Винтовочные залпы сменились нестройными выстрелами. Вскоре прекратились и они. Красноармейцы широким потоком вливались в станицу. Конники, весь бой простоявшие в балке, ринулись преследовать уходивших в степь казаков.

Тихо стало в Соломихинской. Угомонились разведенные по избам на ночлег красноармейцы. Выбравшиеся из подвалов хозяйки возились у печей, чтобы покормить уставших бойцов. Полевая кухня — кухней, но какая же хозяйка не покормит заночевавших у нее людей! Мужчин в станице мало, главным образом старики да подростки. Многие из пожилых казаков ушли к белым, молодые и иногородние — в Красной Армии. Со всеми делами управлялись женщины.

Затихли и в огромном доме купца Карпова, где разместился штаб Александро-Гайской группы. Намаявшиеся за день командиры спали вповалку, настелив соломы на полу. Чапаев все еще сидел за столом, склонившись над картой-двухверсткой. Невдалеке от него, на лавке, Фурманов с трудом боролся с дремотой. Продолжительное

пребывание на морозном воздухе, волнение первого боя измотали его. С каким наслаждением он растянулся бы где-нибудь на полу и заснул! Но, глядя на Чапаева, Дмитрий Андреевич крепился. Нельзя ему было показать свою слабость. Ему казалось, что, заснув, он навсегда лишится возможности держаться с Чапаевым как равный.

«Железный он, что ли!» — с досадой думал Фурманов.

Вошел посыльный, подал пакет. Чапаев вскрыл его и, отпустив посыльного, сказал:

— Из Уральска сообщают... Они здорово продвинулись на Лбищенск.— Он поискал на карте населенные пункты, названные в сообщении.— Да, хорошо продвинулись... А вы что не спите, товарищ Фурманов? Ложитесь вот тут же, на лавке. Я еще долго буду сидеть. Ложитесь, не сомневайтесь, когда понадобитесь — разбужу вас.

Дмитрий Андреевич не заставил себя уговаривать. Он заснул, едва лишь растянулся на лавке. Но, вопреки ожиданию, спал беспокойно, часто просыпаясь. Сквозь сон он слышал, как вернулась разведка и начальник ее докладывал, что казаков нигде не видно и что дороги сильно раскисли. Потом поступило сообщение, что казаков видели километрах в тридцати у Шильной Балки, где они с налету едва не овладели этим селением. А Чапаев все еще сидел над картой, что-то вымерял циркулем, записывал и снова вымерял. Тускло горевшая керосиновая лампа скупо освещала его сдвинутые к переносице брови и зажатый в зубах край нижней губы.

Вызвав помощника начальника штаба, Чапаев продиктовал ему прямо на пишущую машинку приказ. Затем он разбудил Фурманова.

— Надо подписать,— сказал он, протянув ему экземпляр приказа.

Фурманов прочел, подписал и вскоре уже спал. А Чапаев все еще продолжал сидеть над картой.

4

Как ни бывает день переполнен событиями, большими и малыми, как ни звонят надрывно телефоны и люди за десятки и больше верст охрипшими, простуженными голосами силятся докричать, сквозь пургу и туманы, что-то самое важное, самое безотлагательное, как ни струятся

потоки посетителей со своим наболевшим и тоже неотложным, но наступает такой час, когда затухает бег событий, все реже и реже звонят телефоны и настает полная тишина.

Тогда можно наедине с собою обдумать обстоятельно, что в суматохе дел и событий успел схватить только мельком, на лету, припомнить упущенное, мысленно прицелиться в завтрашний день.

В кабинете председателя Самарского губисполкома, за большим письменным столом, сидел довольно высокий плечистый человек, с крупными чертами лица и высоким лбом, на котором еще не залегла ни одна складка, словно все заботы, тревоги и огорчения, что уж много лет в изобилии сыпались на него, никак его не задевали. Волосы его мягкие, слегка вьющиеся, были взъерошены, пушистые, но не густые усы переходили в реденькую курчавую бородку.

Настольная керосиновая лампа с зеленым абажуром отбрасывала свет на записную книжку, лежавшую на столе.

Человек в суконной солдатской гимнастерке, с лицом типичного русского интеллигента — просветителя девяностых годов, уже записал все, что следовало сделать завтра, записал, что надо иметь в виду на будущее время, и теперь трудился над своим недельным расписанием.

В неделе было только сто шестьдесят восемь часов, и все эти часы, не считая четырех-пяти в сутки для сна, были загружены и перегружены. А надо было выкроить время для занятий. Математика, история, экономическая география, марксизм, беллетристика, немецкий язык — все это надо было изучать, хотя бы урывками, хотя бы всего по часу (хорошо бы — по два!) в день. И человек за письменным столом вглядывался в расписание, зачеркивал, сокращал, упорно выискивая время для занятий.

Вошла секретарша — пожилая женщина в строгом, темном платье, сказала негромко:

— Товарищ Куйбышев, приехал Фрунзе!..

Записная книжка отлетела на край стола. Куйбышев встал, сказал с упреком:

— Что же вы его держите в приемной?!

— В приемной, положим, меня никто не держал. А для порядка доложить надо,— сказал Фрунзе, входя в кабинет.— Здравствуйте, Валерьян Владимирович.

— Какой же порядок,— возразил Куйбышев, здороваясь,— командарм докладывает. Только этого и не хватало...

Фрунзе усмехнулся.

— Нет, Валерьян Владимирович, вы сегодня просто не в духе. Случилось что-нибудь?

Куйбышев опустился в кресло и, опершись локтями на стол, с ожесточением потер виски.

— Ставрополь захватили...— сказал он.

Речь шла о кулацком, или, как его называли, «чапанном» восстании, разразившемся в начале марта в тылу армий Восточного фронта.

— Знаю,— кивнул Фрунзе.— Об этом и хочу поговорить.

Он вынул из полевой сумки карту, разложил ее на столе.

— Началось это в трех уездах Симбирской губернии. Потом была попытка восстания в Бузулуке, это уже в Уфимской... Заметьте, все это в ближайшем тылу нашего Восточного фронта. Теперь восстание перекинулось и к нам, в Самарский и Ставропольский уезды... И еще одна особенность: цепочка восстаний вспыхивает в непосредственной близости к важнейшему участку Самаро-Златоустовской железной дороги — Сызрань, Самара, Кинель, Кротовка — и распространяется к Бугульминской...

Куйбышев скользнул взглядом по карте. Все эти места он хорошо узнал еще в бытность политическим комиссаром Первой армии и понимал, какую угрозу представляли эти чапанные восстания. Уже было известно, что восставшие первым делом начинали разрушать железнодорожное полотно.

— У меня такое впечатление,— сказал он,— что здесь не обошлось без заранее разработанного плана. Не исключено и руководство из какого-то центра.

— На подавление восстания я двинул отряд в тысячу двести человек. Кое-что дали Пенза и Кузнецк. Так вот наш комиссар штаба, руководящий этой операцией, сообщает занятные вещи. Без наших друзей эсеров и меньшевиков здесь, конечно, не обошлись. Это, так сказать, в порядке вещей. Но обнаружилось и другое. У руководителей восстания была прямая связь с колчаковцами. Более того, при отступлении белые оставили в Усинском несколько сот винтовок.

— Усинское... Это селение, в котором погиб красноармейский отряд?

— Да. Мятежники захватили их ночью, сонных, и всех поголовно, сто семьдесят человек, уничтожили... Так вот, Валерьян Владимирович, возникает вопрос: для чего белым понадобилось это восстание? Только так, чтобы потревожить наши тылы? Вряд ли... Что это может дать им в конечном итоге? Не могут же они не учитывать, что при теперешнем положении, когда на фронте мы заняты только белоказаками, хотя и не без трудностей, мы разгромим это восстание. Будет ли противник так неосмотрительно обнаруживать своих людей в нашем тылу?

— Пожалуй, что нет.

— Вот именно! Надо ожидать большого наступления колчаковцев.

— В направлении Пятой армии что-то похожее завязывается.

Фрунзе качнул головой:

— Нет, я имею в виду действительно большое наступление по всему фронту. На всякий случай отдал распоряжение сосредоточить на путях к Самаре новую, только что сформированную 25-ю дивизию. Начдивом я думаю назначить Чапаева. Он хорошо показал себя в боях за Соломихинскую.

— А не боитесь, что он повернет не туда?— усмехнулся Куйбышев.

— Вздор! Все это болтовня...

— Да, болтают о нем много всякой чепухи. Мне доводилось с ним встречаться. Думаю, что вы не ошиблись, дав ему дивизию.

Михаил Васильевич неторопливо складывал карту.

— Чапанное восстание,— сказал он,— показало, насколько слаба советская работа в ближайшем тылу наших армий. Никуда не годятся и сотрудники местных чрезвычайных комиссий. Ведь восстание готовилось уже давно и довольно открыто, а они ничего не видели. В Оренбургской губернии местные руководители своими левацкими экономическими мероприятиями восстановили против себя даже рабочих, а казачьи части, возвращавшиеся домой, не разоружили. Ну, те и разошлись по станицам, как были: с шашками, с винтовками, гранатами и даже с пулеметами... В Уральской и Тургайской губерниях и того хуже. Там Советская власть существует только в городах,

да и то порою с такими загибами, что только руками разведешь.

— Людей нет,— сказал Куйбышев.— Лучших отдали фронту. Видимо, и еще придется отдавать... Но вы правы, Михаил Васильевич, делать что-то надо.

— У меня есть один проект,— отозвался Фрунзе.— Надо объединить наши силы. Все равно в ряде мест мы вынуждены создавать ревкомы и ставить во главе их своих политработников. И второе. Рассчитывать на серьезные пополнения из центра в ближайшее время нам не приходится. Реввоенсовет Южной группы уже отдал распоряжение Оренбургскому, Тургайскому и Уральскому ревкомам подготовиться к объявлению мобилизации иногороднего населения. Будем мобилизовывать и коней. Без кавалерии с казаками много не навоюешь... Но беда в том, что всякое такое распоряжение приходится направлять через центр по длиннейшей цепочке учреждений. На это надо время, а его у нас нет.

— Что же вы решили?

— Надо подчинить губернии, входящие в сферу влияния Южной группы, ее Реввоенсовету не только в военном, но и в гражданском отношении. Тогда можно будет все необходимые мероприятия для укрепления как фронта, так и тыла проводить немедленно, без канители согласований... Что вы об этом думаете?

Куйбышев несколько раз провел пятерней по волосам.

— Заманчиво это, хотя и не без трудностей...

— Главную трудность предвижу в лице председателя Реввоенсовета республики.

— Что, он еще не успокоился? — спросил Куйбышев. Он знал о противодействии Троцкого при назначении Фрунзе командармом Четвертой.

— О нет, он не такой отходчивый! Только и ждет, чтобы я где-нибудь оступился. Ждет и, сколько может, тормозит любую нашу инициативу. Ну, дьявол с ним! Цека не выдаст, Троцкий не съест...

Фрунзе спрятал карту в полевую сумку и хмуро сидел молча. Лицо его словно постарело. Куйбышев пытливо взглянул на него раз, взглянул второй и не выдержал:

— У вас, Михаил Васильевич, еще что-то на душе...

— Думаю о том, а кто же в Реввоенсовете Южной группы возьмет на себя управление этими четырьмя губерниями? В Реввоенсовете я да Новицкий. И сам Рев-

военсовет пока что существует только в силу директивы фронта. Приказа о нем до сих пор нет. Так что мы на полулегальном положении... И еще я подумал: почему бы вам, Валерьян Владимирович, не взяться за это дело?.. Что вы на меня так смотрите? Я говорю вполне серьезно.

Что Михаил Васильевич говорил серьезно, Куйбышев отлично понимал. Понимал он и то, какой груз — управление четырьмя прифронтовыми губерниями — взваливает Фрунзе на Реввоенсовет Южной группы, еще не сформированный и даже не утвержденный. Он видел, с каким трудом командующий сколачивает свои армии, буквально вырывая наряды на пополнение людьми, оружием, боеприпасами, как мужественно отстаивает свои еще не окрепшие части от покушений штаба фронта и главкома раздергать их на затычку внезапных прорех. Эта «система затычек» была сущим бичом всякой плановой организации разгрома врага. И Валерьян Владимирович подумал: а почему бы ему и в самом деле не поработать с этим явно недюжинным командующим и человеком, который нравился ему все больше?

— Это зависит не только от меня,— сказал он.

— Понятно. Все мы ходим под ЦК. Придется...

Михаил Васильевич не закончил фразы. В дверь резко постучали, и на пороге появился Сиротинский, явно взволнованный.

— Простите, товарищ командующий,— сказал он и запнулся, взглянув на Куйбышева.

— Продолжайте, Сергей Аркадьевич,— кивнул Фрунзе.— Что случилось?

— В сто семьдесят пятом полку восстание... Они захватили артиллерийские склады, вооружились там берданками и двинулись поднимать другие части, расквартированные в городе.

— Где они сейчас?

— На пути к инженерному батальону.

Михаил Васильевич прикинул в уме. Это было совсем недалеко. Пожалуй, мятежники уже находились в расположении батальона. Вопрос состоял в том, как их там встретят. Он позвонил по телефону к начальнику гарнизона и в особый отдел, узнал, что́ предпринято для ликвидации мятежа, посоветовал поднять по тревоге эскадрон Богучарова, находившийся с некоторых пор в распоряжении комиссара штаба Южной группы, и, кладя трубку

на рычаг аппарата, сказал в ответ на молчаливый вопрос Куйбышева:

— Ничего, Валерьян Владимирович, справимся...

5

Сто семьдесят пятый полк был запасной, сформированный еще до того как в войсках Южной группы усилили отбор по классовому признаку, а само формирование передали крупным армейским соединениям. Накануне было решено заняться этим полком основательно, посмотреть, что из него выйдет. Ждали только политработников, которые не сегодня-завтра должны были прибыть в Самару из центральных губерний. А пока что полк вызывал серьезные сомнения в своих боевых качествах. Какое-то скрытое брожение происходило в нем. Это было заметно по ряду на первый взгляд незначительных признаков. Но до открытого недовольства не доходило.

Поводом к восстанию послужило распределение обмундирования. Его постоянно не хватало. В результате решительных мер по формированию новых частей и пополнению обескровленных в боях потребность в обмундировании росла, а наряды на отпуск его поступали туго. В последнее время какими-то путями в гарнизон просочился слух, что в Самару привезли новое обмундирование. Называли и три тысячи комплектов, и пять тысяч, и даже десять. В действительности поступила на склады лишь тысяча комплектов. Командование распорядилось выдать их отряду, направляемому в районы чапанного восстания, а 175-му полку на первое время дать уже ношеное, отремонтированное в армейских мастерских.

Это разумное решение вызвало возмущение в полку. Особенно отличилась 13-я рота. Там, как выяснилось впоследствии, молодой, лет двадцати пяти, красноармеец Усенко, давно уже бывший на примете у особого отдела, когда началась выдача ремонтированного обмундирования, вскочил на нары и, размахивая аккуратно починенными ботинками, произнес зажигательную речь. Он кричал о том, что это не правда, будто на складах нет обмундирования. Его придерживают для отрядов особого назначения, для тех, кто готов стрелять в своих, а честным красноармейцам дают рваные обноски...

Присутствовавший при этом командир роты, в прошлом народный учитель, растерялся до того, что не дал знать о начинавшихся беспорядках в штаб полка, а когда спохватился — было уже поздно. Увлекаемый 13-й ротой, полк высыпал из казарм. Было заметно, что восстание это далеко не стихийное. Сразу же нашлись какие-то руководители, которые явно по заранее разработанному плану повели полк к артиллерийским складам. Небольшой караул у складов был смят и обезоружен, замки сбиты. Вооружившись хранившимися там винтовками системы Бердана, полк направился к расположенному невдалеке инженерному батальону. Расчет мятежников был простой. Батальон только что вернулся со строительства укреплений у Самары. Люди устали долбить промерзшую землю, устали в лютые морозы, когда от дыхания поднимался пар, греться у скупых костров, устали ежедневно ходить по десятку километров от ночлега до места работы и обратно и, по мнению вожаков мятежников, охотно примкнут к ним.

Но все произошло иначе...

У командира батальона сидел начальник инженеров укрепленного района Карбышев. Он только что вернулся со строительства и отогревался чаем. На столе тихо шумел уже ополовиненный самовар. Распарившийся Карбышев говорил, поблескивая черными, как угольки, глазами:

— Первая мировая война требовала от нас сплошных окопов в полный профиль, блиндажей, ходов сообщения, и на этом, собственно, кончалась вся фортификация. Так было и у наших союзников и у наших противников. В гражданской войне создается новая тактика. У нас нет сплошной линии фронта. Отсюда настоятельная потребность в укрепленных районах.

Командир батальона с сомнением покачал головой.

— Может быть, это и так, Дмитрий Михайлович,— сказал он.— Но укрепленный район потребует иной выучки у солдат, да, пожалуй, и у командиров. А наши красноармейцы слишком болезненно реагируют на давление противника на фланги. Стоит неприятелю лишь чуть-чуть продвинуться нам в тыл, как целые полки, а то и дивизии начинают поспешно, чтобы не сказать панически, отступать.

— Потому и отступают, что не чувствуют у себя за спиной ничего, кроме обозов. Все еще продолжаем воевать

без резервов... На днях на совещании командующий давал ума кое-кому из штабных, предложивших части, выведенные в резерв командования, двинуть на фронт.

— Был он и у нас недавно на строительстве,— сказал командир батальона.— Все облазил, везде побывал. Остался доволен.

— Михаил Васильевич? Он-то понимает значение укрепленных районов, в отличие от некоторых наших руководителей из штаба фронта.— Карбышев усмехнулся.— Удивительное дело! Человек, казалось бы, не военный, а не только разобрался в сути вопроса, но даже увидел в нем то, о чем, признаться, я не догадывался.

— Что же это может быть?

— Михаил Васильевич сказал, что укрепленный район в гражданской войне имеет не только чисто военное значение, но также и политическое. Это последнее обстоятельство значительно повышает боеспособность.

— А у противника?

— Что у противника?

— Тоже повышает?

Карбышев откинулся на спинку стула и рассмеялся.

— Вы что-нибудь о тайшетской пробке слышали? Это там в тылу у Колчака, на границе Енисейской и Иркутской губерний. Местные партизаны настолько усилили там свою деятельность, что уже два месяца, как в районе станции Тайшет прекратилось ночное движение поездов. И это несмотря на то, что железную дорогу охраняют войска интервентов. А-а, слышали! Ну вот вам и ответ...

Прогудел зуммер полевого телефонного аппарата. Командир батальона взял трубку.

— Да, я. Слушаю... Сюда к нам? И много? Весь полк!.. Нет, не думаю. У меня народ трудовой, усталый. Им не до глупостей. Да. Хорошо, приму меры...

Положив трубку, он сказал Карбышеву:

— Сто семьдесят пятый взбесился. Сюда идут. Придется подымать дежурный взвод, усилить караулы.

— А справятся?

— Людей будить жалко. Устали, никак не отоспятся... Выкатим пулеметы.

— Ого! — удивился Карбышев.— Богато живете.

Командир батальона подмигнул:

— Это мы отбили у кулаков. Пришлось столкнуться. Всего два и отбили-то.

— И конечно, о пулеметах промолчали?

— За славой не гонимся...— Он вызвал дежурного и распорядился подготовиться к встрече мятежного полка.

Откуда-то со стороны донесся шум. Карбышев с командиром батальона вышли на крыльцо. У ворот невысокой ограды стоял вместо дневального усиленный караул — трое вооруженных красноармейцев с примкнутыми штыками. «Быстро у него»,— мысленно одобрил Карбышев, вглядываясь в прилегающую улицу. Было темно. Луна только угадывалась в низко нависших тучах. Шум нарастал, приближался. Уже были слышны выкрики, хотя и трудно было разобрать, о чем там кричали. Клубок разгоряченных, мятущихся людей, заполнивший всю улицу, приближался к небольшой площади перед казармами батальона. Впереди, нелепо размахивая винтовкой, шел молодой красноармеец, явно упивавшийся ролью, неожиданно выпавшей на его долю. По тому, как он держал винтовку, было ясно, что она впервые попала ему в руки.

— Таких вот дурачков чаще всего и суют вперед опытные проходимцы,— вполголоса сказал Карбышев.

— Спустить бы ему штаны да березовой розгой,— отозвался командир батальона.— Ей-ей, куда гуманнее. В трибунал ведь попадет, молокосос!

— Ну, розгой! Скажете тоже... Трибунал, конечно, не мед, но разберутся, надо полагать...

Толпа мятежников выкатилась на площадь, придвинулась вплотную к ограде, попыталась проникнуть внутрь, но ворота были заперты.

— Открывай! — кричали мятежники.— Чего заперлись, народа боитесь?..

Кто-то из караула сказал, чтобы они отошли от ворот.

— А-а, уже успели! — послышалось из толпы.— Фараонов понаставили!..

Усенко, сам не знавший, как он оказался во главе восставших, решительно застучал прикладом винтовки в ворота, кое-кто попытался перемахнуть через забор. Тогда в казарме справа и слева распахнулось по окну, и оттуда выглянули пулеметы, а из дверей, в боевом снаряжении, с подсумками и с винтовками с примкнутыми штыками, вышел дежурный взвод и построился вдоль стены под ее прикрытием. Караул отошел от ворот и присоединился к взводу.

— Эй, вы там...— звучно, на всю площадь разнесся

голос командира батальона,— два шага от забора!

В ответ послышались крики:

— Открывайте ворота!

— Что мы, не можем со своими товарищами поговорить?!

— Ваши товарищи больше месяца работали на строительстве укреплений. Они устали,— сказал командир батальона.— А вы валяете дурака.

Конец его последней фразы утонул в густой разнокалиберной брани. Защелкали затворы берданок.

— Придется открыть огонь,— сказал командир батальона Карбышеву.

— Повремените...

— Сюда я их допустить не могу. Дам предупредительную очередь.

Толпа надвинулась вплотную к ограде. Ворота затрещали. Командир батальона поднял руку, чтобы дать команду открыть огонь. И вдруг прозвучал сигнал кавалерийского рожка. На площадь, по трое в ряд, тесня мятежников, въезжали конники Богучарова. А с противоположной стороны въехали тачанки и, развернувшись, нацелились пулеметами на вооруженную толпу. За ними виднелась пехота, плотно закупорившая улицу.

В толпе затихли. Богучаров приподнялся на стременах, окинул взглядом площадь и сказал:

— Вот какое дело, ребята. С той стороны, как видите, площадь закрыта плотно. С этой проход тоже не широкий... Словом — побаловались, и хватит. Складывайте вот сюда винтовки,— он показал на стену углового дома,— стройтесь по четыре в ряд и отправляйтесь к себе в казармы.

Богучаров пришпорил коня и, въехав в толпу, как в воду, приблизился к Усенко, в исступлении продолжавшему колотить прикладом в ворота инженерного батальона.

— Сынок,— сказал он, отбирая у него винтовку,— ты спутал! Это же не бабий пральник, чтобы ею так колотить.— Он повернул коня к крайнему дому, нагнулся, поставил винтовку к стене и снова обратился к ошеломленной толпе:— Долго еще вы будете топтаться? Складывай оружие!..

По его сигналу конники вклинились в толпу и, отхватив группу мятежников, отжали их к стене крайнего дома, заставили положить оружие и, построив по четыре в ряд,

отвели в улицу и оставили там. Поколебавшись, за ними потянулись и другие, сперва нерешительно, с оглядкой на остальных, затем все быстрее. Стоя на стременах, Богучаров зорко посматривал на кучу мятежников, группировавшихся в самом центре толпы. Там что-то страстно обсуждали и, видимо, никак не могли сговориться. Он взглядом показал конникам на них, и те, построившись по два в ряд, вошли в толпу, как нож в масло, окружили эту кучку, затем раздвинулись в две шеренги и, образовав коридор, эскортировали ее к выходу с площади. За ними поспешили и остальные. Штабель отобранных винтовок стал расти быстрее...

Медленно вышел Михаил Васильевич из аппаратной, спустился на первый этаж, прошел к себе в кабинет. На столе у него лежало сообщение о взятии Лбищенска. Он уже знал его содержание. На всем Восточном фронте это была единственная успешная операция за последние дни. Командующий фронтом Каменев, с которым Фрунзе только что говорил по прямому проводу, так и сказал об этом.

Да, победа была внушительная. В десятидневных боях основные силы белоказаков были разгромлены и рассеяны, взяты пленные, многие из них сдались в конном строю и с оружием. Были захвачены обозы, походные кухни, телеграфные и телефонные станции, гурты скота. Надо бы радоваться, но на душе у Михаила Васильевича было муторно. С величайшим трудом, при скрытом, но не ослабевающем противодействии Троцкого, он сформировал Четвертую армию; всеми правдами и неправдами вооружил ее; выпросил оружие даже у наркома по военным делам Украины, прослышав, что там в результате ряда побед были захвачены огромные военные склады; создал отсутствовавшие в армии кавалерийские части, без которых воевать с конными казаками было невозможно; наконец нанес сокрушительный удар по белоказакам, имея в виду закрепить победу занятием Гурьева, чтобы гарантировать себя от повторных восстаний уральского казачества, которому, судя по перехваченным радиограммам, англичане намерены были всячески помогать через Каспий,— а отношение к нему нисколько не менялось. «Обиженные главкомы», как мысленно именовал Фрунзе

Троцкого и Вацетиса, никак не могли смириться с его назначением вопреки их воле. А страдало из-за этого дело. Впрочем, Вацетис, может быть, только отражал настроение Троцкого. Хорошо были известны повышенное самолюбие председателя Реввоенсовета республики и его цепкая память.

Вот и сегодня на вопрос Фрунзе, когда будет издан приказ о существовании Реввоенсовета Южной группы, Каменев, чуть помедлив, сообщил, что приказ он «готов написать хоть сейчас, но встречаются какие-то затруднения со стороны главкома. На днях главком выедет в Симбирск, и тогда этот вопрос будет решен окончательно».

«Что ж, подождем главкома. Вопрос только в том, согласятся ли его ждать белые?»

И опять, в который уже раз, Михаил Васильевич подумал о том, что он не имеет права молчать, что своим молчанием он покрывает как ошибки главного командования, так и те безобразия, что творятся в непосредственном тылу его армий.

Из донесений разведки было известно, что находившиеся в девяносто пяти верстах к северо-востоку от Гурьева Доссоровские нефтепромыслы продолжали работать. Там скопилось пять с половиной миллионов пудов нефти, тридцать семь тысяч пудов керосина. Ежедневная выработка местного нефтеперегонного завода доходит до пятнадцати тысяч пудов керосина. Занять Гурьев при помощи небольшого экспедиционного отряда морем было не трудно. Неприятельских сил там не было никаких. Можно было бы обойтись и без морского десанта, силами одной 22-й дивизии, если бы не нужно было выводить части 25-й дивизии в резерв на железнодорожную линию Самара — Бузулук. Там явно назревали серьезные события.

А нефть эта очень пригодилась бы. Ее можно было направлять гужевым транспортом через Уил на Туркестанскую железную дорогу.

По-прежнему не налаживалась советская работа в Уральской и Оренбургской губерниях. Там из-за полнейшей бесхозяйственности гибли запасы продовольствия: хлеба, мяса, рыбы. На рынках подозрительно стали исчезать продукты питания. На этой почве росло озлобление городского населения.

А все сигналы Михаила Васильевича — как камни в бо-

лото, ни кругов, ни всплеска. Надо было предпринять что-то более решительное.

Вошел дежурный адъютант:

— Начальник гарнизона звонит.

Фрунзе снял трубку телефона.

— Какие новости? Ликвидировали мятеж?.. Так... так... Уже в казармах? Хорошо...— Он взглянул на часы. Нет, не надо. Все-таки ночь. Три часа... Утром доложите при обычном рапорте. Да, часам к десяти. Спокойной ночи...

Он положил трубку, спросил у адъютанта:

— Богучаров здесь?

— Да, в приемной.

— Просите.

Через минуту послышались шаги, звон шпор, и в дверях вырос Богучаров, в длинной кавалерийской шинели с разрезом до хлястика, щегольски усеянной мелкими металлическими пуговицами, посаженными на кружочки красного сукна, и в серой каракулевой папахе, явно трофейной, генеральской.

— Разрешите, товарищ командующий!

— Проходите, Богучаров, садитесь. Что же все-таки это было?

— А ничего особенного, товарищ командующий. Просто с пяток заводил-бузотеров, десятка три горлопанов и около тысячи дураков. Только и всего.

— Так-таки все и дураки?

— Как же иначе, товарищ командующий! С большого ума на такое дело не пойдешь... Как только заводил мы увели — остальные сами пошли как миленькие.

— Патроны отобрали?

— Подчистую.

— Начальник гарнизона докладывал, что полк в казармах.

— Так точно. Караул мы поставили свой. Ну и...— Богучаров замялся.

Фрунзе испытующе взглянул на него.

— Говорите.

— Понимаете, какое дело, товарищ командующий, я там малость наколбасил.

— Что именно?

— Началось все в тринадцатой роте, из-за обмундирования. Вот я и решил, что худа не будет, если обмундированием эта буза и кончится, и тоже в тринадцатой роте.

И сказал, чтобы тут, при нас, выдали кому что положено. Командир там, ничего не скажешь, может, и ученый человек, в пенсне. Только сдается мне, что он их боится. А это уж хуже некуда.

— Что произошло?

— Ну, стали выкликать, и первым этого, что бузил больше всех, Усенко. А он, стервец, стоит, смотрит на пару ботинок, что ему дают, как на тарантула, и ни с места. А ботинки ничего, починенные, правда, но аккуратно, так что ходить в них еще не переходить... Ну, думаю, беда пришла,— глядя на него, и другие начали колебаться,— без оружия не обойдется. Вот и говорю ему: «Ты что же, такой-сякой, сосунок необстрелянный, народным достоянием брезгуешь? Или у твоего батьки-кулака смазные сапоги припасены? Так почему ты их не надел, когда шел в армию?!» А сам потихоньку расстегиваю кобур...

— И что же?

— Взял, паршивец, ботинки. У меня жернов с души свалился... За ним в каптерку потянулись и остальные. Узнав, что тринадцатая получает обмундирование, зашумели и в других ротах. В полку ничего не скроешь. Пришлось начать выдачу и тем.

— Это ночью-то? Людям спать не дали...

— А не черт их нес на дырявый мост. Нам ведь тоже спать не довелось.

Михаил Васильевич помедлил и спросил, чуть сощурясь:

— Слушайте, Богучаров, а вы и в самом деле выстрелили бы в этого... Усенко?

Тот отозвался не сразу.

— Не знаю, товарищ командующий, мог и выстрелить... Хотя навряд ли. Всего скорее дал бы я ему леща да отправил бы в особый отдел под охраной двух своих конников, с шашками наголо... Ну, с шашками — это для устрашения.

— Рукоприкладство, товарищ Богучаров,— не одобрил Фрунзе.

— Так ведь сосунок же, товарищ командующий! Не стрелять же в него на самом деле...

ПРАВИТЕЛЬ ОМСКИЙ

Адмирала с утра заштормило. С того времени, как, ловко оттеснив болтунов из Комуча[1], он объявил себя главою «всероссийкого правительства», было замечено: мелкая зыбь в его настроении при недовольстве легко перерастает в шторм, а шторм — в тихое бешенство, сопровождавшееся кромсанием перочинным ножом подлокотников своего рабочего кресла. На этот случай комендант штаба запасся дюжиной совершенно тождественных кресел, чтобы без задержки заменять поврежденные, и

[1] Комитет членов учредительного собрания — контрреволюционная организация, поднявшая мятеж в Поволжье и Сибири против молодой Советской республики.

нанял столяров-краснодеревцев, обязав их устранять следы адмиральского настроения. Но пока что Колчака только штормило. Поводом послужила шифрованная телеграмма из Парижа, полученная час назад от агента сибирского правительства. Агент сообщал, что в кругах Верховного союзного совета Антанты усиленно говорят о признании Колчака верховным правителем, но связывают это признание с созывом правительством Колчака учредительного собрания хотя бы в качестве совещательного органа... И адмирала заштормило.

Можно подумать, что они все там с ума сошли. Как его созвать, это учредительное? Да и зачем? Чтобы утонуть в бесконечной говорильне... Стоило ли тогда разгонять Комуч!..

Нет, это все французы. Недаром они еще в январе, когда генерал Деникин признал верховную власть его, адмирала Колчака, поспешили выразить сочувствие по случаю объединения екатеринодарского, то есть деникинского, национального центра с его сибирским правительством. Конечно, их больше устраивает направление удара войск этого тюфяка Деникина на Донбасс. В основном там осели капиталы их и бельгийские... Интересно, знает ли генерал Жанен об этих разговорах? Вероятно, знает. Все-таки глава французской миссии... А при последней встрече и звуком не обмолвился. Дипломат!.. И Нокс, пожалуй, знает. Не случайно он так настойчиво рекомендует северный вариант наступления на Вятку и по обоим берегам Камы. Ну, это понятно: англичане заинтересованы в богатой, отдаленной от центра Сибири. Да и помочь они могут раньше других, через Котлас. Не даром, конечно. Даром у них и в крещенье льду не выпросишь...

Шторм понемногу начал затихать.

Ничего, французики смирятся. Золотой-то запас, захваченный в Казани, у него. А оружия, обмундирования и всякого интендантского имущества, оставшегося от мировой войны, у союзников столько, что его девать некуда. Можно будет даже поторговаться. Так что воленс-ноленс, а признавать верховным правителем придется...

Но что-то предпринять надо было. И немедленно. Несколько крупных успехов на фронте сразу же изменило бы к нему отношение в Париже. Но на каком направлении нанести удар по противнику? На северном, на котором настаивает командующий Сибирской армией генерал Гайда?..

Они там настолько уверены в успехе, что на недавнем совещании в Екатеринбурге генерал Пепеляев, лихо, с налету взявший Пермь, в присутствии адмирала пообещал в полтора месяца овладеть Москвой. Или же на западном, о чем хлопочет Деникин, рассчитывавший встретиться с адмиралом в Саратове?

Колчака даже передернуло от этой мысли. Встреча в Саратове не даст ничего хорошего. Этот интриган, долгое время отиравшийся у Лавра Корнилова в обозе, в случае захвата Москвы не преминет присоединиться к триумфу победителя, а может быть, попытается и вовсе оттереть его, Колчака, на второй план. С него станется! «Нет уж, сударь, никто для вас таскать каштаны из огня не будет! Со своими делами управляйтесь сами... А что касается первенства,— кто первый достигнет Москвы, тот и будет хозяином положения. Да-с!»

На пороге кабинета показался начштаверх[1], молодой двадцатишестилетний генерал Лебедев. Присланный Деникиным в Омск для связи с Колчаком, он во время ноябрьского переворота[2] примкнул к Колчаку и сделал головокружительную карьеру, прыгнув из штабс-капитанов в генералы.

— Проходите, проходите,— сказал Колчак.— Жду вас.— Он явно обрадовался появлению своего начштаверха. Тот как-то умел всегда действовать на него успокаивающе.— Ну, что у вас?

— Интересные новости, господин адмирал. По данным нашей разведки, большевики решили в случае неудачи на их Восточном фронте и развития успехов войск генерала Деникина отходить на Туркестан, Индию, Персию и Китай, чтобы там зажечь красный пожар.

— Может ли это быть?

— Сведения абсолютно достоверные. Они уже здесь, на Восточном фронте, создали Южную группу в составе Туркестанской и Четвертой армий, чтобы прикрыть свой отход на Туркестан. Командует группой какой-то Фрунзе, из земгусар[3], но дело не в нем. Это обычный большевист-

[1] Начальник штаба верховного главнокомандующего.

[2] Переворот, совершенный в ноябре 1918 года Колчаком, разогнавшим правительство Комуча.

[3] Ироническое название работников Союза земств и городов, в первую мировую войну помогавших русской армии наладить снабжение продовольствием.

ский комиссар. При нем помощником состоит генерал Новицкий.

— Что о нем известно?

— В мировую войну командовал дивизией, но давно продался большевикам.

— Дивизией? Это еще не так много... Но сам факт создания Южной группы примечателен. Пожалуй, есть основания подумать об этом...

— Безусловно, господин адмирал!..

Случай был самый подходящий. Новоиспеченный генерал Лебедев был «на ножах» с новоиспеченным генералом Гайдой, бывшим фельдшером, и опасался, как бы тот и в самом деле не вломился бы в Москву, как медведь в улей. Конечно, начштаверх всячески желал разгрома Красной Армии, но почему триумф победителя должен достаться этому чешскому борову? Лебедеву было достаточно и той чванливости, которая появилась у Гайды после взятия Пепеляевым Перми.

— Безусловно, господин адмирал,— повторил Лебедев и сказал вкрадчиво: — Почему бы нам не вмешаться и не сломать этот большевистский план?

— Каким образом?

— Я имею в виду пятидесятитысячную армию генерала Ханжина.

Адмирал нахмурился:

— У западной армии уже есть задача: сковать силы противника и тем обеспечить успешное продвижение Северной армии генерала Гайды на Москву.

Лебедев почувствовал угрозу своим планам, но не таков он был, чтобы отступиться. Он прекрасно изучил характер адмирала, знал его слабости и умел ими пользоваться.

— Несомненно, господин адмирал! — воскликнул он.— Северное направление удара главнейшее. Об этом двух мнений быть не может... Но я подумал о том, что хорошо было бы несколько расширить задачу армии генерала Ханжина. Пятая армия красных, на которую она нацелена, в сущности слабое препятствие. Там всего тысяч десять штыков, да и то неполноценных. Разгромив ее и овладев районом Бирск, Уфа, Стерлитамак, Белебей, наша Западная армия могла бы ударом в тыл Первой армии красных помочь войскам Дутова перерезать большевикам путь отхода на Туркестан...

Лебедев говорил убедительно, с апломбом опытного штабиста, подкрепляя свои соображения показом на большой, во всю стену, топографической карте направления ударов Западной армии Ханжина. На карте жирной чертой изгибалась линия фронта, условными значками были обозначены дивизии и корпуса, нацеленные на противника, и другие, формировавшиеся в ближайшем тылу, а глубже в тыл, на границе Енисейской и Иркутской губерний, сыпью красных точек отмечены очаги восстаний и партизанских отрядов. Сыпь эта была особенно густой в районе станций Камарчага и Тайшет Сибирской железной дороги, важнейшей магистрали, питающей фронт. Но начштаверх предпочитал ее не замечать. Он рисовал картины ближайшего разгрома частей Красной Армии и стремительное движение на Москву, скрытно наблюдая, «клюнет» ли адмирал на эту приманку, и адмирал «клюнул». Моряк, плохо разбиравшийся в сухопутной войне, он охотно выслушивал то, к чему стремился. Ему нужны были победы, внушительные, безусловные, и он слушал своего начштаверха, мало думая о том, насколько реальны его обещания.

Таяла настороженность адмирала.

Он уже видел рассеянные на полях сражений, бегущие красноармейские части, видел свои полки, с развернутыми знаменами вступающие в древнюю столицу, и себя самого, принимающего парад в Кремле. Это было так заманчиво, что адмирал начал сдаваться.

— В известной степени вы правы,— задумчиво сказал он.— Выход на тылы Первой армии большевиков спутал бы все карты их командования и позволил бы нам захватить переправы через Волгу... Вопрос только в том, достаточно ли у нас для этого сил и средств. Конечно, Пятую армию красных вряд ли можно считать серьезным препятствием для армии Ханжина, но ведь она там не одна. Рядом с ней молодая Четвертая армия, по-видимому, за последнее время значительно окрепшая, затем — Первая. Кроме того, по сведениям, полученным от атамана Дутова, войска, прорвавшиеся из Туркестана, тоже сформированы в армию, названную Туркестанской... К сожалению, в донесениях Дутова ничего не говорится о том, что она представляет собой как боевая единица...

— Простите, господин адмирал,— воспользовавшись паузой, вкрадчиво сказал Лебедев.— К нам только вчера

поступили разведывательные данные, абсолютно достоверные: так называемая Туркестанская армия — это хорошо нам известная Оренбургская дивизия, достаточно потрепанная в последних боях. Красные только собираются развернуть ее в армию. При полном отсутствии резервов и запасов оружия у них на это уйдет не один месяц. К тому времени мы уже будем за Волгой. Таким образом, на нашей стороне полное преимущество.

— Да, это серьезный довод...— сказал адмирал. У него вдруг чуть приподнялась правая бровь.

В кабинет вошел адъютант.

— Прошу прощения, господин адмирал,— сказал адъютант.— Барон Будберг... Вы приказали доложить...

С минуту Колчак раздумывал. Барон был военным министром в его правительстве и к оперативным делам имел косвенное отношение, но он был генералом с опытом, приобретенным на крупных штабных и строевых должностях во время двух войн. В последней он командовал корпусом. Адмирал всего месяц назад сам пригласил его приехать в Омск,— последнее время барон проживал в Харбине не у дел,— рассчитывая использовать его солидный военный опыт. К несчастью, у барона был тяжелый характер, и это обстоятельство заставило Колчака задуматься: «Стоит ли с ним советоваться?» Но желание получить авторитетное подтверждение своим радужным планам превозмогло.

— Просите,— сказал он и, видя, как потускнел начштаверх, добавил: — Ничего, послушаем барона.

Генерал Будберг, высокий, с впалыми щеками землистого цвета, с глубоко запавшими глазами и до того костлявый, что скрыть это не могли никакие ухищрения портного, вошел, коротко поклонился адмиралу, чуть кивнул начштаверху, которого терпеть не мог, считая его выскочкой и бездарностью, и с независимым видом сел на предложенный ему стул. Он рассчитывал поговорить с адмиралом с глазу на глаз по целому ряду неотложных вопросов, но в присутствии Лебедева это было невозможно. И это сразу испортило ему настроение.

Внешне невозмутимо он выслушал адмирала, пожевал тонкими бескровными губами и на повторный вопрос, что он думает об этом плане, сказал:

— Я плохо знаю детали, но для столь обширного замысла необходимы солидные стратегические резервы.

— А корпус Каппеля и ударный армейский корпус в Екатеринбурге? — не выдержал Лебедев.

Барон черкнул по нему взглядом.

— Под стратегическими резервами обычно подразумевается нечто иное. Это — азбука.— И, обращаясь к адмиралу: — Насколько я понимаю, это будет наступление по фронту верст шестьсот и в глубину, считая до Волги,— около четырехсот. Обширный плацдарм!.. Мы, конечно, сможем прорвать фронт красных, но ожидать, что противник легко покатится назад — не серьезно. Думаю, что нас будут бить и по фронту и с флангов. Следовательно, надо будет вводить в прорыв свежие армейские части. У нас же, кроме корпусов, далеко не законченных формированием, которые имеет в виду господин начштаверх, и трех дивизий в Омске и Томске, нет ничего. Состояние тыла,— он взглянул на карту, туда, где сыпью красных точек были обозначены партизанские отряды и районы восстаний,— не располагает к оптимизму. Союзные войска взяли на себя охрану железной дороги, но они далеко не все могут. Мы были вынуждены прекратить ночное движение на всем Красноярском участке. В результате Иркутский узел забит поездами. Что же касается районов в стороне от железной дороги, то нет никакой уверенности в том, что мы сможем получить оттуда новые формирования...

По мере того как барон говорил, лицо Колчака темнело, правая щека начинала подергиваться. Видя это, Лебедев несколько раз пытался вмешаться, но барон не дал себя сбить. Он просто игнорировал его замечания и продолжал говорить, внешне бесстрастно, не повышая и не понижая голоса, словно на разборе тактической задачи. И это обстоятельство почему-то особенно раздражало адмирала. Он уже давно вертел в руках перочинный нож с перламутровой ручкой. И когда барон заговорил о том, что посылаемые в глубинные районы карательные отряды набраны из подонков, что они борются не с партизанами, встреч с которыми они стараются избегать, а с зажиточным населением, грабят и бесчинствуют и тем восстанавливают его против правительства Колчака, на пушистый ковер адмиральского кабинета полетели стружки.

Давно закрылась за Будбергом дверь кабинета, а Колчак все еще не мог успокоиться. Упрямый остзейский барон, что называется, не оставил камня на камне от радужной перспективы разгрома Красной Армии, нарисованной начштаверхом. А ему так нужна была победа! Это обстоятельство и учел Лебедев, отлично умевший подлаживаться под его настроение.

— Старый брюзга! — сказал он.— Привык к позиционной войне и думает, что он умнее всех. Но ведь мы-то ведем войну маневренную. А это не одно и то же.

Адмирал, в мрачном раздумье вертевший в руках перочинный нож, положил его на стол и с интересом взглянул на своего начштаверха. А тот, ничего не утверждая, со снисходительной полуулыбкой, легко, словно лепестки с цветка, срывал и отбрасывал один за другим доводы Будберга.

— Почему же вы молчали при нем? — спросил адмирал.

— Да разве барону можно что-нибудь доказать? — возразил Лебедев.— Он давно окостенел...— И, улыбнувшись, словно вспомнив забавный анекдот, сказал:— Вы знаете, мы посылаем полковника Маньшина к хану в Хиву и к эмиру бухарскому в качестве вашего представителя... Так вот вчера на заседании совета министров обсуждался этот вопрос. Надо было провести ассигнования в звонкой монете. Барон, по обыкновению, все заседание сидел нахохлившись, молча. А когда все уже было решено, он вдруг разразился речью против посылки полковника Маньшина. И знаете почему? Посол, видите ли, должен появиться при дворах хана и эмира в соответствии с протоколом, а ваш, говорит, полковник свои верительные грамоты будет доставать из-за голенища.

— Так прямо и сказал: из-за голенища? — переспросил Колчак.

— Точно так, господин адмирал... Наш барон какой-то ветхозаветный человек. Абсолютно не разбирается в современной обстановке.

Колчак повеселел.

«Конечно, основное стратегическое направление остается северное: Пермь — Вятка — Вологда,— думал он.— Здесь будет наступать Сибирская армия. Мы овладеем промышленным районом, выйдем навстречу английским войскам, наступающим на Котлас — Вологду, и значитель-

но продвинемся к Москве. Но в известной мере прав и генерал Лебедев. Почему, собственно, нельзя в частной операции Западной армии нанести сильный удар по противнику, с целью выхода на более выгодный рубеж, ну хотя бы в районе реки Ик?.. Затем можно будет Западной армии, в тесной связи с Сибирской, развить наступление... Именно это он имел в виду, когда в Челябинске на совещании командующих всех армий и начальников штабов изложил свой план ближайших операций».

Это было заманчиво: в короткий срок основательно разгромить красных и тем показать господам союзникам, кто в России является хозяином положения в настоящее время. Тогда кончатся всякие разговоры и проволочки. Союзники вынуждены будут признать его верховным правителем.

— Подготовьте соответствующее распоряжение,— сказал Колчак Лебедеву, коротко изложив ему свои мысли.

Начштаверху только это и нужно было. От верховного правителя он ушел чрезмерно довольный.

ДОРОГАМИ И ТРОПИНКАМИ

1

Мятеж был подавлен, но успокоения в краю не наступило. Неожиданно быстрый разгром мятежников в Ташкенте, еще до того, как им смогли бы помочь басмачи Ферганы и нестойкие, разложенные контрреволюционной пропагандой фронтовые воинские части, последовавшее затем соединение Туркестана с центром страны вызвали переполох в стане врагов. Из Константинополя, бросив все свои дела, нигде по пути не останавливаясь, спешно прибыл в оккупированный Асхабад главнокомандующий всеми английскими и союзными войсками на Балканах и Кавказе генерал Мильн. В Ферганской долине поднялась волна басмаческих налетов. Субсидируемые и направляе-

мые английским консулом в Кашгаре шайки басмачей, пополнившиеся бежавшими после неудачного мятежа русскими белогвардейцами, грабили население, уничтожали коммунистов и советских работников, нападали на предприятия, стремясь дезорганизовать хозяйственную жизнь области. В Хорезме появилась некая индийско-турецкая миссия в составе «профессора» Расуль Суната и турецкого «общественного деятеля» Казымбека. А в центре Туркестана по-прежнему находилось убежище всех антисоветских сил — эмирская Бухара. И эта Бухара была как гвоздь в сердце заместителя председателя Ташкентской Чрезвычайной комиссии Ачила Бабаджанова. За какое дело ни взялась бы Чрезвычайная комиссия, нити его либо обрывались у границы Бухарского эмирата, либо начинались у этой границы и, причудливо петляя, заканчивались в Ташкенте.

«Священная Бухара,— с досадой думал Ачил, перелистывая протокол допроса муллы, занимавшегося на базаре распространением провокационных слухов о поражении большевиков на Закаспийском фронте и попутно вербовавшего легковерных в басмаческие шайки.— Какого же ты шайтана суешься в мирские дела, если ты священная...»

В свое время он тоже учился в медресе, даже успешно закончил его, но муллы из него не вышло; работал каменщиком здесь же, в старом городе. Потом началось восстание шестнадцатого года, активно поддержанное строительными рабочими... Тут и вовсе было уже не до корана.

Бабаджанов распорядился привести арестованного. Вскоре тот вошел в сопровождении красноармейца,— щупленький старичок, небольшого роста, с реденькой бородкой и воровато бегающими, беспокойными глазами,— и остановился у входа.

Ачил мельком окинул его взглядом. На арестованном был теплый, на вате, халат, с большими, не в цвет, заплатами на полах и локтях, малахай, отороченный лисьей шкуркой, и стоптанные ичиги.

— Проходи, мулла Непес, садись.

По лицу арестованного, как по глади реки под случайным порывом легкого ветерка, пробежала зыбь. Откуда этот сын собаки и шакала узнал его имя? При аресте и на допросе мулла назвался совсем не так.

— Ну, садись,— чуть строже сказал Бабаджанов.

Старичок сел осторожно, на краешек стула.

— Что же случилось, почтенный мулла? — заговорил Ачил.— Неужели у всесильного кушбеги[1] осталось так мало преданных людей, что решил он послать в нечестивый Ташкент тебя?

И опять по лицу арестованного пробежала зыбь.

— Ты меня принимаешь за кого-то другого, уважаемый начальник.

— А, оставь это! — поморщился Ачил.— Кто же в священной Бухаре не знает муллу Непеса? — Он вышел из-за стола, потрогал полу халата арестованного.— Халат у тебя добротный, хороший халат, почти новый. Ты напрасно так извозил его. Да и заплатки нашивал напрасно... Под ними нет порванного или протертого... Или ты действуешь по поговорке: если твой собеседник кривой — зажмурь и ты один глаз? Что ж, это свидетельствует о твоей предусмотрительности. Народ наш пообносился, и новый халат был бы очень заметен... Зачем же все-таки кушбеги послал тебя, своего самого близкого человека, в Ташкент? Могу ли я сделать вывод, что тебе дали поручение исключительно важное?

— Ты ошибаешься, уважаемый начальник. Я давно уже ушел от кушбеги.

— Ну? Вот это новость! Зачем же ты выдаешь себя за другого? Почему изменил имя? Впрочем, погоди, твое полное имя Непес Курбан Мухамед-оглы... Ты просто назвался своим вторым именем.

— Ты прав, уважаемый начальник. Курбан — мое второе имя.

Бабаджанов с минуту пристально смотрел на арестованного. И вдруг спросил в упор:

— Для чего оно тебе понадобилось, мулла Непес?

Тот молчал.

— Не хотел, чтобы люди вспоминали о твоем прошлом?

— Зачем рябому смотреться в зеркало?..

— Так, так... А о чем ты беседовал на базаре?

— Говорил то же, что и все говорят.

— Возможно...— Ачил помедлил, словно прицеливаясь к мулле взглядом.— А почему ты околачивался на базаре, вместо того чтобы идти, куда тебя послали?..— Мулла сделал протестующий жест, желая уверить, что его никто

---

[1] Кушбеги — премьер-министр эмира Бухары.

никуда не посылал, но Бабаджанов и глазом не повел, продолжал допытываться: — Почему ты не пошел к ишану Искандеру?

— Я не знаю Искандера.

— Вот это уже неправда. Ишан Искандер может тебя не знать, но ты Искандера знаешь, и очень хорошо. Иначе тебя кушбеги не послал бы с таким серьезным письмом...

Мулла Непес невольно потянулся рукой к шапке и тотчас отдернул ее, услыхав тихий смешок Бабаджанова.

— Ты напрасно беспокоишься, мулла. Письмо это у меня... Мы здесь заботимся о заключенных, чтобы в тюрьме не было эпидемии. Но пока ты мылся и проходил санобработку, наши люди поинтересовались твоей одеждой. Ты очень неискусно зашил в шапку письмо кушбеги. Надо было поручить это женщине... Да и нехорошо, если бы такое важное письмо пострадало в дезинфекционной камере, хотя и написано оно, из предосторожности, понятно, на шелковой материи... Итак, почему же ты не пошел прямо к ишану Искандеру?

— Его нет в Ташкенте.

— И куда же он отлучился? Так... В Ферганскую долину? Вот что значит святой человек! Немолод уже и здоровьем похвалиться не может, а в такой путь отправился... Он что же, с караваном или поездом? Ах, поездом. Ну, это все-таки легче... И как скоро он вернется?.. Что говорят его домашние?..

Вопросы падали и падали на арестованного муллу. И все ниже, как под непрерывно возрастающей тяжестью, склонялась его голова.

Весь этот день Ачил Бабаджанов находился под впечатлением допроса муллы Непеса. Он хорошо знал этого старичка, на первый взгляд такого безобидного. Это была правая рука всесильного кушбеги, его глаза и уши. Не занимая в эмирской Бухаре официальных постов, Непес мог многое. Не одна голова полетела с плеч по его доносам. Перед ним заискивали даже сановники эмирата. Припертый к стене письмом, обнаруженным за подкладкой его шапки, отороченной лисьим мехом, мулла Непес кое-что рассказал о цели своего прибытия в Ташкент, но далеко не все. Хотя всего он мог и не знать. Много неясностей было и в самом письме. Одно было несомненно: между эмирской Бухарой и ишаном Искандером, а следовательно, и теми, кого он возглавляет, существует постоянная связь.

Но что он затевает, этот ишан? Почему его понесло именно в Фергану? Ну, почему, это догадаться не трудно. В Фергане, как нигде в Туркестане, сильны религиозные настроения. Там на каждых триста двадцать пять человек приходится мечеть. Триста мечетей в одном только Коканде. Пятнадцать тысяч — целая армия! — духовенства ежедневно обрабатывает мозги правоверных мусульман. Так что нечего удивляться маршруту ишана Искандера. Надо узнать, что он затевает и где: в Фергане или же, что более вероятно, в Ташкенте.

Ачил Бабаджанов выслушивал доклады, подписывал бумаги, разговаривал по телефону, ни на минуту не переставая думать о письме кушбеги. Следовало воспользоваться им. Но как? Передать в Туркчека? Дело это явно выходило за пределы Ташкента. Но, рассуждая строго, какое сколько-нибудь серьезное дело укладывалось в его пределах? Постоянно пути республиканского и областного розыска пересекались. Нужно немалое чувство такта, чтобы не вломиться не в свое дело. До сих пор все сходило благополучно. Но на этот раз письмо на белом шелке Бабаджанов передавать никуда не стал. Он сделал так, что о его существовании даже здесь, в Чрезвычайной комиссии, никто не знал, кроме сотрудника, производившего обыск. А на того можно было положиться.

«Конечно,— рассуждал Ачил,— и у нас и в Туркчека люди преданные, способные пойти на смерть за революцию, но где предел коварству врага?! Достаточно кушбеги или ишану Искандеру только заподозрить, что это письмо попало к нам, вся наша затея на нас же и обрушится».

Прозвенел телефон. Ачил снял трубку:

— Бабаджанов слушает.

Звонил Рыскулов, недавно избранный председателем Мусульманского бюро крайкома партии. Он сказал, что хочет заехать к Бабаджанову, и спрашивал, будет ли тот у себя.

— Ну зачем так, товарищ Рыскулов,— возразил Ачил.— Я и сам могу приехать. А-а, вы по пути! Ну, тогда жду.

Положив трубку, Бабаджанов не спеша убрал папку с делом муллы Непеса и сидел, задумчиво барабаня пальцами по столу, недоумевая, что значит этот визит. Между Рыскуловым и Бабаджановым никогда не было никаких отношений. Каждый из них существовал как бы в своей

среде, не сталкиваясь и не сближаясь, хотя и были они членами одной партии.

Рыскулов вошел, едва постучавшись, высокий, плотный, слегка предрасположенный к полноте, в больших круглых очках в тонкой серебряной оправе, порывисто поздоровался и опустился на стул, как человек безмерно уставший, только что оторвавшийся от массы самых неотложных дел.

— Откровенно говоря, я просто сбежал,— сказал Рыскулов, тихо рассмеявшись.— Там у нас, в крайкоме, как на базаре. Толкутся с утра. В Мусбюро двери никогда не закрываются. Что делать! Народ сорвал оковы двойного гнета. В партию невероятный наплыв! Невероятный...

— Да...— неопределенно отозвался Бабаджанов.— Случается, целыми кишлаками вступают.

Рыскулов метнул в собеседника настороженный, испытующий взгляд, но, встретившись с безмятежным добродушием на его лице, заговорил о работе Мусульманского бюро. По его словам выходило так, что только Мусбюро в состоянии разобраться в сложнейшем переплетении вековых национальных, бытовых и социальных напластований Туркестана.

— У нас особые условия,— говорил Рыскулов.— Пролетариата здесь нет. Какой здесь пролетариат? Железнодорожники? — Он передернул плечами.— Сплошь великодержавные шовинисты. Мы-то знаем... Единственная опора Советской власти в Туркестане — мусульманство. Да, раскрепощенное, сбросившее двойной гнет...

— Есть и баи,— сказал, словно обронил, Бабаджанов.

И опять настороженный, испытующий взгляд Рыскулова скользнул по его лицу.

— Баи? Да, конечно... Но я ведь не о них. Да и много ли их, этих баев?..

Бабаджанов слушал вполслуха, упорно думая о мулле Непесе, о Бухаре и о путях, по которым эмирские агенты проникали в Ташкент. Путей этих было множество, и пресечь их было делом безнадежным: все равно что возить воду в дырявом бурдюке.

За размышлениями Бабаджанов не заметил, как его собеседник от рассуждений общего характера перешел к тому, зачем он здесь появился.

Рыскулов говорил о том, что всем органам власти, а в

особенности таким, как Чрезвычайная комиссия, надо теснее сблизиться с Мусульманским бюро, чтобы гарантировать себя от ошибок.

— Вам же приходится арестовывать и коммунистов-мусульман...

— Да, случается,— отозвался Бабаджанов,— но об этом мы своевременно извещаем горком партии, а если дело важное, то и крайком.

— Это понятно, понятно... Но видите, Ачил, я не хочу сказать ничего дурного о наших приезжих товарищах, они, может быть, и не плохие большевики, но в наших делах они вряд ли разберутся.

— Среди этих приезжих есть и такие, которые выросли здесь.

— Есть, конечно, но Восток это Восток, а Запад это Запад, как сказал один неглупый поэт. Для того и создано Мусбюро...

— Я знаю,— кивнул Бабаджанов, которого начинал тяготить этот бесполезный разговор. Мусульманское бюро было создано как вспомогательный орган крайкома партии. Ачил, будучи делегатом партконференции, сам участвовал в решении этого вопроса. И чтобы сократить беседу, он сказал:— Но ведь у нас в Ташкентской Чрезвычайной комиссии так, всякая мелочь. Крупные дела мы передали в Туркчека...— И вдруг у него блеснула мысль: только ли судьбой коммунистов, задержанных Ташчека, интересуется председатель Мусбюро? И чтобы проверить это, Ачил сказал с видом человека, разочаровавшегося в своей деятельности:— Э-э, какие здесь дела! Только и знаем таскать болтунов с базара. Да вот позавчера, что ли, арестовали одного муллу из Бухары, как его?..— Бабаджанов сделал вид, что старается припомнить — Курбан Мухамедоглы... Так, кажется. Но дело не в имени, мулл в Бухаре, как блох у паршивой собаки, тысяч сорок, если не больше...

— За что же его задержали?— небрежно спросил Рыскулов.

Ни один мускул не дрогнул на лице Ачила: «Клюнула рыбка!»

— Болтал на базаре собачий вздор, что еще!

Рыскулов поднялся, прощаясь, спросил так же небрежно:

— Ну и что с ним, с этим муллой?

— Подержим немного и отпустим. Всех болтунов не пересажаешь. Да и места не хватит. К тому же кормить надо...

Дня через два, поздно ночью, в старом городе в дом Ачила Бабаджанова тихо постучался Галимхан. Хозяин ожидал его. Он сам открыл ему калитку, провел в дом.

— Ну садись, Галимхан, садись, дорогой. Разговор будет долгий.

Бабаджанов усадил молодого узбека, налил ему чаю и рассказал о письме кушбеги.

— Понимаешь, Галимхан, надо, чтобы это письмо попало к ишану Искандеру. Вот что я придумал...

Письмо было снова зашито в шапку муллы Непеса, и шапка эта лежала в стороне на стуле. Ее надо было вручить ишану.

— Это следует сделать тебе, Галимхан,— сказал Бабаджанов и, заметив недоумение собеседника, пояснил:— Твое прошлое, извини, дорогой, что я напоминаю о нем, может погасить недоверие ишана Искандера, если оно у него возникнет.

— Но я же давно ушел от Иргаша!..

— К счастью, это известно немногим. А если бы у кого-нибудь и возникли подозрения, их легко усыпить. Мало ли басмачей, сложивших оружие, снова возвращались в шайки... Понятно, что ты ничего не знаешь о письме. Шапку тебе поручил передать мулла Непес, давнишний друг твоего отца и даже дальний родственник. С ним ты встретился на базаре. За минуту до ареста он успел передать тебе эту шапку и сказал, кому ее отдать, а себе взял твою...— Бабаджанов помедлил.— Дело это не простое и не безопасное. Сам понимаешь. Так что решай... Неволить не будем...

Галимхан встал, протянул руку.

— Давайте шапку.

Он взял ее, надел.

— Погоди,— остановил его Бабаджанов. Он порылся в ящике письменного стола и вынул тяжелый кольт с двумя запасными обоймами.— Вот, возьми... Как говорят: входя в нору зверя, запомни выход. Кто может знать, что за гусь этот ишан. Может, он как бешеная собака... А шапку свою здесь оставь. Она будет тебя ждать.

2

Собака лежала на своем обычном месте у порога кибитки, уложив на вытянутые лапы морду, и пристально глядела на огонь.

В этой высокогорной долине, зажатой в кольце скал, человек и собака были неразлучны. Они были спутниками, друзьями, вместе ели, когда было что есть, и вместе голодали, настороженно встречали неожиданного гостя, пытаясь определить — друг это или враг, и подолгу простаивали над каждой сломанной веткой, над каждым камнем, лежавшим не так, как он лежал накануне.

На этот раз гость был знакомый, и собака была спокойна.

В дымных всплесках костра, то отчетливо выступая, то покрываясь сумраком, как серой тенью, виднелись лица: привычное — хозяина и менее знакомое — гостя.

— На днях опять прошел караван,— сказал хозяин кибитки.— На перевале очень много снега, но они все-таки пробились. Что ты думаешь об этом, Акмат?

Акмат сидел у костра, протянув к огню ладони.

— Чей караван?

— Я не спрашивал. Не следует спрашивать, когда человек хочет, чтобы его не узнали,— сказал хозяин.— Они проехали мимо моей кибитки так, будто ее совсем не было. Но я все-таки видел: караван вел Ишимбай.

— Ружья?— спросил Акмат.

— Да, были и ружья, но ты посмотри, Акмат, что я нашел по пути за ними.

Он потянулся к переметной сумке и вытащил оттуда блестящую, овальную, как лимон, гранату с ребристыми надпиленными боками, словно обложенную аккуратными кусочками рафинада.

Акмат покачал на руке гранату, будто взвешивая.

— Из Кашгара?

— Здесь только одна дорога и только на Кашгар. Надо очень торопиться, чтобы рискнуть вести зимой по кой-джел[1] груженый караван. Без крайней нужды этого не делают. Но какая нужда Ишимбаю, потерявшему счет своим стадам, самому вести караван?

Хозяин подбросил в костер сучьев. Огонь заплясал

[1] Кой-джел — овечья дорога, тропинка.

сильнее. Варево в казане захлюпало, заклокотало.

— Ты прав, Муханбет,— медленно заговорил Акмат,— надо очень торопиться, чтобы вести сейчас караван. Ишимбай не вчера родился. Эта хитрая лиса знает, что делает. Вот уже две недели, как я встречаю на всех стоянках его людей. Они жалуются на плохие времена, грозят гневом аллаха и превозносят щедрость Ишимбая. Ты не забыл его щедрость, Муханбет?

Лежавшая у порога собака вдруг насторожилась, словно почувствовала опасность. Акмат смолк, прислушался, но собака успокоилась.

— Да, Ишимбаю приходится плохо,— продолжал Акмат,— но будет еще хуже. Теперь он стал добрее и может возвратить тебе баранов, что отнял у тебя... если только ты поможешь ему переправлять сюда из Китая караваны с оружием. Ишимбай плохой проводник, его караван заблудился и попал к нам, а ты знаешь в горах каждый камень... Скажи, разве к тебе с этим не заезжали его друзья?

Муханбет снял с огня котел и, срезая с костей баранину, мелко рубил ее.

— Да, они были здесь,— не сразу отозвался он.— Но я давно перестал верить словам. Они ушли, затаив обиду.

— Ты хорошо сделал, что отказался служить Ишимбаю, но ты глядишь в землю, Муханбет, и это плохо. Смотри, вот Алтын-Казык.— Акмат указал на видневшуюся сквозь отверстие в кибитке Полярную звезду.— В народе говорят, что это золотой кол, к которому привязан чудесный жеребец, какого еще никогда не видели на земле. А вот семь воров,— он показал на семизвездие Большой Медведицы.— Они кружатся вокруг Алтын-Казык, жадно глядят на чудесного жеребца, но никак не могут незаметно приблизиться к нему: тысячи людских глаз наблюдают за ними, и не бывает такой минуты, чтобы никто не смотрел вверх. А ты смотришь в землю, Муханбет. Ты не стал помогать Ишимбаю, но и не помешал ему, а воры уже почти рядом. Горными тропинками они везут ружья, везут гранаты, но ружья эти будут стрелять в тебя, Муханбет, и гранаты будут рваться над тобой. Ты помнишь еще, как три года назад тысячи киргизов бросили дома, бросили свои стада и бежали в Китай? Тогда тоже стреляли ружья. А Ишимбай?.. О нет, Ишимбай не бежал. Он забрал наши стада, захватил наши джайлоу...

Акмат снова замолчал, прислушиваясь. Собака у поро-

га, несколько раз перед тем подымавшая голову, вдруг ощетинилась и зарычала.

Муханбет с Акматом вышли из кибитки, огляделись.

Вдалеке из горной расщелины по направлению к кибитке шли люди. Это не был обычный караван, снаряженный в дальнюю дорогу, где все рассчитано, хорошо прилажено, люди и животные накормлены, и нет ничего лишнего.

Поминутно оступаясь, шел проводник, ведя в поводу заморенного, отощавшего коня. За ним из последних сил тянулось понукаемое со всех сторон стадо баранов. Пестрая толпа, кое-как одетая в заношенное рваное тряпье, двигалась по искристому снегу почти машинально. Матери на руках несли детей, более взрослые дети шли сами, цепляясь за одежду старших. И даже собаки, похожие на скелеты, обтянутые мохнатыми шкурами, шли, понуро опустив головы и совсем не отзываясь на явное желание собаки Муханбета подраться.

Караван был уже на полпути к кибитке, когда из ущелья вышел, пошатываясь, высокий плечистый киргиз, несший на руках барана. Человек этот упрямо шел по целине, плохо соображая, что с ним и где он находится. Он прошел мимо остановившегося каравана, вперив вдаль полуобезумевший взгляд, и ушел бы неизвестно куда, если бы его не остановили.

— Куттуктаймын[1],— сказал Муханбет.— На дворе уже ночь, зайди в мою кибитку.

Великан остановился, с минуту рассматривая эту кибитку, так неожиданно выросшую у него на пути, затем перевел взгляд на свой караван, остановившийся на ночлег, и бережно опустил барана на снег.

...Он сидел у огня неподвижный, как изваяние, и тихо, словно сам себе, рассказывал:

— Из рода Молондор... Старики говорили, наш род переселился сюда из Монголии, но по пути люди вымирали от какой-то непонятной болезни. Обессилев, мы попали под начало более мощного рода. Нас вытеснили с лучших джайлоу, обложили непомерными сборами, но мы терпели. Все-таки знакомый шайтан лучше незнакомого человека. Три года тому назад, когда где-то далеко от нас была большая война, по аилам стали ездить русские начальни-

---

[1] Куттуктаймын — приветствие *(киргизск.)*.

ки с казаками. Они сказали, что из нашего аила надо взять самых молодых и сильных и сделать их солдатами. Это был тяжелый год. Каждой семье дорог свой сын. Может быть, так бы и обошлось: поплакали бы женщины, погоревали бы старики... Горе лечится временем. Но наш монап Джуназак не захотел отдать своего сына. Он подарил русскому начальнику коня, и сын монапа Джуназака остался дома. За ним так же поступили и баи, их родственники и все, кто побогаче. Их было много, откупившихся, и, чтобы собрать столько людей, сколько было сказано, казаки стали хватать даже стариков... Мы прогнали казаков. Тогда пришли солдаты. У них были хорошие ружья и были пушки, а у нас — мултуки[1]. Мы бежали через горы в Кашгар, устилая путь своими телами. Мы бежали, бросив кибитки, теряя своих близких, стада. Джигиты Джуназака гнались за нами, подстерегали нас на перевалах, но мы все-таки пробились...

— Я знаю,— кивнул Муханбет,— я не смог тогда бежать и скрывался в горах.

— Не завидуй нам, добрый человек. Ты еще не знаешь, как тяжело жить бедняку вдали от родины. Недаром у нас говорят: ребенок без отца — сирота, без матери — пленный. На чужбине, без матери-родины, мы были пленниками всякого, у кого была к тому охота. Три года мы скитались, преследуемые всеми, вечно полуголодные, ждали... Я не знаю, чего мы ждали. Возвратиться на родину мы не могли, не смели. Да и к чему нам было возвращаться? Наши пастбища были захвачены баями, наши стада растаяли, как снег, люди хирели и вымирали. Голодный не долго живет. Может быть, так бы мы и вымерли, но у слуха, как известно, длинные ноги и надежный конь. В народе стали говорить, что в России появился какой-то сильный батыр и с ним много джигитов, что батыр этот прогнал ак-падишаха[2], прогнал его начальников и велел, чтобы все — и киргизы, и узбеки, и туркмены, и русские жили мирно и не обижали друг друга... Скажи, добрый человек, ну похоже ли это на правду?! Тогда мы стали думать... Мы думали долго и выбрали троих, самых умных и самых выносливых, и послали их сюда узнать, правдив ли

---

[1] Мултук — старинное ненарезное ружье.

[2] Ак-падишах — белый царь, так на Востоке именовался русский царь.

слух. Мы послали троих, в надежде, если один ошибется — другие его поправят. Много скатилось лун, прежде чем они вернулись... Нет, вернулся только один, другого в горах загрыз барс, а третьего кто-то убил на обратном пути выстрелом в спину, да будет проклято имя убийцы, пока будет жив хоть один человек нашего рода. Он вернулся и рассказал много такого, что уже совсем не было похоже на правду. Он рассказал нам, что в аилах перестали подчиняться монапу и каждый ест свое... Мы не могли больше ждать, мы собрали все, что осталось у нас, и, не дожидаясь, пока растает снег, пошли сюда. Я не знаю имени того батыра, о котором идет молва.

— Ленин,— сказал Акмат.

Великан с минуту помолчал, словно навсегда, на всю жизнь запоминая это необычное для уха киргиза имя, и продолжал:

— Не знаю, какого он рода, но я приду к нему и скажу...

Пока он говорил, кибитка наполнялась пришельцами. Они входили не вдруг, по одному, молча усаживались на корточках у огня и сидели так, неподвижные и внешне бесстрастные.

— Я скажу ему: великий батыр! Бетал-Гази — лучший чабан у своего рода, вот они подтвердят...

Сидевшие на корточках киргизы дружно закачали головами: несомненно, Бетал-Гази — лучший чабан, и не только в роду, слава Бетал-Гази разнеслась далеко и проникла в Кашгар.

— У меня остался только один баран. О, это не наш обычный баран! Его шерсть мягка, как прохлада в знойный день, и волниста, как трава на джайлоу, когда по ней пробегает ветерок. Его отца я выменял за целое стадо баранов. Да, теперь у меня только один баран. Он ослаб в пути, и я всю дорогу нес его на руках. Я дарю его тебе, великий батыр. Возьми его, и пусть все твои стада станут такими же мягкошерстными и волнистыми.

Он встал и тихо вышел из кибитки. Никто не шевельнулся, никто не пошел за ним. Все понимали: бывают такие минуты, когда человеку надо побыть одному.

Муханбет снял казан с огня и поставил его в круг изголодавшихся, почти полумертвых людей, с невероятным упорством преодолевших заснеженные горные перевалы, чтобы вернуться к себе на вновь обретенную родину.

Они сидели вокруг котла с бараниной, слушали простые, бесхитростные рассказы Акмата, и хотя были голодны, руки их то и дело останавливались на полпути от котла ко рту: слишком необычно было все, что они слышали.

Муханбет вышел из кибитки поискать Бетала-Гази. Великан стоял на коленях возле своего барана, руками ломая слежавшийся за зиму снежный наст, освобождая траву из-под снега.

— Ешь, ешь,— говорил Бетал-Гази,— твои бока округлятся, а шерсть опять станет волнистой и мягкой. Ты очень хороший барашек, но копыта твои слабы, ты не сможешь разбить ими снежную корку... Не беда, пока Бетал-Гази с тобой, ты не умрешь от голода.

Баран с жадностью набрасывался на траву, подкусывая ее под самый корень, а Бетал-Гази все ломал и ломал голыми руками обледеневший снег.

— Пойдем в кибитку,— сказал ему Муханбет,— пойдем, Бетал-Гази. Завтра придут люди из аила с лошадьми. Мы пустим лошадей по насту. Ваше стадо будет сыто. Пойдем в кибитку, Бетал-Гази.

3

Впереди шел табун. Низкорослые степные кони крошили копытами крепкий наст, обнажая прошлогоднюю траву. Кони двигались быстро, срывая по пути поблекшие верхушки. За конями шло стадо крупного рогатого скота. Эти перетирали изломанную снежную корку в пыль, щипля траву до половины, и шли дальше, слишком медлительные, чтобы поспеть за конями. Последними сплошной массой проходили овцы, подрезая на ходу траву под самый корень.

Люди стояли тут же, молчаливые и хмурые. Скот был тощий, обессиленный продолжительной голодовкой, и нужда, обычная спутница киргиза, на этот раз грозила разрастись до стихийного бедствия. Люди с тоской смотрели на захиревшее стадо, думая о том времени, когда затянувшийся джут совсем скосит отощавший скот. Но еще плачевнее обстояли дела у киргизов-возвращенцев.

Изможденные, более похожие на тени, нежели на живых людей, они не имели и того. Все их достояние заключалось в крохотной кучке скелетоподобных животных, еле

бредущих по размельченному снежному насту в поисках пищи.

«Плохо, очень плохо,— думал Акмат о возвращенцах.— Эти люди — обездоленные, скитавшиеся три года на чужбине, что нашли они, вернувшись на родину?! Конечно, мы не оставим их, но на беду случился джут. Сегодня мы еще не умираем с голода, но что мы будем есть завтра?»

Он возвращался от Муханбета. Внизу, в аиле, его поджидал Иван Матвеевич. Они уже две недели ездили по аилам, кишлакам, стоянкам кочевников, и зрелище народного бедствия, о котором в Ташкент долетали смутные вести, предстало перед ними в полном объеме. Отчаявшиеся люди словно цепенели перед надвигающейся катастрофой, теряли волю, равнодушно встречая свою злосчастную судьбу.

В городах еще теплилась жизнь. Там люди боролись, пытались наладить советский аппарат, пытались помочь аилам и кишлакам, отбивались от бесчисленных банд, гасили мятежи. В Пишпеке, а за ним в Токмаке и Пржевальске подготовляли съезды Советов, но чем дальше от городов, тем глуше было народное движение. Оно, как подземная река, уходило в самую толщу и там что-то подмывало, что-то расшатывало. Но это в глубине. А на поверхности было все то же равнодушие к собственной судьбе и слепая покорность веками освещенным обычаям. Так было и в горах Ала-Тау, и в песках Каракумов, и в Горном Балахшане, и в плодороднейшей Фергане, так было и здесь, в этом уголке Семиречья, сжатом горными цепями центрального Тянь-Шаня.

Нужен был какой-то толчок, чтобы всколыхнуть человеческую толщу, расколоть ее.

Горсточка партийцев — ташкентских рабочих, приехавших с Иваном Матвеевичем, рассыпалась по кишлакам, по стоянкам кочевников, их встречали настороженно, скрывая за внешней восточной любезностью недоверие, но имя Акмата не раз открывало им двери и сердца. Непостижимым путем, куда бы они ни приехали, уже было известно, что это он привез их и что это большевой[1], то есть люди, с которыми стоит поговорить.

---

[1] Большевой — так в Туркестане в первые годы революции называли большевиков.

Горная тропинка давно уже спустилась к дороге, а дорога привела Акмата вниз, к аилу. У кибитки, где остановился Иван Матвеевич, было людно. Пешие и конные толпились то там, то здесь, отчаянно жестикулируя.

— Есть новости? — осторожно спросил Акмат, не слезая с коня.

— О, да! — живо отозвался ближайший к нему киргиз. — Приехал начальник, очень большой и важный. Он говорит, что хочет помочь нам. У него много и денег, и муки, из которой пекут хлеб. Мука, конечно, хуже барашка, но что делать, если случился джут и кругом столько голодных людей... Очень богатый начальник!

— Богатый? — удивился Акмат, но подумал, что Дрожжин, по-видимому, сдержал свое обещание.

— Ну конечно, богатый! — подхватил собеседник. — Разве может бедный человек так помогать своему народу?

Стоявшие поблизости жестами и мимикой выразили свое полное согласие с ним.

— Вы ошиблись, — сказал Акмат, — вы очень ошиблись. Начальника прислало из Ташкента правительство. Начальник совсем не богатый, ему нечем помогать. Помогает правительство, большевики. Они говорили мне, что помогут киргизам, и прислали этого начальника.

Окружавшие Акмата из вежливости не возразили, но было видно, что они не верят ему.

Акмат спрыгнул с коня. К нему бочком приблизился старик с красными, пораженными трахомой веками, и сказал вполголоса:

— Ты, Акмат, всегда ходил прямыми дорогами и говорил правду, не думая о том, нравится ли эта правда людям. Мы уважаем тебя за это. Но зачем теперь ты сбился с пути и сказал неправду? Скажи, разве сын монапа Джуназака беднее своего отца?

— Почему ты говоришь о сыне Джуназака?

— Приезжий начальник и есть сын Джуназака, Тюракул! Ну что, ты и теперь будешь утверждать, что Тюракул Джуназаков настолько беден, что не сможет помочь народу? Ай-ай, нехорошо, Акмат!

В замешательстве вошел Акмат в кибитку. Ивана Матвеевича там не было. На почетном месте у стены сидел на корточках крупнолицый широкоскулый киргиз с лицом, густо заросшим коротким, словно мех, волосом, одетый в дорогой шелковый халат поверх суконного, порядком из-

мятого европейского костюма. С пиалой чаю в руке он что-то важно говорил сидевшим возле, наиболее уважаемым жителям окрестных аилов.

Акмат подсел к ним, чувствуя, что явился не вовремя. Беседа с его приходом прервалась. Киргиз в шелковом халате степенно прихлебывал чай.

— Какие новости? — вполголоса спросил сосед у Акмата.

— За новостями приехал,— уклонился тот.

— Спроси вот у него,— кивнул сосед на продолжавшего чаевничать киргиза.— Он говорит, что приехал помочь нам.

— Хорошее дело,— сказал Акмат,— народ очень нуждается.

Осторожность, несомненно, родилась на Востоке. Но не та осторожность, когда человек озирается по сторонам, выходя из дому. Нет, здесь два давнишних врага, встретившись, не отвернутся друг от друга. За пиалой чаю они будут долго говорить, расскажут массу самых свежих новостей... и ни одним жестом не выдадут того, что следует знать только самому. Искусство скрывать свои мысли здесь доведено до совершенства.

Неторопливо чаевничал Акмат, изредка перебрасываясь короткими фразами с собеседниками, и напряженное ожидание, с каким встретили его здесь, стало спадать.

— Мы все киргизы,— говорил Джуназаков,— и должны друг другу помогать. Скажи, разве это не правда?— обратился он прямо к Акмату.

— Помощь — великое дело,— снова уклонился Акмат.

— Вот к нам возвращаются наши братья, бежавшие в Китай. Кто из них не джаток! Но разве это повод, чтобы человека не поддержать в беде? И мы им поможем. Это говорю я, Тюракул Джуназаков! Я все могу... В Ташкенте не знают всех наших бед, но я расскажу им, и мне поверят.

Джуназаков говорил еще долго, но Акмат уже не слушал. Воспользовавшись паузой, он попрощался и вышел из кибитки.

Он стоял, держа в поводу своего коня, и чувство обиды, ставшее было затухать под влиянием бесед с Иваном Матвеевичем, снова разгорелось в нем.

Он не понимал, зачем Ташкенту понадобилось присылать этого сынка манапа с таким деликатным поручени-

ем. Помощь всегда вызывает благодарность со стороны тех, кому помогают. Но кому нужно, чтобы эту благодарность люди чувствовали к Джуназакову, а не к Советской власти?

Завидев Ивана Матвеевича, он пошел к нему навстречу.

Все кипело в душе у Акмата, и хотя внешне это почти не проявлялось, старик понял.

— Ты что такой, а?— спросил он.

Акмат попытался улыбнуться, но улыбки не получилось.

— Выкладывай,— сказал Парамонов.— Да брось, пожалуйста, свои восточные фокусы, не люблю.

— Там приехал большой начальник.

— Знаю. Еще вчера приехал. Только не начальник, а уполномоченный Реввоенсовета. Он киргиз и, конечно, лучше разберется в местных делах,— сказал Иван Матвеевич, умолчав, что Джуназаков ему не понравился.

— О, он очень хорошо разберется!— с внезапной яростью сказал Акмат.— Сынок манапа Джуназака да чтобы не разобрался! О-о! Теперь у него высокое звание уполномоченного Реввоенсовета, но у нас не напрасно говорят: если манапский сын станет даже мостом — не становись на него!

Они шли вдоль улицы аила, когда их обогнал конный киргиз, привлекший внимание Акмата. Киргиз был такой же, как и все, в халате и малахае. На седле у него вместо подушки было что-то ватное и стеганое, не то одеяло, не то халат. Акмат, чуть прищурясь, смотрел ему вслед.

— Ты что?— обратил на Акмата внимание Иван Матвеевич.

Акмат выждал, и когда всадник скрылся за поворотом, сказал:

— У этого киргиза военная посадка. Я видел такую посадку еще в шестнадцатом году. Надо ли человеку надевать чужое платье, если он едет с добрыми намерениями?

— Что же ты не сказал раньше?!— изумился Иван Матвеевич.

— Зачем? Ты бы задержал его, спросил документы. Но у него может оказаться их сколько угодно, а если не окажется, он выстрелит в тебя прежде, чем ты успеешь открыть рот. Не надо мешать человеку, пусть едет своим путем.

— Да ведь он же уйдет!

Вместо ответа Акмат окликнул какого-то подростка, бежавшего по улице, и что-то скороговоркой сказал ему. Мальчишка стрельнул лукавыми глазенками, вприпрыжку пересек улицу и скрылся в лабиринте глиняных дувалов.

— Конный не птица, в небо не улетит!

4

Всадник меж тем, покружив по извилистым улицам аила, подъехал к одинокому дому, стоявшему несколько в стороне от остальных.

Привязав лошадь у карагача, он огляделся по сторонам и прошел в низенькую дверь.

На кошме сидел старик, накинув на плечи какую-то овчинную рвань.

— Желаю быть здоровым,— по-киргизски сказал вошедший и сказал это настолько плохо, что старик скорее догадался, чем понял.— Где сын?

— Садись,— кивнул старик.— Хабар бар?[1]

Но познания приезжего в киргизском языке были слабы. Беседа сама собою прекратилась.

Вошел сын, сдержанно поздоровался и провел его в соседнюю комнату.

— Позови людей, Кудаяр,— сказал приезжий по-русски, когда они остались одни.

— Нельзя, таксыр[2]. Ты приехал в плохой день. В аиле много чужих.

— Из Ташкента? Они здесь?

— Да, здесь. Из Ташкента. Многие уехали в горы и в дальние кишлаки. Сейчас здесь старик с внимательными глазами.

— Ну и что?

— Ничего, конечно, только с ним Акмат. Они не видели, когда ты проезжал?

Полковник Русанов с минуту смотрел прямо перед собой.

— Что здесь он делает?

---

[1] — Новости есть?

[2] Таксыр — господин.

— Кто, Акмат? Ездил на дальние джайлоу. Сегодня вернулся.

— И долго будет?

— Спроси у ветра. Разве можно знать, сколько он задержится и какой дорогой уйдет. Мне никогда не приходилось слышать об этом.

Русанов задумался. Он очень устал и сидел, откинувшись к стене. Вошла женщина, молча поставила на кошму пиалы и чайник. Позеленевший от сырости тульский самовар, гордость хозяина и признак зажиточности, уже кипел в сенях.

Кудаяр осторожно поглядывал на гостя, что-то не решаясь ему сказать и, по-видимому, поджидая, не спросит ли он сам. Но полковник молчал.

— Тому назад три дня у нас шум был,— издалека начал Кудаяр,— очень большой шум был. Ишимбай взялся не за свое дело...

Полковник отозвался вяло:

— Говори!

— Я уже сказал, что Акмат в аиле, а Ишимбай напрасно взялся вести караван.

— Караван с оружием?

— Ну да! Он попал прямо к большевикам. Очень большой шум был.

Русанов откинулся к стенке и пристально смотрел на Кудаяра.

— Слушай,— медленно сказал он,— мне надоело постоянно встречаться с Акматом, и мне кажется, что у вас перевелись мужчины.

Лицо Кудаяра вдруг засветилось хитринкой, но в следующую минуту хитринка погасла, и оно опять было спокойным и бесстрастным.

— Не говори так, таксыр! У Акмата очень много друзей! Он знает почти все, что происходит вокруг него за день пути.

Полковник чувствовал раздражение: этот истукан, что сидел напротив, был неизмеримо сильнее его уже потому, что в нем у Русанова была нужда.

— Слушай, Кудаяр,— сказал полковник,— ты предупреди курбаши. Вечером проведешь меня к ним и сделай так, чтобы нас никто не видел. Ты понимаешь меня?

Кудаяр кивнул утвердительно.

...Вечером полковник сидел в кругу курбаши, их

приближенных и, холодно рассматривая, оценивал их. «Сброд святой,— презрительно думал полковник.— Хороший эскадрон казаков будет гнать их, сколько захочет. Но что делать! Выбирать не из чего».

— Пятнадцать рублей в сутки,— сказал он вслух,— я буду платить каждому джигиту. Мне нужно много людей.

— А курбаши?— спросил коренастый киргиз с сабельным шрамом во всю щеку, видимо, бывший здесь вожаком.— Что ты будешь платить курбаши?

Было ясно, что здесь не было предводителей крупных шаек, вроде Мадаминбека или Иргаша, но раздумывать не приходилось.

— Хорошо. Курбаши будут оплачиваться отдельно.

— Люди будут,— сказал курбаши с сабельным шрамом на щеке.— К нам каждый день просятся самые сильные, самые молодые и самые храбрые. Но зачем столько джигитов, когда нет для них оружия!

Полковник закусил губу. Караван с оружием попал к большевикам. Это было совсем не вовремя. Русанов выразительно взглянул на Ишимбая, бывшего тут же, но, странное дело, тот совсем не был смущен.

Ишимбай бодро поглядывал по сторонам, улыбался и всем своим существом выражал удовольствие.

«С чего эта обезьяна вертится?»— подумал полковник, наблюдая за ним. Он выждал, когда курбаши были заняты разговорами, и подозвал к себе Ишимбая.

— Можно подумать, что у тебя большая радость!— со злостью сказал полковник.

По лицу Ишимбая растеклась широчайшая улыбка.

— О, да! Ты прав, таксыр, большая радость!

— Радуешься, что караван твой попал к большевикам?

— О нет, таксыр! Беде радуется только глупый. Когда караван захватили, я очень горевал. Я не смел тебе на глаза показаться. Но я думал. Я долго думал. И я говорил себе: ты должен вернуть оружие. Но как это сделать? И тогда я пошел к одному своему другу. Он только что приехал издалека, он выслушал меня и обещал помочь. Завтра мы получим наше оружие. Мы получим его без боя и хорошо спрячем.

Полковник слушал недоверчиво.

— Не болтай вздора,— сказал он и отвернулся,— что может сделать какой-то твой друг!

Ишимбай приблизился к нему и сказал шепотом:

— Ты не знаешь, таксыр! Тюракул Джуназаков многое может...

5

На другой день часов около одиннадцати из-за пригорка послышалась стрельба. По аилу бешено проскакала группа всадников и скрылась за садами. И сразу же со всех сторон к дому, где помещался Тюракул Джуназаков, бросились пешие и конные.

— Басмачи!

— Спасайтесь, басмачи!

Люди сбегались сюда, словно в поисках защиты, молили о помощи.

— Оружие, оружие! — кричали конные.— Дайте нам оружие!..

— Наши семьи гибнут! Дайте нам оружие!

У дверей саманного амбара, где временно было сложено отнятое у Ишимбая оружие, стоял часовой, к нему на помощь, не застегнув шинели, выбежали двое других и встали рядом.

Небольшой отряд красноармейцев с утра ушел в горы в погоне за бандой, ограбившей соседний аул. Отряд ушел, оставив троих бойцов охранять склад.

Бойцы стояли плечо в плечо, уговаривая и грозя напиравшей на них толпе. Они знали, какой ценой дается оружие, и решили раздать его только в том случае, если сами не смогут отбить басмачей. Они приготовились защищать его и не знали, от кого: то ли от басмачей, которых, несмотря на крики и пальбу, все еще не было видно, то ли от этой толпы, становившейся все настойчивее.

— Не подходи! — говорил старший из бойцов.— Белены вы объелись? Где басмачи?!

Он угрожающе повел винтовкой и шагнул вперед. Толпа отхлынула.

Группа конных, до того державшаяся позади, пользуясь суматохой, незаметно и настойчиво приближалась к складу с боку.

Бойцы заметили этот маневр, и старший, перебросив винтовку в левую руку, правой взялся за гранату.

— Назад!

Конные замедлили.

Вдруг толпа раздалась. Из кибитки показался Тюраку Джуназаков. Он шел прямо на бойцов, и толпа смыкалась за ним. Джуназаков подошел вплотную к бойцам так, что они должны были отвести винтовки в сторону.

— Бойцы революционной армии Туркестана, — сказал Джуназаков, — почему ваше оружие направлено на мирных жителей? Разве вы не видите их слез, не слышите их мольбы?

— Мы не можем раздать оружие, — отозвался старший.

— Вы знаете меня? Я — уполномоченный Реввоенсовета, и я приказываю вам открыть склад...

Группа конных вдруг ринулась вперед и оказалась между дверьми склада и красноармейцами. Часовые попытались было остановить людей, но Тюракул Джуназаков стоял перед ними вплотную, и часовые на мгновение заколебались. В следующий миг толпа отбросила их, смяла, разоружила. С дверей склада сбили замок. Кто-то упал, кто-то закричал не своим голосом. Тюки с оружием поплыли на руках поверх голов, и конные, оцепившие амбар, перехватывали их и приторочивали к седлам.

Иван Матвеевич с Акматом возвращались верхами из поездки в русский поселок. Их было немало, таких селений в Семиречье, возникших давно, из выходцев центральных губерний, казаков с Дона, украинцев, стекавшихся сюда в поисках свободных земель. Поселки эти, нередко зажиточные, были источниками постоянных столкновений с коренным населением Семиречья на почве землепользования.

Иван Матвеевич ездил улаживать один из таких конфликтов. Акмат всю дорогу был задумчив. Иван Матвеевич не расспрашивал его, зная, что позднее тот и сам расскажет обо всем, что тревожит его мятущуюся душу.

Лошади шли шагом.

— Иван Матвеевич, — сказал Акмат, поравнявшись с ним, — ты помнишь киргиза с военной посадкой?

— Помню, а что?

— Он русский. Был у Кудаяра. Сегодня я видел двоих курбаши, у них был вид, как у собаки, нечаянно получившей хорошую кость. Что ты на это скажешь, Иван Матвеевич?

Старик посмотрел на Акмата и ухмыльнулся.

— Ты уж выкладывай все, что принесла тебе киргизская почта.

— А ты хитрый, Иван Матвеевич, — улыбнулся и Акмат. — Ты очень хитрый. Ты все слушаешь, что болтает Акмат и... как это у вас говорится, мотаешь себе на усы... В народе есть слух, что курбаши созывают людей. Они обещают платить джигитам по пятнадцать рублей в день. Это очень хорошая плата.

— Какими деньгами?

— Старыми, николаевскими, и керенками. У нас всякие идут.

Иван Матвеевич думал о том, как все здесь непонятно и совсем не похоже на то, о чем говорят и думают в Ташкенте. Там Иван Матвеевич, встретив явно переодетого человека, несомненно врага, не задумываясь стащил бы его с коня и отвел бы в комиссариат. А здесь, прежде чем задержать такого, надо хорошенько оглядеться по сторонам и подумать, сколько друзей и защитников найдется у него в этом ауле.

В сущности Ташкент был островом. Такими же советскими островками были и Пишпек, Скобелев, Пржевальск, Андижан, Самарканд. А кругом неоглядное море кишлаков, молчаливых и затаенных. Там что-то бурлило, что-то изменялось, изредка из недр их возникали яркие фигуры вроде большевика Акмата или фигуры другого лагеря: Мадаминбек, Иргаш — курбаши басмаческих банд, но там, в самой гуще коренного населения, еще многое было неясно.

— Упустили, значит, мы с тобой, Акмат, этого переодетого русского, щедро рассыпающего царские кредитки?

— Почему упустили? Я же тебе сказал: человек не птица, в небо не улетит.

Они подъехали к крайнему дому, стоявшему на выезде из села. Там у окна сидел сапожник.

Акмат, не слезая с коня, слегка стукнул рукояткой нагайки по раме. Сапожник бросил работу и вышел.

— Не проезжал? — спросил Акмат.

— Адам-Николай?[1] Нет. Курбаши разъехались. Кудаяр тоже ускакал куда-то с двумя конями. Очень веселые все были. Тебе, Акмат, следует опасаться Кудаяра. Как ты думаешь?

[1] Адам-Николай — человек николаевского времени, офицер.

— Знаю, — сказал Акмат и хлестнул коня.

— Теперь я понимаю, что значит: человек не птица,— сказал Иван Матвеевич, — кто бы ни проехал, сапожник будет видеть. Ты поручил ему?

— Нет,— сказал Акмат,— он это делает сам, из любопытства.

— Басмачам он тоже скажет?

— У нас, Иван Матвеевич, любят поговорить, но хорошо знают, с кем и о чем.

Дорога шла в гору. За ней в лощине был кишлак. Лошади, почувствовав близость дома, сами прибавили шагу.

Акмат, покачиваясь в седле, думал о том времени, когда в кишлаках люди перестанут слушать своих родоначальников. Хотелось научить их, рассказать, где пролегают дороги к счастью. Но сам он знал мало, а из Ташкента часто появлялись люди вроде Джуназакова.

— Почему это, Иван Матвеевич,— спросил Акмат,— почему так редко приезжают к нам хорошие люди?

— Их мало, Акмат. А те, что есть, завалены делами, измотаны. Да и откуда им взяться? Делаем, что можем, и часто ошибаемся. Велик Туркестан, и сколько в нем всяких национальностей, а у каждой — свои особенности. Тут без помощи самого народа не справиться.

Он приподнялся на стременах и посмотрел вниз на кишлак.

— Что это там?

Акмат уже видел необычайное движение в кишлаке и, стегнув коня, с гиком понесся карьером. Иван Матвеевич настегивал своего, но догнать Акмата не мог.

Акмат во весь опор влетел в кишлак. При его приближении стоявшие у амбара бросились врассыпную. В большинстве это были зрители, привлеченные сюда шумом и криками. Они толпились несколько в отдалении, наблюдая, как оружие, тюк за тюком, исчезало из амбара. Ближайший к амбару конный из оцепления подхватывал очередной тюк и, перекинув его через седло, мчался из кишлака, не дожидаясь остальных.

Акмат влетел во двор, когда оружия в амбаре значительно поубавилось.

— Стой! — крикнул Акмат и ухватился за тюк, уже лежавший поперек седла.

Всадник обернулся на крик. В руке его блеснул револьвер, но выстрелить всадник не успел.

От толпы отделился Бетал-Гази. В один прыжок великан оказался возле всадника, взял его за пояс и, сорвав с седла, швырнул на землю.

Толпа, до того державшаяся нейтрально, вдруг бросилась к амбару на помощь к Акмату. В руках у многих появились кинжалы, спрятанные под халатами. Кое у кого оказались даже ружья.

Конные, двинувшиеся было на помощь своему, стегнули по лошадям и скрылись.

Когда подъехал Иван Матвеевич, все уже было кончено. Из каравана оружия, захваченного в горах, осталось всего несколько тюков.

Он постоял, посмотрел на сбитый замок и встретился взглядом с Тюракулом Джуназаковым.

— Кто бы мог подумать, — шагнул Джуназаков к Ивану Матвеевичу. — Кто бы мог подумать! Негодяи украли наше оружие. Ай-ай! Как нехорошо!.. — Он вдруг попятился, увидав Акмата.

Тот, побледневший от бешенства, шел прямо на него.

— Ты не видел, что это чужие? Ну, говори, монапский сынок!

Акмат схватил Джуназакова за ворот халата.

Тот рванулся.

— Я — уполномоченный Реввоенсовета!

Но Акмат снова схватил его.

— Мне все равно, какой ошейник на паршивой собаке. Говори, пока можешь, кому ты отдал оружие?

Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не вмешался Иван Матвеевич. Он почти силой оттащил Акмата от Джуназакова.

— Опомнись, Акмат! С ума ты сошел! Как можно обвинить человека, не зная даже, виноват ли он?!

Акмат как-то странно взглянул на своего друга и ничего не сказал. Молча он подошел к валявшемуся на земле тюку, вспорол его, взял оттуда винтовку, посмотрел на нее и подал Бетал-Гази, взял вторую и взглядом подозвал из толпы молодого паренька. Он роздал так весь тюк, выбирая людей по каким-то своим соображениям, ни с кем не советуясь и никого не спрашивая. Затем он взялся за второй тюк...

Через час небольшой конный отряд, сформированный Акматом, выехал из аула.

6

— Итак, что же вы хотите? — Востросаблин метнул пристальный колючий взгляд из-под мохнатых седеющих бровей на очередного просителя. Тот, высокий, стройный, с обветренным лицом и потрескавшимися губами, стоял в двух шагах от письменного стола, молодцеватый, подтянутый, в положении «смирно». — Да вы садитесь, голубчик. Что же так стоять-то!

После подавления осиповского мятежа Александр Павлович Востросаблин, до того занимавший скромный пост начальника школы красных курсантов, неожиданно для себя оказался в самой гуще событий. Он был назначен членом Реввоенсовета республики, продолжал возглавлять школу военных инструкторов, был председателем комиссии по реорганизации Туркестанской армии, и в самые последние дни на него возложили руководство комиссией по приему бывших офицеров в Красную Армию.

Дел было много. Дел, казалось, невпроворот. Но, к удивлению окружающих, этот сухонький, весьма подвижный старичок всегда оказывался там, где он был нужен. Он появлялся, слегка прихрамывая, точно в назначенное время и сразу же приступал к делу. Заседания под его председательством проходили без длинных речей, по-деловому и быстро заканчивались. Получилось так, что все бездельники, любители бесконечных заседаний и просто люди случайные почувствовали себя неуютно в строгой деловой обстановке, неуклонно вводимой Востросаблиным, и поспешили подыскать себе места поспокойнее.

Это не могло оставаться незамеченным в Реввоенсовете Туркестана и было одобрено. Лишь Колузаев не упускал случая съязвить о генеральских привычках, но делал это осторожно, в отсутствии Востросаблина. Он не забыл, как этот старичок в дни осиповского мятежа в десять минут раскритиковал вдребезги его план ликвидации восстания. «Подлизывается к коммунистам, подлизывается наш генералишка», — говорил Колузаев, но не очень громко. Он еще не пришел в себя после потрясения, вызванного откровенными признаниями бывшего председателя Совета Главных железнодорожных мастерских Агапова на заседании Верховного революционного трибунала Туркестана, судившего мятежников. Припертый к стене неопровержимыми уликами, понимая, что ему угрожает, Агапов попытал-

ся признаниями о роли Колузаева в осиповском мятеже купить себе жизнь. Но Агапов в страхе перед неминуемым расстрелом, что называется, переборщил. Слишком неправдоподобны показались суду его показания. Колузаев отделался испугом.

Первое время он держался скромно. При формировании Реввоенсовета Туркестана руководитель левых эсеров Успенский и его окружающие даже прочили Колузаева в главкомы, но вмешался крайком Компартии, и главкомом войск Туркестана был назначен Иван Панфилович Белов, бывший комендант крепости, сыгравший в подавлении мятежа значительную роль. Этого Колузаев снести не мог. С Беловым ему бороться было трудно. Авторитет Ивана Панфиловича после разгрома мятежников был в Туркестане весьма высок. Поэтому весь свой затаенный гнев Колузаев обрушил на Востросаблина, который удивительно быстро сработался с новым главкомом. Памятуя свое прошлое поражение, он не нападал прямо на него, но, будучи опытным политиканом, любое его предложение брал под сомнение, рассчитывая в конечном счете свалить этого, как он говорил, «генералишку» и тем лишить главкома Белова работоспособного, знающего военное дело помощника. Особенно он брал под подозрение работу Александра Павловича в комиссии по приему бывших офицеров в Красную Армию. «Ворон ворону глаз не выклюет», — как бы между прочим не раз говорил он то тому, то другому члену Реввоенсовета. А когда ему резко возражали, он пожимал плечами: «Ну что ж, поживем — увидим...» — и ждал, напряженно ждал, не ошибется ли Востросаблин, не пропустит ли в армию заведомого врага. Но Александр Павлович неизменно строго производил отбор бывших офицеров, и об этой его строгости в Ташкенте уже знали.

Вот и сейчас, просматривая материал, подготовленный работниками комиссии, он время от времени вскидывал из-под густых седеющих бровей пытливый взляд на очередного, вызванного к нему бывшего офицера.

«Хвостов, поручик. Так... Так... Окончил кадетский корпус... Затем Павловское юнкерское...»

С тех пор как была объявлена регистрация бывших офицеров, их прошло немало через комиссию, и все они были разные. Одни из них шли охотно в Красную Армию, ничего не скрывая, иногда сообщая о себе и такое, о чем могли бы легко умолчать, другие, покинув старую русскую

армию, когда она разваливалась сама собою, как бы зачеркнули свое прошлое и жили бездумно, как придется. Встряхнуть таких, вырвать из растительного образа жизни было не так просто. Все же ни те ни другие не представляли опасности. Но были среди проходивших регистрацию люди затаившиеся, бешено ненавидевшие Советскую власть, и не обязательно сынки помещиков или аристократы. Выбитые из столиц и крупных городов России, участники многих разгромленных заговоров и мятежей, они стеклись сюда, готовые к любой очередной авантюре. Не допустить таких в Красную Армию и входило в задачу комиссии Востросаблина.

Знакомясь с анкетой поручика Хвостова, Александр Павлович упорно думал о том, что же представляет собой этот бывший офицер? Но что можно узнать по анкете!

— Расскажите о себе...

Хвостов, глядя прямо перед собою, словно читая текст, достаточно известный, но несколько излишне удаленный от глаз, начал подробно излагать свою биографию почти слово в слово, как она была написана в приложении к анкете.

И это не ускользнуло от Востросаблина.

— Почему вы оказались в Ташкенте? — внезапно спросил он.

Хвостов чуть замедлил с ответом.

— В Москве очень голодно, вот и решил перекочевать, где хлебнее.

— У вас кто-нибудь есть здесь?

— Нет, никого.

Это было странно: бежать из голодающей Москвы в полуголодный Ташкент через хлебную Самару. Но что не случается в жизни!

— Когда вы прибыли в Ташкент?

— Месяца три тому назад.

— Точнее!

— В конце января этого года, если память мне не изменяет — двадцать шестого числа.

«Врет, — решил Востросаблин. — Это что же, через дутовский фронт? И на чем? Не пешком же он передвигался?» Но все же кое-что следовало уточнить.

— Чем же вы были здесь заняты эти почти три месяца?

Хвостов усмехнулся:

— Валялся на диване и читал Тарзана. До того все надоело...

Востросаблин скользнул взглядом по его обветренному лицу, по запекшимся губам, и решил: «Опять врет. Всего вернее, только что прибыл, воспользовавшись воссоединением Туркестана с центром».

— Ну и как, много томов одолели?

— До половины еще не добрался.

Александр Павлович с минуту пытливо смотрел на Хвостова и вдруг спросил, как-то особенно буднично:

— Скажите, Хвостов, зачем вам понадобилось оказаться в Красной Армии? Вы это сами придумали или вам посоветовали?

— Я вас не понимаю, господин генерал-лейтенант!..

Востросаблин с усмешкой покачал головой.

— Вы бы меня еще вашим превосходительством попотчевали... А понимаете вы меня отлично, Хвостов. Так же, как и я вас... Хорошо, я доложу комиссии, но думаю, что вам откажут в приеме в Красную Армию. Честь имею...

Оставшись один, Александр Павлович долго покачивал головой. «Ползут, ползут, как клопы,— думал он.— Говорят, что клоп может десятки лет существовать даже в пустующем здании. Интересно, сколько еще будут существовать эти... клопы?»

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Востросаблин и, увидев в дверях старшего Парамонова, пошел ему навстречу.— Прошу, прошу, Иван Матвеевич. Садитесь. Какими ветра́ми вас занесло?

— Киргизскими, Александр Павлович, киргизскими ветрами...

Иван Матвеевич рассказал Востросаблину об отряде, самочинно сформированном Акматом Туртубековым.

— С главкомом я договорился. Иван Панфилович, — сказал он, имея в виду Белова, — оказался дальновиднее многих в этом вопросе. Он не только ничего не имел против национальных воинских формирований, но даже готов им всячески помогать.

— Да, да, — кивнул Востросаблин, — он и на Реввоенсовете говорил об этом и, скажу вам, довольно убедительно.

— Так вот, Александр Павлович, о конном отряде Акмата... Понимаете, какое дело, отряд этот собран из людей, безусловно, преданных. Конники они сами знаете какие.

Киргиз с детства сидит на коне. И драться они будут до последнего. А военной выучки у них, сдается мне, маловато.

— Никакой,— сказал, словно обрубил, Востросаблин.

Иван Матвеевич с удивлением приподнял брови.

— То есть как это никакой?!

— А очень просто: конь у кавалериста не только средство передвижения, но и оружие. Ваши киргизы отличные наездники, но с точки зрения боя это все-таки прекрасно ездящая пехота.

— Так что же делать, Александр Павлович? Отряд-то стоящий...

Востросаблин задумался.

— Есть у меня на примете один рубака,— сказал он.— Живет в Аулие-Ата. Забубенная головушка, доложу вам, вроде Васьки Денисова, как его описал Толстой. Он и роста такого же. Человек бездумной храбрости и кавалерист божьей милостью. Сейчас он ничем не занят, просто отдыхает. Да и есть от чего... Вот если бы его сосватать вашему Акмату Туртубекову, интересное могло бы получиться сочетание.

— А он не из... — нерешительно сказал Иван Матвеевич.

— Не из контрреволюционеров или этих, как их, великодержавных шовинистов, вы это хотите сказать? Напрасно беспокоитесь. Ротмистр Кретов человек с умом и сердцем, и любит Россию.

Иван Матвеевич встал.

— Так, может быть, сосватаем, Александр Павлович?

— Подумаю, Иван Матвеевич, поговорю с ним.

Они расстались, эти два старика — рабочий и генерал, — как всегда, довольные друг другом.

7

Был поздний вечер. Тьма, среднеазиатская, густая, накрыла Ташкент. И в этот вечер в городе произошли два события, имевшие далеко идущие последствия.

Неслышно ступая, напряженно вглядываясь в темноту, шел Галимхан к дому Ачила Бабаджанова и, повернув за угол длинной извилистой улицы, вдруг остановился.

От дувала отделилась какая-то фигура и прошептала:

— Проходи, Галимхан, в калитку и там подожди меня.
Галимхан узнал Бабаджанова.

— Проходи же! — повторил Ачил. — Я буду через минуту...

Недоумевая, что это значит, Галимхан прошел во двор и остановился. Вскоре к нему присоединился Бабаджанов и молча повел его в дом. Там Ачил отвернул фитиль небольшой керосиновой лампы, снял халат и только после этого протянул гостю руку.

— Ну, здравствуй, Галимхан! Садись. Да не смотри на меня так. Надо же было проверить, не увязался ли за тобой кто-нибудь излишне любопытный... Я тебя второй день поджидаю. Почему вчера не пришел?

— Вот из-за них, из-за любопытных, и не пришел.

— А что такое?

— Да какие-то двое подростков все вертелись около моего дома.

Бабаджанов тихо рассмеялся.

— Видно, ты стал важным человеком, что о тебе так заботятся. Да и шапка на тебе новая. Отличная шапка, не то что малахай муллы Непеса. Значит, ишан Искандер тебя хорошо принял? Ну, расскажи.

— Не сразу принял... Сперва долго расспрашивал и все сокрушался о Непесе: мол, такой праведной жизни человек, а попал в тюрьму за какую-то базарную болтовню. Досталось и вам...

— Ну, это само собою... Давай посмотрим, что в шапке-то.

Он взял новую шапку Галимхана, внимательно осмотрел ее, усмехнулся, заметив, что в подшивке подкладки сделано несколько как будто неумелых стежков, расположенных в замысловатом порядке. Несколько минут он изучал рисунок этих стежков, затем скопировал их на бумагу и вспорол подкладку. Там оказался большой шелковый лоскут, густо исписанный арабской вязью.

Придвинув поближе лампу, Бабаджанов сосредоточенно рассматривал его.

— Кажется, знакомый шифр,— сказал он и, порывшись в столе, вынул лист бумаги с такой же вязью.

Через час письмо ишана Искандера было расшифровано. Прочитав его, Бабаджанов задумался. Нити заговора, расползающегося по всему Туркестану, о котором в Чрез-

вычайную комиссию поступило несколько сигналов, теперь были видны отчетливее.

Распущенная в мае 1918 года контрреволюционная националистическая организация Улема не только продолжала существовать нелегально, но за последнее время явно активизировалась. Но почему это ишан Искандер зачастил в Ферганскую долину? Что ему там надо? Только ли к своим муллам его черт носит? Не прокладывает ли он дорожку к Крестьянской армии?

Мысль эта вначале показалась Бабаджанову дикой. Крестьянская армия была создана в июле 1918 года на юге Киргизии, в районе Джалал-Абада, для защиты от басмачей. Она сформировалась исключительно из русских крестьян-переселенцев, захвативших, с благословения царских властей, лучшие земли, вытеснив с них коренное население. Что могло быть общего между буржуазными националистами Улемы и этими русскими? Правда, многие из крестьян были более чем зажиточные, раздобревшие на вольных землях и дешевом труде местных бедняков, но никогда хороших отношений между ними и коренным населением не было. И все-таки тут что-то было неладно. По последним сведениям, состав Крестьянской армии сильно изменился. Как-то незаметно из нее отсеялись новоселы и те, кто победней. Происходили какие-то изменения и в руководстве. Откуда-то у них появился начальником штаба генерал Муханов. Есть слух, что в командующие армии усиленно пробивается Монстров, личность весьма темная, в прошлом мелкий подрядчик, окончивший пять классов реального училища. Да и Военный совет этой армии перекочевал в Фергану, поближе к басмачам... Нет, тут что-то не так. Не случайно ишан Искандер, вместо того чтобы возносить молитвы аллаху и втихомолку проклинать нечестивых большевиков, зачастил в Фергану. Ачила не проведешь! Он в молодости недаром потерся в медресе и хорошо знает служителей аллаха. Но что было делать, если за спиною почти всякого контрреволюционного мятежа была Бухара? Там плелась разветвленная сеть заговоров, и туда же скрывались заговорщики в случае опасности разоблачения.

Бабаджанов думал о том, что хорошо было бы туда, в Бухару, поближе к дворцу эмира, забросить своего человека, достаточно опытного и умного. В Бухаре у него было несколько человек из местных жителей, но ни один из них не смог бы приблизиться к кушбеги. Повода не было.

— Ну и что же сказал тебе на прощанье ишан Искандер? К кому он тебя направил? — спросил Ачил, когда письмо было положено обратно под подкладку, аккуратно зашито и точно воспроизведена система нарочито неумелых стежков.

— Я должен явиться к кушбеги.

— Прямо к нему? — удивился Бабаджанов.

— Да.

— А шапка? Что он сказал тебе о шапке?

— Ничего особенного. Он сказал, что я должен явиться к кушбеги обязательно в ней.

С минуту Бабаджанов колебался. Он хорошо знал нравы эмирской Бухары, но случай представлялся соблазнительный.

— Слушай, Галимхан, а что, если тебе и впрямь наведаться к кушбеги?

— Я уже думал об этом.

— И что же ты решил?

— У едущих в лодке душа одна, Ачил. Если эти возьмут верх, всем нам будет плохо.

— Это верно, но... — Бабаджанов замедлил, подбирая выражения.

— Как бы кушбеги вместе с шапкой не оставил бы у себя и мою голову. Ты это хочешь сказать, Ачил? — сказал Галимхан.

— Вот именно.

— Не думаю, что это случится. У них там, видно, маловато людей, способных безнаказанно путешествовать из Бухары в Ташкент, если послали самого муллу Непеса, да и тот оказался дураком. Кстати, на базарах ходят слухи, что вы этого Непеса выслали в Россию, чтобы он тут не путался в ногах. Это правда?

Бабаджанов, довольный, усмехнулся. Слух этот распустили по его распоряжению.

— А ишан Искандер? До него тоже дошло это?

— Ну еще бы! У Искандера везде есть уши.

— Ну и как он отнесся к этому?

— Ругался, конечно. Досталось и Непесу и вам, но явно обрадовался, что так обернулось.

— Вот это и было нужно... Ну что же ты решил?

— Поеду.

— Подумай еще. Дело это нелегкое, рискованное.

— Э-э! Когда луна взойдет, мир увидит... Завтра и вы-

еду. У меня там в Бухаре еще остались приятели басмачи. Сойду за своего.

— Но ведь ты ушел от Иргаша.

— Ну и что же? Ушел-то я просто потому, что поругался с Иргашем. Добычи не поделили... Настоящей причины никто не знает. — Галимхан встал. — Ну, я пойду...

— Погоди, остановил его Бабаджанов. — Я пройду вперед, до поворота. Посмотрю, нет ли кого на улице. Выходи минут через пять. Фитиль в лампе привернешь...

В тот же вечер на квартире у Эдварда Сварда встретились поручик Хвостов и полковник Русанов. Самого хозяина дома не было. Сэм, принявший их, повертелся, накрывая стол вином и закусками, и куда-то исчез.

Катая в пальцах тонкую ножку рюмки, полковник Русанов насмешливо поглядывал на хмурого Хвостова. Поручик был явно не в духе. Левая щека его время от времени судорожно подергивалась.

— Спокойней, спокойней, поручик,—сказал Русанов.— Выпей-ка водки. Это всегда помогает.—Он поставил рюмку и взялся за графин.—Давайте вашу. Да не этот наперсток. Из такой офицеру российской самоликвидировавшейся армии и пить неприлично. Вон ту, вместительную.—Русанов наполнил рюмки.— Ну, вздрогнем, как говаривал мой знакомый ротмистр, рубака и пьяница непревзойденный.

Хвостов залпом осушил рюмку, Русанов только пригубил.

— Итак, судя по вашему виду, поручик, вас вряд ли можно поздравить с успехом. Генерал Востросаблин оказался твердым орешком. Не правда ли?

— Черт бы его побрал! — пробормотал Хвостов и сам налил себе водки.

— Это было бы замечательно. К сожалению, пока невыполнимо. Он нигде не бывает, кроме служебных мест, живет замкнуто, в крепости, куда нам с вами ходу нет, женщинами не интересуется ввиду преклонного возраста.

— А нельзя ли...

— Что? Открытый террористический акт? Где-нибудь прямо на улице? Исключено. Во-первых, потому что его всегда сопровождает адъютант. Вы видели его в приемной? Очень хорошо. Я этого молодого человека знаю. Стреляет мгновенно, без промаха и всегда начеку. Вы не

смотрите, что он выглядит этак сонно. Зверь!.. Так что если бы покушение и удалось, в чем я крайне сомневаюсь, рассчитывать скрыться безнаказанно не приходится. А во-вторых, открытый террористический акт выдал бы нас всех с головой. Понимаете? Привлек бы к нам внимание Чрезвычайной комиссии. А это сейчас крайне нежелательно. Кстати, что вы намерены делать в дальнейшем? Оставаться в Ташкенте вам нельзя. Уж если вы проврались у Востросаблина, а вы несомненно проврались,— иначе какие основания у него были отказать вам в приеме в Красную Армию? — так будьте покойны, он не преминет обратить внимание на вашу особу той же Чека. А это милое учреждение здесь, в Ташкенте, за последнее время приобрело необыкновенную прыть.

— Поеду в Бухару, — мрачно сказал Хвостов и опять налил себе водки.

Русанов поднял свою недопитую рюмку на уровень глаз, словно рассматривая через эту своеобразную призму собеседника, и вновь поставил ее на стол.

— Так-так, значит, в Бухару? Под крылышко его пустозвонства Алим-хана? Кстати, может статься, там встретите и этого недоноска, несостоявшегося туркестанского Наполеона, Осипова. Он хотел было стрекануть за границу, но его вовремя куда-то повернули. И правильно. Не туда ходи, куда хочется, а куда маменька велит.

— Ух! — скрипнул зубами Хвостов. — Попадись мне только где-нибудь в темном месте этот генералишка, собственными руками шею сверну.

— Спокойней, спокойней, поручик.— Русанов помолчал, пристально разглядывая Хвостова, и сказал, медленно роняя слова: — Может быть, вам еще и представится такая возможность... А в Бухару вам ехать незачем. У его пустозвонства эмира русских и прочих офицеров хватает и без вас.

Он допил свою рюмку и вынул из нагрудного кармана аккуратно сложенную карту.

— Поедете, поручик, в Аулие-Ата... Смотрите сюда... Видите перевел Чичкан в Аулие-Атинском уезде? Через него открывается дорога из Ферганы на Коканд, Наманган, Андижан, Пишпек и далее — Пржевальск... Прекрасная дорога, как вы убедитесь сами. К сожалению, непроходима. Не знаю, как это получилось, сами ли большевики догадались, или им кто подсказал — есть у них в Скобелеве Ве-

ревкин-Рохальский, тоже вроде нашего Востросаблина — так или иначе, но только они выставили в селениях Кетмень-Тюбе и Кара-Буре воинские заставы и наглухо закрыли перевал. Понимаете, что это значит?

Хвостов пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Напрасно. Операция с военной точки зрения блестящая... Закрыв перевал, они надвое рассекли басмачей, лишили их возможности сосредоточиться для совместных действий, изолировали басмачей Ферганской долины от всех остальных.

— Ну и что из того? Нельзя разве смести эти заставы?

Русанов усмехнулся, налил водки себе и Хвостову.

— А вы, поручик, когда-нибудь в горах воевали?

— Не приходилось.

— Это заметно... Так вот, вы поселитесь в Аулие-Ата. Адресами и всем необходимым вас снабдят.

— А деньги? На что я жить буду?

— Дадим и денег. Осмотревшись, вы побывайте под каким-либо благовидным предлогом в Кетмень-Тюбе и в Кара-Буре, изучите обстановку, выясните численность застав, вооружение, систему обороны. Не медлите с этим. Сведения скоро потребуются.

Хвостов с удивлением уставился на полковника Русанова:

— Вы это серьезно?

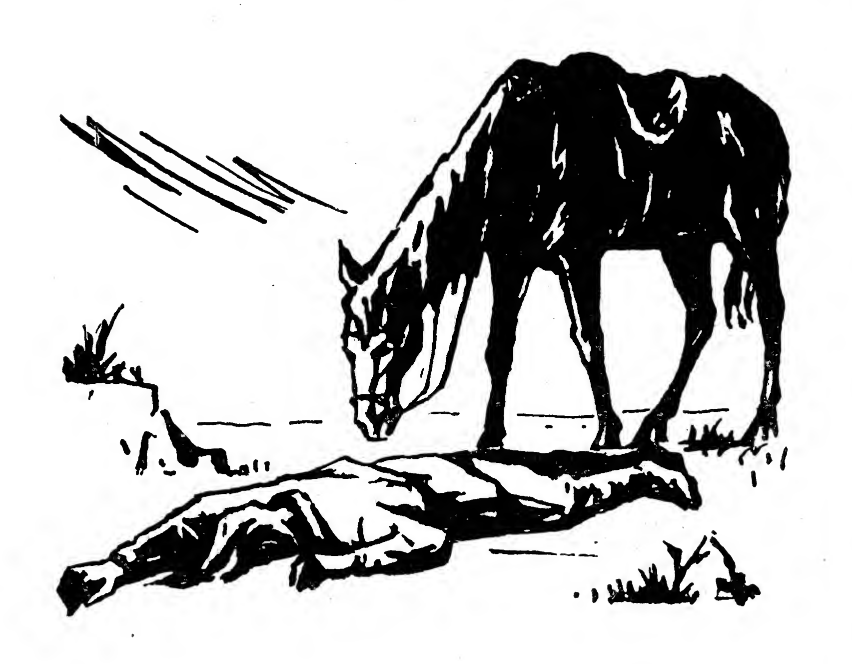
— Что именно?

— Собираетесь работать на этих халатников?

Русанов прищурился, и под его холодным колючим взглядом Хвостов словно слинял.

— Теперь я понимаю, почему вы срезались у Востросаблина, поручик... Можно глупить, но не настолько.— Русанов потянулся к графину, налил себе и залпом опрокинул рюмку. — Впрочем, у вас, может быть, есть армия, поручик, — сказал он, не скрывая насмешки, — или на худой конец корпус полного состава? Ах, нет? Так что же вы намерены здесь противопоставить большевикам? Чем вы их намерены поразить? Личным геройством?..— И резко: — Ну, хватит болтать! Завтра вы выедете в Аулие-Ата. А сейчас уходите. Я выйду минут через пять вслед за вами. Всего хорошего.

НА ВОЛЖСКОМ РУБЕЖЕ

1

Удар разразился внезапно.

Четвертого марта 1919 года Сибирская армия генерала Гайды перешла в наступление на северный фланг нашего Восточного фронта. Корпус генерала Пепеляева устремился в стык Второй и Третьей красных армий между Осой и Оханском. А через день пятидесятитысячная армия генерала Ханжина, последовательно вводя в бой корпус за корпусом, обрушилась на нашу Пятую армию, значительно ослабленную непрерывными походами и боями и насчитывавшую всего одиннадцать тысяч штыков.

Командование Пятой армии в это время было занято

перегруппировкой войск и не сразу поняло надвигающуюся угрозу.

На рассвете 5 марта началось наступление нашей 26-й дивизии к Аша-Балашовским проходам. Продвижение войск развивалось успешно, но 6 марта обнаружилось наступление противника на части 27-й дивизии, расположенные на левом фланге армии.

Измотанные в предыдущих боях, малочисленные полки ее не смогли противостоять пятикратно превосходящим силам неприятеля и с боями начали отступать.

На помощь 27-й дивизии были направлены оба полка 2-й бригады 5-й дивизии и все, что можно было собрать в Уфе: формирующийся полк, коммунистический отряд особого назначения, отряд благовещенских рабочих. Но силы все же были далеко не равные. 2-й Уфимский корпус белых захватил Бирск и двинулся в обход Уфы на железнодорожный узел Чишму. 6-й Уральский корпус продвигался на юго-запад, к Стерлитамакскому тракту, 3-й Уральский корпус наступал на Уфу.

На подступах к Уфе разгорелись ожесточенные бои. Героически сражались части 26-й и 27-й дивизий и отряд уфимских рабочих-железнодорожников. В ночь на 11 марта они стремительной атакой выбили колчаковцев из деревни Шарыпово, находящейся в 35 верстах северо-западнее Уфы, сражались всю ночь с перевернутым фронтом, но удержать ее не смогли.

Четырнадцатого марта колчаковцы ворвались в Уфу. Мост через Белую не был взорван. Воспользовавшись им, белогвардейцы к вечеру того же дня захватили станцию Чишму, через которую проходили железнодорожные пути из Уфы на Симбирск и Самару.

Центр Восточного фронта был прорван. Пятая армия потеряла в боях на подступах к Уфе почти половину своего состава и вынуждена была отходить по двум расходящимся направлениям: на Бугульму и на Белебей, что еще больше расширяло прорыв.

Дронов был на пути в Самару, когда стало известно о прорыве нашего фронта. Он ехал в штаб Южной группы в связи с поражением 22-й дивизии при наступлении на поселок Мергелевский, за Лбищенском. Поражение было неожиданное и очень серьезное. Были разбиты наголову бе-

локазаками два советских полка. Посланный на выручку третий полк не смог восстановить положения. Над Уральском нависла угроза окружения.

По пути Дронов думал о том, что если на других участках фронта будет благополучно и в самих армиях Южной группы все обстоит хорошо, то, быть может, Михаил Васильевич взыщет за неудачу не так уж сильно, но неожиданный прорыв колчаковцами фронта лишил его этой надежды. Он знал, что Михаил Васильевич никогда не замыкался в рамки только своей работы. Следовательно, рассчитывать на то, что занятый делами Четвертой и Туркестанской армий, Фрунзе пройдет мимо такого события, как прорыв на фронте Пятой армии, не приходилось.

В штабе Четвертой армии еще отчетливее чувствовалось беспокойство, которое наблюдал Дронов в пути, — может быть потому, что здесь были осведомлены лучше об истинном положении дел. Но это уже не была та боязнь отстать от других в общем бегстве, которая наблюдалась в январе. Месяц с небольшим работы Михаила Васильевича сказался. В штабе Четвертой, как и во всей армии, люди почувствовали себя гораздо увереннее.

В коридоре штаба Дронов встретил Никиту Игнатьевича. Молодой крепыш был все такой же внимательный, серьезный и неторопливый.

— За нахлобучкой приехал? — спросил Никита Игнатьевич, хорошо осведомленный о последних неудачах 22-й дивизии.— Ну что ж, сходи. Благодарен тебе Михайло Васильевич не будет. У него и так с главкомом нелады, а тут еще твоя дивизия.

— А что, сердит на нас?

— Увидишь, — пообещал Никита, — только пообождать тебе придется. Он сейчас в аппаратной с Реввоенсоветом фронта разговаривает.

Они отошли к сторонке, чтобы не торчать на ходу. Мимо то и дело сновали озабоченные штабные. Приходили и уходили вестовые, курьеры. Кто-то надрывался по телефону:

— Бузулук!.. Бузулук!.. Да что вы, оглохли там?!

И снова:

— Бузулук!.. Бузулук!..

— Что на фронте? — спросил Дронов.

— Слыхал, поди, о прорыве.

— Значит — правда?

Никита Игнатьевич помедлил.

— Видишь ли, — заговорил он, — это еще не вся правда, думается мне. Я не бог весть какой военный, да и знаю только то, что схватишь краем уха, но Михайло Васильевич сам не свой. Он почти не спит и другим спать не дает.

— Беспокоится, значит...

— Еще как!..

Человек у телефона, взывавший к Бузулуку, затих. Сверху, от аппаратной, послышались шаги и голоса. Дронов заглянул в пролет лестницы и увидел Михаила Васильевича, спускавшегося вниз со своим помощником.

— Да, заварилась каша... — на ходу говорил Михаил Васильевич Федору Федоровичу.— Не представляю себе, как они ее будут расхлебывать. Насколько я понял из сообщения командующего фронтом, группировка противника в районе Пятой армии явилась для них совершенно неожиданной.

— Он так прямо и сказал?

— Нет, конечно, но это и так хорошо видно. Кажется мне, что они и сейчас еще недооценивают угрозы, нависшей над фронтом.

Михаил Васильевич, заметив Дронова, кивнул ему и прошел в кабинет.

Дронов заколебался, не зная, идти ли ему за командармом и Новицким или подождать, пока его позовут, но на пороге кабинета Михаил Васильевич еще раз взглянул на Дронова, и тот невольно пошел за ними.

В кабинете висела огромная, во всю стену, карта Восточного фронта. Фрунзе несколько раз прошелся по кабинету и остановился у нее.

— Садитесь, Дронов, в ногах правды нет, — сказал он и, обращаясь к Новицкому: — Понимаете, Федор Федорович, и главное командование, и наше фронтовое все еще носятся к идеей развития операции через Южный Урал на Верхнеуральск.

— Даже теперь?

— Именно!.. Вот это мне и дает основание утверждать, что они еще не представляют себе размеров катастрофы.

Новицкий покачал головою.

— Это очень опасно, Михаил Васильевич. Пятая армия в ее теперешнем составе вряд ли боеспособна; левый фланг

и тыл ее открыты... Очень опасно сейчас увлекаться идеей наступления через Южный Урал.

Фрунзе задумался. Надо было немедленно что-то предпринять, чтобы ослабить нажим неприятеля и тем дать возможность Первой армии, пусть с потерями, но выйти из ловушки. Но что он мог сделать, будучи только командующим Четвертой и Туркестанской армиями?!

В разговоре по прямому проводу он предложил командующему фронтом объединить в оперативном отношении Южную группу с Пятой и Первой армиями. При создавшемся положении это было единственно разумное решение. Руководить из Симбирска фронтом, расходящимся под ударами противника в двух операционных направлениях, было невозможно. Каменев и сам это понимал. Но он был связан директивами главкома, не склонного к быстрым решениям. А пока вопрос будет согласовываться, в катастрофическом положении, кроме Пятой, может оказаться и Первая армия.

— Вот что, Федор Федорович, надо стягивать части Двадцать пятой дивизии к Бузулуку...

Новицкий пытливо взглянул на него.

— Вы полагаете, что нам придется взять на себя фронт Первой армии?

— Это в полной мере пока не ясно. С часу на час жду возвращения наших работников, командированных в Пятую для связи. Тогда многое для нас прояснится... Несомненно одно: нам придется прийти на помощь и Пятой и Первой армиям. Без этого они не выберутся из прорыва.

Новицкий нахмурился, заговорил пофыркивая:

— Двадцать пятая дивизия — наша лучшая часть. Вы хотите ее разбросать по бригадам?

— Отнюдь. И не собираюсь. Ее могут разбросать и без нас директивой комфронта или главкома. Вот и надо ее уберечь от этого. А помочь попавшим в беду армиям можно. Кстати, мне кажется, что у Первой армии пока еще есть возможность воспользоваться своим фланговым положением и ударить во фланг и тыл противника и тем значительно облегчить свои позиции. Не понимаю, чего они медлят... Так что будем оттягивать Двадцать пятую к Бузулуку.

— Но разграничительные линии...

— А что разграничительные линии? Не каменные же они! Передвинут, когда потребуется... Неприятель, право,

не станет с ними считаться. Если он разгромит Пятую армию, что ему помешает обрушиться на нас?.. Подготовьте приказ. И вот еще... Надо запросить командующего фронтом, куда должна базироваться вновь создаваемая Туркестанская армия в связи с изменившейся обстановкой в районе Первой и Пятой армий: на Туркестан или на Волгу? Предупредите его, что предполагаемое очищение Первой армией Орска считаю угрожающим, как для связи с Туркестаном, так и самому Оренбургу. Нашей пятитысячной Туркестанской армии заменить Первую в районе Орска будет чрезвычайно затруднительно.

Новицкий вышел. Фрунзе постоял еще у карты и подошел к Дронову.

— Рассказывайте. За дивизию приехали заступаться?

Дронов было вскочил, но Михаил Васильевич положил ему руку на плечо и усадил в кресло. И уж по одному этому Дронов понял, что разговор будет неофициальный.

Ему вдруг стали смешны его расчеты появиться в штабе армии в благоприятное время, словно решения Михаила Васильевича зависели от его настроения. Ведь было же время, когда Дронов мог говорить Михаилу Васильевичу все, что он думал!

— Да, Михаил Васильевич, хочу заступаться за дивизию.

— А за себя?

— За меня уж вы сами как-нибудь заступитесь, Михаил Васильевич, если понадобится. Вам оно сподручнее.

С минуту Фрунзе пристально смотрел на Дронова, словно изучая его.

— Так, рассказывайте.

— Что же рассказывать, Михаил Васильевич. Случилась оплошность, и очень серьезная.

— Чья?

— Командования дивизии и, конечно, моя.

— Так.

— Положились на донесения бригады. А те не разведали как следует, да и вообще, видимо, после разгрома казаков под Лбищенском глубокой разведки не вели.

— Сможет ли посланный вами Орлово-Куриловский полк восстановить положение? Что он собой представляет сейчас?

— После ряда мер, принятых нами, полк стал боеспо-

собным, но восстановить положение он вряд ли сможет. Слишком неравны силы.

— Реввоенсовет группы поручил Фурманову и Чапаеву расследовать причины поражения.

— Да, они в Уральске. Беседовал с ними.

Фрунзе помедлил и сказал неопределенно:

— Есть мнение: вашу дивизию расформировать...

У Дронова сжалось сердце. Он на миг представил себе, сколько труда было положено, чтобы оздоровить дивизию, выкорчевать у нее партизанщину самого худшего пошиба, как всеми правдами и неправдами сколачивали ядро партработников, отсеивали пробравшихся в дивизию кулаков и контрреволюционеров эсеровского толка, и ему стало жаль затраченных усилий, жаль с таким трудом налаженных хороших взаимоотношений между командно-политическим составом и бойцами. Дивизия, как боеспособная воинская часть, перестанет существовать.

— Чье мнение? — с хрипом вырвалось у него.

— Троцкий настаивает, Фаддей Ефимович.

— И ему, значит, уже доложили?

— А у нас тут, как в сообщающихся сосудах, ничего не задерживается... Случается, и раньше нас докладывают, хотя мы ничего и не скрываем... Так что же вы думаете об этом решении?

— Не по-хозяйски это. Да и по существу неверно. Сглупило командование, а наказывают дивизию. Да, неприятель нас сильно потрепал, но ведь полки-то Новоузенский и Мусульманский не разбежались, как это неизбежно случилось бы несколько раньше, а сражались в окружении, пробиваясь к своим! И пробились... А тут на тебе! Расформировывать... Хороший хозяин так не сделает.

Михаил Васильевич слушал, не выдавая своего отношения к тому, что говорил Дронов.

Замолчал и Дронов, думая, не наговорил ли он лишнего, и все же не жалея, что высказал все.

— Мне можно уезжать? — осведомился Дронов, когда молчание стало непереносимо.

— Нет. Останьтесь еще на день, — отозвался Михаил Васильевич. — Я скажу вам...

Он протянул руку Дронову и, задержав его руку в своей, спросил:

— Ну, а теперь вы такой неосмотрительности не допустите?

— За боеспособность дивизии я ручаюсь.

Фрунзе поморщился:

— Ну вот, я его о деле спрашиваю, а он мне о преданности Советской власти рапортует!

— Нет, такого дурака больше не сваляем, — сказал Дронов.

— Хорошо...

В коридоре Дронова поймал за рукав Никита Игнатьевич.

— Ну что, в трибунал? — спросил он.

— Нет.

— И суток тридцать на гауптвахту не дал?

— Нет, не дал.

— Чудно.

— Что чудно? — обиделся Дронов.

— А то, что следовало бы!

— Тебя не спросился Михаил Васильевич. Надо было ему с тобой посоветоваться.

— Ну, ладно, — примирительно сказал Никита Игнатьевич. — Обошлось, и ладно. Чего сердиться по-пустому?.. Пойдем ко мне, пообедаем. Мы тут с Батуриным у одной хозяйки устроились. Симпатичная старушка...

— С кем, с кем? С Батуриным?

— Ну да, с нашим Павлом Степановичем.

— Так разве он не в Иванове?

— Хватился... Да ты и в самом деле ничего не знаешь?

— Выходит, так.

— Тут мы, вскоре по приезде в Самару, снарядили в Иваново поезд с хлебом и рыбой. Армия уделила из своих запасов. Михайло Васильевич выхлопотал разрешение и все такое. Ну, разрешение разрешением, а охрану к поезду мы свою поставили, подходящую. Прихватили даже пулемет — понятно, тайком от Михаила Васильевича. И не зря. Много еще у нас охотников до власти на местах. Для иного самодура никакое разрешение не указ. Словом, поезд с продовольствием доставили в лучшем виде. А тут подоспела телеграмма от Михаила Васильевича. Просил, по силе возможности, выделить коммунистов для партработы в частях. Что тут поднялось!.. Не только в Иванове, и в Шуе, и в Тейкове, и в Родниках... И все дружки его еще по пятому году. Если бы не губком — оголили бы всю губернию. Обратно возвращались с целым отрядом партработников.

— Погоди... Да ты откуда все это знаешь?

— Вот так раз! Говорю ему, говорю, и все попусту. Так я же с ребятами и сопровождал этот поезд.

— Интендантом, стало быть, заделался. Хлебное дело,— не преминул съязвить Дронов.

Никита Игнатьевич взглянул на него исподлобья.

— Ладно тебе, пойдем лучше обедать. А то как бы я не вспомнил, что ты от казаков в одном исподнем удирал. Есть такой слушок...

— Выдумываешь ты все,— рассмеялся Дронов.— А Павел Степанович придет? Хочется повидать его.

— Батурин сейчас в Пятой армии. Командующий послал его с одним работником из штаба, для связи. Так что дружеские объятия придется отложить.

Оставшись один, Михаил Васильевич долго сидел у себя в кабинете. «Не по-хозяйски это, — вспомнил он сердитое определение Дронова.— Чудак, Фаддей Ефимович, захотел от Троцкого хозяйственной мудрости...»

Он подумал о том, что если выполнить это требование и расформировать 22-ю дивизию, то на защиту Уральска надо будет направить 25-ю Чапаевскую, и тогда на всех расчетах помочь Пятой и Первой армиям придется поставить крест. Тогда действительно придется откатываться за Волгу, как об этом осторожно, вполголоса уже поговаривают в штабе фронта.

Фрунзе снял трубку телефона и позвонил Новицкому.

— Федор Федорович, там у нас есть требование о расформировании 22-й дивизии. Да, да, я знаю... Так вот, надо ответить, что Реввоенсовет Южной группы категорически возражает... Подпишу, конечно. Однако я совсем не собираюсь угождать кому бы то ни было и меньше всего — Льву Давыдовичу. Не беда. В крайнем случае перенесем этот вопрос в ЦК. Там разберутся...

Павел Степанович Батурин возвратился в Самару поздно вечером. Около недели он пробыл в Пятой армии, куда был послан Михаилом Васильевичем для связи, и за это время многое увидел. При нем малочисленные, истекающие кровью части Пятой армии с беспримерным мужеством пытались противостоять колчаковцам. На его глазах происходили ночной бой в районе деревни Шарыпова, отход за реку Белую, потеря железнодорожного узла Чишма. Он

был в 26-й дивизии, когда та утеряла связь со штабом своей армии и потому была временно передана фронтовым командованием в Первую. Видел он и то, как эта дивизия, теснимая противником, пыталась замедлить отступление и цеплялась за каждый рубеж, каждый населенный пункт...

У себя на квартире Батурин помылся, почистил одежду и обувь, побрился. Все это делал он как будто и неторопливо, но удивительно быстро. Минут через двадцать он вышел из дома и направился в штаб Южной группы.

Старший адъютант Сиротинский сказал, что Михаил Васильевич уже спрашивал о нем. Он сейчас занят на телеграфе и просил его подождать в кабинете.

Батурин прошел туда, опустился в мягкое кресло, с наслаждением вытянул ноги и закрыл глаза. Он очень устал за эту неделю и рад был минутному отдыху.

Дружба его с Фрунзе началась еще в начале девятисотых годов и никогда не прерывалась. У Батурина была редкая способность ценить друга вне зависимости от того, встречается ли он с ним часто или не видится несколько лет. Где бы ни находился Фрунзе, был ли он на подпольной работе или угодил в тюрьму, в ссылку, письмо Батурина неизменно находило его. В прошлом студент Московского государственного университета, загруженный лекциямии, подпольной работой, приватными уроками, Павел Степанович всегда находил время послать другу весточку. Когда же Фрунзе находился в тюрьме, письма приходили чаще и порой были единственной отрадой в жизни заключенного.

И еще одна черта была в характере Батурина: он никогда ничего не преувеличивал и не преуменьшал, не выдавал желаемое за действительность и был не способен предаваться отчаянию. Словом, у него была трезвая голова и уравновешенный характер. Это обстоятельство и навело Фрунзе на мысль послать Павла Степановича для связи в Пятую армию.

Отдыхая в кресле, Батурин старался ни о чем не думать. Он знал, что ему предстоит трудный разговор, и берег силы. Заслышав шаги в приемной, приближавшиеся к двери, он встал.

Вошел Фрунзе, поздоровался, указал взглядом на кресло у письменного стола:

— Садись, Павел Степанович. Расскажи все подроб-

но,— сказал Фрунзе. Наедине они по-прежнему говорили на «ты». — Все что видел, узнал...

— Мне не известны границы твоей осведомленности,— медленно заговорил Батурин,— поэтому буду говорить все подряд. Если что-либо окажется лишним, останови меня...

Фрунзе молча кивнул.

— В прошлом Пятая армия состояла главным образом из рабочих полков. Очень высок в ней был и процент коммунистов. В одной только двадцать седьмой дивизии их было до трех с половиною тысяч. Но с боями все изменилось. Пополнения, полученные армией незадолго перед наступлением колчаковцев, были невысокого качества, а политическая работа с ними не велась. Ее некому было вести. Плохо обстояло дело и с командным составом, особенно со старшим. И все же армия дралась отчаянно, но с каждым боем ее сопротивление угасало. Слишком уж велико там превосходство противника.

— Какая из дивизий наиболее боеспособна?

— Двадцать шестая. Относительно, конечно. Левофланговая Двадцать седьмая дивизия в последние дни почти утратила боеспособность; откатывается назад при первом же соприкосновении с противником. В штабе армии откровенно говорят о том, что их войскам, возможно, придется отходить к Самаре и Симбирску.

— Что, что? Куда отходить?

— К Самаре и Симбирску... Да они там своих предположений и не скрывают,— сказал Батурин и перешел к подробностям прошедших боев. Он рассказывал о том, как они начались, что предпринимало командование армии, спасая положение, как дивизии пытались задержаться на подступах к Уфе и что из этого вышло. Чем больше говорил Батурин, тем отчетливее понимал Фрунзе состояние Пятой армии в настоящее время и угрозу разгрома, нависшую над всем Восточным фронтом. И он подумал, что это именно тот случай, когда молчать нельзя. Надо, чтобы Центральный Комитет партии отчетливо представил себе размеры надвигающейся опасности. И чем скорее, тем лучше. Конечно, рано или поздно весть о трагических событиях туда дойдет, но что делать, если человеческая природа такова, что никому не хочется быть первым вестником дурных новостей и меньше всего тем, кто за них в ответе?! Умолчал же штаб фронта двенадцатого и тринадцатого марта

о безнадежном положении Уфы, несмотря на прямые запросы об этом главкома. Где же гарантия, то и Реввоенсовет республики в свою очередь не помедлит с извещением Совета обороны и ЦК о действительных размерах надвигающейся беды?

Давно уже ушел Батурин, а Михаил Васильевич, задумавшись, все еще сидел за письменным столом. Наконец он решительно придвинул к себе стопку бумаги и начал писать. Старший адъютант Сиротинский несколько раз бесшумно подходил к двери кабинета и, сокрушенно покачав головою, возвращался на свое место, а Михаил Васильевич все еще писал.

Он писал неторопливо, тщательно выбирая слова и предельно кратко. Надо было на трех-четырех страничках рассказать обо всем, что произошло на фронте Пятой армии, обратить внимание на состояние ближайшего тыла Южной группы, где даже после подавления чапанных восстаний советская работа никак не налаживается, и еще раз высказать свои соображения о том, что надо немедленно сделать, чтобы подготовить группу к весеннему наступлению.

Закончив, он прочел написанное, кое-что исправил и задумался: кому адресовать? Обстоятельства были таковы, что надо бы адресовать Ленину. Обращаться к председателю Реввоенсовета республики было бесполезно. Но и давать Троцкому лишний повод рядиться в тогу оскорбленного, которую он так любит, тоже не следовало.

«Ну что ж, будем мудры как змеи»,— тихо рассмеялся Михаил Васильевич и написал вверху: «Председателю Реввоенсовета республики». И ниже: «Копия — В. И. Ленину».

Затем он вызвал адъютанта.

— Сергей Аркадьевич,— сказал он, когда Сиротинский, войдя, закрыл за собою дверь,— вы, конечно, не легли спать. Не знаю, что мне с вами делать. Не могу же я, перефразируя известное восклицание царя Федора, взывать: «Командующий я или не командующий?!»

— Дела были, Михаил Васильевич, — избегая взгляда Фрунзе, оправдывался Сиротинский.

— Ах, дела! Ну, если так, возьмите это, перепечатайте и завтра утром дадите мне подписать.

2

Поезд председателя Реввоенсовета республики — восемь пульмановских классных вагонов и три платформы с автомашинами — стоял на узловой станции. Паровоз набирал воду. Выглянувшее из-за туч весеннее солнце, перевалившее на вторую половину небосклона, заиграло на меди поручней, начищенной до блеска, на зеркальных стеклах окон, проникло в вагон, скользнуло по полировке карельской березы двухспальной кровати и разбудило Троцкого, прилегшего отдохнуть после обеда. Проснувшись, председатель Реввоенсовета с досадой взглянул на незашторенное окно и стал одеваться, морщаясь от легкой головной боли, вызванной не вовремя прерванным сном. Умывшись и приняв облатку какого-то лекарства, он вышел в салон, на ходу застегивая хорошо сшитый френч цвета хаки. Боль в голове затихала, но настроение не улучшилось.

Из служебного купе выглянул дежурный адъютант, но, увидев, что начальство хмурится, быстро скрылся. Лицо Троцкого чуть посветлело. Он любил, когда его побаивались даже приближенные. Стоя у окна, он бездумно смотрел на обшарпанное дождями и метелями, давно не ремонтированное здание вокзала, на перрон, истоптанный тысячами ног и только что, явно к прибытию его поезда, слегка припудренный песком.

Вдруг он привычно вскинул пенсне на нос и сощурился, рассматривая красноармейца, медленно прохаживавшегося по перрону. Красноармеец был одет аккуратно, даже с покушением на щегольство. Простая телогрейка на нем была застегнута на все пуговицы и сидела как влитая, солдатская папаха с красной звездой скошена чуть-чуть на затылок, сапоги начищены до блеска. Но не это привлекло внимание председателя Реввоенсовета. Он пристально рассматривал штаны красноармейца. Штаны и в самом деле были отличные, явно сшитые по мерке, хотя и обычного солдатского сукна. Троцкий слегка повернул голову и позвал дежурного адъютанта.

Боец заградительного отряда Яша Спирин был молод и хотел нравиться. По вечерам, в свободные от нарядов дни, Спирин с товарищами ходил на перрон вокзала, — излюбленное место встреч молодежи железнодорожного узла. К несчастью, он был очень застенчив. Его товарищи

непринужденно знакомились с девушками, шутили, ухаживали, а он чувствовал себя ужасно неуклюжим, говорил невпопад или отмалчивался, хотя на службе был довольно решительным, находчивым и никогда не отступался от того, что считал правильным.

Ему нравилась Настенька Завьялова, табельщица паровозного депо. Яша подолгу думал, что ему сделать такое, чтобы произвести на нее впечатление. И придумал.

У приятеля-каптера он выпросил вместо причитающихся ему брюк отрез материала, а другой приятель, портной, сшил ему из этого отреза с помощью клиньев и вставок потрясающие широкие галифе. Таких здесь еще не было ни у кого. По молодости лет, по неопытности Яша рассчитывал, что новое обмундирование придаст ему уверенности при встрече с Настенькой.

В этот злополучный день он принес галифе от портного, еще раз примерил их, начистил до блеска сапоги, надел фуфайку и, заломив шапку, направился на вокзал, хотя до вечера было еще далеко. Занятый мыслями о предстоящей встрече с Настенькой, Спирин не обратил внимания на необычное безлюдье на вокзале, на часовых у входов на вокзал и на перрон, на встретившегося ему чем-то встревоженного военного коменданта. Не обратил он внимания и на поезд, стоявший чуть в стороне на втором пути. Он неторопливо шел вдоль перрона, миновал багажную камеру, поравнялся с пакгаузом и повернул обратно, думая о том, что еще очень рано и надо к кому-либо зайти убить время. Оставаться один Спирин был решительно не в состоянии.

Вдруг он почувствовал, что его одновременно справа и слева взяли под руки. Яша, все еще улыбаясь, взглянул туда и сюда и с удивлением обнаружил, что его держат двое незнакомых военных, оба рослые, в черном кожаном обмундировании, в таких же кожаных фуражках с красной звездой и с маузерами в деревянных кобурах на ремне через плечо.

— Пройдем с нами, — сказал один из них.

— А куда, собственно, и зачем?

— Там увидишь...

Спирин хотел было запротестовать, но его держали крепко... Все дальнейшее было как в дурном сне.

Помимо своей воли он оказался у вагона, явно переоборудованного из числа так называемых «международных»

й перекрашенного под цвет остальных, составляющих поезд. У входа в этот вагон стояли, словно вросли в землю, двое дюжих военных, тоже в черном кожаном обмундировании и с маузерами на ремне через плечо. Еще двое в кожаном были и в тамбуре. Они молча, привычно пошарили у него на груди и у карманов брюк, видимо, в поисках оружия, и, не найдя ничего, посторонились.

Яша Спирин и не заметил, как сопровождавшие его отступили и он оказался в вагоне, лицом к лицу с молодым военным. Тот подхватил Яшу под руку, подвел его к стулу и усадил чуть в стороне от письменного стола, за которым сидел пожилой человек, подперши голову рукой. Он склонился над книгой и, казалось, ничего не замечал из того, что происходило в салоне.

Так прошло минут пять... десять... Человек за столом продолжал читать.

Вдруг Спирин похолодел. Он узнал этот профиль, известный по сотням портретов, эту бородку, нарочито слегка растрепанную, неизменное пенсне... Десятки вопросов лихорадили его, мешали что-либо понять в этой невероятной истории. Человек за столом перевернул очередную страницу, неторопливо скользнул взглядом по Спирину и уставился на его штаны.

— Ну и галифе! — сказал он и опять занялся книгой.

Спирин попытался было вскочить, но откуда-то вынырнувший молодой военный опустил руки на его плечи и вернул на место.

С коротким гудком поезд тронулся в путь. Мимо проплыли станционные постройки, промелькнул семафор, надвинулись заснеженные поля, все в весенних плешинах, чуть подсиненные ранними сумерками леса и перелески, а человек за письменным столом все еще читал. Время от времени он поднимал взгляд от книги, пристально смотрел на штаны Спирина, говорил зловеще:

— Ну и галифе!.. — и снова углублялся в книгу.

«Ну что я сделал такого?! — с тоской думал Яша Спирин. — Попросил знакомого каптера выдать мне вместо брюк сукно? Так ведь не украл же! Брюки мне все равно полагались...»

А поезд все шел и шел мимо разъездов и станций, загруженных эшелонами войск, боеприпасов, снаряжения, санитарными поездами, спешно направляемыми на истекающий кровью под ударами колчаковцев Восточный

фронт. Их поставили в тупики и на запасные пути по всей линии на сотни верст вперед, чтобы обеспечить «зеленую улицу» ему, единственному, в восемь классных вагонов и с тремя платформами, чтобы, не дай бог, не задержать его невзначай на несколько минут где-либо на полустанке. Слишком хорошо было известно, что за этим могло последовать...

Задумавшись о своей горькой судьбе, Спирин не видел, как Троцкий, отложив книжку, прошел в смежное отделение вагона, взглядом показав адъютанту на него. Через минуту двое в черном кожаном обмундировании под руки вывели Яшу в тамбур, спустили на подножку. И когда машинист, вводя поезд на очередную станцию, сбавил ход, чтобы, не останавливаясь, обменяться с дежурным жезлами, один из сопровождавших сказал Яше: «Прыгай!» — И слегка толкнул его в спину.

Для бойца заградительного отряда Спирина сойти на ходу с поезда не составляло труда... когда это он делал сам.

Прыжок получился неудачный. Спирин на лету перевернулся и упал на бок. Когда он поднялся, поезд был уже у выходного семафора.

Суета на перроне вокзала станции Симбирск, вызванная подготовкой к встрече председателя Реввоенсовета республики и главкома, стала утихать. Уже выстроился почетный караул, занял свое место оркестр. Только что прибыли командующий Восточным фронтом Каменев с членами Реввоенсовета Гусевым, Лашевичем, Юреневым, начальник штаба фронта с руководителями важнейших управлений.

Но вот у входного семафора послышался раскатистый гудок, и на первый путь к перрону подошел поезд в восемь классных вагонов и тремя платформами. С последним поворотом его колес с подножек вагонов спрыгнули бойцы охраны — все в одинаковом черном кожаном обмундировании, с маузерами на ремне через плечо — и встали, как вросли, по двое у каждого входа. На тендере паровоза и на платформах были видны станковые пулеметы с заправленными лентами патронов.

На одной из площадок вагона в середине поезда показался Троцкий. Привычно поправив пенсне, он окинул

взглядом перрон и не торопясь спустился по ступенькам. За ним вышел из вагона и главком Вацетис. Пожав руку Каменеву, коротко козырнув остальным, Троцкий небрежно выслушал рапорт и, когда закончилась церемония встречи, направился на привокзальную площадь. Там уже стояли автомашины, сгруженные с платформ прибывшего поезда. Впереди — черный, вместительный «роллс-ройс», две другие, державшиеся чуть в стороне, были заняты охраной.

Троцкий пригласил с собою в «роллс-ройс» Каменева. Одна из машин охраны, прихватив в качестве проводника кого-то из штабных работников, выехала вперед, вторая, ловко вклинившись в построившуюся было колонну, прикрыла «роллс-ройс» сзади, и в таком, видимо, привычном порядке машины двинулись к штабу Восточного фронта.

В кабинете командующего Восточным фронтом Сергея Сергеевича Каменева, за длинным столом, покрытым зеленой суконной скатертью, разместились прибывшие руководители и члены Реввоенсовета фронта.

Во главе стола, слегка вполоборота, отстранясь от него, словно подчеркивая свою полнейшую независимость от всего здесь происходящего, сидел Троцкий. Рядом, но все же в почтительном отдалении от него, находился главком Вацетис. Напротив них заняли места Каменев и члены Реввоенсовета фронта Гусев, Лашевич, Юренев.

Начальник штаба сделал краткий обзор последних событий на фронте. Они были не из радостных. Отступая от Уфы, Пятая армия на фронте шириною в сто пятьдесят верст десять дней вела тяжелые изнурительные бои против впятеро сильнейшего противника. В этом, едва ли не самом большом сражении гражданской войны, она задержала продвижение противника на десять-двенадцать дней, вынудила его переменить направление удара и тем помогла Первой армии выбраться из предгорий Южного Урала и, еще раз оторвавшись от неприятеля, фланговым маршем вышла на линию Златоустовской железной дороги, прикрыв ее остатком своих сил.

Пятая армия нуждалась в серьезных подкреплениях, а их у командования фронтом не было. Не в лучшем положении оказалась и Вторая армия, вынужденная, спасая положение, оттянуть свой правый фланг.

Начальник штаба говорил сдержанно, ничего не скрывая и не сглаживая, но было в его обзоре нечто такое, что заставило главкома Вацетиса поднять взгляд на докладчика и несколько минут в упор рассматривать его.

— Таким образом, — продолжал начальник штаба, — под давлением противника войска фронта отходят в двух расходящихся направлениях. Фактически они расчленены на две группы: одна в составе Второй и Третьей армий, севернее Камы, и другая — южнее Камы, в составе Четвертой, Первой, Туркестанской и Пятой армий. Разрыв между группами уже превышает сто пятьдесят верст. И, возможно, еще увеличится...

— Что вам дает основание для такого прогноза? — спросил Вацетис.

— Реальный учет соотношения сил... — Начальник штаба чуть помедлил, ожидая еще вопросов, но их не последовало.— Исключение составляет Четвертая армия,— продолжал он.— Она неплохо использовала местные формирования, пополнилась и довольно активно теснит белоказаков.

— Местный успех, — бросил Вацетис.

— Возможно, но пока что это единственная армия нашего фронта, полностью сохранившая боеспособность, хотя некоторые ее части в последних успешных боях и понесли потери.

Члены Реввоенсовета фронта молча наблюдали за этой легкой перестрелкой, недоумевая, что она означает. Командующий фронтом Каменев сидел неподвижно и, казалось, безучастно, как будда, если только будду можно представить себе с большими, чуть навыкате глазами и пышными усами вразлет. Маленький кругленький Юренев, с головой, блестевшей, как бильярдный шар, нервно поерзывал. Лашевич, сдвинув брови, что-то записывал, Сергей Иванович Гусев, сидевший рядом с командующим фронтом, положил руки на стол и, поблескивая стеклышками пенсне без оправы, изредка поглядывал то на Вацетиса, то на Троцкого. Из всех членов Реввоенсовета Восточного фронта, может быть, только он что-то понимал в этой словесной перестрелке. Сподвижник Ленина еще по петербургскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса, свидетель и активный участник его борьбы со всякого рода отклонениями от марксистской идеологии и тактики, он многое помнил из истории этой борьбы и легче

других ориентировался в подспудных настроениях председателя Реввоенсовета республики.

«Позавчера в адрес председателя Совета обороны и председателя Реввоенсовета республики было направлено предложение создать на Восточном фронте две оперативные группы, — думал Гусев, а сегодня Троцкий с Вацетисом были уже здесь. Интересно: с чем они приехали и есть ли по этому вопросу решение Совета обороны?»

— Есть предложение, — между тем продолжал начальник штаба, — для оперативного руководства армиями, расположенными южнее Камы, то есть Пятой, Первой, Четвертой и Туркестанской, создать Южную группу...

— Чья это идея? — спросил Троцкий.

— Мысль подал Фрунзе, но по этому поводу есть и запрос товарища Вацетиса, — отозвался Каменев. — Реввоенсовет фронта обсудил этот вопрос и пришел к выводу, что в данной ситуации это будет единственно правильным решением.

— А кого вы намерены поставить во главе этой группы? — спросил Вацетис.

— Я говорил по прямому проводу с Фрунзе. Он согласен взять на себя командование, правда, при условии немедленной передачи ему армий и необходимой самостоятельности в оперативных решениях.

Гусев видел, как у главкома дернулась щека.

— Смелое решение, — сказал Вацетис, — очень смелое. Вверить судьбу всего фронта человеку, для армии случайному...— И, предваряя возражения, заговорил решительно, даже взволнованно, что с ним случалось не часто: — Ну допустим, что Фрунзе сумел пополнить Четвертую армию, поднять ее боеспособность, допустим даже, что ему удалось провести несколько удачных операций,— хотя это еще большой вопрос, кто именно это сделал, он или его помощник Новицкий,— но ведь речь идет не об этом. Перед командующим четырьмя армиями неизбежно встанут такие вопросы оперативного и иного характера, которые Фрунзе в силу своей подготовки, вернее, вследствие ее отсутствия, решать будет не в состоянии. Совершенно непонятно, Сергей Сергеевич, — обратился Вацетис к Каменеву, — почему вы этого не учитываете?!

Командующий фронтом вспыхнул, хотел что-то сказать, но Троцкий движением руки остановил его.

— Вы несколько поторопились, Иоаким Иоакимович,—

сказал он главкому. — Вопрос состоит не в том, кто будет командовать так называемой Южной группой. Прежде надо решить характер операций на Восточном фронте...

«Так... так... — отметил в уме Гусев. — Троцкого почему-то не устраивает создание двух групп армий. Вот он и поспешил сюда, пока Совет обороны и Центральный Комитет партии еще не приняли решения...»

— Вполне понятна тревога командования Восточного фронта, вызванная наступлением армий Колчака. У себя в главном штабе и в Реввоенсовете республики мы внимательно следили за развитием этого наступления... У кого из нас не сжималось сердце при виде успехов армий врага?! Кто из нас не хотел бы бросить все силы, чтобы остановить, смять эти армии, рассеять их, уничтожить...

«Ну, поехали андроны на немазаных телегах! — с досадой подумал Гусев. Он уже не раз сталкивался с этой манерой выступлений, заимствованной у древнеримских ораторов. — Прямо по Цицерону шпарит: «Доколе ты, о Катилина...»

Занятый своими мыслями, Гусев не заметил, как Троцкий от общих рассуждений перешел к тому, для чего он сюда приехал:

— К сожалению, у республики не один фронт. Высшие политические соображения диктуют нам настоятельную необходимость обратить самое серьезное внимание на Западный фронт. Именно там решается судьба революции. Там мы вынуждены дать бой от Карельского перешейка до Ровно соединенным силам Финляндии, Эстляндии, Германии и Польши, поддерживаемым Антантой. Заставляет насторожиться и движение противника на Южном фронте... Все это приводит к тому, что Реввоенсовет республики и Главное командование в ближайшее время не смогут дать вам значительных подкреплений, а своими средствами вам не справиться. Вы только перемелете в безрезультатных боях свои силы. Выходом из создавшегося положения может быть только отвод за Волгу армий Восточного фронта. Между неприятелем и вашими войсками будет серьезная водная преграда, форсировать которую не так-то легко.

— Ее нелегко будет форсировать и нам, когда придется наступать, — заметил, ни к кому не обращаясь, Гусев.

Троцкий вскинул голову, как лошадь, жарким летним днем отгоняющая слепней.

— К тому времени у нас будет достаточное превосход-

ство сил, — небрежно бросил он и поспешил вернуться к своей основной мысли:— Реввоенсовет республики не видит необходимости в создании групп. Чтобы задержать противника, пока войска будут отходить, можно создать кулак из наиболее боеспособных частей разных армий.

— У нас уже был такой проект. Мы отказались от него, — возразил Каменев.

— Почему?

— Армия наши чрезвычайно самостийны. Командармы найдут тысячи причин, чтобы не дать свои части в ударную группировку.

— Что же, командование фронтом бессильно с ними справиться? — нахмурился Троцкий.

— Нет, почему же, — сказал Гусев. — Справиться можно, а зачем? Чтобы отступать за Волгу?

— Отступление — еще не разгром,— сказал Троцкий.— В истории войн известно немало примеров, когда отступление превращалось в победу.

И тут Гусев, что называется, выпустил когти.

— Историей можно оправдать все что угодно, — решительно сказал он, — даже собственное поражение. Но зачем нам подыскивать исторические параллели и отводить армии за Волгу, когда у нас есть армия вполне боеспособная и почти уже сосредоточенная для контрудара по противнику. Я имею в виду Четвертую... Насколько нам известно, у Фрунзе даже разработан план контрудара.

— Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны... — усмехнулся Троцкий.

Сергей Иванович иронически блеснул стеклами пенсне:

— Вот этого о Михаиле Васильевиче не скажешь... Но дело не в том. Приказ об отступлении за Волгу будет не понят всеми шестью армиями Восточного фронта. На днях мы уже говорили об этом с Фрунзе. Зондировали, так сказать... И знаете, что мы получили в ответ? Он сказал: «Готов нести любую ответственность, но без санкции Центрального Комитета партии свои две армии — то есть Четвертую и Туркестанскую — я за Волгу не отведу».

Троцкий поправил старомодное, с большой дужкой пенсне и, повернувшись всем корпусом к Каменеву, спросил тоном, не предвещавшим ничего хорошего:

— А что думает командующий фронтом?

В кабинете стало тихо, так тихо, что слышно было

жужжанье полусонной весенней мухи, вертевшейся под абажуром лампы над столом.

В недавнем прошлом полковник генерального штаба, Сергей Сергеевич Каменев был беспредельно предан родине. Для него не существовало вопроса: с кем быть? Он пользовался безусловным доверием Реввоенсовета фронта, чувствовал себя равным в небольшом, но дружном его коллективе и ценил это. А тут ему словно говорят: «Ну да, я понимаю... Они партийцы, подпольщики и все такое... Но ведь они ничего, ну ровно ничего не понимают в военном деле! А вы полковник генерального штаба. Неужели вам тоже нравится эта авантюра с контрударом?!» Это его возмутило. Он выпрямился и, глядя Троцкому прямо в глаза, отчеканил:

— У командующего нет расхождений с Реввоенсоветом фронта.

Троцкий встал, с шумом отодвинув стул.

— Нам следует прервать это совместное заседание. Встретимся позже у меня в вагоне, — сказал он и направился к выходу. — Провожать не надо...

Вацетис молча последовал за ним.

Но Каменев, воспитанный иначе, возразил:

— Прошу прощения... У нас так не принято... — и пошел их проводить.

Члены Реввоенсовета фронта, оставшись одни, молча переглядывались.

— Ну и ну! — не выдержал Юренев.— Вот это, что называется, залп!

Гусев слегка усмехнулся:

— Бенгальский огонь, не больше.

— Интересно, зачем он пригласил к себе в вагон весь Реввоенсовет? — в раздумье сказал Лашевич.

— Хочет выждать, не будет ли каких-либо вестей из Совета обороны или ЦК партии, — отозвался Гусев.

Лашевич с сомнением покачал головой.

— Уж очень у него много охраны... И подобраны один к одному.

Гусев посмеивался:

— Пустяки... Паровоз-то отцепили. Да и комендантская команда наша вся там. А она у нас вроде отдельного батальона, со станковыми пулеметами и прочим...

Вернулся Каменев, явно расстроенный. Он прошел к своему столу и грузно опустился в рабочее кресло.

— Итак, что же будем делать? — спросил он.

— Ждать, Сергей Сергеевич, — отозвался Гусев.

— Чего?

— Решения Совета обороны и Центрального Комитета партии.

— Но ведь Троцкий и главком...

— Это еще далеко не все, Сергей Сергеевич. Председатель Совета обороны, как вам известно, Ленин.

Примерно час спустя Каменева и Гусева вызвала Москва к прямому проводу.

В коротком сообщении им было сказано, что Совет обороны и ЦК партии утвердили план разделения Восточного фронта на два оперативных направления. Командующим Южной группой рекомендован Фрунзе.

— Итак, что же будем делать? — снова сказал Сергей Сергеевич, когда они вернулись в кабинет командующего фронтом.

— Дайте сегодня же директиву Фрунзе готовить контрудар,— посоветовал Гусев и, видя, что тот колеблется, спросил: — Вас что-нибудь смущает?

— А как же председатель Реввоенсовета и главком?

— Думаю, что у них есть уже на этот счет указания. Нам-то об этом сообщили в порядке информации, чтобы пресечь попытки Троцкого настоять на отводе войск за Волгу. Москва достаточно осведомлена об его планах в отношении Восточного фронта... А еще что вас тревожит?

Сергей Сергеевич вздохнул:

— Не знаю, как вам сказать... Не могу избавиться от мысли, что у Михаила Васильевича, при всех его неоспоримых достоинствах, нет достаточной военной подготовки. Вот и в Пятую назначают командармом Тухачевского, а он всего-то-навсего бывший поручик.

— История, Сергей Сергеевич, знает поручиков, перевернувших все представления о войне.

Каменев сердито покосился на Гусева.

— Вы мне еще напомните о Наполеоне...

— Ну, зачем так далеко ходить? Возьмем хотя бы вас, Сергей Сергеевич. В первой мировой войне я что-то не помню командующих фронтом в чине полковника.

Каменев вздохнул:

— Трудно с вами говорить, Сергей Иванович.

— Что делать! На том стоим, поднаторели...

Вечером в вагоне Троцкого был подписан протокол совместного совещания Реввоенсовета республики и Реввоенсовета Восточного фронта о создании Южной группы в составе: Пятой, Первой, Четвертой и Туркестанской армий.

Командующим группой был назначен Фрунзе, членами Реввоенсовета — Новицкий и Куйбышев.

Прощаясь, Троцкий на минуту задержал Каменева.

— Насколько мне известно, — сказал он, глядя мимо собеседника, — к вам был направлен полковник генерального штаба Авилов.

— Да, он здесь уже несколько дней.

— Что же вы его маринуете? Направьте к Фрунзе. Кстати, тому сейчас, видимо, придется заняться делами всей Южной группы. Так что будет ему не до Четвертой армии. А Авилов, по отзывам людей компетентных, даровитый военный...

— Так прямо командармом Четвертой и направить? — удивился Каменев.

Троцкий слегка поморщился:

— Ну зачем так!.. Вы только посоветуйте использовать Авилова в меру его знаний, а ходатайство о назначении возбудит Фрунзе.

3

Грозная опасность, надвинувшаяся на молодую Советскую республику с востока, всколыхнула всю страну. В Москве, Петрограде и девяти промышленных губерниях был объявлен призыв в армию пяти возрастов. В Поволжье поголовно вооружали членов профсоюзов, заменяли служащих мужчин женщинами. В военных округах Московском, Петроградском, Ярославском и Приволжском спешно формировали дивизии, бригады, полки. Партийные организации на фабриках, заводах и при районных и городских комитетах создавали части особого назначения, проводили мобилизацию коммунистов на фронт, регулировали запись добровольцев, чтобы не оголить окончательно тыл.

А во главе этого народного подъема был Ленин.

На чрезвычайном пленуме Моссовета он с предельной ясностью говорит о трудности положения Советской республики; обращается с письмом к питерским рабочим, в котором, сообщая о падении Воткинского завода и возможной гибели Бугульмы, просит «поставить на ноги все, мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту»; пишет тезисы ЦК партии о положении на Восточном фронте; телеграфирует киевским партийно-советским организациям о поставке в недельный срок Восточному фронту двух с половиной тысяч лошадей, ста грузовиков и нескольких батарей; организует снабжение армий на востоке всем необходимым; прекращает отправку железнодорожным транспортом в Казань, Симбирск, Сызрань и дальше к фронту каких бы то ни было грузов, кроме воинских, и ни на минуту не ослабляет своего внимания к тому, что происходит на волжском рубеже.

Решение Реввоенсовета республики и Восточного фронта не застало Фрунзе врасплох. У него уже был план контрудара по противнику. Идея его была проста. При таком стремительном наступлении неприятель не мог не растянуть свои части. Его тылы отстали и не могли регулярно питать войска боеприпасами, снаряжением и всем, без чего любая наступающая армия становится небоеспособной. Изо дня в день он пристально следил за этим авантюрным наступлением, кое-что записывая у себя в блокноте, а больше запоминая. Получив 10 апреля директиву командования фронта, Фрунзе в тот же день отдал приказ сосредоточить в районе Бузулука давно намеченные им части Первой, Четвертой и Туркестанской армий для удара во фланг противника. Командующим ударной группой он назначил командарма Первой Гая.

Михаил Васильевич, конечно, был осведомлен о подъеме, охватившем страну. Он знал, что Центральный Комитет мобилизует на Восточный фронт лучших работников, что Московским военным округом намечена для переброски в Южную группу 2-я стрелковая дивизия, но все эти меры могли запоздать. Слишком много времени ушло на пустопорожние разговоры в штабах фронта и главного командования. Контрудар надо было наносить немедленно, не дожидаясь этих пополнений.

Еще до решения объединить четыре армии он начал спешно формировать рабочие полки: два — в Самаре, один — в Сызрани, два — в Оренбурге. Затем телеграфировал в Ярославский военный округ с настоятельной просьбой немедленно выслать уже имеющиеся пополнения даже без вооружения и снаряжения; телеграфировал в ЦК партии о срочной присылке возможного количества политработников для формирующихся частей и, как всегда в трудные минуты, обратился за помощью в Иваново-Вознесенск.

В это утро Михаил Васильевич приехал в штаб из своего домика на берегу Волги. Переселился он сюда всего несколько дней назад, в связи с ожидавшимся приездом жены. До этого дневал и ночевал в штабе. Здесь его уже поджидал начальник инженеров укрепленного района Карбышев.

— Проходите, Дмитрий Михайлович, — пригласил его, здороваясь, Фрунзе. — Давно ждете?

— Нет, Михаил Васильевич, только что...

Фрунзе чуть помедлил, словно собираясь с мыслями.

— Вот какое дело, Дмитрий Михайлович, — сказал он. — У нас здесь формируется подвижная группа бронечастей. Кое-что отремонтировали сами, кое-что дает фронт. Но состояние мостов в районе Бузулука вызывает сомнения. На днях был там, видел. Надо самым срочным образом проверить все мосты, укрепить их.

— Понимаю, Михаил Васильевич. Сделаем...

— Только, пожалуйста, проверьте лично.

— Ну, это само собою... Да и передоверять-то почти некому, — сказал Карбышев, прощаясь.

И день начался, обычный, напряженный, суматошный день апреля девятнадцатого года.

Карбышева сменил начальник военных сообщений. С ним Михаил Васильевич рассмотрел план подачи железнодорожных составов для переброски войск. Потом явился начальник штаба со сводкой. Обычно Фрунзе избегал пользоваться сводками. Их составляли ежедневно, как документ итога деятельности армии за день. Их сообщали штабу фронта, по ним судили о продвижении войск, об успехах и неудачах. Но пульс армий был в донесениях частей. Как бы ни старались работники штаба точно передать в сводках то, что было заключено в этих разрозненных

клочках бумаги, достичь этого в полной мере им никогда не удавалось: терялся непосредственный запах пороха, неизбежно присутствовавший в любом донесении, написанном в самом разгаре боя или сейчас же после него. Но в этот день с утра все шло вперекос.

Часов в одиннадцать дежурный адъютант доложил, что в приемной находится Авилов. У Михаила Васильевича в это время был Куйбышев, только что вернувшийся со строительства укрепленного района. Услышав фамилию посетителя, он прищурился, словно что-то припоминая.

— Бывший полковник генерального штаба, — сказал Фрунзе. — Его нам настоятельно рекомендуют как крупного военного специалиста.

Теперь Куйбышев вспомнил:

— И со мною разговаривали по прямому проводу, — сказал он. — И тоже рекомендовали...

— Ну что ж, примем его, Валерьян Владимирович, — предложил Фрунзе, — посмотрим...

В кабинет вошел высокий плотный шатен, из числа тех, о которых говорят, что он руками подковы гнет, непринужденно козырнул:

— Авилов. Прибыл в ваше распоряжение...

Держался он уверенно, с легким налетом чувства превосходства, которое приобреталось иными военными в академии генерального штаба, из числа не лучших ее питомцев. И на это обстоятельство обратил внимание Фрунзе, знакомившийся с документами Авилова. И еще он обратил внимание на взгляд своего посетителя, острый и вместе с тем какой-то скользящий.

— У главкома и в штабе фронта мне говорили, — сказал Авилов, — что вы крайне нуждаетесь в военных специалистах. Говорили даже о вакансии командарма Четвертой армии. Представляю, как это нелегко командовать такой армией, сформированной из партизанской вольницы. Но, как говорят: а ля гэрр ком а ля гэрр!..

Фрунзе с любопытством взглянул на него.

— Да, французы так и говорят: «На войне как на войне...»

Он еще раз просмотрел документы и отложил их в сторону.

— Вы правы: Четвертая армия крепкий орешек, и браться вам за нее пока что не следует. А опытные командиры нам действительно нужны... Назначим вас

командиром Семьдесят четвертой бригады, а там будет видно. Документы вам сейчас приготовят. Выезжать надо немедленно.

Авилов встал. Только на миг что-то дрогнуло у него на лице. Но он справился с собою и козырнул:

— Разрешите быть свободным...

— Проводите товарища Авилова, — сказал Фрунзе адъютанту, — и распорядитесь, чтобы оформили его назначение немедленно.

«Волевой мужик, — думал он, глядя Авилову вслед. — Волевой и какой-то двойственный... Впрочем, вижу его впервые, легко и ошибиться».

Куйбышев тихо рассмеялся:

— А ты, оказывается, злой, Михаил Васильевич...

— Это ты насчет французского? Ничего, в другой раз будет осторожнее. Он ведь с высоты своего академического величия был убежден, что имеет дело с рабоче-крестьянскими вахлаками... Ну, что там, в Самарском укрепленном районе?

Они заговорили о текущих делах.

— Что ты думаешь о Карбышеве? — спросил Фрунзе.— Тебе с ним чаще приходится встречаться.

— Толковый инженер. Дело знает. Требовательный и себя не жалеет. А почему ты им заинтересовался?

— Мосты поручил ему укрепить.

— Сделает. Можешь не проверять.

Адъютант доложил, что Михаила Васильевича вызывает к прямому проводу командарм Первой Гай.

— Пойду к себе,— сказал Куйбышев. — Там у меня предстоит баталия со снабженцами.

Михаил Васильевич поднялся на штабной телеграф. Трудно было поверить, что там, в Оренбурге, на другом конце провода, действительно находился Гай, до того все, что он передавал, не вязалось со славой бывшего командира железной дивизии.

Гай считал, что из намеченного контрудара ничего не выйдет. Время безнадежно упущено. При таком энергичном отступлении Пятой армии никакие наши маневры не помогут. Через неделю она будет в Самаре. А Первая армия, против которой сосредоточено неприятелем четыре пехотных дивизии и шесть казачьих конных полков, в панике разбежится.

«Я нахожу нужным, — читал на бумажной ленте

Фрунзе, — спасти армию отступлением: по-моему — это в своем роде также победа... Необходимо немедленно начать отход на линию Илецкий городок — Сорочинское...»

Аппарат стучал и стучал. Бумажная лента выползала из него, как змея из щели, извивалась и ложилась кольцами на пол.

«Сегодня отправил из Оренбурга снаряды и патроны,— читал Фрунзе далее,— не пройдя десять верст, вернулись обратно, нет совершенно дороги. 24-я дивизия с отходом потеряла половину артиллерии... Каждую минуту зовут меня начдивы с просьбой разрешения об отступлении и откровенно говорят, что приказы армии и дивизии остаются только на бумаге; кроме отступления, я иного выхода не вижу и снимаю с себя всякую ответственность за могущий произойти разгром армии...»

Аппарат замолк. Михаил Васильевич стоял возле него, машинально теребя ленту. Он слегка прищурился, словно силясь разглядеть, что же в действительности происходит там, на фронте Первой армии.

— Передавайте, — жестко сказал он.

Аппарат снова застучал.

— Вашим докладом поражен... Приходит в голову мысль, что в вашей армии... склонны поддаться панике... Положение тяжелое, но... вы слишком сгущаете краски! оно отнюдь не столь безнадежное, как вам кажется. Вы правы, что мы с нашей директивой запоздали; чья в этом вина, разбирать не будем, а будем искать выход из положения... в неуклонном напряжении всех сил и выполнении намеченного, хотя и несколько запоздавшего плана... Сосредоточение ударной группы приходится отнести западнее... в районе Бузулука и левее... В недельный срок к северу от Бузулука, помимо имеющейся там 1-й бригады 25-й дивизии, мы можем сосредоточить одну бригаду Оренбургской дивизии и кое-какие ваши части, если не целую бригаду. При помощи этой группы мы не только остановим нажим противника на Пятую армию, но и разобьем его, ибо, по имеющимся у меня данным, на этом направлении он безусловно зарвался и сильно расстроен непрерывным наступлением...

Он помедлил, собираясь с мыслями, и продолжал:

— Ваши указания на распутицу, конечно, верны, но действие ее одинаково сказывается как на нас, так и на противнике... Тот ваш комбриг, который при стратегиче-

ском отходе умудрился потерять половину артиллерии без особого нажима со стороны противника, подлежит, на мой взгляд, немедленному расстрелу. Если нельзя идти нам, то нельзя это делать и противнику, поэтому ссылки на распутицу недопустимы... Немедленно перебирайтесь со штабом в Бузулук, приняв предварительно меры к отправке требуемых частей в район сосредоточения. Подвижной состав используйте, освободив от имущества вагоны, стоящие на станции Оренбург... В добавление к этому мы через три дня пришлем первый состав и будем подавать не менее пяти эшелонов в сутки.

Примите меры к вооружению всех местных рабочих: через три дня я получу винтовки и немедленно пошлю туда. Сделайте все возможное для прекращения панического настроения как в городе, так и в войсках; не допускайте, чтобы кто-нибудь из ваших подчиненных смел говорить о снятии с себя ответственности... Ожидаю от ваших войск исполнения долга и приказа.

Фрунзе оборвал ленту, передал ее телеграфисту.

— Наклейте и пришлите ко мне, — сказал он и направился к выходу.

Спускаясь по лестнице, он вспомнил, что сегодня в Самару приезжает жена. Надо было бы встретить ее. Но что можно сделать при такой ситуации?! Получалось нехорошо...

В кабинете он распорядился вызвать немедленно Куйбышева, Новицкого, начальника штаба и начальника оперативного отдела. Затем, чуть помедлив, он сказал Сиротинскому:

— Понимаете, Сергей Аркадьевич, Софья Алексеевна приезжает, а тут получается такая петрушка...

— Я знаю, Михаил Васильевич, не беспокойтесь. Мы с женой встретим ее и все устроим.

Фрунзе искоса взглянул на него:

— Однако в обязанности старшего адъютанта не входит устройство семейных дел командующего.

— А я встречаю Софью Алексеевну, а не жену командующего. Смею думать, что мы с ней друзья, Михаил Васильевич.

— Ну, разве что так... И еще: вы там в дом натащили уйму мебели. Куда ее столько!.. Я сегодня утром заглянул на кухню: посуда там и всякое такое... Банкеты мне, что ли, устраивать?

— Это уж Никита Игнатьевич постарался. Да там ничего лишнего и нет.

— Вы все-таки регулируйте его. Он по натуре скопидом. Если его не придержать, полгорода очистит. Это я еще по Иваново-Вознесенску знаю.

— Хорошо, учту, Михаил Васильевич, — улыбнулся Сиротинский.

— Да, вот еще что. Скучно стало в Самаре. Трамваи не ходят, театр бездействует, а жители поглядывают на нас и гадают: когда мы начнем отсюда драпать? Не знаю, как насчет трамвая, он связан с работой электростанции, но театр мог бы работать. Вы там поговорите с кем следует. Надо, чтобы ни у кого и в мыслях не было, что мы можем отсюда уйти.

— Понятно, Михаил Васильевич, попытаюсь...— Сиротинский замялся. Фрунзе с недоумением смотрел на него.

— Вы хотите что-то сказать?

— Тут на днях были из штаба фронта. Разговорился я с ними. Оказывается, кое-кто там нацелился на Муром.

— Может быть, тылы?

— Да нет, для штаба фронта готовят. Квартирьеров послали...

— Пустое! Кто-нибудь из штабных перестарался. Ничего из этого не выйдет. А театр надо открыть.

— Ясно. Завтра займусь театром.

Спустя несколько минут они собрались в кабинете командующего группы, выслушали краткое сообщение Фрунзе, ознакомились с текстом его переговоров с Гаем и сидели в полном недоумении: что все это значит?

— Ума не приложу, какая его муха укусила? — сказал Куйбышев.— Что угодно, но этого от Гая вряд ли кто мог ожидать... Вообще-то он любит покрасоваться, храбрый до безрассудства, способен даже на авантюру, но паникерствовать... воля ваша, это на него не похоже. В бытность мою политкомиссаром Первой армии, в октябре прошлого года, он учудил такое, за что его следовало бы основательно наказать. Армия еще вела бои в треугольнике Сызрань — Самара — Ставрополь с войсками Комуча. И вдруг получаем телеграмму: «Всем! Всем! Всем! Я, Гай, нахожусь в Самаре. Да здравствует Советская власть!» Мы с Туха-

чевским — тогда командармом Первой — думали, что это провокация белогвардейцев. Оказалось — нет, не провокация. Просто, пока шли бои, он оставил свою Симбирскую железную дивизию на заместителя, сел на самолет, приземлился где-то на поле, под самой Самарой, выяснил, что белогвардейцы из нее почти все удрали, и, вооружившись ручными гранатами, явился на телеграф. Устрашенные его грозным видом, телеграфисты стали отбивать на нескольких аппаратах эту смутившую нас телеграмму. Вот каков Гай!

— Видимо, мы узнали еще одно свойство его характера,— сказал Новицкий, на которого текст переговоров произвел удручающее впечатление.— Ведь это же срыв контрудара. Не может он этого не понять...

— Значит, не понимает, — сказал Фрунзе, не отрывая взгляда от карты, которую ему положил на стол начальник оперативного отдела. Он пристально всматривался в нее, сверялся со справкой списочного состава частей и подразделений, входивших в Южную группу, промерял расстояния между ними и от них до места сосредоточения ударной группы и упорно искал ответа на поставленный самим себе вопрос: что предпринять при создавшемся положении, чтобы обеспечить эффективный контрудар?

— Может быть, следовало бы отойти от Оренбурга, — осторожно сказал начальник штаба. — Тактический эффект этого маневра не вызывает сомнения. Мы смогли бы уплотнить свой фронт и создать более мощный кулак контрудара...

Новицкий сердито фыркнул в усы:

— Словом, разбежаться для прыжка? Приемчик вполне подходящий для цирка или в спорте. Но у нас, к сожалению, война...

Начальник штаба вспыхнул:

— Мне кажется, что командарму Первой виднее судить о состоянии своей армии.

— В том-то и дело,— сказал Фрунзе, — что он докладывает нам не о состоянии своей армии, а о нашей неспособности, во-первых — помочь Пятой армии удержаться в районе Бугуруслана, а во-вторых — нанести противнику сокрушительный контрудар во фланг его наступающих частей. Вы же читали текст переговоров... Он с того и начинает, что Пятая армия через неделю будет в Самаре. Вот ведь как подана собственная неуверенность!

Михаил Васильевич отодвинул записки с карты.

— Так ли это или нет, — продолжал он, — но совершенно ясно, что человеку с подобными настроениями нельзя вверять судьбу контрудара.— Фрунзе чуть помедлил. — Командующим ударной группы следует назначить командарма Туркестанской Зиновьева. Двадцать четвертая дивизия Первой армии находится в трех переходах от Михайловского. Нет смысла тянуть ее в Бузулук. Оренбург ни по каким соображениям оставлять нельзя. Думаю, что оборону его следует возложить на командарма Первой и обязать его из частей двадцать четвертой дивизии образовать в районе Михайловское (Шарлык) дополнительную группу для удара во фланг и тыл противнику одновременно с Бузулукской ударной группой... Какие имеются соображения по этому поводу?

Они заговорили о деталях нового плана, уточняли его, а когда все стало ясно, Фрунзе распорядился начальнику штаба и начальнику оперативного отдела сделать подробные расчеты к плану и часа через два доложить ему.

— Да, вот еще что,— сказал он начальнику штаба. — Дошло до меня, что у вас там в отделах кое-кто очень интересуется эвакуацией. Спрашивали даже у начальника военных сообщений, сколько вагонов для этого может поставить и в какой срок. Так вот, вы это прекратите самым решительным образом. Предупредите, что за подобные настроения буду сурово наказывать. Нам паникеры не нужны.

Они остались вдвоем с Куйбышевым. Сидели молча. Это у них стало входить в привычку: обязательно после какого-нибудь трудного решения посидеть, помолчать. И нередко оказывалось: что-то было недосказано или упущено.

— Знаешь, Михаил Васильевич, что мне пришло на ум, — сказал вдруг Куйбышев. — А нет ли во всей этой истории чисто личных моментов? Дело в том, что Гай, помимо прочего, еще и честолюбив. Да и слава у него в наших краях немаленькая. А тут вдруг такой пассаж, как выражались некоторые персонажи комедии «Ревизор»... Я имею в виду пост командующего Южной группой.

— Я тоже думал об этом... И знаешь, Валерьян Владимирович, что я тебе скажу: знаменит он иль не знаменит, честолюбив или нет, а оборону Оренбурга он у меня держать будет. И пусть лучше он не прыгает. Я ведь могу и обозлиться...

И опять они сидели молча.

— Ты не предвидишь осложнений с кандидатурой Зиновьева? — снова заговорил Куйбышев. — Утвердит ли его Реввоенсовет фронта?

— А что им остается делать? Других-то нет. Нового человека на ударную группу не поставишь. Придется примириться с фактом.

Куйбышев с сомнением покачал головой:

— Командующий фронтом не верит в Зиновьева...

— Что делать! Он и в меня не очень-то верит. Иначе не стал бы распоряжаться через мою голову частями Южной группы. Вот как иной раз бывает: не глупый же человек и опытный военный, а пребывает в плену этакого генштабистского снобизма. Новицкий от моего имени уже протестовал. Он заявил: я считаю необходимым доложить командующему фронтом, что если директивы фронта будут предусматривать точные задачи каждой из армий, то объединение действий четырех армий в моем лице едва ли будет оправдано. Было это девятого апреля, то есть два дня после того, как я дал согласие на включение Первой и Пятой армий в Южную и за день до того, как это объединение четырех армий состоялось.

— И что же?

— Получил барский ответ: «Как будут даваться директивы — вопрос излишний».

— И все-таки, почему ты, Михаил Васильевич, допускаешь, чтобы командовали через твою голову? Как же это ты терпишь?

— Берегу отношения до серьезного конфликта... А поцарапаться нам все-таки придется. Видишь ли, по ряду фактов я убедился, что, помимо нашего плана контрудара от Бузулука по левому флангу главной группировки войск противника с выходом на его тылы, существует какой-то другой план, значительно отличающийся от нашего как по количеству участвующих в его реализации воинских частей, так и по времени введения его в действие. Мы планируем нанести удар наличными средствами и в кратчайший срок. Там планируют сосредоточить значительно больше войск, чем располагаем мы, и в срок от одного до полутора месяцев. Но ведь этого срока противник нам может и не дать... Чей это план — не знаю, но мимо главкома он пройти не мог. И это еще не все... Ты обратил внимание на распоряжение Реввоенсовета фронта о сосре-

доточении боевых сил в районе Бузулук, Сорочинское, Михайловское? Заметь, не ударной группы войск, а неких боевых сил... Так вот, в первых же строках этого распоряжения нам поставлена задача разбить противника, теснящего Пятую армию, ударом с юга на север...

— Позволь, позволь, Михаил Васильевич, ведь это же совсем не то, что намечено нашим планом.

— Вот именно — не то! Командование фронта опасается за Бугульминское направление, которое прикрывает Пятая армия, то есть, в конечном итоге, за Симбирск, где находится его штаб, и потому предлагает нам подпирать эту армию. Тут разгромом противника и не пахнет. Так что столкновений нам вряд ли избежать, хотя они крайне нежелательны.

Вскоре Куйбышев ушел.

До глубокого вечера пробыл Фрунзе у себя в штабе, уточнял с начальником оперативного отдела сроки передвижения частей к месту сосредоточения ударной группы, интересовался состоянием формируемых рабочих полков, по прямому проводу с командармом Пятой Тухачевским выяснял причины продолжавшегося отступления ее к Бугуруслану и где она намерена задержаться, чтобы дать возможность Фрунзе нанести свой контрудар, предпринимал еще десятки мер, больших и малых, но обязательно связанных с задуманным разгромом противника. И когда закончил все, что свалилось на него в этот день, неожиданно почувствовал, до чего же он устал...

Михаил Васильевич сказал, чтобы ему подали коня.

По вечерним затихшим улицам Самары он ехал верхом в сопровождении ординарца. Кое-где в окнах подслеповато мерцали огоньки. Весна уже была, что называется, в полном разгаре, хотя деревья стояли голые.

— Как думаете, Иван Мартынович,— слегка повернув голову, спросил Фрунзе у ординарца, — дороги развезло?

Он думал о том, не поможет ли распутица Тухачевскому удержать Пятую армию на занятых позициях. Разговор по прямому проводу был не из веселых. Тухачевский настоятельно просил передать ему 2-ю дивизию, переброшенную из Московского военного округа. Но дивизия эта была еще далеко не закончена формированием. К тому же она непонятно почему числилась во фронтовом резерве.

На Фрунзе была возложена лишь обязанность сделать ее боеспособной.

— По здешним местам, надо полагать, развезло.

«Хорошо, если бы так,— думал Фрунзе. Он уже принял меры к переброске из своей ударной группировки одной бригады 25-й дивизии в Пятую армию, но, видимо, Тухачевскому этого казалось мало.— Удивительное дело, почему он рассчитывает только на пополнение, которое ему должны дать?! Конечно, времени у него было еще мало, всего двадцать дней, но он ничего не говорит о местных формированиях...»

Подъехав к угловому домику на берегу Волги, Фрунзе сошел с коня и, передавая повод ординарцу, сказал:

— Завтра в восемь тридцать, Иван Мартынович. Спокойной ночи...

Уже в сенях он услыхал голос Софьи Алексеевны, энергично распоряжавшейся: «Вот это мы поставим там...» «Стол надо передвинуть. Он здесь не к месту...»

Михаил Васильевич открыл дверь и остановился на пороге, силясь понять, что здесь происходит.

Она налетела на него, веселая, раскрасневшаяся от хлопот, обняла, чмокнула в щеку и потащила за собой.

— Пойдем, пойдем, я тебе покажу...

Посмеиваясь в усы над страстью Софьи Алексеевны все в квартире переставлять по-своему, он пошел за ней. Здесь все уже было не так, как он оставил утром, отправляясь в штаб. Кабинет переместили поближе к прихожей, чтобы не стеснять посетителей, как объяснила Софья Алексеевна; спальня перекочевала в глубь домика; столовая оказалась в центре. На кухне исчезла бесформенная груда посуды. Она заполнила шкафчик и полки и уже не выглядела лишней.

Михаил Васильевич все же покачал головой:

— Натащили всего...

— И ничего здесь лишнего нет,— с жаром возразила Софья Алексеевна.— Ты же, Миша, ничего в этом не понимаешь.

В спальне еще возились Никита Игнатьевич с Сиротинским, устанавливая мебель. Но вот затихли и они.

— Все в порядке, Софья Алексеевна,— сказал Сиротинский на пороге кухни.

— Спасибо, дорогой Сергей Аркадьевич. Не знаю, как без вас и Никиты Игнатьевича я управилась бы!

— Ну, еще чего скажете. Подумаешь, большое дело мебель передвинуть.

В кухню, потеснив Сиротинского, заглянул и Никита.

— Совсем было забыл про ступку,— пробасил он.— Я ее сегодня в складе увидел.

— Какую еще ступку? — вскинулся Фрунзе.

— Медную...— простодушно объяснил Никита, подавая ступку Софье Алексеевне.— Сегодня утром заглянул в вещевой склад губисполкома, смотрю — валяется без надобности, а вещь в хозяйстве нужная.

— Спасибо, Никита Игнатьевич,— улыбнулась хозяйка. — Говорю тебе, Миша, что это вне твоей компетенции.

— Ну, пу...— проворчал Михаил Васильевич, направляясь к себе в кабинет. Бурные хлопоты жены в доме чем-то напомнили ему собственную деятельность по сколачиванию ударной группировки. Он так же передвигает с места на место воинские части и подразделения, но у Софьи Алексеевны то преимущество, что из-под нее никто не выдергивает стула и не тащит шкаф через окно.

На кухне затихло. А когда все ушли и оживление, вызванное хозяйственными заботами, улеглось, Софья Алексеевна подошла к задумавшемуся у письменного стола мужу, положила ему на плечи руки, прильнула к нему и сказала почти шепотом:

— Ну, здравствуй, милый...

4

Иван Богучаров — командир эскадрона, приданного на время контрудара 73-й бригаде Чапаевской дивизии, вдруг вдребезги разругался со своим закадычным другом и односельцем — Федором Емельяновым, нагрубил комиссару, ткнул в бок ни в чем не повинного Сокола и, хлопнув калиткой, вышел на улицу с таким видом, который ясно говорил: пусть провалится весь свет, Богучарова это не касается.

Четыре раза в течение недели ходил Богучаров в разведку и все безуспешно: 11-я колчаковская дивизия, которую искали по всему фронту, затерялась, как иголка в сене. О ней знали, что она находится где-то здесь, в районе 73-й бригады Чапаевской дивизии, но где именно и что она намерена предпринять, об этом ничего не было известно.

Обеспокоенный этим обстоятельством и памятуя категорический наказ Фрунзе найти пропавшую дивизию во что бы то ни стало, Чапаев ежедневно по телефону и лично пушил командира бригады Кутякова, а тот в свою очередь отыгрывался на командирах полков. Командир полка тоже не оставался в долгу и, присоединив кое-что от себя, передавал возросшее таким образом неудовольствие Богучарову. Когда сегодня в четвертый раз Богучаров вернулся из разведки ни с чем, командир полка долго и обидно рассматривал его, а отвернувшись, сказал окружающим, что придется послать кого-нибудь посмелее.

Это замечание взорвало Богучарова, и без того раздосадованного своей четырехкратной неудачей.

Он стоял на улице, презрительно сплевывая сквозь стиснутые зубы. Вечерело. Мимо прошли пехотинцы, посланные в дозор. Богучаров проводил их взглядом и, тяжело вздохнув, вернулся к себе и принялся седлать Сокола. Конь обиженно косился и, переступая с ноги на ногу, мешал затянуть подпругу.

— Не балуй, дурак! — прикрикнул Богучаров.

Ободренный знакомым и уже не сердитым голосом, Сокол надул живот, чтобы ослабить подпруги, а когда из этого, по обыкновению, ничего не вышло, попытался достать Богучарова зубами, но командир уже был в седле, и Сокол сразу принял боевой вид, то есть поднял голову и приготовился взять с места рысью. Это был славный боевой конь.

Взяв с собою дежурное отделение, Богучаров выехал за околицу. Уже совсем стемнело. Отряд, миновав соседние хутора, свернул в лес. На опушке их встретил дозор, но, опознав, пропустил беспрепятственно. Дальше требовалось продвигаться с удвоенной осторожностью.

— Растянемся! — примирительно сказал Емельянов, командовавший отделением. Ему надоело сердиться на Богучарова. Ночь была теплая. Привычная опасность слегка взбадривала.

— Добро. Пошли передом,— отозвался Богучаров, и Емельянов понял, что приятель тоже остыл.

Отряд вытянулся по двое и разомкнулся посредине, образуя стометровый интервал.

Взошла луна. Тени отступили к деревьям, стали гуще. В оголенных ветвях тихо шумел ветер.

— Вот скажи ж ты на милость,— тихо произнес

Емельянов,— лазим, лазим, ищем, ищем, а она как сквозь землю провалилась. Может, никакой дивизии-то и нет...

— Это почему же? — спросил Богучаров.

— А потому, что, может статься, одна только видимость. Колчаки слух пускают для провокации.

— Заврался, Федя. Это Чапай тебе на слух поверит? Вот то-то! Ну, если бы еще только Василий Иванович — куда ни шло. И он может промахнуться. А тут приказ от самого Фрунзе. Нет, Федя, не зря мы из ног выбиваем глухоту.

— Может, и не зря, черт его душу знает, а только вот почти неделю гоняем, как неприкаянные. И знаешь, что я тебе скажу, это все равно как я на днях свою зажигалку искал: все обшарил — и на сеновале, и в переметных сумах, и на ребят грешил, а она, проклятая, в сапоге; карман у меня прохудился.

— Ш-ш,— удержал Емельянова Богучаров.— Тут могут быть их дозоры...

— Вряд ли. Они за речку не суются.

— Жаль... Значит, придется самим сунуться.

Емельянов от удивления даже коня придержал.

— Иван, ты часом не сдурел? Ведь река, половодье!..

— Ну и что, что река? Лед прошел.

— А половодье?

— Что это тебе, Волга? Тоже мне половодье на Боровке!.. Да ты не тревожься. Поплыву я, а ты с частью ребят останешься на берегу, прикрывать нас, если понадобится.

Емельянова от обиды всего передернуло. Но сдержался. Не затевать же здесь ругань.

— Бесхлебных,— вполголоса окликнул Богучаров державшего вблизи конника,— ты здешний, показывай дорогу. Темень адова, ни дьявола не видно.

Тот обогнал их и поехал впереди. Свернули вправо. Вдали что-то зачернело.

— Мельница,— сказал, слегка обернувшись, Бесхлебных.— Надо посмотреть, нет ли там у белых заставы.

Он сошел с коня, передал повод другому коннику и вскоре исчез в темноте. Остальные остались на конях, напряженно вслушиваясь ему вслед. Бесхлебных отсутствовал довольно долго. Емельянов начал уже беспокоиться, предлагал двигаться потихоньку к мельнице, но Богучаров удержал его.

— Поспеешь к богородице груши околачивать.

Бесхлебных появился неожиданно и откуда-то со стороны.

— На мельнице никого нет,— сказал он.— Один только засыпка ночует. Тут в версте есть хутор, на проселке. Так по этому проселку, говорит засыпка, каждую ночь какие-то конные ездят.

— А не врет твой засыпка? — спросил Богучаров.

— Не. Он свойский, сродственником даже доводится мне.

— То-то так долго ты и болтался там,— проворчал Емельянов, подозрительно присматриваясь к Бесхлебных.— Небось хлебнул на радостях. У мельника да чтобы самогонки не было...

— Так то у мельника,— возразил тот,— а это засыпка, батрак. Какой у него самогон!

— Поехали,— прервал Богучаров.— Дома разберетесь, у кого есть самогон, а у кого нет.

Вскоре они были на плотине у мельницы. Оставив здесь конников с наказом задерживать всех, кто окажется вблизи, Богучаров взял с собою Емельянова и четырех бойцов и направился к хутору.

— А сказал вплавь,— проворчал Емельянов.

Богучаров окинул его смеющимся взглядом.

— Это я чтобы тебя попугать. Знаю же, что ты плаваешь как топор.

В хуторе уже спали. Успокоив встревоженных хозяев и приказав им не зажигать огня, всадники укрылись за постройками.

Было тихо и безветрено. Низко нависшие тучи обложили все небо. Конники ждали. Рядом в сарае во всю мощь прокукарекал петух. Ему откликнулся второй, не менее громко. Первый, видимо не желая уступать, прокричал второй раз, третий... и следом за ним откликался второй петух.

— Разорались, дьяволы! — проворчал Емельянов.— Свернуть бы им головы, да в суп.

— А потом в трибунал,— сказал Богучаров.

— За петуха-то?!

— Нет, за мародерство...

Петухи смолкли, и опять стало тихо. Так прошел час, может быть, два...

Вдруг Богучаров привстал на стременах и замер. Изда-

ли донесся топот коней, шедших рысью. Прислушавшись, Богучаров определил, что конников двое, не больше. Распорядившись кому что делать, он стал ждать приближавшихся всадников. А когда они поравнялись с хутором, он с Бесхлебных вылетел к ним навстречу и загородил дорогу. Тем временем Емельянов с тремя бойцами зашли сзади их и отрезали путь к отступлению.

— Стой! — крикнул Богучаров и уже разглядел офицерские погоны на переднем всаднике.

Дальше все произошло в считанные секунды. Офицер поднял коня на дыбы и схватился за наган. Находившийся правее Богучарова Бесхлебных приподнялся на стременах и с силой, по-казацки, полоснул офицера шашкой по голове. Тот свалился как сноп. Второй неприятельский всадник дал своему коню шпоры и поскакал в поле. Раздался выстрел, и он скатился на землю. Красноармейцы помчались ловить неприятельских коней.

Сойдя на землю, стоял Богучаров над офицером, наблюдая, как Емельянов деловито обыскивал его.

— Может, еще жив? — с робкой надеждой спросил он.

— Ну где там...— отозвался Емельянов.— Не такой у Бесхлебных удар, чтобы человек после него жив остался.

— Вот это и плохо. Нам офицер нужен был живой, а черта ли в нем в мертвом.

— Оно, конечно, так... Только и Богучаров нам нужен живой. А не случись тут Бесхлебных или помешкай он, повезли бы мы сейчас тело дорогого нашего Ивана в эскадрон, роняя по пути горькие слезы... Уж больно ты удобно стоял супротив офицера. Прямо-таки живая мишень.

— Хватит болтать... Что ты нашел в полевой сумке?— сказал Богучаров.

— Какие-то пакеты с сургучными печатями.

— Дай-ка сюда.

Богучаров зашел за постройки и чиркнул зажигалкой. В руках у него оказались пакеты, адресованные: один — начальнику Ижевской бригады, другой — начальнику штаба той самой 11-й дивизии, расположение которой они уже целую неделю не могли выяснить. С досады Богучаров даже зубами заскрипел. Несомненно, их вез офицер связи. Был бы он жив, выяснить, где она находится, не составило бы труда. Но делать было нечего. Распорядившись захватить с собой тела офицера и ординарца, чтобы сбросить их в реку и тем отвести от хуторян расправу, Богучаров

вместе с Емельяновым поспешили в штаб дивизии к Кутякову. Там пакеты были вскрыты. В них оказались оперативные приказы 7-й Уральской дивизии горных стрелков своим полкам, рассылаемые для сведения соседним армейским частям. Это была настоящая удача. Из одного только перечисления этих частей раскрывалась почти полностью группировка противника.

Еще не наступил рассвет, когда Богучаров с Емельяновым, взмылив коней, доставили оба пакета Чапаеву. А через полчаса поднятый с постели Федор Федорович читал на штабном телеграфе Южной группы выползавшую из аппарата бумажную ленту...

— Эти два приказа Седьмой Уральской дивизии, перехваченные разведчиками Чапаева, раскрывают в значительной степени группировку противника, — сказал Федор Федорович, передавая телеграмму с текстом приказов Куйбышеву. — Совершенно ясно, что разрыв между Третьим и Шестым корпусом колчаковцев превышает пятьдесят верст. Да и сам-то Шестой корпус белых растянулся на значительном расстоянии...

Куйбышев внимательно прочел оба приказа, положил телеграмму на стол и взглянул на Фрунзе. Они собрались в кабинете командующего, чтобы обсудить возможности, вскрытые перехваченными пакетами. Михаил Васильевич рассматривал лежавшую на столе карту и не заметил взгляда Куйбышева. Он пристально всматривался туда, где сегодня утром были нанесены выявившиеся части противника и особенно в тот, пятидесятиверстный разрыв в неприятельском фронте, о котором только что сказал Новицкий. Это было именно то, что он искал последнее время. Упускать такой промах белых было никак нельзя. Теперь все зависело от того, как поведут себя Первая и Пятая армии. Сумеют ли они активными действиями сковать противника, не дать ему перебросить свои части к Бугуруслану?

— Вы правы, Федор Федорович, — сказал Фрунзе, отодвигая карту на край стола. — Там у них разрыв верст в пятьдесят, если не больше. Грешно будет не воспользоваться им. Удар мы нанесем в разрез между частями Третьего и Шестого корпусов противника в общем направлении на Бугуруслан, Заглядино, Сарай-Гир. Задача: окончательно разобщить эти корпусы и разгромить их по частям.

Но Федор Федорович был настроен не так радужно.

— А как же с бездорожьем? — спросил он.

— Это лесостепь, Федор Федорович. Здесь период бездорожья бывает очень небольшой... Я говорил с Тухачевским по прямому проводу. Он утверждает, что через несколько дней дороги будут проходимы, хотя и тяжелые. Вот этот момент и следует использовать, чтобы упредить неприятеля.

— Ударная группа полностью еще не сконцентрирована, — упорствовал Новицкий. — Командарм Первой своей поспешной эвакуацией тыловых управлений штаба армии в Сызрань затормозил оперативную переброску войск Туркестанской армии в район Бузулука.

— Я знаю это. С товарищем Гаем, видимо, придется поговорить покруче. Они там вывозят из Оренбурга все подряд, без разбору, и нужное и ненужное. И при этом на нас же жалуются главкому. Вот уж поистине: медведь корову дерет, да сам же и ревет. — Фрунзе порылся в ящике стола и протянул телеграмму Куйбышеву. — Ознакомься, Валерьян Владимирович, с запросом главкома и проектом моего ответа. Вацетис явно опасается, как бы мы не обидели беднягу командарма Первой.

— И правильно опасается, — сказал, посмеиваясь, Куйбышев. — Человек, можно сказать, стремится в Сорочинское, если уж нельзя попасть в Самару, а его заставляют сидеть в Оренбурге. Как тут не всполошиться главкому?! — Он взял перо, обмакнул его в чернила и подписал ответ Михаила Васильевича. — Можно было бы и покрепче написать...

— Не стоит размениваться. Думаю, что это не последняя жалоба... Я дал указание начальнику военных сообщений прекратить погрузку имущества Первой армии, а если командарм начнет своевольничать — загнать его эшелоны по всей линии в тупики. Концентрация войск ударной группировки по их вине непростительно затянулась. Мы не можем допустить ее срыва... Подготовьте приказ, Федор Федорович, о направлении контрудара на Бугуруслан.

— А как быть со штабом фронта? В их директиве контрудар намечен не во фланг противнику, на запад и даже не на северо-запад, а с юга на север, в направлении на Бугульму.

— А что он даст нам, такой контрудар? Что он даст, кроме некоего клочка территории? Неприятель спокой-

ненько отведет свои войска, передохнет, подтянет тылы, а затем снова обрушится на нас. Вот тогда мы уже наверняка окажемся за Волгой.

— Самое искреннее желание Троцкого, как я понимаю,— сказал Куйбышев.

— Да, он и не думал отказываться от своего, как он полагает, гениального стратегического плана отступления за Волгу... Так что готовьте приказ, Федор Федорович. Точно день начала нашего наступления указывать не будем,— он зависит от многих привходящих обстоятельств,— но ориентируйте командиров, до комбригов включительно, на второе мая.

5

Около двух недель командовал Авилов 74-й бригадой Чапаевской дивизии, но, кроме Вани Тропинкина, ни с кем не сказал и десятка фраз, не связанных со службой. Деловитый и неизменно сдержанный, он обстоятельно вникал в повседневную жизнь бригады, охотно слушал, когда речь заходила о соседних частях и о группировке войск в районе Бузулука, но сам таких бесед не заводил. С Чапаевым Авилов предпочитал не встречаться, памятуя прием, оказанный ему начдивом при назначении в бригаду. Он, конечно, не знал, какую бурю пришлось выдержать Фурманову в связи с его назначением, но инстинкт самосохранения подсказывал ему держаться подальше от Василия Ивановича. Когда же избежать встречи было невозможно, он наглухо замыкался в себе, ограничиваясь предельно краткими ответами.

Ознакомившись с состоянием бригады, Авилов основательно занялся рекогносцировкой местности предстоящих боев. Обычно он брал с собой уроженца здешних мест ординарца Ваню Тропинкина, бойкого парнишку лет пятнадцати, общего любимца. Во время таких поездок Авилов преображался. Он становился словоохотливым, много рассказывал о событиях первой мировой войны, расспрашивал Ваню о его детстве, о жизни на хуторе, о той трагической осенней ночи, когда налетевшая пьяная казачья банда зарубила его отца и мать и сожгла их избу. Авилов явно сочувствовал Ване и очень скоро без особого труда завоевал преданность добродушного паренька. Эта дружба комбрига с вестовым была замечена.

И, как это ни странно, она значительно смягчила отношение к Авилову работников штаба, командиров и политработников бригады.

Иногда, миновав заставы и секреты охранения бригады, Авилов где-либо в лесочке или в балке спешивался, оставлял Ваню с лошадьми и уходил один, как он говорил, посмотреть поближе, что там и как... В последний раз он отсутствовал особенно долго, и Ваня начал беспокоиться за Авилова: не случилось ли с ним что-нибудь? К счастью, все обошлось благополучно. Авилов рассказал, что, заметив невдалеке неприятельский разъезд, он был вынужден залечь в ложке, чтобы не попасться противнику на глаза. А затем этим же ложком отполз назад. Но ложок, вопреки его предположениям, привел его совсем не туда, и Авилову пришлось немного проплутать, прежде чем он правильно сориентировался.

Было это два дня назад. Авилов больше никуда не ездил. Сегодня он с утра засел у себя в штабе, занялся расчетами предстоящего наступления по последнему, только что поступившему, приказу Фрунзе. Он трудился весь день, загонял работников штаба требованием всевозможных справок, не доверяя устным сообщениям, настаивал дать ему подлинники приказов и распоряжений начдива и командующего Южной группой войск Восточного фронта. Словом, это была настоящая работа! И это тоже понравилось окружающим. Было видно, что комбриг готовится к наступлению всерьез. И даже недоверие его к устным справкам было воспринято как свидетельство опытности: «Любит сам до всего докопаться!»

День уже склонялся к вечеру, когда Авилов отпустил всех работников на четыре часа поесть и отдохнуть. Они были так заняты, что пропустили обед, и теперь им предстояло обедать и ужинать одновременно. Авилов оставался в штабе, сказав, что ему еще надо подумать наедине, а обед ему пусть пришлют сюда.

Наскоро пообедав, Авилов отобрал из папки подлинников важнейшие оперативные документы, в том числе и последний приказ о контрударе, сунул их в полевую сумку и вызвал начальника караула. Уложив в его присутствии папки с бумагами в железный ящик, заперев и опечатав его, он приказал поставить к ящику часового. Затем Авилов вызвал к себе вестового Тропинкина.

— Ванюша,— сказал он,— приведи моего коня и при-

готовься сам. Поедешь со мною... Надо кое-что уточнить.

Вскоре они были за околицей. Низко нависшие свинцовые тучи обложили небо. Дорогу совсем расквасило. Отдохнувшие лошади вначале шли ходко, но вскоре породистый конь комбрига стал оступаться, покрылся мылом. Авилов давал ему шпоры и с завистью посматривал на коня своего ординарца.

Это был степной конек, невзрачный на вид, но ходкий и выносливый. О его злости в бригаде ходило немало рассказов. Он попал в бригаду в качестве трофея после одной стычки с неприятельскими разведчиками. Долгое время с ним не могли справиться. Всякого, кто пытался оседлать его, он встречал копытами и зубами. Среди штабных любителей верховой езды было немало пострадавших от него. В конце концов его прозвали Дикарем и отступились. Никто не знал, как они подружились, степной конь и ординарец, но когда Ваня Тропинкин на нем впервые появился верхом перед штабом, это произвело сильное впечатление. «Смотрите, смотрите,— говорили высыпавшие на крыльцо работники штаба,— Ваня на Дикаре! Чудеса...» «И никакой он не дикарь,— обижался Тропинкин. — Его зовут Кобчик!» Вскоре степной конь и ординарец стали неразлучны. Ваня никогда его не привязывал, и Кобчик ходил за ним следом, как собака. Но никого другого он по-прежнему к себе не подпускал.

Миновав заставу, Авилов свернул к темневшему невдалеке леску. Здесь ехать было еще труднее. Кони вязли в размоченной талыми водами земле. Вскоре начался кустарник.

— Ваня, поезжай передом,— сказал Авилов.— Может быть, твой степняк будет лучше выбирать путь.

Оказавшись позади, Авилов, не спуская взгляда с ординарца, осторожно отстегнул от нагана плетеный кожаный ремешок и засунул его конец за ремень. Затем, все так же напряженно следя за Ваней, он расстегнул кобуру, вынул револьвер и сунул его за пазуху шинели рукояткой вниз.

Выехав на опушку леса, Авилов окликнул ординарца:

— Ваня, голубчик... Кажется, у моего седла подпруга ослабела. Не в службу, а в дружбу, подтяни, пожалуйста.

Тропинкин повернул своего Кобчика и спрыгнул на

землю, сконфуженный тем, что, взяв у конюхов командирского коня, не проверил седловку.

— Да не здесь! Слева проверь пряжки,— сказал Авилов, освобождая левое стремя.

Ваня, отстранив его, приподнял крыло седла и взялся за конец подпруги, силясь подтянуть ее. Авилов привстал на правом стремени, сунул руку за пазуху и, взяв револьвер за ствол, с размаху ударил Ваню рукояткой по голове. Тот без звука рухнул под ноги шарахнувшемуся в сторону коню комбрига.

Авилов закачался на седле, но усидел. С минуту он боролся с искушением выстрелить в своего ординарца, но, сообразив, что выстрел может привлечь к нему внимание передовых постов, воздержался.

Часа через полтора езды лесом его окликнули:

— Господин полковник?

Авилов отозвался. От дерева отделился офицер и приблизился к нему.

— Признаться, мы вас заждались...

— Не так просто оттуда выбраться.

— Это понятно, господин полковник. Ну что ж, в путь?

Офицер вскочил на коня и поравнялся с Авиловым. Четверо кавалеристов, державшихся в стороне, пристроились им вслед. Все они выбрались из леса и спустились в балку.

Группа конных разведчиков, безуспешно пошарив по «ничейной земле», возвращалась к себе в часть. Настроение у них было невеселое. Злила собственная неудача, злило бездорожье, к тому же им всем хотелось курить. И как это бывает, когда одна и та же мысль неотступно владеет всеми, они без команды и не сговариваясь повернули к лесу, в расчете под его прикрытием отвести душу, всласть покурить.

На опушке разведчики заметили коня, оседланного, но без всадника. Недоумевая, что это значит и опасаясь засады, они разделились и направились справа и слева в объезд, а когда сомкнулись на поляне, увидели, что конь один. Польстившись на легкую добычу, один из разведчиков помчался, чтобы опередить других и захватить беспризорного коня, но был встречен таким яростным оска-

лом зубов, что круто отвернул в сторону. И тут многие узнали этого коня.

— Балда! — попенял разведчику старший.— Куда сунулся? Ведь это же тропинкинский Дикарь. Он тебе полголовы напрочь отхватит...

— Погодьте, ребята,— сказал пожилой разведчик,— а где же Ваня? Тут что-то неладно...

Только теперь они увидели невдалеке от Кобчика его всадника. Ваня лежал, уткнувшись лицом в землю. Разведчики спешились, окружили его. Старший наклонился, стал ощупывать Ваню.

— Ну что, жив?— спросил кто-то нетерпеливо.

— Не пойму никак...— отозвался старший, поднимаясь.— Вот что, ребята: его надо в санчасть... Которая здесь поближе?

— А вон там, на хуторе. Версты две, что ли, будет отсюда.

Ваню взял к себе на коня пожилой разведчик. Группа тронулась в путь. Позади нее понуро плелся Кобчик.

6

Уже несколько дней на правом фланге Южной группы завязывались бои с колчаковской армией генерала Ханжина.

Отбив на подступах к Оренбургу атаки белоказаков, части 24-й дивизии начали заходить левым плечом на север, чтобы охватить 12-ю Уральскую дивизию противника. В последовавшем затем сражении неприятельская дивизия была опрокинута, и тем было нарушено важное звено боевой связи между бугурусланской группировкой колчаковских войск и армейской группой генерала Белова. Попытки противника восстановить эту связь ударами 6-й сводной Оренбургской и 6-й Уральской дивизий были безуспешны.

Тем временем в штабе нашей Первой армии от перебежчиков и по агентурным сведениям стало известно о том, что у реки Салмыш сосредоточился корпус Бакича. Воспользовавшись отсутствием нашей разведки, Бакич сумел в глухой, безлюдной местности организовать переправу корпуса через Салмыш. Переправившиеся части противника разделились на две колонны. Правая, имея

задание перерезать железную дорогу Самара—Оренбург, заночевала с 22 на 23 апреля на Стерлитамакском тракте. Левая колонна направилась к Оренбургу, но была встречена двумя нашими полками и наголову разбита. К концу боя солдаты 42-го Троицкого полка перебили своих офицеров и сдались. Один из наших полков 23 апреля разгромил встречные части правой колонны белых. При этом была обнаружена полная деморализация противника: высланные в охранение роты занялись мародерством; два полка при первом же столкновении бросились в бегство; орудия оказались без снарядов.

К концу дня 23 апреля подошедшие части Первой армии атаковали не успевшего развернуться противника, прижали его к реке. Прорвавшийся к переправе со взводом артиллерии 211-й полк с ходу развернул орудия и прямой наводкой разбил плоты колчаковцев. По реке поплыли заношенные армейские фуражки...

Корпус Бакича был разбит. Только около трехсот человек спаслось на лодках. Наши войска захватили два орудия, двадцать пулеметов и полторы тысячи пленных. Левый фланг армии генерала Ханжина был обнажен. Это обстоятельство поставило под угрозу ее центр.

Фрунзе был на штабном телеграфе, знакомился со сводками за истекшие сутки, когда поступило сообщение о бегстве Авилова. В нем было сказано, что бывший командир 74-й бригады захватил с собой важнейшие оперативные документы и среди них — последний приказ о наступлении.

Он еще раз прочел это сообщение, сунул его в карман и, не дождавшись сводки от командующего ударной группировкой войск Зиновьева, медленно направился к себе.

Предательство Авилова нанесло сокрушительный удар по всем расчетам Михаила Васильевича. О какой внезапности теперь могла идти речь, когда противнику известны не только день начала наступления, но и сама группировка войск, их расположение, численность, вооружение!..

— Голенькие теперь мы перед противником,— сказал Михаил Васильевич поджидавшим его Куйбышеву и Новицкому.— Голенькие, как новорожденные младенцы.

Куйбышев быстро прочел сообщение Зиновьева и передал его Новицкому.

— Лишний повод для главкома отложить контрудар и вернуться к своему плану больших операций, — сказал он.

Федор Федорович сокрушенно покачал головой:

— Надо же такому случиться... И когда! Совершенно же ясно, что армия Ханжина измотана этим непрерывным наступлением, тылы отстали, снабжение расстроено, боепитания почти никакого. Другого такого удачного стечения обстоятельств, чтобы изменить весь ход войны, мы, может статься, никогда не дождемся.

Фрунзе, напряженно о чем-то думая, молча барабанил пальцами по столу.

Вошел адъютант и положил перед ним на стол довольно пухлую телеграмму.

— Извините, Михаил Васильевич... От Зиновьева. Срочное.

Командир ударной группировки сообщал, что вчера сторожевое охранение 73-й бригады 25-й Чапаевской дивизии захватило ординарцев 11-й дивизии противника, везших оперативный приказ. Из приказа стало ясно, что дивизия в настоящее время находится прямо против 73-й бригады, а ее средний 41-й полк — в непосредственной близости.

Комбриг 73-й Кутяков раздумывал недолго. На рассвете, по собственной инициативе, он внезапно атаковал своими частями так нерасчетливо заночевавший 41-й полк. Солдаты противника перебили своих офицеров, и полк сдался целиком. Фланговые 43-й и 44-й полки, узнав о катастрофе в центре, в беспорядке отступили, очистив большое пространство. Далее шло перечисление занятых бригадой населенных пунктов и взятых трофеев.

— Ознакомьтесь,— сказал Фрунзе, передавая членам Реввоенсовета сообщение Зиновьева, и вызвал начальника оперативного отдела с картой.

Только всмотревшись в изменения, нанесенные на нее по утренним донесениям и сводкам, Михаил Васильевич понял, что натворил там на фронте этот неуемный Кутяков. Остатки 11-й дивизии противника были отброшены на два перехода, на северо-восток к верховьям реки Малая Кинель. Занимая двумя поредевшими полками пятидесятиверстную линию фронта, дивизия оставила открытым тракт на Бугуруслан и оторвалась от левого фланга 3-го Уральского корпуса более чем на пятьдесят верст.

Над картой склонились подошедшие к столу командующего и Новицкий с Куйбышевым.

— Какое идеальное место для контрудара!— ткнув в пятидесятиверстный разрыв пальцем, с досадой сказал Федор Федорович.

— Об этом и думаю,— отозвался Фрунзе.

— Что ж тут думать,— покачал головою Куйбышев.— До начала наступления еще семь дней. А теперь, когда противник полностью осведомлен о наших силах и намерениях, он медлить не будет, постарается закрыть эту брешь.

— Очень даже возможно,— сказал Фрунзе, что-то подсчитывая. Он затребовал разведсводку, внимательно прочел ее, сделал несколько заметок у себя в блокноте и выпрямился.

— Ты, Валерьян Владимирович, совершенно прав. Неприятель обязательно попытается заполнить разрыв между правым флангом ощипанной Кутяковым Одиннадцатой дивизии и левым флангом Третьего Уральского корпуса. И конечно, он подготовится к нашему контрудару и, может быть, даже попытается упредить нас. Все это верно...— Фрунзе помедлил.— Но думаю, что нам самим следует упредить противника. Они ждут нас второго мая, а мы начнем наступление на шесть дней раньше, то есть двадцать восьмого апреля... Следовало бы начать немедленно, развивая успех Кутякова. К сожалению, товарищ Гай слишком активно вывозил из Оренбурга столы, шкафы и всякий вздор и тем сорвал своевременную переброску к Бузулуку нашей Тридцать первой дивизии.

Федор Федорович был явно озадачен таким решением.

— Сосредоточение ударной группы далеко не закончено,— неуверенно сказал он.— Восемь полков Тридцать первой дивизии еще в пути.

— Они будут на месте двадцать девятого.

— Вторая дивизия еще не закончена формированием.

— Она будет укомплектована через семь дней, то есть на четвертый день нашего наступления.

— Рискованно все-таки, Михаил Васильевич.

Фрунзе встал из-за стола, прошелся по кабинету, чтобы размяться.

— Да, вы правы,— сказал он, возвращаясь к столу,— известный риск здесь есть, как, впрочем, и во всяком наступлении. Может быть, даже несколько больше... Но ждать дольше — значит отказаться от инициативы в пользу противника. Это значит, что мы будем вести бои там, где нам их навяжут, то есть в местах наиболее выгодных

противнику и совершенно не выгодных нам... И потом, разве вы не видите, что передовые части противника измотаны до предела, что у них почти нет снарядов и, конечно, недостает патронов, что у них начинается разложение? Чем иначе объяснить, что в течение нескольких дней в двух местах, отстоящих друг от друга на сотни две с лишним верст, при первом же столкновении солдаты перебили своих офицеров и перешли к нам?

Фрунзе помолчал, собирая на столе бумаги, и снова заговорил:

— Вот вы, Федор Федорович, сказали, что на фронте противника в районе бригады Кутякова создались идеальные условия для контрудара. Так оно и есть в действительности. И как долго могут сохраняться эти условия?

— Трудно сказать,— пожал плечами Новицкий.— Дня два, может быть, три...

— Я согласен даже на четыре дня, при условии активных действий Первой армии на своем левом фланге против Шестого Уральского корпуса неприятеля и бригады Кутякова против Одиннадцатой дивизии того же корпуса. Соображения таковы. Шестой Уральский корпус, у которого за последние дни на правом фланге нами были сильно потрепаны две его основные пехотные дивизии — Одиннадцатая и Двенадцатая,— а левый его фланг после разгрома корпуса Бакича оказался обнаженным, ничего не сможет выделить, чтобы закрыть пятидесятиверстную брешь между своим правым флангом и левым флангом Третьего Уральского корпуса. А Третий корпус мы свяжем ударами Семьдесят четвертой и Семьдесят пятой бригад Чапаевской дивизии. Таким образом, мы располагаем четырьмя днями, но, страхуясь, нанесем удар через три дня, то есть двадцать восьмого.

— А ведь Михаил Васильевич, пожалуй, прав,— сказал Новицкому Куйбышев. Он вдруг улыбнулся, широко и чуть смущенно.— Черт его знает, до чего хочется этим колчаковцам побить морду... Словом, я за предложение Михаила Васильевича.

Федор Федорович молча пофыркивал. Он все видел, все понимал и сердцем был за этот единственно возможный, хотя и несколько рискованный план. Но он также понимал, что произойдет в случае неудачи. Озабоченный, как бы колчаковцы не прорвались к Симбирску, штаб фронта почти ничего не предпринимал на случай, если контрудар не

приведет к успеху. Создавалось впечатление, что там, в штабе, были заняты какими-то иными планами, в которых контрудар Фрунзе рассматривался как вспомогательный.

— Следовало бы запросить согласие фронта,— ухватился Новицкий за соломинку согласований.

— Я дважды спрашивал у командующего о их намерениях в отношении Бугульминского направления, но ответа не получил. Да и поздновато теперь согласовывать, Федор Федорович. Противник не станет дожидаться, пока мы все подготовим... Приказ о наступлении передайте телеграфом штабу фронта... Валерьян Владимирович, оставайся здесь с Федором Федоровичем, а я накоротке съезжу к Кутякову. Готовьте приказ, Федор Федорович.

Новицкий ушел.

— Волнуется старик,— сказал, глядя ему вслед, Куйбышев.— Хороший специалист, честный, прямой, но не политик.

— Ну какой он старик! А волнуется потому, что все понимает. Ты ведь тоже все понимаешь и тоже волнуешься.

Куйбышев смущенно рассмеялся.

— Никак не могу избавиться от предчувствия, что нам помешают нанести этот контрудар... Это правда, что в Симбирске появился новый начальник штаба фронта?

— К сожалению, правда.

— Странно... Перед самым началом серьезных операций.

— Именно поэтому. С точки зрения председателя Реввоенсовета никаких серьезных операций здесь, на Восточном фронте, не требуется. А так как на Сергея Сергеевича Каменева в этом смысле надежда плохая, вот и прислали товарища Лебедева, в качестве пожарной команды... Ну, я поехал. Оставайся здесь, Валерьян Владимирович, и в случае чего Новицкого в обиду не давай.

Штаб 73-й бригады только что перебрался вслед за наступающими войсками в небольшую татарскую деревушку. Здесь же невдалеке помещался и штаб Пугачевского полка, еще не успевший перебросится ближе к своей части.

В штабе звучали зуммеры телефонов, стучал телеграфный аппарат, то и дело хлопала входная дверь. В дальнем

углу Кутяков с начальником штаба что-то вымеряли по карте, перебрасывались короткими фразами и снова мерили. Здесь же был и Фурманов, приехавший навестить свою бригаду, временно оказавшуюся на отшибе. Две другие бригады Чапаевской дивизии были переданы в оперативное подчинение Тухачевскому. Вскоре в штабе появился и Плясунков. Он только что вернулся с фронта, весь забрызганный грязью, не успел даже помыться.

Влетел посыльный и с порога выпалил:

— Фрунзе!

— Где Фрунзе?— встрепенулся Кутяков.

— Сюда идет, пешком. Машина у них засела в колдобине у околицы.

В штабе вдруг стало тихо. Только попискивали зуммеры да стучал телеграфный аппарат. Все приосанились. Кутяков двинулся было навстречу, но не успел. На пороге показался Фрунзе:

— Здравствуйте, товарищи!— Он подсел к столу.— Ну, рассказывайте, что вы тут натворили...

Кутяков начал было с того, как перехватили пакет 11-й неприятельской дивизии, но Фрунзе остановил его:

— Я все это знаю, Иван Семенович. Расскажите о том, что в донесения не вошло. В частности, как вы оцениваете остальные два полка этой Одиннадцатой дивизии противника, Кустанайский и Верхнеуральский?

— Нам не довелось столкнуться. Они слишком быстро отступили...

— Скажи — драпанули, вернее будет,— вставил Плясунков. Он хотел держаться в присутствии командующего просто, но воспоминание о столкновении в Уральске и о своем довольно глупом поведении там смущало его.

— Что же, можно и так сказать,— согласился Кутяков,— действительно драпанули... По рассказам солдат перешедшего к нам сорок первого Уральского полка не видно, чтобы там была сила. Осточертели им господа офицеры. Там в тылу колчаковцы лютуют. А шила в мешке не утаишь. На фронте-то знают об этом. Да и сами полки порядком поистрепались. Обозы их где-то застряли. Снарядов нет. Патронов тоже не хватает. Питаются мародерством.

— А со стороны Третьего Уральского корпуса нет попыток прикрыть свой левый фланг?

— Нет, не заметно. Да вот Плясунков только что оттуда.

— Никого там нет, ни пеших, ни конных,— подтвердил Плясунков.— Да и взяться им пока что неоткуда. Мы Одиннадцатую-то продолжаем теснить, не даем ей застаиваться.

Они заговорили о событиях на фронте, о самых последних сведениях разведки, уточняли по карте расположение частей противника. Под конец Фрунзе спросил:

— А как с трофеями?

Командиры переглянулись.

— Пленных человек шестьсот, — сказал Кутяков, — а трофеи так, больше по мелочи: две пушки да пулеметов... три или четыре?

— Три,— решительно подтвердил начальник штаба.

Фрунзе не поверил, но виду не подал. Он знал эту склонность своих командиров преуменьшать количество отбитого у неприятеля оружия. Несомненно, пулеметов было больше, гораздо больше, но какой же комбриг выложит правду! Ведь неучтенные пулеметы останутся у него в бригаде.

— И то хлеб,— сказал он, прилаживаясь писать приказ.— У Гая, в Первой армии, правда, куда лучше обстоит с трофеями. Там в последних боях взяли два орудия и двадцать пулеметов, но и три тоже годятся.

Лицо Кутякова вытянулось:

— Гай Дмитриевич — орел. Нам за ним не угнаться. Да и дивизия попалась нам так, одно название, что дивизия... Оно, конечно, сведения предварительные. При подсчете пулеметов может и больше оказаться.

— Наверняка,— решительно подтвердил начальник штаба.

Фрунзе заканчивал приказ.

— Вот,— сказал он, вручая приказ Кутякову,— передайте благодарность Реввоенсовета бойцам и начсоставу за успешную атаку. Молодцы, так и действуйте!

Он попрощался и направился вместе с Фурмановым на улицу. Вслед за ними на крыльцо вышел и Кутяков. Когда Фрунзе скрылся за поворотом, Кутяков вернулся в избу и сказал начальнику штаба:

— Ну, вот что... Вы там сведения о пулеметах исправьте. Не к лицу нам быть сзади первыми. Подумаешь, какая важность — Гай!

— Все показать?

— Ну, все не все, а так, чтобы по совести было. Всего-то мы и сами никогда не узнаем. Полки утаят.

...Повернув за угол, Фрунзе сказал Фурманову:

— На вас, Дмитрий Андреевич, Тухачевский жалуется. Никак, говорит, не могу связаться ни с Чапаевым, ни с его начальником штаба. И провод есть, а связаться не могу. Чепуха получается.

— Я уже говорил с Василием Ивановичем об этом. Но вы же знаете его. Вздыбился, что наши две бригады отдали в оперативное подчинение Пятой армии, и пошел ломать оглобли... В общем, пришлось повозиться с ним. Теперь утихомирился.

— Вы давно из штаба дивизии?

— Второй день.

— Если здесь нет ничего срочного, было бы неплохо вам вернуться в штаб дивизии. Дело в том, что двадцать восьмого мы начинаем наступление. Приказ в дивизии, вероятно, уже получен. Задача ваших тех двух бригад вцепиться в левый фланг Третьего корпуса армии Ханжина и сковать его намертво, пока Семьдесят первая бригада, Тридцать первая и Двадцать четвертая дивизии будут заходить во фланг... Замысел вам понятен?

— Вполне.

— Тогда простимся. Не задерживайтесь здесь без нужды.

Фрунзе сел в автомашину, которую подоспевшие красноармейцы уже вытащили из лужи, и тронулся в обратный путь.

В штабе группы Михаила Васильевича встретил помощник. Федор Федорович был явно расстроен.

— Что с вами? — удивился Фрунзе. — На фронте что-нибудь?

— Нет, на фронте все нормально.

— Так в чем же дело?

Вместо ответа Федор Федорович подал Михаилу Васильевичу запись своих переговоров с начальником штаба Восточного фронта Лебедевым.

Новый начальник штаба строго спрашивал о причинах начала наступления, как будто наличие врага почти у Самары само по себе недостаточная причина, и требовал

изменить направление удара значительно севернее, на Бугульму.

— Что же теперь делать будем?— уныло спросил Федор Федорович, все еще переживавший жесточайший разнос за это наступление.— Они обвиняют нас в неисполнении боевого приказа перед лицом врага.

Фрунзе дочитал ленту переговоров и вернул ее помощнику:

— А ничего, Федор Федорович...

Он прошел в аппаратную и вызвал к прямому проводу командующего фронтом.

Уже по первым фразам Каменева было заметно, что в штабе фронта что-то произошло. Командующий, явно раздраженный, долго говорил о том, что контрудар назначен преждевременно. Без одновременного удара на север на Бугульму он не может быть решающим и повлечет за собой активность противника в северном, пока что не готовом к наступлению направлении. Штаб фронта спешно формирует для этого удара резервы общей численностью до четырнадцати полков,— командарм Пятой Тухачевский об этом своевременно осведомлен,— но они будут готовы к средине мая. Фрунзе следовало бы свой контрудар увязать с этим ударом.

«Удивительное дело,— с досадой подумал Михаил Васильевич,— Тухачевскому известны намерения фронта, а я впервые о них слышу!»

Было ясно, что из архивной пыли опять извлечен так называемый план больших операций, весьма внушительный на первый взгляд, но рассчитанный на любезность противника, который согласится подождать, пока главное командование сосредоточит на северном участке Восточного фронта достаточно сил. А может быть, его никогда и не хоронили? Просто выжидали втихомолку, пока командование Южной группы с величайшим трудом сколачивало ударный кулак под Бузулуком, с тем чтобы в решительный момент повернуть его на север.

Сколько уже раз всеми правдами и неправдами подсовывали ему это направление!

«Ну хорошо,— думал Михаил Васильевич,— допустим, Реввоенсовет Южной группы согласится с этим требованием. Но ведь мощные резервы, о которых говорит командующий фронтом, пока что существуют только в планах. Они будут закончены формированием только в средине

мая, если еще будут закончены! Но к тому времени дороги просохнут, и противник, подтянув тылы, снова навяжет нам бои в самом невыгодном для нас направлении. Удивительно, как этого не понимает Каменов?! Или на него так надавили сверху, что он уже не видит иного выхода, кроме пресловутого большого удара? Не видит он и того, что еще три-четыре дня — и мы силою обстоятельств, даже помимо своего желания, ввяжемся в бои по всей линии своего фронта».

Он примерно так и сказал Каменеву. В ответ получил рассуждения о том, что для парализования инициативы противника есть второстепенные участки, на которых и следовало бы начать демонстративные операции, и в заключение:

— Совет фронта... понимает, что отменить теперь начало операции нельзя, но ставит вас в известность о тех трудностях, какие создались благодаря такой оплошности.

«Так,— отметил в уме Фрунзе.— Решили отмежеваться, чтобы всякую неудачу можно было взвалить на нас... Кто это там оказался такой предусмотрительный?»

Все же оставлять без ответа такое было нельзя. И Михаил Васильевич продиктовал:

— Для демонстративных действий на второстепенных участках нужны силы, способные их выполнить. Командованию фронтом должно быть известно, что ими мы не располагаем.

Фрунзе еще раз прочел ленту переговоров и спустился к себе.

Сумрачный, вернулся в кабинет Сергей Сергеевич Каменев. Смутила его последняя фраза Фрунзе об отсутствии у Южной группы сил для успешного маневра на второстепенных участках фронта. Он и сам это знал и не мог понять, как у него вырвался этот совет, академически правильный, но в данном случае неприменимый. Подвела, видимо, нервозная обстановка, создавшаяся в штабе фронта в последнее время. Редкий день проходил без трений с главным командованием. Там, несмотря, казалось бы, на ясные указания Совета обороны за Волгу не отходить, продолжали втихомолку гнуть свою линию. Сказывалось это и в пополнениях, посылаемых на Восточный фронт, в количествах далеко недостаточных, к тому же

нередко маршевыми ротами или частями, не закончившими формирование, и в бесконечных проволочках с поставкой оружия и снаряжения, и в директивах, звонких, но весьма неопределенных. Чего только стоила телеграмма главкома в начале апреля, когда в ответ на сообщение о неудачах и просьбу о подкреплениях главком заявил: «Мне давно было ясно, что на фронте Пятой и Второй армий противник сосредоточился в превосходных силах...» И далее обращалось внимание командования, что «...группировка сил Восточного фронта совершенно не соответствует обстановке и оперативным задачам, которые приходится решать фронту».

Сергей Сергеевич и до сих пор не понял, что помешало Вацетису своевременно указать штабу фронта на опасное сосредоточение противника, раз оно ему было давно ясно, и в чем именно заключалось несоответствие группировки сил фронта?

Не изменило обстановку в штабе и появление Лебедева.

Новый начальник штаба прибыл с планом главкома и с полномочиями проводить его в жизнь по мере развития операций, не давая им принять слишком смелый и решительный характер.

Каменев горько усмехнулся: «Знакомая песня: посиди да подожди, а чего — неизвестно».

Вдруг у него блеснула мысль: а чего, собственно, ждет он сам? Конечно, Фрунзе не учитывает опасности нажима противника на Бугульму, и ударная группа его далеко не готова: 31-я дивизия у Бузулука полностью не сосредоточена, кто в этом виноват — другой вопрос, 2-я дивизия недоукомплектована... Все это так... А что, если Фрунзе прав и перед нами выбор: либо мы немедленно наличными силами начинаем контрудар, либо через неделю будем втянуты по инициативе противника в затяжные бои?

Он представил себе, что произойдет в этом последнем случае, и почувствовал озноб. Тогда действительно придется отводить свои войска за Волгу.

КОНТРУДАР

1

На рассвете двадцать восьмого апреля войска Южной группы Восточного фронта перешли в наступление.

По весеннему бездорожью, чуть обдутому ветрами, увязая в ложбинах, по прошлогодней стерне невспаханных полей двинулась пехота. За ней потянулись патронные и санитарные двуколки. К облюбованным заранее позициям, наматывая на колеса липкую грязь, с трудом продвигались пушки. И все это — молча, с короткими, вполголоса командами, передаваемыми по цепи, напряженно всматриваясь в предрассветную муть, которая вот-вот брызнет ружейно-пулеметным огнем, загремит разрывами снарядов, взвоет шрапнелью...

Порознь, у каждой воинской части, был свой, заданный ей маневр — частица давно задуманного, многократно скорректированного плана — и за выполнением этого маневра теперь пристально следили в штабе Южной группы.

Первый день прошел в напряженном ожидании. Два раза к прямому проводу Михаила Васильевича вызывал Каменев, спрашивал, нет ли сведений с фронта: что удалось сделать сегодня на рассвете?

— Ведь от этого зависит весь дальнейший ход,— настаивал командующий фронтом.

Но сведений еще не было. Михаил Васильевич и не ожидал их так скоро. Он хорошо знал своих старших командиров и мог предвидеть, от кого что можно ждать. Беспокоили его другие обстоятельства.

Воздушная разведка заметила усиленное движение поездов от линии фронта в тыл к Бугуруслану и сколько ни искала — не обнаружила в ближайшем тылу особенных скоплений войск и обозов. Не было видно и артиллерии. Это могло означать только одно: противник пытается вывести свои войска из-под удара, а командование фронтом этот маневр почему-то никак не тревожил.

Фрунзе приказал ударной группе уклониться к востоку и бросил кавалерию в обхват левого фланга противника и далее в тыл всей его Бугурусланской группе. И этим вызвал недовольство командования фронтом, продолжавшего считать Бугульминское направление, из-за его близости к Симбирску, главнейшим. Конечно, так прямо не говорилось, но это понимали и без слов. Стоило только противнику нажать в Бугульминском направлении, как в штабе фронта мгновенно теряли способность спокойно реагировать на ход событий.

Бугульминское направление прикрывала Пятая армия и прикрывала неудачно, несмотря на то что Фрунзе под давлением командующего фронтом передал ей две бригады своей лучшей Чапаевской дивизии. Противник, оттеснив части Пятой армии, занял Сергиевск и нацелился на станцию Кротовку, где находился ее штаб.

Как ни доказывал Михаил Васильевич, что чем глубже вклинится противник в нашу оборону на севере, тем значительнее будет его разгром, убедить командование фронтом он не смог. Эти разговоры по прямому проводу, помимо прочего, имели еще и такой смысл: не упустить

бы момента и в случае успеха контрудара повернуть войска Южной группы на север, к Бугульме.

К ночи в штаб Южной группы стали поступать сведения о результатах наступления. Как и ожидал Фрунзе, вести были отрадные. Бригада Кутякова как вцепилась два дня назад в 11-ю неприятельскую дивизию, так и теснила ее, нацеливаясь выйти на ее тылы. Две другие чапаевские бригады, вместе с бригадой 26-й дивизии Пятой армии, атаковали 3-й горно-стрелковый корпус генерала Голицына и гнали его, захватывая пленных и трофеи, пока не выбились из сил. 24-я дивизия Первой армии продолжала наносить удары по 12-й дивизии 6-го колчаковского корпуса.

Но среди сведений, поступивших за день, были и настораживающие. Разведка доносила новые данные о белогвардейском корпусе Каппеля. Она утверждала, что части этого корпуса, направленные на Бугульму, оттягиваются обратно в район Белебея, где, по-видимому, и сосредоточивается весь корпус.

До сих пор было известно от пленного офицера 22-го Прикамского полка, что части корпуса Каппеля находятся в районе Чистополя, то есть в сфере действий Северной группы Восточного фронта. Сообщение разведки заставило Михаила Васильевича задуматься. Корпус Каппеля шел явно на смену 3-му Уральскому корпусу генерала Голицына, а у него, кроме 2-й дивизии, еще не законченной формированием, в резерве не было ничего.

Михаил Васильевич вызвал к прямому проводу командующего фронтом и в числе прочего сообщил о сведениях, полученных разведкой.

— Помня вашу оценку Каппеля, я слегка обеспокоен этим обстоятельством и хотел бы слышать ваше мнение относительно дальнейших возможных операций,— сказал Фрунзе.

Ответ не замедлил.

— Относительно Каппеля,— простучал аппарат,— можно сказать одно: он был силен, когда командовал чехами; его сильная сторона — маневры очень быстрой перегруппировкой; теперь, когда чехов нет, он не опасен.— Аппарат помедлил и застучал снова: — Будет очень неприятно, если он обнаружится на направлении Сергиевск — Бугульма; если же сменит части Третьего корпуса, то больших неприятностей не сделает...

Фрунзе не мог сдержать усмешку. «Опять на первом плане эта Бугульма. Вот уж действительно, как говорят на Востоке: «Человек, ушибивший свой палец, ничего, кроме этого пальца, не замечает». Так и командующий: опытный, а вот не понимает, что чем больше противник сосредоточит у того же Сергиевска войск, тем значительнее будет его разгром. Или командующего так задергал Троцкий, что он всякую ориентировку потерял? Эх, Левушка, Левушка! И когда только ты угомонишься, перестанешь играть в вожди?

Это счастье, что там рядом Ильич, не даст распоясаться. А дай Троцкому в руки вожжи — он такого натворит, что Россия, как таратайка у незадачливого возницы, разлетится вдребезги. Но сам он не погибнет, погибнут миллионы, а он вовремя спрыгнет... Да и как может быть иначе у человека, для которого весь мир — гостиница. Не понравилось — можно перебраться в другой номер...»

Фрунзе вздохнул и, спустившись на первый этаж, зашел к Куйбышеву.

Валерьян Владимирович стоял у распахнутого окна. Заслышав шаги, он обернулся.

— Чем это вы заняты?— спросил Фрунзе, опускаясь в кресло.

— Дышу, Михаил Васильевич. Сегодня весь день не вылезал из кабинета. Под конец чувствую, что одурел.— Куйбышев закрыл окно и сел в кресло напротив командующего.— Что у Тухачевского?

— Не получается пока что... Левый фланг совсем не держит фронт.

— Двадцать седьмая дивизия?

— Да. И бригада Пятой... Вчера ночью пришлось перебросить походным порядком Шестнадцатый стрелковый полк в район станции Кинель. Выставили заслон на случай прорыва. А сегодня две бригады Второй дивизии из резерва передвинул: одну к Сергиевску, другую к Кротовке, прикрыть штаб Пятой армии.

— Передали Пятой?

— Нет, пока еще не передал, но, видимо, придется. Тухачевский нажимает и лично и через командующего фронтом... Понять не могу, отчего такая нервозность? Подумаешь, наступает Четвертая Уфимская дивизия!.. Четыре тысячи семьсот штыков списочного состава да

тысячи три необученного сырья, обозников и прочих. Вот и вся дивизия.

— А что говорит командование фронтом? Понимают ли они, что мы остаемся без резервов?

— Не похоже. Просил у Каменева бригаду из резерва фронта. Отказал... У них там возникла новая идея: выделить Бугульминскую группу и подчинить ее непосредственно фронту.

— Это что же, перепрягать в реке?

— Вроде того... Они уже так бы и сделали, да никак не найдут командующего для новой группы.

— Интересно, чья это затея?

— Трудно сказать. Возможно, новый начальник штаба старается. Для чего-нибудь прислан он... Всего правильнее было бы передать войска, подготавливаемые фронтом для Бугульмы, в Пятую армию. Тогда незачем было бы создавать еще одну группу войск и не понадобился бы командующий.

— Что же, Каменев этого не понимает?

— Раньше без труда понял бы.

— А теперь?

— У меня такое впечатление, что он утратил ориентировку. Сергей Сергеевич человек безусловно честный и хороший военный специалист, но он беспартийный. В подполье он не был, с оппортунистами всех мастей не дрался. Откуда же у него возьмется понимание того, что́ здесь происходит?.. Попытаюсь посоветовать ему поручить войска Бугульминского направления Тухачевскому, но что из этого выйдет — не знаю.

Михаил Васильевич поднялся.

— Ну что ж, поехали по домам. Отдохнуть надо. День-то был не из легких... Завтра думаю во второй половине дня, если ничего не стрясется, съездить накоротке в район Сергиевска. Хочу посмотреть, что там происходит. Так ли уж страшен черт, то есть эта Четвертая Уфимская дивизия, как ее малюют.

Хмурый возвращался Михаил Васильевич из поездки на фронт. Как он и подозревал, противник, заняв Сергиевск, этим и ограничился. Фрунзе сам расспрашивал разведчиков Сергиевского сводного полка, только что вернувшихся из поиска. Они в один голос утверждали, что на

путях от Сергиевска к линии нашего фронта можно встретить лишь небольшие разъезды колчаковцев. А два последних дня и тех что-то не видно.

«Что же, собственно, происходит?» — с горечью думал он.

Не в том дело, что ему часто отказывали в пополнениях, задерживали поставку оружия и снаряжения, обделяли командным составом и политработниками. Все это как-то можно было объяснить, хотя и трудно было понять, почему командиров и политработников, выделенных Южной группе, «засылали» непосредственно в Пятую армию, где они и оставались. Так же фатально происходило с оружием и снаряжением... В конце концов он справился с этим. Беда была в том, что командование фронтом, вопреки своим заверениям о необходимости твердо определить перечень частей, входящих в ударную группу, при осложнении на фронте не находило другого выхода, как выдернуть из ударной группировки наиболее боеспособную часть, только потому, что мало кто верит в его план флангового удара, не верит, что ему удастся этот план осуществить. Если бы не поддержка ЦК партии и не Ленин, его давно бы смяли.

Но что-то надо было предпринимать. Нельзя было допустить, чтобы противник спокойно отсиживался, собираясь с силами, как это происходило в Сергиевске. Михаил Васильевич подумал, что будет не лишне, если он пошлет на фланги Пятой армии своих представителей, из тех, что потолковее. Они не дадут им топтаться на месте, и у него будет там «свой глаз». В штабе армии, конечно, обидятся, но другого выхода у Фрунзе не было...

В штабе Южной группы Михаила Васильевича уже поджидали неприятности. Едва он успел раздеться, как в кабинет вошел Новицкий и молча положил на письменный стол перед Фрунзе телеграмму Реввоенсовета фронта. Там был категорический приказ перенести главный удар на Сергиевское направление и предлагалось резко повернуть Туркестанскую армию с северо-востока на Бугульму.

Это могло означать только одно: похороны самой идеи его плана контрудара по левому флангу и тылу основной группировки врага. Даже коннице ударной группы было указано движение не на глубокие тылы противника, а круто на север, то есть все на ту же Бугульму.

— Что же будем делать, Михаил Васильевич? — спро-

сил Новицкий. Он был явно расстроен таким поворотом событий, хотя и ожидал их со дня на день.

Фрунзе не отозвался. Он читал и перечитывал приказ фронта и понимал, что протестовать бесполезно. Пока его протест дойдет, пока разберутся — время будет упущено. Это не окопная война тысяча девятьсот шестнадцатого года. Здесь каждый день, а порою и того чаще, что-то меняется и пока что не в пользу противника. Нельзя было допустить, чтобы из-за препирательств с командованием фронта этот благоприятный момент был упущен.

Он видел, что командование фронтом совершает ошибку, повертывая Туркестанскую армию на север. Достаточно было еще четыре дня развивать начатое наступление, и с ударной армией генерала Ханжина будет покончено. Но у него не было времени доказывать эту истину.

Все же Михаил Васильевич вызвал к прямому проводу Тухачевского и спросил его, удержится ли Пятая армия левым флангом в районе Кабаново — Сарбайская еще четыре дня.

Аппарат простучал отрицательный ответ и настойчивую просьбу передать армии 2-ю дивизию.

— Вторая дивизия передается,— продиктовал Фрунзе и добавил: — Это мой последний резерв. Его употребление должно быть связано с полным разгромом противника...

Он вернулся в кабинет, сдвинул со стола карты, квалифицированно расчерченные в оперативном отделе стрелками с обозначением частей, своих и противника, и потребовал чистую.

Туповатым цветным карандашом,— первым, какой попался под руку,— он начертил стрелки, охватывающие с флангов Бугуруслан, Бугульму, Сергиевск, и пометил внизу части, которые будут выполнять этот маневр.

— Вот так, Федор Федорович,— сказал Фрунзе, передавая ему карту.— Это не лучшее решение. Но иного выхода у нас нет. Подготовьте приказ... И вот еще что. Всю Туркестанскую армию я повернуть на север не могу. При всей слабости противника в этом районе, именно отсюда, восточнее Бугульмы, следует ожидать удара во фланг Пятой армии. Поэтому бригаду Кутякова временно передадим ей. Таким образом вся Чапаевская дивизия, на случай каких-либо осложнений, будет в одном кулаке.

Новицкий с сомнением покачал головой.

— Вы все-таки рассчитываете...

— И даже очень рассчитываю на то, что в штабе фронта в ближайшую неделю наступит просветление...— Он помедлил, о чем-то сосредоточенно думая, и вдруг сказал с силой: — Далеко не уйдут! Не в Бугуруслане, так под Белебеем, но от армии генерала Ханжина останется только воспоминание.

Просветление в штабе фронта наступило даже раньше, чем предполагал Михаил Васильевич.

Второго мая, просматривая сводку, начальник штаба Павел Павлович Лебедев схватился за голову. Сведения воздушной разведки о подозрительном отсутствии скопления войск и обозов в ближайшем тылу противника в районе Бугуруслана и об усиленном движении поездов от линии фронта, которым он не придал значения, вдруг подтвердились самым убедительным образом. Неприятель под нажимом наших войск спокойненько отводил свои части, в сущности ничего не теряя, кроме территории.

Получалось совсем не то, на что рассчитывало командование фронтом, поручая главный удар Пятой армии. Надо было что-то предпринять. Преодолев самолюбие, Лебедев связался по прямому проводу с Фрунзе и, посетовав на создавшееся положение, спросил, нельзя ли 2-ю дивизию, которую в свое время нацелили под Сергиевск правильно, но теперь в связи с изменившимся положением там ставшую излишней, перебросить в район Туркестанской армии, для удара противнику во фланг?

Михаил Васильевич не стал напоминать Лебедеву, что между «правильным» решением командования фронтом и теперешним положением 2-й дивизии прошло не многим больше суток. Он сказал, что попытается так и сделать.

На другой день Михаила Васильевича вызвал к прямому проводу Каменев. Он сказал, что очень доволен ходом операции на Бугульминском направлении. Если активность противника в районе Сергиевска Михаила Васильевича не тревожит, то его, Каменева, это обстоятельство вполне удовлетворяет.

А бои продолжались... Четвертого мая в 9 часов утра наши войска взяли Бугуруслан. Почувствовав угрозу своим

тылам, белогвардейское командование отдало приказ об отступлении. В этот же день к вечеру был освобожден Чистополь, а наутро пятого мая — занят Сергиевск.

2

Троцкий с утра был не в духе. Все отрывистей становилась его речь. Зловеще поблескивали стекла пенсне. Адъютанты, первыми заметившие настроение своего патрона, избегали попадаться ему на глаза. Из адъютантской весть о надвигающейся грозе растеклась по этажам, проникла в кабинеты. Там уже знали о неудачах на Южном фронте — Девятая армия разгромлена, потерян Луганск, в районе станицы Вешенской разгорелось восстание белого казачества — и ждали, на кого в этот раз обрушится гнев председателя Реввоенсовета республики.

А в своем кабинете, за двойными массивными дверями Троцкий с раздражением говорил главкому Вацетису:

— Я недоволен положением дел на Восточном фронте! Абсолютно недоволен... Не понимаю, что там происходит. Решительно ничего не понимаю!.. Вы читали доклад этого Лебедева? Он, видите ли, считает невозможным проводить план Главного командования якобы из-за того, что на подготовку его нужно слишком много времени, и дает согласие на авантюру пресловутого контрудара Фрунзе. Вы что, имеете возразить?

— Нет, конечно,— отозвался Вацетис.— Я только хотел обратить ваше внимание на то, что Лебедев основательно скорректировал план контрудара в сторону наибольшей безопасности.

— Это скорее безопасность противника... Заняли Бугуруслан, Чистополь, Сергиевск, а результаты? Противник спокойно, как на маневрах, отвел свои войска.

Троцкий покосился на лежавшую на столе сводку боевых действий Южного фронта и передернулся. Предстояли неприятные объяснения в Совете обороны. От него потребуют перебросить на Южный фронт резервы. Но резервов не было.

Из одиннадцати стрелковых дивизий с общим числом в 150—200 тысяч штыков, которые должны были к весне образовать резерв Главного командования, в действительности в военных округах можно было насчитать тысяч

60 штыков, да и то еще большой вопрос, насколько они пригодны к бою. Все остальное непостижимым образом уплыло маршевыми полками и даже ротами. Можно было бы взять несколько дивизий с Восточного фронта, как делали уже не раз, но это так не вовремя начатое наступление спутало все его расчеты. Нет, с этим мириться нельзя. Всякому самовольству должен быть положен предел. Он не забыл разговоров в начале апреля в Симбирске. Они там в Реввоенсовете фронта слишком сжились.

— Каменева надо отозвать в распоряжение Реввоенсовета республики,— сказал Троцкий.— Дадим ему двухмесячный отпуск, а там видно будет.

— Кем же его заменим?

— Что представляет собой командарм Шестой отдельной Самойло?

Вацетис замялся:

— Подготовки у него для такого крупного соединения, как Восточный фронт, недостаточно. И вообще... с неба звезд не хватает.

Но Троцкий уже, что называется, закусил удила. Виновник неудач был найден. Это благодаря непростительной слабости Каменева, допустившего наступление Южной группы, теперь нельзя было снять с Восточного фронта несколько дивизий.

— К сожалению,— резко сказал он,— у нас избыток доморощенных стратегов. Нам недостает людей исполнительных... Введите Самойло в курс дела, предложите ему твердо проводить директивы Реввоенсовета республики и поменьше советоваться с Гусевым и его компанией.

Вацетис все же сомневался:

— Вряд ли Самойло удастся остановить это так не вовремя начатое наступление. Командует им Фрунзе, а у него всегда найдутся доводы опротестовать такое решение перед Советом обороны и перед Центральным Комитетом.

— Я думал об этом...— Троцкий сбросил пенсне на стол.— Примерно через неделю... словом, как только Самойло освоится, дайте ему указание освободить Фрунзе от командования Южной группой. Довольно с ним церемониться...— Троцкий оборвал фразу. У него вдруг блеснула мысль, что наконец-то он избавится от этого единственного из командармов, который имеет дерзость при всякого рода затруднениях обращаться непосредственно

к Ленину и делает это так искусно, что к нему невозможно придраться. Мысль эта блеснула и погасла. В ней он не хотел признаться даже себе.

Оставшись один, Троцкий долго сидел, барабаня холеными пальцами с полированными, чуть подкрашенными ногтями по столу, но душевное равновесие не наступило. Слишком глубоко уязвило его контрнаступление, начатое Южной группой Восточного фронта.

Оказалось, что клин, который с невероятным упорством вбивал Фрунзе в разрез между 3-м и 6-м корпусами зарвавшейся в наступательном раже армии генерала Ханжина, самым недвусмысленным образом врезался и в план председателя Реввоенсовета республики, его собственный план, блеснувший однажды в уме как озарение, затем тщательно разработанный и красиво вычерченный на крупномасштабной карте штабными специалистами, которых в кулуарах этого огромного здания так и называли — группой Троцкого. И не то чтобы контрудар Фрунзе лишь какой-то стороной затронул этот план, потеснил его... Нет, он угодил в самое основание, что называется, срезал его под корень!

Этого Троцкий снести не мог.

Угрозу своему плану он почувствовал не вчера. Еще в апреле, вынужденный под давлением ЦК партии и Совета обороны согласиться на создание Южной группы на Восточном фронте под командованием Фрунзе, он не случайно настоял на организации укрепленных районов у Казани, Симбирска и Самары, — мероприятие, само по себе ни у кого не вызвавшее возражений,— но он поставил командование фронтом в такое положение, что на эти укрепленные пункты оно было вынуждено взять всю артиллерию вновь формируемой 5-й дивизии, а части 35-й дивизии обратить в их гарнизоны... Это был мастерский ход, лишивший фронт средств наступления.

Он многое сделал, чтобы, вопреки постановлениям ЦК партии и Совета обороны, вопреки прямым указаниям Ленина, придать пассивный характер действиям армий Восточного фронта и в конечном итоге отвести их за Волгу.

И даже когда после первых ударов Южной группы обнаружился явный успех наших войск, он не поверил в него. Что могли дать все эти Бугуруслан, Бугульма, Белебей?! — Названия-то какие! — Иллюзию побед, не больше. Ссылки на то, что в этом районе есть запасы хлеба,

вряд ли можно считать убедительными. Хлеб есть и на Украине, и в количествах, несоизмеримо более значительных. Так стоит ли из-за этих городишек ставить под удар его грандиозный замысел: остановив колчаковцев на линии Волги, в кратчайший срок разгромить деникинцев и немедля перенести войну на Запад, в самый центр мирового капитализма, чтобы и там зажечь революционный пожар! Это будет смелый ход, но он-то и даст окончательную победу. Занятые своими заботами капиталистические страны прекратят помощь русским белогвардейским армиям, и те, лишенные поддержки извне, рассыплются сами собой. Только доктринеры в шорах толстых фолиантов Маркса не в состоянии понять этого.

Взволнованный своими мыслями, Троцкий уже давно шагал по вместительному кабинету, машинально сжимая бог весть как оказавшийся у него в руке нож для разрезания бумаги. Нож был слоновой кости, пожелтевший от времени, с великолепными рисунками по обеим сторонам лезвия и с резной рукояткой, в которой искусным мастером были выпилены миниатюрные диковинные звери и птицы — скорее антикварная игрушка, нежели необходимая принадлежность письменного стола.

На противоположной стене, в глубине кабинета, была огромная карта, закрытая от нескромных взглядов полотном и надежно прошнурованная с четырех сторон. Концы шнура были скреплены сургучной печатью, висевшей в нижнем левом углу этого своеобразного пакета.

Проходя мимо, Троцкий всякий раз скользил взглядом по этой запечатанной карте, и все пристальнее становился его взгляд.

Вдруг Троцкий круто повернулся, подошел к ней, чуть помедлил и рванул печать. Карта скользнула по стене, перекосилась. Не выпуская костяного ножа, он придержал левой рукой угол карты и потянул шнурок на себя. Освобожденное полотно мягко съехало вниз и легло крупными складками у его ног. Не отрывая взгляда от обнажившейся карты, он медленно отступил на несколько шагов. Теперь вся она была в поле зрения.

Это была та карта к плану генерального разгрома противника с перенесением войны на Запад, которая несколько месяцев назад была вычерчена по его указанию. И хотя план этот еще никогда не был так далек от осуществления, как сейчас, а сама карта безнадежно уста-

рела, она была дорога ему как придорожная веха путнику в пургу.

Еще не все было потеряно. Это самонадеянное контрнаступление Южной группы бывшего земгусара Фрунзе можно приостановить, затем ликвидировать и саму группу. Фронт стабилизировать на каком-то рубеже, лучше всего для этого подошла бы, конечно, Волга, но можно найти и другие рубежи. А затем, перетасовав дивизии и армии, он вернется к своему плану... После двух-трех удачных сражений на Западе Центральному Комитету и Совету обороны придется согласиться с ним. Всяких начетчиков и доктринеров надо ставить перед совершившимся фактом. Только тогда у них может наступить прозрение... Миром правит личность, а разговоры о демократии, о подчинении большинству — парадный мундир, который надевают перед выходом на площадь, не больше.

Но тут мысль Троцкого неожиданно сделала скачок: что, если остановить контрудар, начатый Фрунзе, не удастся?! А память, словно недруг, с затаенным злорадством напоминала ему обстоятельства, сопутствовавшие созданию Южной группы, прямое вмешательство в это дело Центрального Комитета, столкновения с Лениным по вопросу о характере операций на Восточном фронте. Да и сам Фрунзе оказался из зубастых, умеет постоять за себя. Вот хотя бы история с Гаем. Троцкий тогда и лично, и через главкома немало сделал, чтобы, сыграв на уязвленном самолюбии командарма Первой, вбить клин в их отношения с Фрунзе. А что вышло? Чепуха... Фрунзе, вопреки возражениям главкома, передал командование контрударом Зиновьеву, а Гая заставил подчиниться своим приказам. Были и другие столкновения, когда Фрунзе, то с помощью ЦК, то при поддержке лично Ленина выходил победителем. Разве не может и теперь, несмотря на все предпринятые меры, случиться такое, что Фрунзе каким-либо неожиданным ходом вновь спутает все его расчеты?

Мысль эта была непереносима. Троцкий почувствовал, что бледнеет — знал за собою такое — от бешенства. Его левая рука конвульсивно сжалась. Зажатая в ней рукоятка костяного ножа хрустнула и рассыпалась на мелкие куски. Он со злостью отбросил сломанный нож и, вернувшись к столу, нажал сигнальную кнопку.

— Распорядитесь запечатать карту,— сказал он по-

явившемуся в дверях адъютанту и направился к выходу: — Мою машину...

Адъютант метнулся вслед за ним. В опустевшем кабинете на ковре желтели старой слоновой костью обломки антикварной игрушки.

3

Бойцы отходили за реку Чеган. Мимо прогромыхала артиллерия — четыре орудия на скрипучих лафетах, прошел обоз с ранеными. На последней телеге дремала медицинская сестра, похожая на серую степную птицу, нахохлившуюся перед дождем.

Дронов переждал обоз, проследил взглядом за артиллеристами, занимавшими новую позицию, и въехал на переправу навстречу частям, отступавшим к Уральску.

Это могло стать началом конца.

После неудачных сражений в конце апреля, когда белоказаки, заняв участок железной дороги между станцией Деркуль и Уральском, разрезали 22-ю дивизию пополам и часть ее во главе со штабом откатилась в Уральск, положение на этом отрезке фронта стабилизировалось. Происходили лишь небольшие стычки с переменным успехом. Но вскоре здесь все изменилось.

Колчаковское командование, ранее не придававшее значения Бугульминскому направлению, встревожилось и, чтобы отвлечь ударную группировку войск Фрунзе от терпящей поражение армии генерала Ханжина, чтобы спасти ее, бросило на Уральск казачьи конные части.

Даже такая, рассеченная надвое, 22-я дивизия была значительно сильнее противника, но сказались недисциплинированность, самохвальство командиров и неумение бороться с конницей. Пользуясь своей подвижностью, белоказаки, руководимые опытным генералом Савельевым, внезапно обрушились на часть дивизии, оттесненную к Уральску, перерезали ее связь с Бузулуком. Уральск оказался в осаде. Кольцо неприятельских войск сжималось. Надо было остановить противника.

За рекою Дронову стали попадаться красноармейцы. Группами и в одиночку они спешили к переправе, чтобы укрыться от противника. Дронов хлестнул коня и направился к ним:

— Куда это вы? Назад!..

Какой-то невзрачного вида красноармеец, с шапкой, наползающей на глаза, едва не столкнувшись с конем Дронова, закричал истошно:

— Казаки!.. Прут... Тучей!..

Дронов привстал на стременах, крикнул во всю мочь:

— А ну, ко мне!.. Сюда!.. Сюда...

Он метался по полю, перехватывая беспорядочно отступающих бойцов, группировал их у моста.

— Так где же ваши казаки? — со злостью допытывался он, когда собралось около взвода бойцов.— Да были бы они здесь, вас давно бы пошинковали, как капусту. Разве от конного убежишь! От конного только одна защита — винтовка...

Назначив командира и построив импровизированную часть, Дронов отвел ее за мост и велел окопаться, чтобы прикрыть переправу и артиллерию, занявшую невдалеке огневую позицию. Паника улеглась.

Правее от небольшого леса доносилась усиленная ружейно-пулеметная стрельба. Дронов направился туда. Вскоре до него стали долетать пули. Дронов спустился в небольшую балку и подъехал к роте, окопавшейся в кустарнике на левом фланге полка, атакованного неприятелем.

— Плохо, товарищ комиссар,— сказал ему командир роты.— Четвертую атаку отбиваем. Казаки как с цепи сорвались.

— Начдива не видели?

— Недавно был здесь. Накричал и подался направо... Да все это без толку. Фланги-то не прикрыты. Ничто не помешает казакам зайти к нам в тыл.

«И в самом деле! — подумал Дронов. Он только теперь понял, что его беспокоило в расположении войск, оборонявших Уральск.— Казаки здесь у себя дома. Они превосходно знают каждый пригорок, каждую балку. Что им стоит обойти стороною это прикрытие?»

— К реке надо бы оттянуть наш фланг,— сказал командир роты.— Тогда вполне можно было бы не оглядываться назад.

— Что же, начдив не понимает этого?

— Говорил я ему...

— А он что?

— Обругал. Сказал, что мы должны драться, где нас поставили, а командовать будет он сам.

Да, это было похоже на Сапожкова. Самолюбивый до безрассудства, втайне уязвленный славой Чапаева, начдив 22-й не переносил советов, особенно от подчиненных, и готов был пойти на что угодно, лишь бы настоять на своем. На этой почве у Дронова уже были с ним столкновения. Он подумал, что ему следует вмешаться, и направился к центру. Там, судя по стрельбе, разгорелся серьезный бой.

Столкновения с Сапожковым начались у Дронова на другой же день после отъезда Фрунзе из Уральска. Проводив Михаила Васильевича и безуспешно прождав начдива часа два в штабе, Дронов пошел к нему на дом. Там за столом, уставленным тарелками со снедью и бутылками водки, расположилась небольшая, но довольно шумная компания.

— А-а, комиссар! — приветствовал его Сапожков, даже не привстав за столом. Он успел изрядно выпить, но держался крепко.— Проходи, садись... Это все мои боевые товарищи. С первых дней с ними. Знакомься, комиссар.

Дронов осмотрелся. Здесь были командиры бригад. Их он уже знал, остальных видел впервые. Но ни начальника штаба, ни кого-либо из руководящих штабных работников не было. Видимо, это собрались «дружки» начдива, те, на кого он опирался. Здесь же возле стола хлопотал вестовой и наперсник Сапожкова — Ларька, лет тридцати казак с круглым как блин лицом, реденькими монгольскими усиками и хитроватыми глазами-пуговками.

— Садись, комиссар,— продолжал Сапожков, наливая чайный стакан водки.— Вот выпей и докажи, что ты боевой товарищ.

— Так доказать — плевое дело,— усмехнулся Дронов.— Под Щаповом было потрудней.

Начдив нахмурился. Напоминание о неудачном наступлении задело его.

— Раз на раз не приходится, комиссар. Ты вот только начинаешь, а мы хватили лиха... Ну, пей, или ты, может быть, из непьющих? Не люблю таких. Толку от них никакого.

Надо было кончать эту болтовню. Дронов встал.

— Нет, почему же, при случае... А сейчас какой повод? День только начался... Как освободишься, начдив, приходи в штаб. Дело есть.

Он ушел, провожаемый неодобрительным молчанием.

Дронов понимал, что один он не справится с этой вольницей. Особенно его беспокоили «дружки» Сапожкова. Несомненно, у тех были свои дружки. Получалась неплохая опора. Беда была в том, что опора эта с трудом укладывалась в рамки крепнущей дисциплины молодой Красной Армии.

Воспользовавшись тем, что Иваново-Вознесенский полк доформировывался в Уральске, Дронов с его помощью навел в городе порядок, решительно прекратив бесцельную пальбу. Затем, выпросив у Фрунзе несколько политработников и десятка два бойцов из числа ивановских ткачей, он реорганизовал ревтрибунал и особый отдел, вытряхнув оттуда людей, неизвестно как и зачем туда затесавшихся, создал при этих учреждениях небольшой, но надежный отряд, способный обеспечить им нормальную деятельность, и замелькал по бригадам и полкам, время от времени наведываясь в штаб. С начдивом у него установились сдержанные отношения, случались и размолвки, но до крайностей не доходило. Дронов ни на минуту не забывал о том, что им надо во что бы то ни стало удержать Уральск, пока ударные войска громят армию генерала Ханжина, и соответственно поступал. А Сапожков с некоторых пор почувствовал, что он теперь далеко не всесилен. Приходилось считаться с комиссаром, с настроениями в подразделениях, непостижимо складывавшимися не в его пользу. Даже «дружки», оглядываясь на особый отдел и трибунал, не так охотно его поддерживали. Сапожков злился, выходил из себя, но сделать ничего не мог.

...Пальба в центре нарастала. С коня Дронов видел, как вылетевшая из балки казацкая часть рассыпалась лавой и, сверкая клинками, с гиком ринулась на красноармейскую цепь. Рванув поводья уздечки, Дронов бросился к цепи. Но в это время с фланга ударили пулеметы, и казаки отхлынули. Вскоре атака повторилась справа.

«А тут неплохо держатся,— отметил в уме Дронов.— Эти, видать, научились...»

Внезапно на левом фланге, где он только что был, произошло что-то непонятное. Там явно завязывался бой, но почему-то глубже линии нашего фронта. Это, видимо, заметили и в цепи. Командиры все чаще оглядывались назад, прислушиваясь. За ними стали оглядываться и красноармейцы. И вдруг линия фронта, перед этим как тугая пружина отбрасывавшая противника, задвигалась,

стала изгибаться вкривь и вкось и, лопнув в нескольких местах одновременно, рассыпалась.

— Обошли! — пронеслось по фронту.

Далее все представлялось Дронову как в кошмарном сне. Бойцы, словно утратив рассудок, вскакивали и бежали, ни о чем не думая, ни на что не рассчитывая, лишь бы уйти подальше от надвигающейся опасности. Напрасно командиры пытались остановить их, образумить. Они ничего не слышали и не видели. С глазами, остановившимися от ужаса, они обтекали командиров справа и слева, как случайное незначительное препятствие—пень или столб,— и стремились дальше к переправе, навстречу своей гибели.

В кошмаре панического отступления перед Дроновым возникла фигура Сапожкова, сопровождаемого вестовым Ларькой. Разъяренный начдив метался как угорелый на рослом дончаке, матерился, размахивал нагайкой. Но и его, как случайное препятствие, обтекали бойцы.

— Отступать надо! — услышал Дронов возле себя хриплый голос начдива. Он покосился вправо. Лицо у Сапожкова красное, потное. Видать, хлебнул не так мало.

— Уже отступаем,— недобро сказал Фаддей Ефимович. — Разве не видишь? Вот сейчас казаки налетят, то-то будет потеха... Почему левый фланг не оттянул к реке?

Сапожков зло прищурился:

— Уже донесли?

Отвечать не имело смысла. Дронов хлестнул коня и поскакал к переправе.

Там уже все окончилось. Оказалось, что командир роты, прикрывавшей левый фланг, на свой риск отвел подразделение ближе к реке. И вовремя. Когда казаки попытались поймой зайти к нам в тыл, их встретили залпами. Артиллерия из-за реки открыла по ним огонь. Атака противника была отбита. Но паника смяла фронт. С трудом, кое-как собранные части отходили за реку. Несколько наименее пострадавших от паники рот прикрыли отступление. Надо было считать чудом, что казаки до сих пор не воспользовались этим смятением и не атаковали отходящие части, но рассчитывать на то, что так будет продолжаться и дальше, не следовало...

Казаки появились внезапно. Уверенные в легкой победе, они с гиком ринулись к переправе, откатились, встре-

ченные ружейно-пулеметным огнем, перестроились и снова ринулись.

— Нажрались, дьяволы, самогону,— сказал, облизнувшись, командир батареи, наблюдавший за ними в бинокль:— Давай беглым...

Орудия зачастили. Белые облачка шрапнельных разрывов закурчавились в небе. Но казаки наседали. Роты прикрытия с трудом их сдерживали.

— Ты бы, товарищ комиссар, сошел с конька,— сказал командир батареи.— Не ровен час и зацепить могут.

Дронов не отозвался, занятый наблюдением за мостом. Переправа заканчивалась. Вот уже через него прошли роты прикрытия, а мост еще не был взорван. Видимо, случилась какая-то оплошность. Казаки уже приближались к нему.

— А ну-ка, ребята, осадите казаков! — крикнул Дронов артиллеристам и поскакал к группе бойцов, прикрывавшей переправу.

Артиллеристы поняли и открыли беглый огонь по казачьей части, норовившей взять мост с ходу.

Подскакав к группе прикрытия, Дронов спрыгнул с коня.

— Мост, мост! За коим дьяволом вы его оставили?!

Но к мосту, припадая к земле, уже бежали саперы.

— Скорее, скорее,— торопил их Дронов. Он схватил пироксилиновую шашку и бросился за ними.

Невдалеке мелькнуло круглое как блин, с реденькими монгольскими усиками лицо Ларьки и затерялось среди бойцов.

«Зачем он здесь,— отметил в уме Дронов,— и почему один? Где же Сапожков?..»

Ему совсем незачем было бежать сюда: саперы управились бы и без него, но он все-таки бежал, чувствуя непреодолимую потребность двигаться, делать что-то.

Разрыв снаряда отбросил его. Дронов упал. «Ну, вот и...» — промелькнуло у него в уме. Затем канонада стала глуше, словно его накрыли ватным одеялом, и погасла.

Однообразно покачивается лодка. Сперва опускается нос, затем корма, потом опять нос. Это утомляет. К горлу подступил комок. Трудно дышать. На какой-то решетке, укрепленной выше лодки, горит костер. Горячие угли па-

дают сквозь решетку прямо на обнаженное тело, жгут нестерпимо. Надо стряхнуть их или отодвинуться, но мысль эта скользит, не побуждая к действию.

Лодка раскачивается сильнее, угли падают чаще и чаще.

— Тише, вы... тише, — слышит Дронов и одобряет: в самом деле, зачем раскачивать лодку.

Он открыл глаза. Прямо перед ним в синеве небосклона не очень высоко блестела звезда, крупная и неподвижная.

«Вздор,— решил Дронов,— звезды обязательно должны мерцать. А это просто дырка в голубом ситце... Сам так умею делать».

— Как вы себя чувствуете?

Над ним склонилось женское лицо, очень усталое и доброе.

— Вы птица? — вместо ответа спросил Дронов и сам заметил, что говорит не то, что надо, но сейчас же забыл об этом.— Я видел вас в обозе...

Он замолчал, силясь вспомнить что-то очень нужное, что так и вертелось на уме. На выбоине линейку качнуло, острая боль обожгла шею. Дронов заскрипел зубами, пытаясь удержаться от стона, и вспомнил:

— Мост! Мост! Где мост? — он рванулся, но сестра неожиданно сильно для женщины удержала его за плечи.

— Спокойнее, спокойнее! Вам нельзя волноваться. Взорвали мост... лежите, пожалуйста.

Дронов, обессиленный, откинулся на подушку.

— Куда мы едем? — помолчав, тихо спросил он.

— В Уральск.

Но слово это ничего не сказало ему. Оно было совершенно безликим, словно он услыхал его впервые и еще не знал, что оно значит.

Он лежал на линейке в состоянии полузабытья, совершенно равнодушный, и только острая боль в шее время от времени выводила его из оцепенения.

Очнулся Дронов, когда линейка закачалась на выбоинах булыжной мостовой.

— Куда мы едем? — снова спросил он, и когда ему, как и в прошлый раз, ответили: «В Уральск», Дронов нетерпеливо сказал: — Не то! Куда именно?

— В госпиталь,— ответила сестра, не понимая его беспокойства,— куда же еще?!

Дронов заерзал на линейке. Как нелепо все сложилось! Ну зачем побежал к этому мосту? Ведь видел же, что и без него управятся. Видел... и все-таки побежал, как мальчишка, которому захотелось погеройствовать. Вот и лежи теперь, меряй температуру, перематывай бинты. Дронов даже зубами заскрипел от такой перспективы.

В памяти выплыл его разговор с Фрунзе при последней встрече в штабе Южной группы. Михаил Васильевич тогда сказал:

«Помните, Фаддей Ефимович: от того, удержатся ли Уральск и Оренбург, будет в значительной степени зависеть успех контрудара. И не столько от Оренбурга, сколько от Уральска, потому что вы прикрываете фланг и ближайший тыл ударной группировки войск. Если вы не устоите, последствия могут быть самые плачевные».

А его в самое критическое время угораздило сунуться под огонь. И главное — без толку.

— Поворачивайте к штабу,— резко сказал Дронов,— да не смотрите на меня так, я не в бреду!

— Вы с ума сошли,— изумилась сестра.— Нет, как хотите, я не стану вас слушать. Что мне врач за это скажет?!

Она готова была силой помешать вознице повернуть лошадей. Но Дронов сурово взглянул на нее:

— Пока что я комиссар дивизии!

Сестра отступилась.

Возница свернул в ближайший переулок. Сестра сидела, выпрямившись и плотно сжав губы. Дронову стало жаль ее. Он дотянулся, взял ее за руку и, пригибая к себе, сказал шепотом:

— Зачем это нужно, сестрица, чтобы нас с вами казаки прирезали?..

Он опять сказал не то, что думал, но поправиться не успел.

Линейка остановилась у штаба.

— Куда же теперь? — недоумевала сестра.

Подоспевшие политработники осторожно подхватили Дронова, провели в кабинет.

— В боковушку,— сквозь зубы сказал он, сдерживаясь, чтобы не застонать от боли.

Рядом с кабинетом была комната с постелью. Здесь не одну тревожную ночь коротал Дронов на случай вызова. Сюда его положили и теперь.

Пришел дивизионный врач, посапывая, осмотрел Дронова. Покачал головой.

— В сорочке родился, товарищ комиссар. Я не о контузии. Контузия небольшая; два-три дня, и все пройдет. А вот рана у тебя интересная. По всем законам должен быть летальный исход, но пуля отклонилась и за кожей деликатно обошла сонную артерию... Странно... странно. А почему входное отверстие сзади? Отступали, что ли? Нет? Удивительно... Может быть, повернулся как-нибудь к противнику спиной? Тоже нет? Удивительно...

Он промыл рану, обработал ее и, посапывая, забинтовал.

— В госпиталь надо бы, товарищ комиссар. Надежнее было бы... Знаю, что не пойдешь. Ладно, сестра присмотрит. И я наведаюсь.— Он еще покачал головой и вышел.

Вскоре пришел начальник особого отдела. Сестра вышла. Проводив ее взглядом, он сказал:

— Доктора сейчас встретил. Это правда, что в тебя стреляли сзади?

— Похоже на то.

— Да-а... И ты ничего не заметил?

— Понятно, нет. Что же тут можно заметить в такой свалке?

— Ну, мало ли что. Может быть, пустяк какой-нибудь.

— Нет.— Дронов поморщился от боли и вдруг вспомнил: — Ларьку видел, когда к мосту бежал. Но он мелькнул и скрылся среди бойцов.

— А начдив?

— Не было начдива на переправе.

— Странно... Чтобы Ларька в бою отошел от начдива больше чем на пять шагов, такого я еще не видывал. Пройда, бестия, пробы негде ставить, но Сапожкову предан, как пес.

— Может, Сапожков его послал с чем-нибудь...

— Нет. Для этого у начдива всегда кто-нибудь найдется.— Начальник особого отдела побарабанил пальцами по столику.— Ну, ладно, пойду... Я пришлю к тебе своих двух парней.

— Это еще для чего?

— Чтобы тебе не скучно было. Одного, может быть, придется послать куда-нибудь, а другой всегда будет здесь.

— Чудишь.

— И не думаю. Это кто-то другой у нас начинает чудить, в комиссаров сзади стреляет... А так и мне будет спокойней. Парни у меня толковые, дело знают и трепетом перед начальством не страдают.

...Тихо во флигеле политотдела. Двое сотрудников особого отдела заняли кабинет комиссара дивизии. Один из них, высокий, худощавый, с непокорным клоком русых волос, выбившимся из-под фуражки, что-то пишет в толстой тетради с клеенчатым переплетом. Другой, коренастый, со скуластым монгольским лицом и чуть раскосыми глазами, видимо, набегавшись за день, облюбовал мягкое кожаное кресло, бог весть как попавшее сюда, и, с наслаждением утонув в нем, блаженствует. В руках у него книжка с оторванным переплетом. Но он почти не читает. Медсестру уговорили отдохнуть. Она устроилась в соседней комнате на диване и тут же заснула.

Дронов лежал в боковушке, закрыв глаза. Но он не спал. Мешала боль в шее, не позволявшая ему шевельнуться. Мешали мысли, назойливые, неотступные. Они не оставляют его в покое с того дня, как в Уральск прибыло последнее подкрепление, посланное Михаилом Васильевичем,— отряд в тысячу человек с обозом боеприпасов. Комиссар этого отряда был из числа иваново-вознесенских партийных работников. Дронов его знал давно.

Комиссар рассказал, что в штабе фронта сменили начальника штаба, а через несколько дней и командующего. Новый командующий фронтом Самойло сразу же повел себя так, словно Реввоенсовета Южной группы не существовало. Он стал руководить войсками через голову Фрунзе, отобрал у него Пятую армию, решавшую исход всего контрудара, и замахнулся ликвидировать Южную группу.

— Видать по всему, норовят Михаила Васильевича совсем отстранить,— сказал комиссар отряда.— Должно быть, Самойло с тем и пожаловал в Симбирск.

Это было так неожиданно, что Дронов не сразу поверил.

— А ты не врешь? — сказал он, хотя и понимал всю нелепость своего вопроса.

— За такое вранье в особом отделе к стенке ставят,— отозвался комиссар.

Дронов, теребя бороду, думал вслух:

— А кому это нужно?

Комиссар пожал плечами:

— Значит, кому-то понадобилось!.. Я ведь и сам знаю с пятого на десятое...— Он поднялся, прошел по комнате и сказал, прощаясь: — От Никиты Игнатьевича тебе привет. Очень я, говорит, его уважаю, тебя, значит.

Сообщение комиссара словно оглушило Дронова. О неприязненном отношении Троцкого к Фрунзе он был осведомлен. Знал он и о его попытках перевести войска Восточного фронта в оборону, но думал, что все это уже в прошлом. Контрнаступление начато, и надо его выиграть. А выходило, что он ошибался.

Это было так непонятно, так тревожно, что Дронов потерял покой. Где бы он ни был, что бы ни делал, перед ним вставали вопросы: «Что это? Кому это надо? Для чего?» И сейчас, лежа в боковушке, он думал об этом же, прислушиваясь к непонятной возне в здании штаба.

Там то и дело хлопала входная дверь, какие-то люди, гремя каблуками, сбегали с крыльца, вскакивали на лошадей и скакали куда-то в темноту или же карьером подъезжали к штабу, торопливо поднимались на крыльцо и скрывались в здании.

«Что у них там стряслось?»

Ответ он получил совершенно неожиданно.

Часов около одиннадцати к Дронову пришел Сапожков. Красный, возбужденный, он широко распахнул дверь кабинета, скользнул неприязненным взглядом по работникам особого отдела и заглянул в боковушку.

— Вот ты где устроился! Выходит, с боевым крещением тебя, комиссар...

Дронов отозвался:

— Опоздал, начдив. Я уже крещеный. Еще в пятом году казаки постарались.

— Ну? Значит, и тогда казаки и теперь казаки,— хохотнул Сапожков.— Приглянулся ты им, не иначе.

— Может быть, и так,— помедлив, отозвался Дронов.— С чем пожаловал?

— Поговорить следует...— Сапожков покосился на работников особого отдела, но те невозмутимо продолжали заниматься своими делами. Один углубился в книжку, другой писал, прикусив нижнюю губу.

— Ну, раз следует — говори.

Сапожков еще раз покосился на работников особого отдела и, видимо, понял: их отсюда не выпроводить.

— Уходить надо, комиссар! В Уральске мы все равно

не удержимся, только людей изведем. Пошлем шифровкой по радио сообщение в Самару и сегодня же ночью отойдем к Бузулуку. У меня уже все готово... Подпиши радиограмму.

Теперь стало понятно странное оживление в штабе. У этого вояки сдали нервы. Да, это не за столом бахвалиться.

— Ты это неплохо придумал, Сапожков. Конечно, у Бузулука под прикрытием Тридцать первой и Двадцать пятой Чапаевской дивизий нам будет куда спокойней. Одного только я не пойму: как это ты собираешься сдать противнику Уральск, не получив на это согласия Фрунзе?

— А чего ждать? Пока сюда вломятся казаки?

— Ничего удивительного, могут и вломиться, раз ты войска настроил отступать.

Сапожков вспылил:

— Да пойми ты, комиссар, что мы больше не можем удерживать этот проклятый Уральск!

— Должны...

— А я говорю: не можем.

Теперь вспылил Дронов:

— Слушай ты, начдив Двадцать второй, по краю ходишь. Не оступись...

— Угрожаешь? — в бешенстве придвинулся Сапожков к Дронову.— Угрожаешь...

Коренастый работник особого отдела, перед тем безмятежно наслаждавшийся отдыхом в мягком кресле, вдруг оказался на ногах за спиною у начдива.

— Предупреждаю, Сапожков,— сказал Дронов.— Предупреждаю и советую: запроси согласие Фрунзе.

— А ты подпишешь? Подпишешь такой запрос?

Дронов устало закрыл глаза.

— Нет, Сапожков. Я глупых вопросов не задаю. От этого меня Михаил Васильевич еще в четвертом году отучил. Он это умеет.

— А идите вы все...— Сапожков выругался многословно и грязно и выбежал из политотдела.

— Ребятки,— тихо позвал Дронов, когда шаги начдива затихли в отдалении. Оба работника мгновенно оказались около него.— Передайте этот разговор вашему начальнику. Он поймет...

Коренастый сунул книжку с оторванным переплетом в карман и вышел. Высокий вернулся к своей тетрадке.

Привлеченная шумом, в кабинет вошла медсестра.

Дронов лежал бледный, кусая губы. Крупные, как горох, капли пота усеяли его лицо.

— Сестрица,— окликнул ее Дронов,— если случится, что без памяти буду, ко мне никого не пускайте; говорите, что я заснул, что меня беспокоить нельзя... Ну, выдумайте что-нибудь полегче... Как, мол, проснется, сейчас же позовет. Не надо, чтобы в штабе знали, что я без памяти. — Губы его искривила улыбка, насмешливая и слегка виноватая.— Комиссар должен быть всегда в полных чувствах.

— А в госпиталь вы не хотите?

Дронов долго молчал. Жидкая бороденка его растрепалась и обвисла.

— Никуда я не пойду отсюда,— сказал он, устало смежая веки.— Разве что вынесут...

Поздно ночью в политотдел зашел начальник особого отдела. От усталости он еле держался на ногах.

— Спит? — шепотом осведомился он у своих работников. Те недоуменно пожали плечами. Но Дронов не спал.

— Заснешь тут с вами...— отозвался он.— Заходи, раз пришел. Ну, рассказывай.

Начальник особого отдела прошел в боковушку и тяжело опустился на стул.

— Радиограмму Сапожков все-таки послал за одной своей подписью,— сказал он.

— Что в ней?

— Сообщил о своем решении сегодняшней ночью отойти из Уральска.

— Дальше.

— А дальше все очень просто. Примерно через час Сапожков получил ответ из Самары. Вот, читай.— Начальник особого отдела подал ему радиограмму.— Это копия, но точная. За это я ручаюсь.

Дронов взял бланк радиограммы и, как все дальнозоркие, отодвигая его далеко от глаз, прочел:

«Начдиву 22. Подкрепления в Уральск идут. Приказываю держаться до последнего человека. Оставление Уральска буду рассматривать как нарушение воинского долга. Командующий Южной группой Фрунзе».

Фаддей Ефимович откинулся на подушку и закрыл глаза. По лицу его блуждала улыбка.

— Надо знать нашего Арсения! — сказал он. — Если так написал — значит, из берегов вышел... Ну ладно, это все лирика... Как ты думаешь, Сапожков не рванется из Уральска?

— Один?

— Зачем один, с войсками.

— Войска не пойдут. Тут начальник политотдела со своими партработниками постарался... Сейчас проезжал по караулам. Глядят ребята в оба, и страху у них ни на грош.

— А Сапожков? Не стрельнет ли он куда на сторону?

— Не может. Остался в одиночестве.

— То есть как это?

— А очень просто. Ларька его у меня сидит. В ометах девчонку попытался завалить, но мои ребята его тут и настигли. Взяли тихо, так, что и Сапожков не знает, где его верный Ларька обретается.

— Ты уж рассказывай до конца,— сказал Дронов.— Не люблю потемок.

— А что же тут рассказывать? У Сапожкова сейчас двое моих вестовыми значатся. И никуда он от них не денется. На всякий случай я свою роту и отряд, тот, что прибыл от Фрунзе, привел в боевую готовность. А это худо-бедно почти восемьсот штыков. Так что деваться нашему начдиву некуда.

Дронов почувствовал такое облегчение от своих повседневных забот, какого уже давно не испытывал, и вдруг сказал:

— Знаешь что, Пашка,— впервые он назвал так, по имени, своего давнишнего знакомого, почти друга.— Иди ты к черту. Дай раненому человеку покой.

Начальник особого отдела молча поднялся, тихонько на цыпочках вышел из боковушки и, погрозив своим работникам указательным заскорузлым пальцем, закрыл за собою дверь.

4

Тяжело в эти дни доставалось Михаилу Васильевичу, так тяжело, что порою он не знал, чем ему заниматься: то ли добивать завязшую в авантюрном наступлении к Волге, но все еще боеспособную армию генерала Ханжина, то ли

распутывать сети интриг, подсиживаний и прямой провокации, вдохновителем которой явно был Троцкий, оказавшийся в силу исторически сложившихся обстоятельств председателем Реввоенсовета республики.

Бугульма еще не была взята. Войска Южной группы лишь приближались к ней, тесня и отбрасывая противника. Но даже и успехи не радовали. Они не предвещали ничего, кроме территории. Новый командующий фронтом, сменивший Каменева, с непостижимым упорством, вопреки здравому смыслу, часть за частью поворачивал на север и нередко делал это через голову Фрунзе. Мотивировалось это необходимостью помочь Второй и Третьей армиям, которых теснил генерал Гайда.

Напрасно Фрунзе пытался образумить командующего фронтом, напрасно он доказывал, что при сложившихся обстоятельствах разумнее всего будет не поворот Пятой армии на север в направлении на Мензелинск, а удар от Белебея на Уфу во фланг колчаковским армиям, выход на их коммуникации. Тогда армия Гайды сама покатится назад. Ей будет не до Второй и Третьей наших армий. Самойло был непреклонен. Он уже сообщил главкому свой план расформирования Южной группы. Поворот Пятой армии на север был в нем одним из основных пунктов. Михаила Васильевича по этому плану было намечено возвратить к командованию Четвертой армией.

Как и предвидел Фрунзе, поворот основных сил Южной группы резко на север был замечен противником. В ставке Колчака вздохнули с облегчением — исчезла смертельная угроза выхода красных на тылы армий генерала Ханжина — и начали поспешно отводить свои войска на Белебей.

Обнаружив, что белые безнаказанно уходят из-под удара, Чапаев даже зубами заскрипел. Такого он не мог вынести.

— Это что же происходит?— срываясь на верхних нотах, наседал он на Фурманова. — Что происходит, я спрашиваю?! С беляками мы воюем или забавляемся?

— Может быть, у командования фронтом есть какие-либо особые соображения, — неуверенно возражал тот. Дмитрий Андреевич и сам терялся в догадках, настолько ни с чем не сообразно было происходившее на фронте.

— Особые соображения?— зло прищурился Чапаев.— Особые? Знаю я эти особые. Еще в пятнадцатом году в

Мазурских болотах досыта нагляделся. Там тоже были такие же особые соображения... Измена! Вот что это!.. Измена революции... Погоди, не перебивай,— остановил он пытавшегося что-то возразить Фурманова.— Дай доскажу.

Чапаев рванул из полевой сумки карту и развернул ее на столе.

— Вот смотри, какая получается картина...— Он повел пальцем по карте.— Нас повернули на север, против армии генерала Гайды. Так? Мы, как верные солдаты революции, выполняем этот приказ и движемся на Мензелинск. Между нами и левым флангом остальных частей Южной группы образуется разрыв в восемьдесят верст. Ничем не прикрытый. Учти. Тем временем армия генерала Ханжина спокойненько, как на параде, отходит к Белебею, перестраивается и, ринувшись в этот разрыв, так толкнет нас, что мы, бросая артиллерию и обозы, покатимся к чертовой матери, и хорошо, если остановимся за Волгой...— Голос Чапаева звенел, как перетянутая струна, вот-вот оборвется.— А теперь скажи мне, товарищ комиссар: что же это, как не измена?

Они долго молчали. Чапаев, покусывая нижнюю губу, рассматривал карту, что-то на ней вымеряя циркулем. Фурманов напряженно думал. Доводы начдива были неотразимы, но, быть может, они оба чего-то не знали? Конечно, в армии всегда может оказаться изменник. История с Авиловым — тому лучшее доказательство. Но ведь это же приказ фронта. Там и командующий и Реввоенсовет... Как же это так?

— Послушай, Василий Иванович,— осторожно заговорил он.— Вот ты говоришь: измена. Сказать все можно, но кто же в таком случае изменник?

— Их там полно,— отозвался Чапаев, не отрываясь от карты.

— Где это там? В штабе фронта?

— А хотя бы и так. Насажали генералов, вот им и непереносимо видеть, что бьют ихнего брата. Ворон ворону глаз не выклюет.

— Ну, а Фрунзе?

— Что — Фрунзе?— вскинулся Чапаев.

— Он тоже изменник?

Чапаев со стуком положил циркуль на карту.

— Ты Михаила Васильевича не трожь... Скажи мне

Михаил Васильевич, я не то что на Гайду, на самого Колчака в Омск пойду и не задумаюсь.

— Что же, по-твоему, он не видит, что происходит у нас на фронте?

С минуту Чапаев упорно думал. У него даже брови сошлись у переносицы. Но вот лицо его посветлело. Он победоносно взглянул на Фурманова.

— Так ведь подписи Фрунзе под приказом нету. Штаб фронта распорядился через его голову. Это все одно, если бы, скажем, Тухачевский, минуя меня, отдал приказ Кутякову. Попробовал бы Иван такой приказ выполнить. Я с него шкуру бы содрал и на барабан натянул.

Возразить было нечего. Да и голова у Фурманова была, как свинцовая. Сегодня он сделал верст сорок верхом и безмерно устал.

Впрочем, Чапаев и не ждал ответа, уверенный, что последним доводом сразил наконец-то своего комиссара,— удовольствие, не часто выпадавшее на его долю. Подсев к карте, он что-то вымерял по ней циркулем, что-то подсчитывал...

Занятый своими думами, Фурманов не видел, как Чапаев, прикусив нижнюю губу и чуть склонив голову набок, что-то писал, не обратил он внимания и на то, что Василий Иванович вышел в смежную половину избы, где разместились штабные работники и связисты, и долго оттуда не возвращался.

Думы его были не из веселых: «Для чего понадобился этот поворот ударной группировки на север? Не могут же, в самом деле, в штабе фронта не видеть, что неприятель выводит свои войска из-под удара, спасает их от разгрома!..»

Вдруг он почувствовал неосознанную тревогу и поднял взгляд.

В дверях стоял Чапаев, но не обыкновенный, не повседневный, а какой-то собранный, словно перед боем.

— Дело есть, Дмитрий Андреевич,— сказал Чапаев.— Надо подписать приказ. Поворачиваем дивизию на северо-восток. Хватит цацкаться...

У Фурманова от изумления, что называется, глаза полезли на лоб.

— Куда, куда?

— На северо-восток, перерезать пути отхода белякам на Белебей.

И не давая Фурманову опомниться, Чапаев начал не торопясь и внятно читать. Это был обычный чапаевский приказ, немногословный, четкий и хорошо продуманный. Подписать его можно было бы немедля, если бы не самовольное изменение направления удара, которое в нем было заложено.

«Вот оно когда наступило испытание!» — мелькнуло в сознании Фурманова.

Сколько он потратил сил и времени, чтобы сработаться и стать авторитетом для этого несомненно талантливого, но такого стихийного, неуемного командира, которому все нипочем. А теперь все это было поставлено на карту. Откажись он подписать приказ, и все рухнет. Фурманов даже поежился, представив себе, каким презрительным взглядом окинет его Чапаев и... приказ все же подпишет один. Хуже всего было то, что он в душе был целиком на стороне Чапаева. Нельзя было допустить, чтобы неприятель отвел свои войска. Захват территории и населенных пунктов ничего не стоит, кроме напрасных жертв, если армия противника не разгромлена.

Чапаев напряженно ждал. У него даже стала чуть подергиваться щека.

Фурманов усмехнулся и протянул руку.

— Ну-ка дай...— он взял приказ, быстро прочел его и, обмакнув перо, размашисто подписал.— Умирать, так с музыкой! Все равно слывем мы с тобою своевольниками,— сказал он, возвращая приказ.

В эту же ночь пришла в движение хорошо налаженная в 25-й дивизии система связи, и к рассвету чапаевские полки и бригады, повернув на северо-восток, двинулись наперерез отступающей колчаковской армии.

Движение это было замечено противником, очень опасавшимся за свои тылы. Спасая свое положение, генерал Войцеховский, объединив действия 2-го Уфимского и 3-го Уральского корпусов, организовал контрудар, чтобы отбросить эту дивизию, нацелившуюся на их коммуникации.

Завязались ожесточенные кровопролитные бои. В первый же день у Татарского Кандыза чапаевцами была полностью уничтожена Ижевская бригада, одна из лучших в Западной армии противника. А к исходу другого дня боев, у селения Секлетерки, разгромлена и 4-я Уфимская дивизия, на которую генерал Войцеховский особенно надеялся.

Михаил Васильевич вместе с Куйбышевым прибыли в

Чапаевскую дивизию, когда бои уже заканчивались. По пути всюду были видны следы сражений: неубранные трупы, брошенные повозки, разбитые зарядные ящики.

Чапаева они нашли на его новом командном пункте, уже оборудованном полевыми телефонами.

— Ты меня слышишь, Иван?— кричал в трубку Василий Иванович.— Так и говори, что слышу. А то жуешь слова, будто рот кашей набил. Ну, что у тебя? Оторвались? А как ты им позволил оторваться?.. Устали, устали... Беляки тоже, поди, устали, однако бегут. А вы за ними не можете?.. Ну, ладно, пока,— сказал он, заметив Фрунзе и Куйбышева.— Будь поблизости, вызову позже...

Он положил трубку и шагнул навстречу вошедшим:

— Здравия желаю!

Поздоровались.

— Доложите результаты,— сказал Фрунзе.

— Две тысячи пленных, три орудия. Пулеметы и винтовки еще точно не подсчитаны, но очень много.

Командующий и член Реввоенсовета переглянулись. Они поспешили сюда, встревоженные сообщением о контратаке. Слишком уж крупные силы собрал генерал Войцеховский против дивизии.

— Что ж, можно сказать, хорошо,— сказал Фрунзе.— Очень даже хорошо, товарищ начдив... Одно только непонятно: как это вы оказались на этом направлении? Ссамовольничали?

Чапаев и бровью не повел:

— Никак нет, товарищ командующий! Это генерал Войцеховский самовольничает: набросился на нас без соответствия с приказами нашего штаба фронта. Нам волей-неволей пришлось его укоротить.

Фрунзе перевел взгляд на Фурманова.

— Именно так, товарищ командующий,— не моргнув, подтвердил тот.

Михаил Васильевич понимающе улыбнулся в усы. Версия для штаба фронта здесь уже была готова. Они ее и будут держаться при всяких запросах. А что запросов не избежать, в этом сомневаться не приходилось. Были еще люди, для которых собственная амбиция была дороже победы над врагом.

— Как противник?— спросил Фрунзе.

— Отступает, черт бы его побрал, и даже слишком поспешно. Только сейчас Кутяков докладывал, что

его бойцы вконец запарились. Кавалерию бы надо...
— Я уже приказал командарму Тридцать первой бросить на коммуникации противника кавалерийскую бригаду. Надо во что бы то ни стало отрезать его от Уфы. Сейчас потороплю их.— Фрунзе подсел к столу и набросал телеграмму...— Передайте немедленно...
Чапаев взял телеграмму.
— Петька,— сказал он Исаеву,— на телеграф, и пусть при тебе же отстукают. Понял?
— Понял, Василь Иванович.
— Действуй.
Исаев стремительно исчез. Через полминуты от крыльца послышался удалявшийся цокот копыт.
— Нам пора,— поднялся Фрунзе.— Едем в Тридцать первую. Надо посмотреть, как они там разворачиваются. Передайте, Василий Иванович, приказом мою горячую благодарность всем красноармейцам, всем командирам и комиссарам за доблестное поведение в прошедших боях.
— Слушаюсь, Михаил Васильевич. Немедленно передам...
— До свидания, товарищи... Желаю дальнейших успехов.

В автомашине Фрунзе вынул блокнот, что-то подсчитал, а затем сказал:
— Итак, Валерьян Владимирович, с двадцать третьего мая войсками Южной группы полностью уничтожены Четвертый корпус Южной армии генерала Белова и Шестой Уральский корпус армии Ханжина; сильно потрепали Второй Уфимский и Третий Уральский корпусы того же Ханжина. Неважный итог, доложу тебе. Остатки Второго и Третьего корпусов, видимо, отойдут на Бирск, где и задержатся. А к линии фронта подходит корпус Каппеля. По частям, правда, но подходит.
— Разве не может Пятая армия перерезать коммуникации этих отступающих частей?
— Не только может, но и сделала бы это, не мешай нам командование фронтом. И вообще, если бы они поменьше вмешивались, мы уже вышли бы на берега Белой, и тогда вся армия Колчака покатилась бы. Противно об этом говорить. Получается вроде бахвальства...— Фрунзе резко оборвал разговор и смотрел вдаль, в надви-

гавшиеся синие сумерки. А в памяти выплывали упущенные возможности, нервотрепка запросов, выговоры по прямому проводу, выражения недовольства, и все это сплеталось в такой клубок, который невозможно было ни размотать, ни распутать.

— Слушай, Михаил Васильевич,— осторожно начал Куйбышев.— Что ты думаешь о Самойло?

— А что о нем думать? Он творит волю пославших его и не очень понимает, что из этого выйдет.

— И как ты к этому относишься?

— Терпимо, пока могу. Может быть, он осмотрится и поймет...

Куйбышев с сомнением качнул головой:

— Не похоже... Я читал ваш разговор по прямому проводу восьмого ночью. Забавно, как он кадил тебе... Я кое-что даже записал для памяти. Обожаю изящный стиль...— Он вынул записную книжку и полистал.— А-а, вот: «...выражаем надежду, что вам удастся, как не раз это делали, найти средства ликвидировать восстание без ослабления частей, ныне действующих против главных сил противника». И дальше: «Уверен, что при вашей энергии все недостатки, столь ясно представляемые вами, удастся немедленно устранить». Каково, а? Можно подумать, что он счастлив, имея такого командующего группой войск, как ты... А покадивши, Самойло вдруг так, мимоходом, как о пустяке, сообщает, что расформирование Южной группы — вопрос решенный... Интересно, какое коленце он еще выкинет?

— А вот завтра вернемся в Самару и увидим,— отозвался Фрунзе.

В штабе Южной группы было уныло, как в доме покойника. Еще наверху, в штабном телеграфе, стучали аппараты, еще гремели звонки городских и гудели зуммеры полевых телефонов, но люди, его населявшие, держались тихо. Они говорили вполголоса, с недоумением пожимали плечами, переглядывались.

Одна за другой в штабе были получены две директивы командования Восточного фронта. В первой было сказано, что Пятая армия вместе с временно приданными ей 2-й и 25-й дивизиями и двумя бригадами — то есть основные силы — изымается из Южной группы и переходит в

непосредственное подчинение командующего фронтом. В этом составе Пятая армия должна была резко повернуть на север, а на ослабленную таким способом Южную группу возлагалась задача продолжать наступление на Белебей, разгромить сосредоточенный там корпус Каппеля, разбить противника, наступающего на Уральск и Оренбург, и подавить восстание в Уральской и Оренбургской областях.

Это было настолько ни с чем не сообразно, что Федор Федорович Новицкий, замещавший командующего Южной группой на время командировки Фрунзе на фронт, растерялся. Он читал и перечитывал директиву, не доверяя своим глазам.

— Кто же сошел с ума? — бормотал он и дергал себя за мочку уха.

Через несколько часов последовала вторая директива, как бы в развитие первой. Но это было такого рода развитие, которое почти ничего не оставляло от основания. В ней было сказано, что движение Пятой армии на север с целью удара во фланг и тыл армии генерала Гайды признается возможным лишь после разгрома противника в районе Бугульмы и при твердом обеспечении этой операции с востока силами Пятой армии.

Вот теперь было ясно. Вся эта ломка в ходе незавершенных боев была затеяна лишь затем, чтобы ускорить расформирование Южной группы. Здесь, в штабе, так и поняли и с нетерпением ждали Михаила Васильевича с фронта.

Фрунзе с Куйбышевым вернулись в Самару через два дня, утром.

— Вот, знакомьтесь, — сказал Федор Федорович в ответ на вопрос: «Что нового?» — и протянул обе директивы.

Михаил Васильевич прочел их и, передавая Куйбышеву, сказал:

— Вот тебе, Валерьян Владимирович, и ответ относительно коленца. Выходит так, что пока мы с тобою ездили по фронту, благодарили одних за доблесть, подталкивали и направляли других, командующий фронтом оторвал у нас бо́льшую половину самых боеспособных войск, даже не потрудившись предварительно поставить нас в известность... Знакомься пока, а я пойду на телеграф, поговорю...

Вернулся он примерно через час и молча положил перед Куйбышевым пачку бланков с записью своего разговора с командующим фронтом. Следом за ним пришел и Новицкий.

— Что будем делать?— спросил Фрунзе, когда оба члена Реввоенсовета прочли запись.

— Не знаю,— сердито отозвался Новицкий.— Одно мне ясно, что так воевать нельзя.

— Это верно, Федор Федорович, но зачем же сердиться? Этим делу не поможешь... А ты что думаешь, Валерьян Владимирович?

— Может быть, обратиться к Владимиру Ильичу?..

Фрунзе помедлил, обдумывая.

— Можно, конечно, и к Ильичу, но преждевременно, пожалуй,— сказал он.— Ильич очень занят, и обращаться к нему следует только в крайнем случае, когда мы сами не сможем справиться. Да и случай, признаться, не из тех, когда все видно с первого взгляда. Вы обратили внимание на редакцию второй директивы? Она куда осмотрительнее первой. В ней нет конкретных указаний, в зависимости от подхода каких именно резервов и формирований ставится начало ее выполнения. Тут как хочешь, так и повернешь.

— Что же ты предлагаешь?— спросил Куйбышев.

— Думаю, что мне надо сегодня же ехать в Симбирск. Поговорить вплотную. Кстати, и отношение Реввоенсовета фронта к этой чехарде выясню.

Вошел дежурный адъютант и подал телеграмму. Она была из Москвы от Троцкого.

Председатель Реввоенсовета республики в своей обычной манере снисходительной небрежности обращал внимание Реввоенсовета Южной группы на то, что ее войсками достигнуты лишь небольшие, частичные успехи. Далее предписывалось вести энергичную борьбу с дезертирством и обратить особое внимание на Саратовское направление, где восстания казаков разрастаются, не встречая немедленного отпора. Затем было предложено сообщить о ходе работ по укреплению Самарского района и каков состав его совета.

Это была уже не первая телеграмма такого рода. В каждой из них требовалось то разгромить очередное восстание, то немедленно оказать помощь Уральску или Оренбургу. Последнему особенно часто. Просьбы же о

присылке войск для выполнения этих требований оставались без ответа.

— Опять всплыли укрепленные районы,— возмутился Новицкий.— Какое они теперь имеют значение?

— То есть как это какое?— усмехнулся Куйбышев.— Видите, обращают внимание на рост дезертирства и мятожей. Это же явный признак нашей несостоятельности. А раз мы так беспомощны, то нам самое впору отсиживаться в Самарском укрепленном районе, а не наступать на Белебей. Неужели это не ясно?

— Вместо этих телеграмм дали бы нам лишнюю бригаду,— проворчал Федор Федорович.

Михаил Васильевич, закончив писать, положил перо и протянул бумагу Новицкому.

— Передайте по телеграфу Троцкому.

Тот прочел и одобрительно хмыкнул.

— А вообще-то, Валерьян Владимирович, ты только отчасти прав. Задача этой телеграммы Троцкого несколько иная: подкрепить действия Самойло в отношении Южной группы,— сказал Фрунзе.

— Возможно, и так.

— Вот поэтому и надо ехать в Симбирск.

Фрунзе вызвал адъютанта и распорядился приготовить его поезд.

5

Командующий Восточным фронтом Самойло был доволен. Ему удалось найти такое решение, при котором отпадала необходимость замены Фрунзе другим командующим Южной группой, о чем уже двукратно напоминал главком. Осторожность подсказывала Самойло, что такая замена могла и не состояться, если в это дело вмешается Совет обороны. А при его плане персональные вопросы отпадали.

Нет, это он здорово придумал!

Пятая армия была уже изъята из Южной группы и так ловко, что Фрунзе ничего по существу возразить не смог. Затем последует ликвидация Туркестанской армии, как недоформированной и малобоеспособной, и передача ее войск Первой армии, которая тоже в свою очередь перейдет в непосредственное подчинение командующего фронтом. Таким образом, Южная группа перестанет существовать, а Фрунзе естественным ходом событий будет воз-

вращен к командованию Четвертой армией, на которую возлагается оборона Уральска и Оренбурга.

Неясно было только, как быть с Белебеем. Сегодня поступило сообщение, что Бугульма занята нашими войсками, следовательно, ее можно сбросить со счета и повертывать Пятую армию на север против наступающей армии генерала Гайды. Но Белебей, по-видимому, крепкий орешек. Разведка подтвердила, что там сосредоточен корпус Каппеля. Следовало бы двинуть против него Первую армию, придав ей части расформированной Туркестанской, но у него до сих пор не было согласия главкома на проведение в жизнь плана ликвидации Южной группы. Главком почему-то медлил, и Самойло ничего другого не оставалось, как приказать Фрунзе взять Белебей.

Вчера, во время разговора об этом по прямому проводу, Самойло чувствовал себя отвратительно. Фрунзе сдержанно, но достаточно решительно раскритиковал оба его приказа, доказал, что второй не развивает, а фактически отменяет первый, и в заключение заявил, что при выполнении этого второго приказа вся операция на север окажется необеспеченной со стороны Уфы, чем неприятель и не замедлит воспользоваться. Читая телеграфную ленту, Самойло ловил себя на том, что ему неудержимо хочется оборвать Фрунзе, может быть, даже отчитать его, но ни того ни другого сделать был не в состоянии. И ему стало понятно, почему председатель Реввоенсовета республики и главком так настойчиво требуют освободиться от Фрунзе, но избегают сделать это сами.

«Боятся схватить голой рукой ежа»,— думал он, ища выход из создавшегося положения.

Вошел адъютант и доложил, что прибыл командующий Южной группой и просит его принять.

— Просите,— сказал со вздохом Самойло и принял озабоченный вид. Заслышав шаги, он слегка приподнялся навстречу.

— Здравия желаю,— сказал, козырнув, Фрунзе.

Самойло вышел из-за стола и протянул ему руку.

— Проходите, товарищ Фрунзе. Садитесь...

— Благодарю.— Фрунзе с минуту помедлил.— Мы не закончили вчера наш разговор,— сказал он.— Да признаться, при всем моем уважении к технике, вопрос, который мы обсуждаем, не таков, чтобы его можно было исчерпать в разговорах по прямому проводу.

Вошел член Реввоенсовета фронта Гусев, молча, кивком поздоровался и сел в сторонке.

— Позвольте мне,— продолжал Фрунзе,— начать кратко с предыстории вопроса... Южная группа была создана в начале марта этого года с задачей обеспечения господства над Оренбург-Уральским краем, как средством обеспечения связи с Туркестаном и, в дальнейшем, похода в самый Туркестан. Предполагалось, что по мере продвижения большинства армий Восточного фронта в Сибирь связь между ними и Южной группой будет ослабевать, а затем Южная группа превратится в самостоятельный Туркестанский фронт.

Для этой задачи были выделены Четвертая армия и части Оренбургского участка, из которых надо было сформировать Особую Туркестанскую армию. Обе армии были подчинены командованию Южной группы и непосредственной связи со штабом Восточного фронта не имели.

Десятого апреля, в связи с прорывом нашего фронта и угрозой выхода противника на Волгу, Южной группе были переданы еще две армии, Пятая и Первая. Говоря откровенно, они были переданы неохотно, под давлением обстоятельств, половинчато, только в оперативное подчинение, но действительность вскоре вынудила командование фронтом поручить штабу Южной группы и остальные обязанности фронта по этим армиям.

Так или иначе, но это объединение четырех армий свое дело сделало, хотя и неполностью. Почему неполностью и кто в этом виноват — сейчас об этом говорить незачем. В своем настоящем виде, созданном вашим последним приказом, Южная группа объединяет три армии, действующие на трех различных направлениях и находящиеся в неодинаковых отношениях к ее штабу. Так, Первая армия подчинена командованию группы только в оперативном отношении, а фланговые Четвертая и Туркестанская — полностью. Этот разнобой вносит недопустимую путаницу. Если с этим еще как-то можно было мириться в обстановке потрясения, вызванного прорывом нашего фронта, то теперь, когда положение выправлено и работа входит в нормальную колею, терпеть этого больше нельзя...

— Одну минуту,— остановил его Гусев и, обращаясь к командующему, сказал: — Вопрос этот чрезвычайно

серьезный. Как вы думаете, не пригласить ли нам и других членов Реввоенсовета?

Самойло поморщился, но распорядился пригласить Юренева и Лашевича, затем подумал и добавил начальника штаба.

— Полагаю, членам Реввоенсовета история Южной группы хорошо известна,— сказал Фрунзе, когда приглашенные заняли места за столом,— и повторять ее незачем. Позволю себе перейти к сути вопроса.— Он порылся в полевой сумке и вынул оттуда бланк с наклеенными на нем строчками телеграфной ленты.

— Как я уже имел честь обратить ваше внимание, последним приказом на Южную группу уменьшенного состава, то есть состоящую из трех армий, действующих в трех разных направлениях, возложена задача разбить Белебеевскую группу противника и подавить восстания в Оренбургской и Уральской областях. Если учесть, что Четвертая армия весьма ослаблена поражением в районе станции Деркуль, к тому же ее Двадцать вторая дивизия разрезана противником пополам, сама нуждается в подкреплениях, без которых она Уральск не удержит, а Первая армия еле сдерживает белоказаков под Оренбургом, то рассчитывать на их помощь при выполнении этой задачи не приходится. Следовательно, остается одна Туркестанская армия, состоящая из Тридцать первой дивизии в пять полков и кавалерийской бригады. Думать, что этими силами мы сможем на Уфимском направлении, помимо других войск, разгромить корпус Каппеля и подавить восстания в Оренбургской и Уральской областях, по меньшей мере наивно.

— Что же вы предлагаете?— не выдержал Самойло.— Пока что мы слышим лишь критические замечания.

— Нисколько. Я только докладываю, какими силами располагает Южная группа для выполнения вашего приказа. И делаю это потому, что сведения об этих силах в штабе фронта, по-видимому, значительно расходятся с нашими.

Самойло хмыкнул и опустил взгляд в лежавшие перед ним бумаги.

— В связи с тем что вопрос о расчленении Южной группы решен,— продолжал Фрунзе,— будет вполне резонно изъять из Южной группы, помимо Пятой, еще Туркестанскую и Первую армии. Нам же, выделив необходимые силы, поручить ликвидацию Оренбурго-Уральского

направления, с тем чтобы в дальнейшем иметь в виду наше продвижение в Туркестан, как это и было намечено при создании Южной группы.

Начальник штаба вдруг заерзал на стуле.

— Позвольте,— сказал он,— позвольте, а как же Белебей и вообще Уфимское направление?

— Руководство операциями на Уфу обязательно должно быть объединено. Тогда оно будет сосредоточено в руках командующего фронтом, которому изъятые из Южной группы войска будут подчиняться непосредственно. Это лучше создавшейся чересполосицы, когда мне с Пятой армией приходится сноситься через Симбирск, а вы отдаете распоряжения через мою голову не только армиям, но даже дивизиям и бригадам. Результат такого управления уже сказался. Противник почти безнаказанно вывел свои войска из Бугульмы. Задача состоит в том, чтобы не дать ему уйти из Белебея. В этом отношении проектируемый поворот всех сил Пятой армии от Бугульмы на север мне не представляется удачным. В лучшем случае он даст лишь отход противника, а не его уничтожение.

Самойло крепился. Он заранее решил дать Фрунзе высказаться до конца, чтобы, поймав его на каком-нибудь противоречии, доказать несостоятельность его выводов. Но такого выдержать не мог. Идея удара от Бугульмы на север была внушена ему главкомом еще при назначении на Восточный фронт и казалась безупречной, а критика ее представлялась покушением на авторитет его и высшего командования.

— Решение ликвидировать Южную группу мне кажется вполне своевременным, тем более что ее существование связано с таким ненормальным явлением, как перемешивание дивизий и бригад,— неторопливо сказал он.— Быть может, это последнее обстоятельство и дает вам повод упрекать меня в стремлении затрагивать судьбу не только армий, но дивизий и бригад... Обращаясь к идее директивы, я, конечно, допускаю возможность не соглашаться с преимуществом наступления в северном направлении по сравнению с более глубоким, например с наступлением на Бирск. Но более глубокое движение в тыл противника может сказаться в гораздо больший период времени, которого нам может и не дать обстановка, складывающаяся на фронте Второй и Третьей армий.

— А при чем здесь Бирск?— удивился Гусев.

— Как одно из возможных направлений более глубокого обхвата противника,— сказал Самойло.

— От Бугульмы?

— Хотя бы...

— Простите,— вмешался Фрунзе,— но такое направление пока что невозможно. Ничто не помешает противнику ударом от Белебея выйти на наши тылы. А там, в Белебее, помимо прочих войск, сосредоточен корпус Каппеля... Что же касается вопроса о перемешивании бригад и дивизий, то если бы я не составил ударной группы из надерганных мною с фронта частей Туркестанской и Четвертой армий, то сегодня я не имел бы чести разговаривать с вами в Симбирске. Удивляюсь, как это обстоятельство можно ставить в вину.

Начальник штаба усиленно хмурил брови, чтобы скрыть усмешку. Невысокий, кругленький Юренев откровенно веселился, слушая Фрунзе. Самойло кусал губы. С каким бы удовольствием он сейчас же, немедленно, подписал бы приказ о расформировании Южной группы и теперь уже не с возвращением Фрунзе к командованию Четвертой армией,— эту ошибку в своем докладе главкому Самойло никогда себе не простит,— а с откомандированием его в распоряжение главкома. Но Вацетис почему-то молчит. Никак не отзывается на его доклад и Троцкий. И Самойло чувствовал свое бессилие справиться с этим напористым, волевым человеком, кто знает, как и почему ставшим командующим группой в четыре армии.

Но что-то предпринимать было надо. Фрунзе своим предложением изъять у него Первую и Туркестанскую армии поставил его в затруднительное положение. Без согласия главкома Самойло не мог этого сделать. Он и так уже поторопился, подчинив непосредственно фронту Пятую армию, но и в этом случае у него были основания, хотя и не очень веские, но на первый взгляд убедительные: необходимость прийти на помощь Второй и Третьей армиям, которых теснил генерал Гайда. С Туркестанской и Первой армиями не было и такого повода. Кроме того, в глубине души он боялся при сложившихся у Белебея обстоятельствах, которые, отчасти, и сам создал, оголив фронт, брать на себя всю ответственность за действия этих армий, особенно малосильной Туркестанской. Ей он уже пригрозил в приказе направить в трибунал всех командиров и политработников,— неслыханное дело в войсках

Фрунзе, умевшего обходиться без таких запугивающих окриков.

— Так что же все-таки будет с Белебеем?— блеснув стеклами пенсне, спросил Гусев.

Начальник штаба Лебедев понимал затруднения командующего фронтом и поспешил к нему на помощь:

— Я думаю, что Михаил Васильевич в известной мере прав,— сказал он.— Возвращение Южной группы к первоначально поставленной ей задаче — Уральск, Оренбург, Ташкент — неизбежно. В ближайшее время так оно и будет. Но сегодня мы еще не можем освободить Южную группу от Уфимского направления. Вопрос, следовательно, состоит в том, какими силами, Михаил Васильевич, вы могли бы ограничиться, чтобы его обеспечить?

— Для обеспечения Уфимского направления,— сказал Фрунзе,— надо Двадцать пятую и Вторую дивизии выделить из Пятой армии и передать их в Туркестанскую. Другими силами не располагаю. Два полка Самарской бригады и Казанский мусульманский полк должны быть немедленно направлены на Уральско-Оренбургский фронт. Иначе мы потеряем Оренбург и Уральск без всякой возможности сокращения линии фронта.

Но у нас есть еще одна забота: восстание в тылу наших войск, защищающих Уральск и Оренбург... Вы знаете, какую атаку мне приходится выдерживать, и совершенно незаслуженно, со стороны Троцкого. Меня бомбят телеграфными запросами, указаниями, нотациями и ничего не предпринимают, чтобы помочь. Но так или иначе, восстания эти надо подавить, чтобы дать возможность нашим войскам продержаться там до того времени, когда мы сможем ликвидировать Уральско-Оренбургский фронт. Для этого нужны свежие части, преимущественно кавалерия.

Самойло в душе понимал, что Фрунзе предлагает дельный план, но не в его правилах было соглашаться с подчиненным, тем более в присутствии всего Реввоенсовета фронта. К тому же он подозревал, что Фрунзе хитрит, умышленно прибедняется, чтобы поставить его, командующего фронтом, в тяжелое положение.

— А как же чапанное восстание?— сказал испытующе Самойло.— Насколько мне известно, вы с ним справились быстро и своими силами, без помощи фронта.

Фрунзе слегка поморщился. Этот командующий, видимо, считает себя необыкновенно проницательным.

— Вас плохо информировали. Чапанное восстание ни в какое сравнение не идет с тем, что сейчас происходит в Уральской и Оренбургской областях. Тогда мы столкнулись с десятком волостей, расположенных вдоль участка Сызрань — Самара — Кинель — Кротовка Самаро-Златоустинской железной дороги. Восстание было подготовлено плохо, а у меня под рукою оказался отряд в тысячу двести человек. Помогли также Пенза и Кузнецк своими вооруженными силами. Иная картина теперь. Известно ли вам, что наши оренбургские руководители, которые сейчас шлют во все адреса жалобы на то, что мы якобы бросили их на произвол судьбы, своевременно не приняли мер к разоружению казаков, возвращавшихся с фронта? Так что мы сейчас имеем дело с восстанием, несравненно лучше организованным, хорошо вооруженным и охватившим не десяток волостей, а две области.

— Думаю, что Михаил Васильевич прав,— сказал Гусев.— Как ни трудно, но фронту придется выделить части, необходимые для подавления восстания. В частности,— обратился он к начальнику штаба,— в каком состоянии Московская кавалерийская дивизия?

— Ее, пожалуй, можно будет двинуть туда,— отозвался Лебедев, взглянув на Самойло.

Тот понял, что ему пора брать инициативу, что называется, в свои руки, иначе может получиться так, что все решат без него.

— Московская кавдивизия?— переспросил он будто в раздумье.— Что ж, видимо, так и сделаем. Она в хорошем состоянии... Затруднительней с пехотой.

— Третья бригада Тридцать третьей дивизии,— подсказал начальник штаба.

— Не знаю, в каком она состоянии.

— Я вчера вернулся оттуда,— сказал Лашевич.— Бригада вполне боеспособна.

— Тем лучше,— сказал Самойло и, давая понять, что разговор окончен, распорядился начальнику штаба: — Подготовьте приказ.

Оставшись один, он долго сидел, силясь понять: как это произошло, что Фрунзе получил все, на чем настаивал вчера в разговоре по прямому проводу?

«Крепкий орешек,— думал Самойло, покачивая головой,— очень крепкий... Как-то удастся его разгрызть...»

6

— А на Реввоенсовет поставить нельзя? Пусть они решат...— Батурин, круглолицый, плотный, с замедленными движениями и неторопливой речью, отложил книгу, которую он перелистывал, и с любопытством посмотрел на Никиту.

Вагон, приспособленный под жилье, стоял в тупике на станции Самара. В окно была видна стена водокачки, стрелки, разбросанные там и здесь, путаница запасных путей и телеграфный столб, густо унизанный белыми фарфоровыми изоляторами.

— Ну, и что они решат?

Никита Игнатьевич лежал на скамейке, заложив руки за шею, и следил взглядом за крупной бабочкой, залетевшей в вагон.

Они поджидали поезд из Симбирска, в котором возвращался Фрунзе с двумя батальонами Казанского полка.

Вчера из штаба фронта по телеграфу была передана Новицкому записка Михаила Васильевича. В ней коротко сообщалась задача, поставленная фронтом перед Южной группой, перечислялись части, переданные для ее обеспечения, и задания, которые надо было выполнить до его приезда.

В штабе группы вздохнули с облегчением. Кончилось безвременье, когда никто не знал, что он будет делать завтра. И, как это бывает в хорошо налаженном хозяйстве, немедленно все пришло в движение. Застучали телеграфные аппараты, извещая командарма Туркестанской о передаче ему 25-й и 2-й дивизий, командармов Первой и Четвертой о направляемых им подкреплениях. На железнодорожной станции Самара спешно грузилась в эшелоны бригада двухполкового состава при шести легких орудиях. А в стороне, на запасных путях, уже формировался новый состав для Казанского полка.

— Ну, я не знаю там...— помолчав, отозвался Никита.— Что-нибудь вроде того, пусть он лечится, а то то и дело соду глотает, и пусть бережет себя, не лезет на пулю. Ты знаешь, в прошлый раз он опять был на передовой позиции. Уж мы и так и этак старались спровадить его, где потише.

— Вышло что-нибудь?

Никита Игнатьевич вздохнул:

— Только то и вышло, что мы опять поссорились. Командиры бригад стесняются. Им субординация не позволяет, а мне что, я против Михайлы Васильевича такой маленький, что с меня и спрашивать-то неловко.

— Пугнет он тебя как-нибудь.

— И то опасаюсь. Тут на днях сам Чапай взмолился. Увези ты его, говорит, подальше от цепи, а то у меня сердце не на месте. Ни о чем, говорит, больше и думать не могу, как только, жив он там или стряслось что.

— Что же он, по-вашему, рискует без толку?

Никита помедлил и сказал задумчиво:

— Кто говорит, что без толку. А только как подумаешь, что не пришлось бы его обратно на носилках везти, так в душе холодеет.

Мимо прошел товарный поезд. На платформах, груженных орудиями и зарядными ящиками, негромко и довольно стройно артиллеристы пели украинскую песню. У раскрытых дверей теплушек толпились пехотинцы, по-видимому из восточных национальных формирований.

— Едут,— сказал Батурин, когда поезд прошел,— и киргизы, и татары, и башкиры, и наш брат русак... Всколыхнулась Россия! А ты хочешь удержать Михаила Васильевича от посещения фронта!

Никита угрюмо молчал. Батурин обернулся к нему и сказал, широко улыбаясь:

— А ведь я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Тебе кажется, что я потому так рассуждаю, что мне самому не приходилось волноваться за него. Так?

— Ну, так...

— А ведь это неправда, Никита Игнатьевич, приходилось, и очень даже приходилось! И знаешь, что я тебе скажу: волнуйся ты или не волнуйся, принимай ты какие-либо меры или предоставь событиям развиваться своим чередом — ничего не изменишь. Раз Михаил Васильевич решил, так оно и будет. Тут, видимо, все дело в чувстве безраздельности своей судьбы с судьбой своего народа, и не в узком смысле, потому как в узком смысле кто такой Фрунзе? По отцу — молдаванин, по матери — русский, детство свое провел среди киргизов. Он и говорит по-киргизски не хуже, чем по-русски. А чувство безраздельности своей судьбы с судьбой России у него такое, что через него не перешагнешь.

Помолчали. За окном прошел путевой обходчик, равномерно постукивая молотком по рельсам.

— Знаешь, что мне пришло сейчас в голову? — спросил Батурин.

Никита Игнатьевич чуть приподнял густые брови:

— Любопытно...

— Я подумал о том, почему его Троцкий так ненавидит? В чем тут дело? Ведь личных столкновений у них никогда не было. Ну, назначили его командармом Четвертой против воли Троцкого... Подумаешь, причина! Мало ли было назначений такого рода! Сработались, и ничего... А тут же Троцкий пользуется любым, самым незначительным поводом, чтобы придраться, унизить, доказать полнейшую неспособность Михаила Васильевича руководить войсками. И это после того, когда он, приняв совершенно растрепанную Четвертую армию, в кратчайший срок, не получая пополнений со стороны, сделал ее боеспособной. Наконец принял на себя удар армии Ханжина и, как ему ни мешали, основательно потрепал ее... Да тебе все это и самому известно не хуже меня!

— И что же ты решил?

— Разные они люди... И не просто разные, а, как бы это сказать, взаимно враждебные по самой своей сущности. Существование одного как бы исключает существование другого.

— Так почему же Михайло Васильевич не бросается на Троцкого?

— А он сильнее Троцкого. Понимаешь, он цельный, будто из одной глыбы вытесанный, и очень плотно стоит на земле. Его на авантюру не подважишь.

Прозвенел телефон. Батурин снял трубку:

— Это тебя, Никита Игнатьевич.

Военный комендант сообщил, что симбирский поезд вышел с соседней станции.

Никита Игнатьевич подтянул потуже пояс и оправил гимнастерку.

Они вышли из вагона и зашагали через железнодорожные пути к станции.

— Душно, — сказал Никита, запуская пальцы за воротник гимнастерки и пытаясь растянуть его. — Наговорил ты мне...

— Что, непонятно?

— Нет, почему же. Понять можно. Голова, правда, у меня замедленного действия...

— Как?

— Ну, это вроде снарядов: есть такие, что взрываются сразу при ударе, а есть, что после удара еще какое-то время зарываются вглубь, а потом уж и взорвутся. Снаряды такие нужны, а вот головы — не знаю.

— Потому ты и на собраниях помалкиваешь?

— Кому же приятно дураком себя выказывать? Потом я все разберу и на все сумею ответить, но это уже никому, кроме меня, нужно не бывает. Оттого и получается, что мой противник всегда прав, потому что нашелся что сказать, а я не сумел вовремя возразить и потому неправ...

Паровоз, гукнув у семафора, подвел состав к перрону и остановился, тяжело отдуваясь. В раскрытых дверях теплушек сгрудились бойцы Казанского мусульманского полка. Из классного вагона вышли Фрунзе, сопровождавший его Сиротинский и еще какие-то военные.

— Что с Самарской бригадой?— спросил Фрунзе, поздоровавшись, у Батурина.

— Два часа назад отправили, по вашему приказанию, до Бузулука железной дорогой, далее на Уральск походным порядком. Состав для Казанского полка сформирован и стоит на шестнадцатом пути в тупике.

— Думаю, что вам незачем гонять красноармейцев в город,— обернулся Фрунзе к командирам батальонов, прибывших вместе с ним.— Питанием вы обеспечены, полевые кухни у вас есть. Занимайте состав. Часа через два прибудет и остальная часть полка.— Он попрощался с комбатами и сказал, обращаясь к Батурину и Никите Игнатьевичу:— Поехали...

В машине, по дороге в штаб, Фрунзе спросил у Батурина:

— Павел Степанович, что произошло с полком Красной звезды? Подробности знаете?

— К сожалению, ничего хорошего сообщить не могу. Очередная глупость. И обошлась она слишком дорого. Полк, в составе тысячи трехсот пятидесяти штыков, выступил из Пугачевска десятого на Таловое. Перед выступлением красноармейцам выдали на руки лишь по пять-десять патронов, остальные были в обозе. Двенадцатого он достиг Рахмановки, где и был атакован казаками... Инте-

ресная деталь: казаки сперва отогнали обоз за реку Иргиз, после этого окружили полк и начали атаковать его со всех сторон.

— Думаете, что казаки каким-то образом узнали о головотяпстве с патронами?

— Весьма возможно... С большими потерями полк отошел к Порубежке. Командарму Четвертой удалось остановить дальнейшие успехи казаков. Он воспользовался полком Тридцать третьей дивизии, оказавшимся в Пугачевске, и полк без боя занял Рахмановку.

— Понятно,— задумчиво отозвался Фрунзе,— в этом случае казаки на нашу глупость рассчитывать не могли, потому и предпочли уклониться от боя.

Впереди показалось здание штаба.

Ночь. Лампа, прикрытая бумажным абажуром, скупо освещала угол кровати, смятые простыни и обнаженную ногу раненого. Нога торчала из-под одеяла, жилистая, пожелтевшая, вся в узлах вздувшихся вен.

В углу на стуле дремала медицинская сестра. Ей давно пора было уходить: сиделка ждала в соседней комнате, но сестра не решалась оставить Дронова с сиделкой.

Днем он чувствовал себя неплохо, разговаривал с работниками политотдела, вернувшимися из частей, с начальником особого отдела, но к вечеру у него сильно повысилась температура, и медсестра, зная, что у Дронова неважно обстоит с сердцем, решила остаться здесь. Уложив сиделку в соседней комнате, она дремала в уголке, прислушиваясь к тяжелому, прерывистому дыханию раненого.

В кабинете прочно обосновались двое из особого отдела. Они и спали тут же в креслах по очереди.

Очнулся Дронов к рассвету.

— От Фрунзе ничего нет?

Сестра подошла к нему:

— Нет, нет, спите.

— А вы почему здесь?

— Сейчас и я лягу. Разбужу только сиделку. Как вы себя чувствуете?

— Хлопот вам со мною,— сказал Дронов, не отвечая на вопрос.— Сестрица, позвоните дежурному по штабу.

— Спите. Никому я не буду звонить. Если случится что-нибудь срочное — скажу.

— Мне нужна сводка, сестра. Она, вероятно, уже готова.

Сестре стало обидно, что этот упрямый человек совсем не считается с ее советами.

— Слушайте, товарищ комиссар. Я плохо понимаю, почему вам надо быть здесь, а не в госпитале. Вы говорите, что это нужно. Пусть так. Но работать вы будете только днем,— по лицу у нее поползли красные пятна, казалось, она вот-вот заплачет от обиды.— Вы, упрямый человек, научитесь беречь себя, если хотите работать!..

Сестра смолкла, почувствовав, что сказала лишнее: на больного никогда не следует сердиться. Она стояла около него и ждала, что сейчас Дронов позвонит дежурному и попросит заменить ее. Но Дронов молчал. Он лежал с закрытыми глазами, не шевелясь. Сестра подумала, что он заснул.

Осторожно ступая, стараясь не греметь винтовками, прошел караул, сменявший посты в штабе.

— Анна Васильевна,— неожиданно сказал Дронов, впервые называя сестру по имени,— не будем ссориться... Извините меня.

Было уже совсем светло. Прикорнув на диване, спала сестра, подложив под голову руки, сложенные ладонь к ладони.

Через полузакрытые веки Дронов упорно рассматривал ее лицо, усталое и спокойное. Теперь оно казалось моложе: складки на лбу разгладились, на щеках проступал румянец, а губы, обычно плотно сжатые, слегка приоткрылись, стали очень мягкие и добрые.

Дронову было неудобно лежать. Подушка умялась и казалась каменной, ноги затекли, но он все-таки не шевелился, боясь спугнуть с губ Анны Васильевны блуждающую улыбку.

В глубине комнаты белело занавешенное окно. Створки были открыты, и миткалевая занавеска на окне полоскалась, как парус. Потом вся комната куда-то исчезла, и казалось, что это не окно, а река — широкая и стремительная. По реке плывут льдины, сталкиваются, топорщатся. А посреди реки — крохотный островок, и на нем зайцы. Они сбились в кучу, жмутся друг к другу. Воды прибывает, и островок все уменьшается. Вот уже она достигла крайнего зайца, приподнявшегося на задние лапки. А вода все ближе и ближе. Надо бы взять лодку, вывезти зайцев

с островка, пока вода не смыла их. Но лодка далеко на берегу, а на островке уже не зайцы, а почему-то сам Дронов.

«У едущих в лодке душа одна».

Кто это сказал? И почему одна душа? Ах, да! Это же сказал Фрунзе, когда они в Шуе после маевки убегали от казаков.

Дронов открыл глаза. Косой луч света, пробившийся сквозь щель в занавеске, лежал на полу.

— От Михаила Васильевича нет вестей? — хотел спросить Дронов, как спрашивал ежедневно, но удержался, взглянув на встревоженное лицо сестры.

Орудийная канонада, вчера еле доносившаяся, теперь была слышна гораздо отчетливее. Очевидно, за ночь произошли какие-то изменения в расположении фронта.

— Начальник особого отдела заходил два раза,— поколебавшись, сообщила сестра.

— Хорошо, скажите ребятам, чтобы попросили его ко мне.

Сестра вышла.

Орудийная пальба не утихала. Выстрелы слышались и справа и слева. Они полукольцом сжимали город. Очевидно, в бою была вся артиллерия дивизии.

«Что бы это могло значить?» — думал Дронов, поглядывая на дверь.

Пришел Шибанов и, выждав, когда медсестра удалилась, сказал:

— Ну вот какие дела... Получил радиограмму от Фрунзе. Передано нашим, особистским, шифром. Познакомься...

Михаил Васильевич сообщал, что основные силы Южной группы в настоящее время заняты на Уфимском направлении. Далее были перечислены части, переброшенные к Уральску с задачей подавить восстание белоказаков и разбить Уральскую армию неприятеля. От гарнизона города требовалось продолжать удерживаться во что бы то ни стало, приковывая к себе часть сил противника. В заключение выражалось сожаление, что ранен комиссар дивизии, и высказывалось пожелание, чтобы в дальнейшем руководители без надобности не рисковали. Ввиду того что дивизия находится в осаде, им придется временно заместить комиссара кем-либо из имеющихся политработников. Кандидатуру заместителя просили сообщить. Помимо всего, это был и выговор ему, Дронову, тем более неприятный, что исходил он от Фрунзе, редко прибегавшего к

взысканиям. И само обращение к Шибанову, по шифру особого отдела, а не по его, комиссарскому, лишь подчеркивало степень неудовольствия Михаила Васильевича.

— Твоя работа? — сказал Дронов, возвращая радиограмму.— Не мог утерпеть, чтобы не доложить?

— Я думал, что ты догадливей,— усмехнулся начальник особого отдела.

— Кто же тогда? Начальник политотдела? А ему-то зачем это понадобилось?

— Не ломай попусту голову... Сапожков послал. Надо же ему как-то избавиться от тебя. Вот и старается.

— Не постеснялся даже донести о случае у моста...

— А он, Фаддей Ефимович, человек не стеснительный. Тут на меня два раза наскакивал, за Ларьку. Вынь ему да положь его холуя.

— Ну и как же ты, выдержал атаку?

У начальника особого отдела стал вид, как у кота после удачной ночной охоты,— только что не мурлыкал:

— А при чем тут я? Судил его трибунал и постановил поставить в строй не куда-нибудь, а в отряд, присланный Фрунзе, под начало комиссара отряда, твоего дружка, Фаддей Ефимович. От того он с приговором суда в кармане не сбежит к своему начдиву.

— Дьявол с ним...— сказал Дронов.— Что на фронте?

— За прошлый день мы выдержали шесть атак. Казаки как взбесились, на штыки лезут. Понять не могу, что их так наскипидарило.

— Да, непонятно. Я не большой знаток казаков, но не думаю, что они охотно идут на штурм. До сих пор они предпочитали наскок или осаду. А что говорит разведка? Может быть, у них появились свежие подкрепления?

— Нет, не заметно.

— Тогда это может быть только одно,— решительно сказал Дронов.— Белые хотят разделаться с нами до подхода войск, посланных Михаилом Васильевичем.— Он снова перечитал радиограмму Фрунзе, бормоча под нос:— Так... так... Бригада Тридцать третьей стрелковой дивизии... Самарская бригада... Московская кавдивизия... Стрелковый полк... Рязанский коммунистический полк... И все это, помимо уже действующих частей, веером, с разных мест, на Уральск. Что же тут удивляться натиску казаков? Не хотят оказаться между молотом и наковальней. Какой-никакой Уральск, а все-таки город. Держать-

ся в нем куда способнее, чем в чистом поле. Вот они и хотят нас отсюда выкурить... Есть еще и политические соображения...

— Ну какая у казаков политика?

— Самая настоящая, классовая. Займи они Уральск, можно сказать, столицу уральского казачества, и восстание полыхнет куда сильнее. Даже колеблющиеся, не верящие в его успех, вытащат припрятанные винтовки и пулеметы. Вот тогда нам будет по-настоящему худо... Ну, ладно. Знаешь что, позови-ка сюда Сапожкова. И сам приходи. Надо будет это дело обсудить... Да не посылай никого, сам сходи. Твоих ребят он может и не послушаться...

Распорядившись вызвать сюда же на совещание начальника штаба и начальника политотдела, Дронов откинулся на подушки и закрыл глаза.

«Однако тяжелая это штука... руководить»,— подумал он.

Приглашенные собрались минут через сорок. В боковушке было тесно, поэтому распахнули обе створки дверей и поставили стулья в кабинете напротив проема. Последним явился Сапожков в сопровождении начальника особого отдела. Окинув собравшихся мутным взглядом, он отодвинул стул и тяжело на него опустился.

«С похмелья»,— с досадой отметил в уме Дронов. Не будь они в осаде, он сумел бы справиться с ним. А теперь приходилось смотреть сквозь пальцы.

— Проходи сюда,— сказал он Сапожкову.— Что это ты приютился в сторонке? Будто по милости на кухне...

Сапожков нехотя пересел в боковушку.

— О чем речь?

— Тебя хотим послушать, начдив. Казаки-то напирают. Что делать будем?

— А чего тут слушать,— усмехнулся Сапожков.— Пока что деремся, а там видно будет.

— Маловато для начальника дивизии... Насколько я понимаю, обстоятельства сложились так, что нам придется во что бы то ни стало продержаться здесь, в Уральске, до подхода войск, посланных сюда Фрунзе.

— Казаки могут с этим не согласиться...

Дронов обозлился. Этот начдив, мало того что наделал глупостей, еще и издевается.

— А нам не обязательно соглашаться с казаками,—

резко сказал он.— У нас не закончены укрепления вокруг города. Окопы такие, что в них можно укрыться только до пояса. С ходами сообщения и того хуже. Местами их вовсе нет. Интересно, чем занят прикомандированный к дивизии начинж?[1] Только тогда он и шевелился, когда здесь был Карбышев.

— Нам он не подчинен,— возразил начштаба.

— В осажденном городе все подчинены старшему командиру. Товарищ Шибанов, я думаю, что тебе следует заняться им, выяснить, в чем там дело.

— Людей мало,— сказал начальник особого отдела.

— Надо мобилизовать население. Будем работать ночами. Так безопаснее. Да и сами бойцы пусть потрудятся. Углубить окоп до полного профиля для себя каждый сможет. Лопатка для чего-нибудь ему дается.

— Что ж, накопать окопов дело нехитрое,— отозвался Сапожков.— А кого в них сажать?

— Сколько у нас штыков на сегодня?— спросил Дронов у начальника штаба.

— Две тысячи четыреста восемьдесят два,— сказал тот.

— А каков списочный состав той части дивизии, которая сейчас в Уральске?

— Немного больше трех тысяч.

— Ничего себе довесочек! Тебе не кажется, начдив, что у нас слишком много людей болтается без дела? Я понимаю, как это произошло. Половину войск казаки под Деркулем у нас отрезали, но все тыловые учреждения сохранились в неприкосновенности.

— Да, тыловиков надо поубавить,— сказал Шибанов.— Глаза намозолили.

— Вот с твоего отряда и начнем,— съязвил Сапожков.

— Мой отряд будет сражаться до последнего человека. За него можешь не беспокоиться.

— Пока что он сражается в тылу.

— И это тоже нужно,— невозмутимо пробасил Шибанов.— Всякой нечисти здесь хватает.

— Так вот,— остановил их Дронов,— тройке в составе начальника дивизии, начальника политотдела и начальника особого отдела сегодня же пересмотреть личный состав всех тыловых учреждений дивизии, и не только тыловых, подсократить надо и в штабе. Здесь тоже до черта болтает-

[1] Начальник инженерных войск.

ся народу. Один мух ловит, двое ему помогают, и все трое заняты по горло. Так вот, освободившихся направить в части на пополнение.

Сапожков был в затруднении. Он понимал, что Дронов предлагает дельные меры. В их положении это был единственно разумный выход. Но было досадно, что, занятый помыслами, как бы отсюда поскорее выбраться, он сам до этого не додумался.

— Много они навоюют, тыловики да штабные,— возразил он по привычке.

— А ты их расставь среди опытных бойцов, вперемежку,— через недельку, глядишь, и обстреляются.

Тихо стало в Уральске. За городом гремела канонада. Казачьи лавы бросались в атаку, но, встреченные огнем, откатывались обратно, устилая свой путь телами. Их сменяли пластунские цепи и тоже откатывались, столкнувшись со штыками защитников Уральска. Но в самом городе было тихо и малолюдно. Добровольно или по мобилизации все мужское население ушло в окопы, теперь полного профиля, с козырьками и блиндажами для защиты от навесного огня, с извилистыми, зигзагообразными ходами сообщений. А ближе к городу заканчивали вторую линию окопов и начинали третью. Не стало видно в городе и праздношатающихся военных. Все тыловые воинские учреждения основательно перетрясли, кого надо было сократить — сократили, кого можно было заменить — заменили пожилыми мужчинами из местного населения и женщинами.

Женщины были всюду: и в учреждениях, и на телефонной станции, и в карауле, и в хлебопекарне. По вечерам, при смене караула, можно было видеть, как под командой бойца-инвалида шли группы вооруженных женщин занимать посты у штаба дивизии, у цейхгаузов, у оружейных и продовольственных складов.

В штабе дивизии всю ночь не потухал свет. Поредевшие сотрудники штаба, оставленные здесь для оперативной работы, спали по очереди не больше трех-четырех часов в сутки. В опустевших, вдруг ставших необычайно просторными комнатах гулко гремели шаги связных, сиротливо попискивали зуммеры телефонных аппаратов, изредка хлопали двери.

Дронов, лежа у себя в боковушке, следил за ходом операций на фронте, советовал или, если надо было, приказывал. У его изголовья теперь стояли два телефонных аппарата, связывающих его с фронтом и с оперативным пунктом штаба. В полках и батальонах уже знали, что тяжело раненный комиссар дивизии не лег в госпиталь, а продолжает заниматься своим делом. И людям, ежеминутно рискующим своей жизнью, почему-то поступок Дронова казался каким-то особым подвигом.

Время от времени, чаще всего вечером, когда стрельба стихала, к нему заходил Шибанов, рассказывал о событиях.

— А городок-то наш с начинкой. Вчера мои ребята нащупали склад оружия. Ничего себе складик: два станковых пулемета, винтовки, гранаты-лимонки. Патроны прямо в цинках, запаяны. В общем-то нагрузили три подводы.

— Чего же местная чрезвычайная комиссия смотрит?

— А там, Фаддей Ефимович, смотреть-то некому. Все мальчишки какие-то да девчонки.— Шибанов усмехнулся.— На меня набросились. Почему, мол, я действую без согласования с ними.

— А ты что?

— Успокоил... Пообещал отправить их под конвоем рыть окопы.

— Чей склад? На кого рассчитывали?

— Ну, планы-то у них были наполеоновские, да вот своды-то оказались Фомки-печника. Тех, на кого рассчитывали, мы к себе забрали в окопы и умненько расставили среди надежных ребят. А склад известно чей, колчаковский.

В другой раз Шибанов рассказал, посмеиваясь:

— А начдив-то наш не успокоился. Спит и видит, как бы ему вырваться из Уральска. Только после той радиограммы Фрунзе он больше не рискует сам обращаться к Михаилу Васильевичу. Теперь он донимает своими жалобами нашего командарма.

— Ну и что Авксентьевский? Реагирует?

— Новый же человек! Всего ничего как армию принял. Не разобрался как следует и бух телеграмму Фрунзе с просьбой разрешить оставить Уральск и оттянуть силы к Волге. Мотивы все те же: невозможность удержать Уральск, сокращение линии фронта, словом, сапожковские мотивы.

— И как же отнесся к этому Фрунзе?

— Ответил за двумя подписями, своей и Куйбышева. Разъяснил, почему нельзя оставлять Уральск, а в конце приказал прекратить всякие разговоры об этом. В общем, досталось Авксентьевскому. Вот он и злится на нашего начдива: зачем подвел?

Иногда к Дронову заходил Сапожков. Теперь он, после одного крупного разговора с комиссаром о пьянках, появлялся здесь всегда трезвым, хотя пить и не перестал. Давалось это ему нелегко. Сапожков злился и на себя, что как-то незаметно для самого уступал комиссару, казалось, по всем важнейшим вопросам, сраженный его доводами, против которых он не находил что возразить, и на комиссара, чью волю он неизменно чувствовал, и потому при встречах заранее раздражался.

— Долго ли мы еще будем здесь сидеть? — начал на этот раз Сапожков.— Понять не могу, чего мы тут высиживаем?

— Сколько понадобится, столько и будем,— возразил Дронов.— А вообще-то говоря, думаю, что не долго. Недели две, если не меньше.

— С чего это ты взял, комиссар?

— Сообразить нетрудно. Войск-то у противника, осаждавших Уральск, заметно поубавилось. Да и наскакивают они на нас гораздо реже, чем вначале. Куда же они могли деться? К Уфе, на помощь Каппелю? Не похоже на правду. Далековато, да и не с руки. Значит, где-то, вернее всего на севере, ставят заслон против войск, идущих нам на помощь.

Сапожкова передернуло. Догадался-таки комиссар! Несколько дней назад начдив получил совершенно надежные сведения о том, что колчаковцы перебросили часть своих сил от Уральска в район Пугачевска, но в сводке об этом даже не упомянул. И чтобы замять разговор, сказал ворчливо:

— Ну, это улитка едет, когда-то еще будет, а пока что бойцы с ума сходят без курева.

— Я уже думал об этом,— отозвался Дронов.— Без табаку действительно трудно. Пошли радиограмму лично командарму. Махорка у них есть и вдоволь. Пусть перебросят по воздуху.

— Как это по воздуху?

— Летают же у них аэропланы на разведку. Вот по

пути и сбросят нам мешки с махоркой, сколько потребуется. Саратов-то рядом. А там махорка знаменитая...

Начдив замялся. При создавшихся отношениях с командармом он был не уверен, что его обращение непосредственно к нему поможет.

— А ты радиограмму подпишешь? — спросил Сапожков.

— Отчего же, подпишу...

...Через день в Уральске весь фронт дымил отличной саратовской махоркой. Казаков нигде не было видно, и можно было курить неторопливо, наслаждаясь «даром с неба» и редким здесь фронтовым затишьем.

7

Это возможно лишь в кошмарном сне — нелепое, ни с чем не сообразное. Но это не было сном, и оттого было еще страшнее.

Как и предполагал Фрунзе, корпус Каппеля после неудачных боев с нашей 24-й дивизией, откатившийся к Белебею, долго там не задержался. Атакованный с фронта 31-й дивизией и левым флангом Первой армии, он, едва почувствовал, что бригада Кутякова, огибая Белебей с севера, стремительно выходит в тыл его правому флангу, поспешил отойти в направлении на Чишму, ближе к реке Белой.

Предвидя такую возможность, Фрунзе, не останавливая движения своих войск вперед, направил всю имевшуюся у него конницу на тылы колчаковцев, стремясь отрезать их от переправ, чтобы не дать им уйти к Уфе.

И вот когда оставалось сделать лишь хороший бросок, чтобы поставить корпус Каппеля и другие неприятельские войска, отступавшие от Белебея, в безнадежное положение, последовал приказ командования фронтом приостановить наступление на линии Таукай-Тау, Шафраново, озеро Асли-куль, Тюп-кильды — очень прямой, красиво вычерченной на штабной карте, но никак и ничем не угрожавшей противнику.

И фронт вздрогнул, остановился, как всадник, впотьмах наехавший на стену. Никто не мог понять, что происходит. Метались связные, гудели зуммеры полевых телефонов, стучали телеграфные аппараты; командиры рот и баталь-

онов запрашивали командиров полков и бригад, те в свою очередь пытались выяснить в штабах дивизий и армий, но и там ничего не могли сказать о том, чем вызван такой приказ.

Об этом же приказе шла речь и в Реввоенсовете фронта. Члены Реввоенсовета, Лашевич и Юренев, собрались у Гусева под вечер, когда дневные заботы схлынули, а поздние, возникающие ближе к полуночи, еще не наступили.

В кабинете было душно, и Лашевич распахнул оба окна, выходившие в сад.

— Не понимаю, — сказал он, возвращаясь на место, — зачем понадобилось остановить очень успешное наступление?! Я был на фронте Южной группы, когда поступил этот приказ. Послушали бы вы, что говорят о нем там. Старшие командиры еще сдерживаются, помалкивают.

— А Чапаев? — спросил, усмехнувшись, Юренев. — Он тоже помалкивает?

— С Чапаевым я не встретился, от Кутякова же пришлось выслушать, что он думает об этом приказе... Но Кутяков разговаривал со мною наедине, с глазу на глаз, и, что о нем ни толкуют, болтать с подчиненными он не будет. А вот в полках и батальонах прямо говорят о предательстве. И не стесняются высказывать это в чьем бы то ни было присутствии. Не думаю, чтобы такие настроения поднимали боеспособность наших армий.

— Какая уж тут боеспособность,—вздохнул Юренев.— Не получилось бы чего-нибудь вроде как с Линдовым...

В кабинете стало тихо. Членам Реввоенсовета вспомнились кровавые подробности восстания в 22-й дивизии, происшедшего совсем недавно, в январе этого года, истерические телеграммы Троцкого, угрожавшего двинуть из Москвы против мятежников несколько полков с тяжелой и легкой артиллерией, вспомнилось и то, как Фрунзе, едва вступив в командование Четвертой армией, выехал в эту дивизию и там на месте, без карательных полков и артиллерии, оздоровил мятежные подразделения, сделал их боеспособными.

— А что Фрунзе? — спросил Гусев. — Видел его?

— Два раза встречались на фронте. Встревожен, конечно, но виду не подает. Думаю, что он потому и на фронте сейчас, чтобы поддержать дух в своих войсках. Авторитет его там в частях большой. Тот же Кутяков

мне признавался. Только, говорит, Михаилу Васильевичу и верю.

— Хорошо, но мало, — сказал Гусев. — А будем и дальше так руководить войсками, и этого лишимся.

Им уже не раз приходилось собираться здесь, чтобы обсудить создавшееся положение. Самойло с первых же дней по прибытии в Симбирск повел себя крайне независимо по отношению к Реввоенсовету фронта. Он вспоминал о нем, лишь когда, разговаривая по прямому проводу, не мог ответить на вопросы командармов и в особенности Фрунзе, которого он после столкновения по поводу Белебея стал опасаться. В таких случаях Самойло говорил, что ему надо посоветоваться с Реввоенсоветом, но советоваться избегал, предпочитая действовать самостоятельно.

Члены Реввоенсовета видели, что Самойло пытается руководить через голову командармов дивизиями и даже бригадами, что директивы он дает непродуманные и просто неправильные, часто под видом уточнения в корне изменяет их и нередко тоже неправильно. Все это приводило к тому, что штаб фронта нервничал, дергал армии и дивизии. Правильные отношения между фронтовым и армейским командованием вследствие ряда недоразумений были нарушены. Командармы тоже начали нервничать и, небывалая почти вещь, стали открыто критиковать директивы фронта. Дольше терпеть это было нельзя.

— Вы еще не знаете о последней телеграмме Тухачевского,— сказал Гусев.— Дело в том, что Пятой армии в этой свистопляске досталась особенно незавидная доля. На нее за последние десять дней свалилось пять взаимоисключающих директив.

Юренев и Лашевич недоверчиво переглянулись. Очень уж неправдоподобным было это сообщение. Ну две, три директивы... куда ни шло! Но не пять же, в самом деле.

— А вот считайте... — Гусев порылся у себя в бумагах. — Десятого мая Пятая армия директивой фронта была повернута круто на север, в район Мензелинска. Двенадцатого мая директива была уточнена, и правый фланг армии направлен на северо-восток. Семнадцатого мая последовала третья директива, по которой Пятая армия была повернута еще северней Мензелинска, теперь уже левее Елабуги, во фланг Сибирской армии генерала Гайды. На другой день, восемнадцатого, это направление было пересмотрено, и Пятую армию повернули градусов на девяносто вправо. Ей

было предложено форсировать реки Ик и Каму и выйти к Пьяному Бору. А через два дня, двадцатого, эту многострадальную, вконец задерганную армию повернули еще правее градусов на сорок пять и нацелили левее Бирска на Сибирский ударный корпус Каппеля, который благодаря приостановке наступления Южной группы Фрунзе и всем этим задачам на маневрирование успел отойти от Белебея сравнительно мало потрепанным... Ну что, убедительно?

Возразить было нечего.

— А что это за телеграмма, о которой ты говорил? — спросил Лашевич.

— Я ее только прочел. Сама телеграмма у Самойло.

— Но все-таки, что там сказано?

Гусев чуть помедлил, сосредоточиваясь.

— Тухачевский телеграфировал о том, что начиная с десятого мая — вероятно, ввиду многих ему не известных обстоятельств — Самойло отданы пять задач для Пятой армии, из которых каждая последующая отменяла предыдущую... И дальше он убедительно просит командующего фронтом соблюдать статью девятнадцатую полевого устава 1918 года, в которой сказано, что, прежде чем отдать приказ, следует основательно подумать... Вот примерно и все.

— Это что, шифровка? — спросил Юренев.

— В том-то и дело, что телеграмма послана открытым текстом.

Лашевич присвистнул:

— Значит, в штабе армии она не секрет. Через день-два о ней будут знать начдивы и комбриги, а там, глядишь, дойдет и до командиров полков... Ничего себе, хороший авторитет будет у командования фронтом.

Гусев безнадежно отмахнулся:

— Какой уж там авторитет! Тухачевский сказал то, что другие думают. Эта нервотрепка, которую устроил им Самойло, едва приняв командование, не прошла даром.

— Понять не могу, — сказал Юренев, — как такого могли назначить командующим фронтом?

— А что тут непонятного? Троцкому надо освободиться от Фрунзе, вот и назначили Самойло, — возразил Гусев .— Он исполнителен, способен выполнить любое задание, которое ему продиктуют сверху. А то, что он человек бездарный, бестолковый, без знаний и опыта, без инициативы, не способный самостоятельно принять ни одного решения,

кроме нелепых,—какое это имеет значение для Троцкого?.. Главное — избавиться от неугодного человека, остальное не имеет значения. Так что Самойло не очень и виноват. Он просто оказался не на своем месте, и хуже всего, что не понимает этого.

— Вот что, товарищи, — решительно сказал Лашевич, — надо с этим кончать.

— А как? — спросил Юренев.

— Напишем Ильичу. Вот так прямо и напишем, как охарактеризовал Самойло Сергей Иванович.

Юренев усмехнулся:

— Не резковато ли?

— Зато откровенно. А это он любит.

— Ну что ж, — подытожил Гусев, — на том и порешили. Надо просить о возвращении Каменева. Только писать будем в Центральный Комитет партии.

— А почему не Ленину? — удивился Лашевич.

— Владимир Ильич сам этого вопроса решать не станет, следовательно, незачем его лишний раз и отвлекать. Учтите и то, что Троцкий, очень возможно, произвел замену командующего фронтом личным распоряжением, не согласовав ее ни с Советом обороны, ни с Центральным Комитетом... Это в его характере. Не плохо будет призвать его к порядку.

8

В Александровском саду было тихо и пустынно. Давно не чищенные дорожки зарастали травой. Нигде не было видно шумливой детворы, занятой своими ребячьими делами, или старичков, пришедших сюда погреться на солнышке и скоротать досуг с газетой в руках. Лишь попрежнему здесь густо цвели липы да деловито сновали в их зелени невесть как уцелевшие пчелы.

Сергей Сергеевич Каменев медленно шел аллеей сада. Чувство времени, выработавшееся у него еще в кадетском корпусе, подсказывало, что можно не торопиться.

С тех пор как его, словно морковку из грядки, выдернули из штаба Восточного фронта, он все еще не пришел в себя от изумления. Вначале ему было сказано, что его отзывают в распоряжение главкома. Каменев не был простаком и отлично понимал, что это значит. Сунут куда-нибудь в штаб, чтобы отвязаться. Но получилось иначе. Беседовал с ним третьестепенный работник. У Вацетиса

для него времени не нашлось. Потолкавшись несколько дней в штабе, Каменев записался на прием к председателю Реввоенсовета республики. Но Троцкий его не принял. Нагловатый молодой адъютант через день сообщил Каменеву, что приказом главкома ему предоставляется полуторамесячный отпуск. Так в напряженнейшую пору осажденной врагами Советской республики он, офицер генерального штаба, с фронтовым опытом, оказался не у дел.

Больше Сергей Сергеевич никуда не ходил. Он сидел дома, остро переживая свое вынужденное безделье. Почему-то в памяти всплывали события первых дней революции, когда солдаты избрали его командиром полка, которым он командовал и до этого. В ту пору немногие могли рассчитывать на такое признание. Но он как-то не думал об этом. Тревога возникла позже, когда армия рассыпалась, а он, уже в Полоцке, будучи начальником штаба Третьей армии, день и ночь грузил эшелоны оружием, снаряжением, обмундированием и отправлял их глубоко в тыл, чтобы не достались они немцам, двинувшим свои войска в наступление против почти беззащитной молодой Советской республики.

Как пригодилось все это, когда из разрозненных красногвардейских отрядов стали формироваться части Западной завесы, преградившей путь немцам на Петроград!

Но чем больше он думал о прошлом, тем чаще вклинивались мысли о Восточном фронте. Что там сейчас происходит? Иногда ему приходило на ум, что он не всегда был принципиален и, уступая давлению главкома, сокращал глубину контрудара Южной группы, нацеливая его на север и далее на северо-запад вместо северо-востока, как задумал Фрунзе.

Это были мучительные, ненужные мысли. Он гнал их от себя. Но у него было много времени, ничем не занятого, и мысли возвращались.

Что греха таить, на первых порах новый командарм Четвертой не произвел на него впечатления. Ничего в нем не было военного. Настораживало и то, с какой легкостью он, едва осмотревшись, отверг план создания ударной группировки из стотысячной армии, обещанной фронту главкомом, и с помощью своих, привезенных им партработников, начал формировать полки из местных пополнений.

Правда, обещанные подкрепления поступали на Восточный фронт весьма туго, клочками, со значительным

опозданием, и до ста тысяч было далеко — главком обожал внушительные круглые цифры! — так что пришлось воспользоваться планом Фрунзе. Михаил Васильевич успел использовать рабочие подкрепления Самары, Саратова, Вольска и распространил свое влияние до Пензы, которая тоже формировала для него два рабочих полка.

Каменев не мог не сознаться себе, что и тогда он все еще недооценивал план контрудара Фрунзе от Бузулука вразрез между 3-м и 6-м Уральскими корпусами противника. Вызывала сомнение глубина охвата, настолько большая, что при успехе она одна могла вывести из строя южное крыло всех сил Колчака. Думалось: а что, если неприятель захватит Самару, отрежет армии Южной группы от баз питания и они окажутся в окружении? А что, если эти армии, потеряв локтевую связь с отступающим северным соседом, не выдержат, откатятся, стремясь ее восстановить? Такое уже не раз случалось в гражданской войне... Нервировали и настойчивые, по всем адресам, телеграммы командарма Первой Гая, требовавшего подкреплений и отвода армии из Оренбурга...

Он понял свою ошибку лишь третьего мая, когда стало очевидно, что противник, почувствовав угрозу своим тылам, начинает отходить, но ничего исправить уже не мог. Его отозвали в распоряжение главкома.

Так и мучился Сергей Сергеевич воспоминаниями.

Внезапно все изменилось. В конце третьей недели вынужденного отпуска его пригласили в Реввоенсовет республики, и тот же адъютант, но теперь чрезмерно почтительно, сообщил, что товарищ Ленин просит Сергея Сергеевича быть у него завтра в двенадцать. Пропуск Сергею Сергеевичу заказан. К товарищу Ленину опаздывать нельзя.

В ответ Каменев, свирепо покосившись большими, чуть навыкате, глазами на не в меру любезного адъютанта, возразил, что опаздывать не выучен.

Он ушел, озабоченный мыслью, почему его вызывает Ленин, долго бродил по улицам города и вернулся домой, решив, что утро мудренее вечера.

...У окошечка бюро пропусков народу было не много: какой-то военный, два-три в штатском и пожилая женщина, явно дореволюционного вида.

Миновав часовых у Кутафьевой башни, Сергей Сергеевич прошел каменным мостом, перекинутым через Алек-

сандровский сад, предъявил пропуск у Троицких ворот и оказался в Кремле. Здесь все было знакомо издавна и вместе с тем все чем-то отличалось от прошлого. Он не сразу уловил, что это такое, и только подходя к зданию Сената, понял: тишина. Но не глухая тишина склепа или безлюдья, а какая-то особая, деловая, которую не спугнуть ни прошедшей смене караула, ни проехавшему автомобилю.

В приемной средних лет женщина в темном платье скромного покроя сказала Каменеву, что Владимир Ильич просит извинить его. У него сейчас небольшое совещание. Но минут через десять оно закончится. В глубине души Сергей Сергеевич даже обрадовался этой отсрочке. Несколько минут ему было вполне достаточно, чтобы психологически подготовиться к предстоящей встрече, какова бы она ни была. До этого он все откладывал такую подготовку, которую он давно уже с легкой усмешкой мысленно называл «застегнуться на все крючки». Занятый своими мыслями, Сергей Сергеевич не сразу обратил внимание, как из кабинета вышел Дзержинский и мимоходом черкнул по нему взглядом.

В дверях показался Владимир Ильич, провожавший Дзержинского.

— Товарищ Каменев? — сказал он.— Проходите, пожалуйста...

Ленин посторонился, пропуская посетителя в кабинет.

— Извините, что заставил вас ждать,— продолжал он, здороваясь и усаживая Каменева в кресло.

— Пустяки,— отозвался тот.— У меня свободного времени с избытком.

Ленин остро взглянул на него.

— Что так, Сергей Сергеевич?

— В отпуску, Владимир Ильич.

— Жаль,— нахмурился Ленин, от которого это обстоятельство утаили.— Я помню вас еще по Невельскому району Западной завесы, да и позднее, когда вы формировали Витебскую дивизию и Рославльский отряд для Восточного фронта. Тогда вы хорошо поработали. И теперь у нас положение на фронтах нисколько не лучше, а вы вдруг ничем не заняты... Как же это у вас получилось?

— Что делать! Отпуска я не просил...

Секунды две-три Ленин испытующе смотрел на Каменева, затем в глазах его заиграли веселые искорки:

— Значит, отпуска не просили, а вам его все-таки дали... И кто же это так позаботился о вас?

— Мне об отпуске сообщили от имени главкома.

Ленин повторил с ударением:

— Сообщили от имени?.. Я вас правильно понял?

— Именно так, Владимир Ильич.

— Да-а,— качнул головою Ленин.— Государство у нас молодое, а старье ползет изо всех щелей... Что у вас произошло с Вацетисом?

— Лично? Ровным счетом ничего... Мы разошлись, и довольно серьезно, по плану и срокам контрудара. Началось это еще с вопроса о разделении армий фронта на две оперативные группы, Южную и Северную. Тогда Реввоенсовет республики вообще был против этого разделения...

— И рекомендовал вам отступить за Волгу? Это известно.

— Далее ставка Главного командования предложила нам тактику сдерживания противника до подхода подкреплений из центра. Нам обещали стотысячную армию...

— И конечно, не дали.

— Они ее не могли дать. Тут все дело в сроках. Мы хотели воспользоваться весенней распутицей, пока противник не подтянул безнадежно отставшую артиллерию и вконец расстроенные тылы. В этом случае для его разгрома нам потребовалось бы значительно меньше сил, главным образом из местных формирований. На подкрепления из центра мы не очень рассчитывали. Дадут две-три дивизии, и на том спасибо. С этим мы и начали контрудар Южной группы.

— Как случилось, Сергей Сергеевич, что контрудар от Бузулука на северо-востоке с глубоким выходом на тылы противника постепенно стал перемещаться на север и даже северо-запад?

Ни один мускул не дрогнул на лице у Каменева. Он давно уже ответил себе на этот вопрос и ждал его. Но до чего же трудно сказать об этом вслух!

Конечно, можно было привести много причин, достаточно убедительных. Ну хотя бы прорыв неприятеля к Сергиевску с угрозой выхода на коммуникации Южной группы, или продолжавшееся отступление северного крыла Восточного фронта, которое надо было обязательно остановить, или же замедленное продвижение под-

креплений из центра. Но все это будет лишь полуправда...

Каменева даже передернуло от омерзения, когда он представил себе, как будет выглядеть, прячась за эти доводы.

— Это моя вина, Владимир Ильич,— сказал он, силясь, чтобы голос его не дрогнул.— Я не всегда достаточно решительно противостоял нажиму ставки Главного командования, когда это было надо. Это во-первых. И второе. Не сразу, далеко не сразу я оценил организаторские способности Фрунзе.

— А это как же? — чуть прищурился Ленин.

— Видите ли, район Самары, Саратова, вообще весь район Восточного фронта и в особенности его южного участка мы достаточно использовали при формировании воинских частей. Центр нам не так уж много помогал. Чаще случалось, что от нас забирали скомплектованные на месте части на другие фронты. Словом, Восточный фронт, за исключением Пятой армии, в основном сформировался за счет местных сил и средств. Казалось, что местные ресурсы исчерпаны, и отсюда вряд ли что еще можно получить. И вот когда Фрунзе взялся за формирование двух армий, а ему Четвертую и Туркестанскую приходилось формировать почти заново, настолько они были слабы, то я, признаться, не поверил. Чудес на свете не бывает, думал я, а командарм не фокусник... Правда, он прибыл на фронт с целым рядом работников из Иваново-Вознесенска и Ярославля и даже со своим полком текстильщиков, но ведь это же капля по сравнению с тем, что ему было надо. Не поверил я и позднее, когда каким-то непостижимым образом эти полки и бригады стали расти и даже вооружаться. Это было нечто новое, необычное для нас, старых военных специалистов. Думалось, что в первом же серьезном сражении все это рассыплется...

В глазах Ленина засеребрился смешок.

— В этом все дело! — воскликнул он.— Именно в этом. Откуда вам было знать, что Арсений, это его подпольная кличка, еще в девятьсот пятом формировал из рабочих боевые дружины... Но вам, Сергей Сергеевич, следовало еще до начала боев проверить, что представляют собой части, которые формировал Фрунзе. Тогда вы достаточно обоснованно могли бы противостоять нажиму главкома.

— Я это понял после поражения противника на Бугульминском направлении, но было уже поздно.

Помолчали.

— Да,— задумчиво сказал Ленин,— опоздание может привести к катастрофе. И часто приводит... Вы знаете положение у нас на фронтах?

— В пределах своих возможностей... Оно не из легких.

— Архитяжелое, Сергей Сергеевич! Нас пытаются задушить в кольце фронтов. И надо это кольцо разорвать. Восточный фронт в этом плане наиболее подходит. Задача, которую мы ставим перед Восточным фронтом,— до зимы завоевать Урал. Это надо сделать, чего бы это ни стоило. Вы понимаете это?

— Вполне, Владимир Ильич.

Ленин чуть помедлил и сказал как-то буднично:

— Есть предложение возвратить вас на Восточный фронт. Как вы к этому относитесь?

— Я солдат, Владимир Ильич.

— Фраза,— слегка поморщился Ленин.— Нас интересует, считаете ли вы возможным выполнить поставленную задачу?

— Ее же надо выполнить, Владимир Ильич,— сказал с ударением Каменев.— А как, это я смогу вам сказать только из Симбирска.

— Хорошо, пусть будет по-вашему.— Ленин поднялся с кресла.— Получив приказ о назначении, выезжайте немедленно.

Попрощавшись, он проводил Каменева до приемной и попросил секретаря соединить его со Стасовой.

— Елена Дмитриевна? Здравствуйте,— сказал он, когда Стасова отозвалась.— У меня только что был Каменев. Думаю, что Гусев, Лашевич и Юренев абсолютно правы, его надо возвратить на Восточный фронт. То, что там сейчас происходит, ни в какие ворота не лезет... Да, я вполне допускаю возможность трений в практической работе у Каменева с главкомом. Вацетису, понятно, будет обидно это назначение. Поручим Реввоенсовету фронта телеграфировать нам о каждом таком случае трений, чтобы можно было своевременно вмешаться. Конечно, это полумера. Но суть-то не в Вацетисе. Видимо, придется подумать о том, чтобы освободить Троцкого от дел Восточного фронта. Слишком много он привносит в них личного. В апреле, когда он собирался отвести войска за Волгу, мы уже пробовали его поправить. А что вышло?.. Не прояви Фрунзе максимум напора и изобретательности при формировании

воинских частей из местных пополнений, никакого контрудара не получилось бы... Да, они там в своем серпуховском хуторе чувствуют себя вольготно. Я вообще не понимаю, почему, собственно, Ставка главного командования, то есть главком и полевой штаб Реввоенсовета, находятся в Серпухове? Быть поближе к фронту? А к какому? Нет, Елена Дмитриевна, это скорее желание находиться подальше от ЦК партии и Совета обороны, чтобы можно было выкинуть какое-нибудь коленце... С отступлением за Волгу не вышло, так они там проектируют остановить наступление на Восточном фронте по линии реки Белой... Мотивы? Нет, теперь иные... Необходимость помочь Петрограду и Южному фронту. Да, мотив иной, а песенка все та же: приостановить наступление на Восточном фронте... Думаю, что надо не медля решением ЦК ввести в Реввоенсовет республики Гусева. Затем следует подработать вопрос о Реввоенсовете. Да, для пленума... Вообще-то это неповоротливое, чрезмерно разбухшее учреждение надо решительно сократить. Оставить там человек шесть, не больше. Сделать его более гибким, оперативным. И конечно, перевести Ставку в Москву. Да, для более действенного контроля за ее работой... А что Троцкий?.. Ну, знаете, Елена Дмитриевна, его амбиция нам может стоить революции. Слишком дорогая плата за чью угодно амбицию... Да, да, подработайте этот вопрос для пленума ЦК партии.

Положив трубку на рычаг аппарата, Владимир Ильич с минуту думал о чем-то, затем пододвинул к себе стопку бумаги и написал телеграмму.

«Симбирск, Реввоенсовет Востокфронта: Гусеву, Лашевичу, Юреневу.

25. V. 1919 г.

Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной; напрягите все силы; следите внимательно за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население; следите за политработой; еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги; прочтите эту телеграмму Муралову, Смирнову, Розенгольцу и всем видным коммунистам и питерским рабочим; известите получение; обратите сугубое внимание на мобилизацию оренбургских казаков; вы отвечаете за то, чтобы части не начали разлагаться и настроение не падало.

Ленин».

ТРЕТЬЯ ОРЕНБУРГСКАЯ ПРОБКА

1

Весть о том, что Фрунзе повернул основные силы Южной группы против армии генерала Ханжина, долетела и до Ташкента. А вскоре сказались и первые, пока что неблагоприятные результаты этого поворота. Воспользовавшись тем, что часть войск Первой и Туркестанской армий была переброшена из района Оренбурга в направлении главного удара, атаман Дутов воспрянул духом и, наскоро переформировав свои потрепанные в прежних боях казачьи полки и дивизии, в середине апреля потеснил ослабленную в этом районе линию нашего фронта и пересек железную дорогу между Оренбургом и Актюбинском.

Туркестан снова, в третий раз, оказался отрезанным

от Советской России. Почти двухмесячная передышка, когда он был воссоединен со всей страной, окончилась. Поток грузов из центральной России прекратился. Эти грузы были выделены и сконцентрированы на подъездных путях, в разных местах, невдалеке от фронта еще до того, как соединились части Первой армии, громившие белоказаков атамана Дутова и пробивавшиеся навстречу Первой армии войска Туркестана.

Молодая Советская республика, сама нуждавшаяся решительно во всем, слала из своих скудных запасов далекой окраине гвозди, железо, сельскохозяйственные орудия, лес, медикаменты, рыболовные снасти — всего до сорока пяти вагонов в неделю. Из Самаро-Оренбургского и Тургайского районов отправляла по тридцать вагонов хлеба в день.

Все это не могло делаться само собой, и для координации мероприятий по материальной и военной помощи Туркестану была создана Особая комиссия. Ее председатель Элиава и часть членов задержались в Самаре и Оренбурге, где и занимались практическими вопросами этой помощи, а Петр Алексеевич Кобозев, как наиболее осведомленный в туркестанских делах, выехал в Ташкент.

К апрелю было отправлено и подготовлено к отправке восемь сборных маршрутных поездов с мануфактурой, сахаром, обувью. Дополнительно отправили поезд с литературой для пополнения библиотеки Туркестана.

Высший Совет Народного Хозяйства наметил к переброске ряд предприятий. Из Твери выехали в этот далекий край сто пятьдесят инженеров и техников. Ехали они с семьями, с домашним скарбом, чтобы осесть в нем прочно. Посланной туда группе геологов были поручены изыскательные работы.

Для налаживания работы органов власти Яков Михайлович Свердлов направил в Туркестан две группы партийных и советских работников.

В те дни в Москве проходил Восьмой съезд партии. Была на нем и делегация Туркестана.

Выкроив два часа из своего трижды перегруженного рабочего времени, Владимир Ильич беседовал с делегацией. Он интересовался подробностями возникновения и ликвидации осиповского мятежа, участием в нем левых эсеров; расспрашивал о состоянии народного хозяйства, о положении с продовольствием; особенно его интересовали взаимоотношения между русским и коренным населением края,

рост революционной активности трудящихся... А в конце беседы он посоветовал делегации задержаться в Москве и ознакомиться с деятельностью наркоматов, чтобы использовать опыт их работы у себя на родине.

Делегация пробыла в Москве около месяца. Ее опять пригласили в Кремль, и Владимир Ильич сказал, что положение на Восточном фронте осложняется. Не исключено, что железная дорога Оренбург—Ташкент будет перерезана белыми. Делегации надо немедленно выезжать.

Они уехали, переполненные впечатлениями от двукратной беседы с Лениным. Делегация ознакомилась с работой центрального аппарата Советов, конечно, еще во многом находившейся в процессе становления и далеко не совершенной, но поставленной все же лучше, чем в Туркестане. Им было чему поучиться. На прощанье их снабдили мандатами, подписанными Лениным, и литературой, среди которой было много экземпляров новой, принятой на Восьмом съезде Программы партии, которую к этому времени уже успели отпечатать типографским способом.

Поезд, в котором делегация возвратилась в Ташкент, был едва ли не последний, успевший проскочить на перегоне Оренбург—Актюбинск, до того как его заняли казачьи части атамана Дутова.

Четвертый час продолжалось расширенное заседание крайкома партии с участием членов Центрального исполнительного комитета, Совнаркома, Реввоенсовета и некоторых других организаций. Его созвали, чтобы обсудить создавшееся положение на Актюбинском фронте.

Оно было не из легких.

Основные силы фронта, возглавляемые Зиновьевым, после воссоединения в январе 1919 года с Красной Армией были включены в Южную группу Фрунзе, которую в силу уже известных обстоятельств бросили против Западной армии генерала Ханжина. Оставленный у Актюбинска сравнительно небольшой заслон, конечно, не мог противостоять укомплектованной свежими войсками десятитысячной армии атамана Дутова.

Нужно было немедлено предпринять ряд решительных мер, чтобы усилить Актюбинский фронт. С этой целью крайком и созвал это заседание.

Но время шло, а еще ничего дельного предложено не было.

Бывшие левые эсеры — их в марте, при ликвидации партии туркестанских левых эсеров, приняли в Компартию, но при этом допустили ошибку: приняли не персонально, а целыми организациями, в которых были и люди, искренне порвавшие со своим прошлым, и те, кто вступал в Компартию по тактическим соображениям,— так вот эти последние и не замедлили воспользоваться случаем свести старые счеты.

Тон задал Успенский.

— Несомненно, на Актюбинском фронте создалось не угрожающее, как кто-то пытается нас уверить, а катастрофическое положение,— сказал он, самоуверенно поглядывая на присутствующих.— Но давайте, товарищи, разберемся: почему это произошло? Как могло случиться, что наша кровная Туркестанская армия, вместо того чтобы преградить Дутову путь на Туркестан, оказалась совсем в другом месте?

— Жаль, что Фрунзе с вами не посоветовался, куда какую армию ему направлять,— отозвался с места Белов.

— Вы напрасно иронизируете, товарищ главком,— метнул в него взгляд Успенский.— Я совсем не намерен что-либо советовать командующему Южной группой. А вот почему командование Восточного фронта раздергивает нашу Туркестанскую армию для затыкания их собственных прорех — это я хотел бы знать.

На трибуну поднимался Колузаев. Он шел неторопливо и важно, как человек, знающий себе цену.

С того времени, когда после разгрома осиповского мятежа он был на грани привлечения его к суду Ревтрибунала, изменилось многое. Его выдвигали на пост главкома Туркестана, но вмешался крайком партии, и назначение не состоялось. Затем его прочили командующим Актюбинским фронтом. Не вышло и здесь. Командующим Актюбинским фронтом назначили командира Перовского добровольческого отряда Селиверстова. Но какие-то силы, оставшиеся в тени, неизменно поддерживали его. У него даже был свой хорошо вооруженный и снаряженный отряд в семьсот человек. И он рвался к руководящему посту в войсках Туркестана.

И сейчас, поднимаясь на трибуну, он уже обдумал

ход, который, по его мнению, неизбежно приведет к такому посту.

— При всем моем уважении, я не могу согласиться с товарищем Успенским. Положение на Актюбинском фронте хотя и тяжелое, но далеко не катастрофическое.

В зале произошло движение. Это было что-то новое. А Колузаев, ободренный общим вниманием, продолжал:

— Актюбинский фронт надо подкрепить, подбросить туда свежих сил и стабилизировать. Его мы все равно не сможем ликвидировать, сил не хватит. Подождем, когда войска Южной группы Фрунзе придут к нам на помощь. А мы тем временем все силы бросим на Закаспийский фронт. Там у нас в последние дни обнаружился явный успех.

— И что же мы выиграем этим? — спросил Белов.

Колузаев смерил его презрительным взглядом и, чеканя слова, сказал:

— А то, что мы выбьем оттуда англичан и всякую прочую сволочь, освободим целый край. Главкому Туркестана это следовало бы понимать.

— Да, в прожектах,— сказал с места Петр Алексеевич Кобозев,— у нас недостатка нет.

Старый большевик, инженер-технолог по образованию, работавший в этом крае еще в подполье, затем в качестве Чрезвычайного комиссара Советского правительства, создававший здесь первые органы новой власти, он хорошо знал Туркестан. Знал он и многих находившихся в этом зале, еще до того как они выдвинулись в руководители, и отлично понимал, что двигало тем или другим, когда он выступал с трибуны.

— Хватает у нас и прожектеров,— продолжал Кобозев.— Но все это нисколько не поможет делу. Нам прежде всего надо трезво оценить создавшуюся обстановку с военной точки зрения, и только после этого решать. Послушаем Реввоенсовет. Аристарх Андреевич,— обратился он к Казакову,— как вы к этому относитесь?

— Вполне с вами согласен, Петр Алексеевич,— отозвался тот.— В Реввоенсовете мы уже обменивались мнениями. Думаю, что следует дать слово товарищу Востросаблину. У него есть на этот счет интересные мысли.

— Александр Павлович,— сказал руководивший заседанием председатель крайкома Солькин,— прошу на трибуну.

— Нет, нет, отозвался Востросаблин.— Трибуна более пригодна для митингов. Мне бы куда карту прикрепить...

Он вынул из портфеля большую топографическую карту, разительно не похожую на тот схематический план города, которым он воспользовался во время подавления осиповского мятежа.

— Начинается лекция. Школьники, садитесь за парты,— фыркнул Колузаев.

— А что? Лекция тоже неплохо, если человек знает, о чем говорит,— вполголоса отозвался сидевший рядом Иван Матвеевич Парамонов.

— В академии генерального штаба,— начал Востросаблин, когда карта была прикреплена так, что она была видна всем, — меня учили думать и за себя и за противника. Так вот подумаем: почему атаман Дутов бросает свою десятитысячную армию на Актюбинск? Только ли потому, что здесь у нас временно ослаблен фронт? Ведь у него в основном конница, а наступать ему придется на сравнительно узкой полосе вдоль железной дороги, где конница будет лишена своего главного преимущества — маневренности, так как справа и слева этой полосы — пески, то есть в самых невыгодных условиях. Не может он не учитывать и того, что Туркестан выставит против него все свои силы, то есть пехоту, против которой коннице, лишенной возможности маневра, придется действовать в лоб. И все-таки он идет на это в высшей степени невыгодное наступление.

А теперь взгляните на карту. Не кажется ли вам, что наш Актюбинский фронт встал на пути соединения по кратчайшему направлению колчаковских сил, находящихся вот здесь, на юго-востоке,— я имею в виду Южную армию генерала Белова,— и колчаковских войск в Сибири?

Понятно, что мы не располагаем сведениями о планах Фрунзе, но догадаться кое о чем можно. Ведь если армия генерала Ханжина, против которой направлен контрудар Фрунзе, будет разбита и откатится на Уфу, то армия генерала Белова, в силу естественного хода событий, окажется изолированной от основных сил и, лишенная связи с ними, будет загнана в пески, где и погибнет, а с ней не станет и армии Дутова.

Вот почему атаман Дутов, не считаясь ни с чем, рвется

сюда к нам. Он готовит путь отступления себе, а заодно и путь спасения армии генерала Белова.

Востросаблин помолчал немного и сказал:

— А теперь выбирайте: сосредоточить ли нам все силы на Актюбинском фронте или заняться каким-нибудь другим?

— Тут и выбирать, собственно, не из чего,— отозвался Солькин.— Предлагаю признать Актюбинский фронт главнейшим. Что же касается остальных фронтов: Закаспийского, Семиреченского и внутреннего Ферганского, то ими займется Реввоенсовет. На то вам, товарищи, и власть дана.

— А как будет обстоять дело с пополнением? — спросил Белов.

— У меня есть предложение,— поднялся с места Кобозев.— Чтобы не откладывать этого на завтра,— мы и так сегодня достаточно поговорили,— предлагаю для начала мобилизовать на фронт половину членов крайкома, треть членов ТуркЦИКа и половину членов Советов. Предложить Реввоенсовету мобилизовать членов профсоюзов, возрасты определите сами. ТуркЦИКу подработать и издать Положение о мобилизации в Красную Армию граждан республики и о мобилизации буржуазных элементов на тыловые работы.

— Голосуют члены крайкома,— сказал Солькин.

Когда все вопросы были решены, встал Иван Матвеевич Парамонов.

— Есть еще одно предложение,— сказал он.— Следовало бы месяца этак на два, пока все это у нас не образуется, перевести всех рабочих на казарменное положение.

— Это еще для чего? — вызывающе спросил Колузаев.

— А для того, любезный товарищ Колузаев, чтобы у нас не появился какой-нибудь новый Осипов.

Предложение было принято.

2

С заседания крайкома Дрожжин вышел вместе с Рахметбеком Ходжаевым. Обоим было до Урды по пути. Шли неторопливо, находясь все еще под впечатлением бурных прений.

Дрожжин остро переживал свою неудачу. Собственно, неудачи у него начались не сегодня. Еще в то время, когда он был в составе правительства Туркестана, он сумел наделать столько ошибок, что его пришлось перевести на вторые роли. Он воспринял это как происки своих недоброжелателей, примкнул к так называемой группе «старых коммунистов», состоявшей из таких же, как и он, обиженных ходом истории и попытавшихся было создать свою коммунистическую партию. Но из этого ничего не вышло. Группа была идейно разгромлена, при безусловном одобрении всех парторганизаций Туркестана, а Дрожжин, формально признав свои ошибки, затаился. Он был дико честолюбив, но умел выжидать.

В Туркестане в те дни было мало коммунистов, сколько-нибудь политически грамотных, а после осиповского мятежа, когда были зверски уничтожены наиболее опытные партийцы со стажем подпольной борьбы, их стало еще меньше. И когда возник вопрос о посылке делегации на Восьмой съезд партии, было решено включить в нее и Дрожжина.

Посылая его, товарищи полагали, что, побывав на съезде, пообщавшись с делегатами индустриальных губерний, Дрожжин отчетливее поймет природу своих ошибок и в конце концов будет неплохим работником.

Но они плохо знали Дрожжина. Свое включение в состав делегации он воспринял как скрытое извинение партийной организации перед ним и, ничего не поняв, ничему не научившись, вернулся в Ташкент в полной уверенности, что теперь, стоит ему только при первом удобном случае блеснуть каким-либо дельным выступлением, как все станет на место. Он опять будет возглавлять... Что именно возглавлять, он еще не решил.

Расширенное заседание крайкома Дрожжин счел именно таким подходящим случаем.

Выступив одним из первых, он начал с того, что положение на Актюбинском фронте действительно серьезное и надо самым решительным образом помочь ему, не останавливаясь даже перед крайними мерами, рассказал о двукратной беседе с Лениным...

Вначале его слушали внимательно, но вскоре Дрожжина, что называется, занесло. Упрекнув мимоходом Реввоенсовет Туркестана за то, что он допустил такое

состояние Актюбинского фронта, Дрожжин зачем-то заговорил о прошлом, и по его словам выходило так, что если бы ему не мешали, то все было бы прекрасно...

В зале зашумели. Несколько раз председательствовавший Солькин пытался поправить его, предлагал говорить по существу, но Дрожжин, как говорят, закусил удила и продолжал все в том же духе, пока Солькин решительно не остановил его, сказав, что здесь заседание крайкома, а не вечер воспоминаний.

И теперь, возвращаясь домой, Дрожжин остро переживал свое поражение. Рахметбек Ходжаев, понимая состояние спутника, вполголоса говорил о необъятности пустыни, о тысячелетиях, прожитых ею, как один день, о бесчисленных караванах, навсегда оставшихся в песках, лукавой вязью восточной мудрости отвлекая его от тяжелых мыслей. И добился своего.

Дрожжин повеселел, и неудача уже не казалась ему поражением; так, незначительный эпизод, который в сумятице и сутолоке напряженных дней через неделю забудется. А там будет видно, как сложатся дела. У него есть еще здесь друзья и единомышленники. Да и Солькин не вечен. Скоро будет партийный съезд Туркестана, и неизвестно еще, как распределятся силы.

Они заговорили о повседневных делах.

— Черт знает, что у нас делается,— сказал Дрожжин.— Говорим о вовлечении коренного населения, а на деле что происходит? Своеволие, неподчинение центральной власти, безобразия. Взять, к примеру, Семиречье. Ты знаешь, послали мы туда Джуназакова для организации помощи киргизам-возвращенцам. Человек он положительный, сам киргиз, казалось, чего бы лучше? Нет, не понравился.

— Да, я слыхал что-то...

— Пишут оттуда всякий вздор. А этот сумасшедший Акмат чуть было не убил его.

— Акмат Туртубеков всегда отличался необузданным характером. Совершенно дикий человек!

— Ты мне говорил об этом, но я тогда, признаться, пропустил мимо ушей. А теперь ему полная воля. Отряд свой организовал. Видно, мало у нас басмаческих шаек, что появилась еще одна!

— Разве нельзя разоружить?

— Не так-то это просто... Дружки у него есть в Таш-

кенте. Один старик Парамонов чего стоит. Да и не только он. Говорил я на днях с Беловым,— как об стену горох! Тоже мне главком...

Прощаясь, Дрожжин с чувством сказал Ходжаеву:

— Ах, Рахметбек, вот если бы все коренные жители здесь были такие, как ты, легко было бы работать в Туркестане!

Длинные косые тени быстро тонули в темноте, когда Рахметбек миновал базарную площадь, теперь пустую и безлюдную. Мастерская медника была заперта изнутри. Сквозь дверную щель проступала полоска света и падала на придорожную пыль. Рахметбек прошел мимо мастерской и затерялся в изгибах улицы.

Его дом, стоявший в самом конце тупика, ничем не отличался от остальных: такие же массивные ворота, усаженные большими, величиною с кулак, шляпками железных гвоздей, двор, обнесенный дувалом, женская половина, отделенная от остального двора, еще двор, свой, домашний, ревниво охраняемый от чужих глаз не меньше, чем женская половина, сад, испещренный арыками, пристройки. Все это было огорожено толстой саманной четырехметровой стеной, почти крепостною, одна сторона которой выходила на улицу.

Калитку Рахметбеку отпер высокий плечистый детина с тупым, неподвижным лицом, одетый в засаленный халат, и в кожаных галошах на босую ногу. Из разных углов двора выглянули несколько бородатых физиономий, но, увидав хозяина, скрылись.

— Турсун уже здесь,— сказал детина, открывавший дверь.

— Хорошо, Меред, скажи ему.

Рахметбек прошел в дом, переоделся, сунул ноги в такие же галоши, как и на Мереде, только поновее, и сел у стены на ковре. Он сидел так, полузакрыв глаза, время от времени шевеля пальцами рук, сложенных на животе, словно что-то отсчитывая.

Вошел Турсун и сел рядом с братом, тоже на корточки. Его руки с худыми, сквозившими на свет пальцами, необычно длинные, бессильно лежали на ковре впереди ног.

Пожилая женщина расстелила перед ними шелковый платок, поставила чайник, пиалы и молча удалилась.

— Устал, братец? — участливо спросил Рахметбек. Он наполнил пиалу чаем и подал ее Турсуну.— Я тоже устал.— Некоторое время они молча пили чай.

— Полковник Русанов вернулся,— сказал Турсун, ставя пиалу на платок.— В Семиречье ему не посчастливилось. Он повстречался там с Акматом. Пришлось быстро уезжать.

— Набрал он джигитов?

— Ртов набрал много. Русанов, вероятно, уйдет в Бухару. Приезжал человек оттуда, доверенный кушбеги, с подарками. У эмира мало хороших начальников. Свард не доверяет Русанову. Он и до тебя хочет дотянуться. Вчера его слуга...

— Сэм?

— ...уговаривал нашего Мереда смотреть за тобой. Он расспрашивал, где ты бываешь, кто к тебе приезжает на дом. Я сказал Мереду, чтобы он соглашался.

— Хорошо,— кивнул Рахметбек.— Кто показал Сэму Мереда?

— Базарный Ибрагим. Сегодня после обеда он сильно захворал,— на лице Турсуна промелькнула усмешка.— Не следует в такую жару есть слишком много жирного плова. Боюсь, до завтра он не доживет.

Рахметбек прикрыл глаза ресницами.

— Дрожжин ничего не сможет сделать, чтобы отряд Акмата разоружили,— сказал он.— На заседании он вел себя особенно глупо.

— Жаль,— отозвался Турсун.— Влияние Акмата растет. Его отряд уже теперь мог бы быть очень большим. Но Акмат действует расчетливо, с умом. В отряд он отбирает только самых надежных и самых известных у себя в округе. Остальные живут по домам и находятся как бы у него в запасе. При необходимости он за шесть-семь часов может увеличить свой отряд в несколько раз.

— Это очень серьезно, Турсун.

— В последнее время отряд Акмата видели в районе перевала Чикчан и у Кетмен-Тюбе.

— Что им там понадобилось?

— Пока не известно... Но этот перевал находится на дорогах из Ферганской долины в Семиречье. Красные не случайно там держат заставы.

Рахметбек пристально взглянул на брата, сказал вполголоса:

— Сейчас в Ташкенте многое зависит от Кобозева. Надо сделать что-нибудь такое, чтобы восстановить его против Акмата. Это будет вернее. Подумай...

— Буду думать. Что решили там, в Белом доме?[1]

— Нарешали много.

— Актюбинский фронт?

— Да. И очень сильно. Надо будет что-то предпринять, чтобы оттянуть часть войск в другое место. Поговори с ишаном Искандером. Пусть Улема через своих людей поднимет Фергану. Там есть и другие, но и это будет не лишнее. Ислам пока что в силе. Надо этим пользоваться.

Турсун отрицательно качнул головой:

— Ишан Искандер только что вернулся из Ферганы. В Скобелеве у него были неприятности. Появляться ему там сейчас не следует.

— Нет,— жестко сказал Рахметбек,— ишан Искандер должен немедленно ехать в Фергану. Нельзя допустить такого сосредоточения войск на Актюбинском фронте, какое они сегодня наметили.

— А если ишана там арестуют?

— Надо сделать так, чтобы он не успел ничего рассказать.

Турсун тихо смеялся. Он быстро придвинулся, словно подполз к брату, и, глядя ему в глаза, сказал шепотом:

— Ты очень сильный, Рахмет. Когда-нибудь ты, не задумываясь, пожертвуешь и мною. Я ведь знаю гораздо больше, нежели старый ишан.

Рахметбек смотрел прямо в глаза брата.

— Нет, Турсун, ты мне всегда будешь нужен.

— А что будет со мной, когда ты станешь эмиром Туркестана?

— До этого еще далеко, Турсун. Не искушай судьбу.

— Бояться судьбы — значит быть слабее ее. Этому ты научился у русских. Судьбу делаю я. Да, да, я — горбатый медник, постукивающий своим молоточком у входа на базарную площадь! Эдвард Свард думает, что ты копаешь колодец, из которого пить будет он. Свард очень хитрый и хотел бы знать о тебе гораздо больше, чем я позволю ему знать. Но он все-таки глуп и посылает своего слугу подку-

---

[1] В прошлом дом генерал-губернатора, после революции переименованный в Дом свободы. Турсун называет его по-старому.

нить Мереда. В Белом доме только начинают догадываться, что кто-то им мешает. Но они еще глупее Сварда! Они так и будут догадываться, пока их не прирежут, как баранов. Даже никто из Улемы не знает твоего настоящего лица. Я оградил тебя от встреч с ними. Пусть думает каждый, что мы работаем на него. Так лучше. Тебе ничто не угрожает, Рахмет. В случае неудачи они ничего не смогут сказать о тебе ни Сварду, ни в Белом доме, даже если бы и захотели. Так что же будет со мною, когда ты будешь эмиром Туркестана?

— Ты будешь старшим братом эмира, Турсун, и его первым министром. Видишь, разве я не доверяю тебе?

Турсун ушел. Рахметбек сидел, полузакрыв глаза и откинувшись к стене.

Эмир Туркестана!

Неопределенная усмешка скользила по его тонким губам.

Эмир Туркестана!

Это было заманчиво, привлекало, но годилось только для его недалеких друзей. Турсун полезный, даже необходимый человек, но ему всегда нужна ближайшая цель, как запоздавшему путнику огонек в густой темноте. Хорошо, пусть будет эмир Туркестана! Но мусульманский мир велик. В Персии, в Турции, в Аравии, в Белуджистане, на северо-западе Индии, а Афганистане, в Хиве, в Бухаре — всюду есть люди, исповедующие ислам. Почему заместитель пророка на земле — халиф должен быть обязательно турком?

Тихо вошел Меред и положил перед Рахметбеком пачку кредиток.

— Меред, — не подымая век, сказал Ходжаев, — почему Турсун, уходя сюда, не гасит свет в своей мастерской?

— Пусть люди думают, что он там.

— А если кто-нибудь постучит к нему?

— Он встретится с моим братом.

Рахметбек взглянул на кредитки.

— Тебе заплатил англичанин? В следующий раз скажи ему, что эти кредитки он может оставить себе. Требуй у него золотом или фунтами стерлингов, знаешь? Можешь требовать много. Он заплатит. Что говорить ему — тебе скажет Турсун.

Неподвижное, глуповатое лицо Мереда было бесстрастно.

ТАК НАЧАЛСЯ РАЗГРОМ...

1

С высокого крутого берега хорошо просматривались широкая пойма реки Белой, большая поляна за ней, окаймленная негустым лесом; линия железной дороги, пересекавшая ажурный мост, переброшенный через реку, и скрывавшаяся вдали.

— Превосходная позиция, — сказал генерал Жанен, опуская бинокль. — Подступы простреливаются идеально. Здесь противник может положить целую армию, прежде чем доберется до реки.

— Река тоже неплохая преграда, — отозвался генерал Нокс. — Чтобы форсировать ее, нужны перевозочные средства... Много средств.

— А их-то у красных и нет, — слегка улыбнувшись, закончил генерал Войцеховский. Ему было поручено Колчаком сопровождать главнокомандующего союзных войск Жанена и английского военного атташе Нокса при осмотре уфимских укреплений. Сам верховный правитель, сославшись на легкое недомогание, остался в своем поезде, стоявшем на станции Уфа.

Войцеховский согласился заменить адмирала тем охотней, что ему было что показать. Уфу укрепляли долго и основательно. К тому же, владея английским и французским языками, он легко обходился без переводчиков, чего нельзя было сказать о других русских офицерах, сопровождавших военную миссию союзников. Те держались чуть в отдалении, около переводчиков.

Они уже осмотрели заграждения из колючей проволоки, тянувшиеся по самому краю крутого берега, окопы полного профиля в несколько рядов с защитными козырьками от навесного огня, с блиндажами, перекрытыми в три наката, с сетью извилистых ходов сообщения. Осмотрели они и артиллерию всех родов, вплоть до тяжелой одиннадцатидюймовой, умело расставленную, способную смести наступающие цепи противника. И теперь, с крутого берега рассматривая расстилавшийся ландшафт, как бы подводили итоги своих наблюдений.

— Наши войска под Верденом не имели таких преимуществ,—сказал генерал Жанен. — Настоящая крепость, созданная самой природой.

По лицу генерала Войцеховского скользнула паутинка усмешки:

— Достоинства этого местоположения были оценены еще в шестнадцатом веке, при Иване Грозном. Городок, построенный здесь, неплохо защищал окраину Российского государства от набегов кочевников. Во второй половине семнадцатого века он выдержал даже четырехмесячную осаду бунтовщиков Пугачева. А это было нелегко!

— О, Пугачев! Казак... — весело отозвался Жанен. — Тогда трон вашей императрицы очень шатался.

— В истории народов известны многие троны, не выдержавшие напора черни, — съязвил Войцеховский.

Генерал Нокс поджал тонкие губы. Он не одобрил легкомысленного разговора о шатающихся тронах.

— Ну что ж, поехали, господа, — предложил Войцеховский, взглянув на часы.

Они сели в поджидавшие их автомобили и, сопровождаемые конным конвоем, направились в город.

Легкое недомогание Колчака было чисто тактическим. Оно входило в его план: оглушить представителей союзного командования, главным образом англичан и французов, перспективой разгрома большевиков в самом непродолжительном времени. Представитель японцев генерал Иде, ведший какие-то подозрительные переговоры с дальневосточным атаманом Семеновым, приглашен не был. С этой же целью по приглашению адмирала в Уфу съехались: генерал Каппель, пользовавшийся особым расположением Нокса, — о снаряжении и обмундировании его корпуса английский представитель, не доверяя вороватым колчаковским снабженцам, позаботился лично; генерал Пепеляев, прославившийся захватом Перми и обещанием через полтора месяца занять Москву; атаман сибирского казачества Иванов-Ринов, в прошлом полицейский офицер, но краснобай, каких поискать; оренбургский атаман Дутов, проныра и политикан, вхожий во французскую миссию. Вместе с приехавшими с адмиралом чинами штаба верховного командования они составляли внушительное окружение Колчака.

Время приближалось к двум часам дня. Ротмистр Князев, личный адъютант адмирала, с тоской поглядывал на дорогу, ведущую к станции. Он был забулдыга, удивлявший даже бывалых омских кутил своим пьяным разгулом, и ему не улыбалось надолго застревать в такой дыре, как Уфа. Втихомолку он от имени Колчака, как делал не раз, уже отдал распоряжение подготовить линию железной дороги к беспрепятственному возвращению поезда верховного правителя в Омск. Но время шло, движение на железной дороге было остановлено, а Войцеховского с представителями военного союзного командования все еще не было.

«И какого черта застряли? — злился Князев. — Что они там, цветочки собирают? Поехали знакомиться с укреплениями... А что с ними знакомиться? Окоп, он и есть окоп, под Уфой ли, под Бирском или еще где...»

Вдруг он встрепенулся. Вдали показались автомашины, сопровождаемые конным конвоем. Князев оправил свой мундир, взглянул на себя в зеркало и тихо отворил дверь в салон.

— Господин адмирал, генерал Войцеховский с пред-

ставителями союзного командования возвращаются.

Колчак взглянул на часы.

— Скажите, что я прошу их через полчаса к себе. Предупредите также и генералов.

— Слушаюсь.

Автомашины подошли к вокзалу и остановились. Генералы высадились и, разминаясь, направились к поезду.

...В салоне верховного правителя собрались почти все приглашенные. Не было только Иванова-Ринова. Атаман сибирского казачества, пользуясь своей выборностью, иногда позволял себе этакую вольность, порожденную скорее дурным воспитанием, нежели чувством собственного достоинства. Впрочем, проявлял он ее не часто и весьма умеренно, в ожидании, когда адмирал отвалит ему сто миллионов рублей и двадцать тысяч комплектов обмундирования для формирования конного корпуса из сибирских казаков. Но вскоре явился и он.

Адмирал, как радушный хозяин, позаботился о том, чтобы приглашенные чувствовали себя как можно лучше. Ввиду жаркой погоды на столиках были сифоны с прохладительными напитками на льду, бокалы. Окна открыты. И караул из предосторожности отведен от поезда на расстояние, достаточное, чтобы не слышать, о чем говорят в салоне. Он все рассчитал, все взвесил. При последних неудачах на фронте Западной армии совсем не лишне будет произвести на миссии союзников впечатление, что в сущности ничего не произошло. Просто войска отошли на укрепленные позиции, чтобы подготовиться для следующего броска.

Окинув взглядом собравшихся, Колчак встал. Легкий говорок в салоне затих.

— Господа!— сказал верховный правитель, обращаясь главным образом к представителям союзников. — Генерал Войцеховский сказал мне, что вы по достоинству оценили уфимские укрепления...

— О да! — отозвался Жанен.— Настоящая крепость.

Нокс в ответ лишь слегка кивнул.

— Благодарю вас. Это значительно облегчает мою задачу. — Колчак слегка помедлил. — Вам известно, что за последнее время части Западной армии несколько отошли назад. Отступление это в известной мере было нами предусмотрено. С этой целью и были своевременно созданы укрепления на высоком плоскогорье, в районе слияния рек

Белой и Уфы. По сведениям разведки, красные бросили против нашей Западной армии все свои резервы из внутренних округов. Повернули сюда даже части, предназначенные на юг против армии генерала Деникина и под Петроград.

Голос у адмирала глуховатый и совсем не «командирский», но слушали его внимательно, принимая все на веру.

А Колчак говорил о том, что для успешного наступления против такого укрепления надо иметь трехкратное превосходство сил. Это азбука военного дела. Если же учесть водную преграду, то превосходство, и значительное, в артиллерии для наступающих совершенно обязательно. А его-то у противника и нет.

— Мы перемелем наступающие войска красных, — продолжал Колчак, — еще на подступах к Уфе. А если они все же переправятся, обрушимся на них контратаками из глубины и, разбив по частям, сбросим в реку.

Он говорил о том, что из Екатеринбурга спешно перебрасывается сюда ударный корпус в составе шести полков. Они прибудут в ближайшие дни. В Омске и Томске заканчивается формирование 12-й и 13-й дивизий. Есть и другие части. Все это обрушится на Южную группу Восточного фронта противника, как только уфимские укрепления выполнят свою задачу: перемелят ударные части красных.

— Одним рывком Западная армия выйдет к Волге и займет ее от Казани до Самары, сметая разрозненные, обескровленные части противника. Сибирская армия тем временем займет Казань и Вятку. Могу сообщить вам, что ее части успешно продвигаются вперед и через день-два займут Глазов. Восстания в тылу нам не смогут помешать. Казачий генерал Волков доносит, что им разгромлены в Кустанайском уезде две основные банды. Открытия навигации по Северной Двине вполне достаточно, чтобы не зависеть от Сибирской железной дороги, движение по которой несколько затруднено в районе Тайшета. Таким образом, господа, соединившись с генералом Деникиным, мы двинемся на Москву... Вот как это произойдет.

Колчак подошел к стене и отдернул полотно.

Присутствующие увидели карту, всю испещренную линиями, сплошными и пунктирными, кружками, стрелками, флажками. Но не это привлекло их внимание. На своем веку они видели достаточно штабных карт, чтобы привыкнуть к ним. Они смотрели не отрываясь на две стрелы.

Широкие у основания, стрелы эти, изгибаясь, угрожающе нацелились на Москву. Одна из них от Вятки и Казани, закрывая Нижний Новгород, Владимир, Кострому и Ярославль, опускалась с северо-востока, другая — от Самары, Бузулука и Уральска, через Сызрань, Козлов и Ряжск, надвигалась с юго-востока.

Это было так заманчиво, так отвечало всем их помыслам и ожиданиям, что генерал Жанен не выдержал:

— Изумительно! — воскликнул он. — Это же полный разгром большевиков...

Нокс держался более спокойно. Он только одобрительно хмыкнул и уже мысленно сочинял телеграмму военному министру Великобритании. Следовало предусмотреть в этом плане соединение армии адмирала с архангельскими силами. Это очень хорошо скажется в дальнейшем, когда русским придется платить по векселям. В этом смысле соединение с Деникиным не обязательно. Он слишком зависит от французов.

2

Кони незаметно прибавили шаг. Богучаров привстал на стременах и вгляделся сквозь редевшие деревья вперед.

— Воду почуяли, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

Эскадрон, выслав дозоры, осторожно продвигался через лес. Только что закончились бои под Чишмой, последним укреплением на пути к Уфе, и, теснимые войсками Южной группы, колчаковцы отходили за реку. Эскадрон Богучарова вырвался вперед и значительно левее пехотных частей Кутяковской бригады — поискать слабинки в отступающей армии противника, чтобы погулять по его тылам. Очень уж надоели всем эти атаки в лоб, которые они были вынуждены проводить после непонятной и никак не оправданной четырехдневной приостановки нашего наступления за Белебеем.

Богучаров думал, что стоит им продвинуться на несколько километров, и они столкнутся с противником. Но время шло. Они находились в пути уже часа три, а колчаковцев не было. Озадаченный этим обстоятельством, он послал вперед своего помощника Емельянова с группой кавалеристов и двумя ручными пулеметами.

А кони все прибавляли шаг. Значит, где-то впереди, совсем невдалеке, есть большая вода. Это могла быть толь-

ко Белая. Других рек или озер здесь на карте не отмечено. Вскоре Богучаров увидел впереди и группу Емельянова. Конники стояли под прикрытием деревьев. Лишь сам Федор выдвинулся на открытое место и посматривал по сторонам.

— Ворон, что ли, считаешь, Федя? — окликнул его Богучаров.

— Удрали, сволочи!.. Ни одной собаки нет,— не отзываясь на шутку, сказал Емельянов.

Богучаров огляделся. Река здесь делала крутой поворот на запад и вверх по течению, к Уфе, не просматривалась. Ледоход уже прошел, но вода еще была высокая. Прикинул на глаз расстояние до другого берега.

— Саженей сто пятьдесят верных будет.

— И глубокая, дьявол,— отозвался Емельянов.

— Да, как говорится, с ручками...

На противоположном крутом берегу раскинулось какое-то селение. Правее в бинокль был виден высокий выступ уфимского полуострова, образованного реками Уфой, Белой и с запада Демой, силуэты зданий на нем, золотистые маковки церквей.

Они сверились по карте.

— Правее нас, вверх по течению, будет Красный Яр,— сказал Богучаров, рассматривая двухверстку.— До Уфы отсюда верст двадцать пять... Но куда же девались колчаковцы?

— Сиганули на тот берег. Там спокойнее.

— А на чем? Что-то ни понтонов, ни плотов не видно. Через мост?

— Выходит, что так, — машинально отозвался Емельянов. Он уже несколько минут наблюдал за непонятными дымками, попыхивавшими за поворотом реки.— Погляди-ка, Иван... А ведь это не иначе как пароходы дымят!

— Где? — Богучаров поднес к глазам бинокль.

— А вон, правее того куста.

— Вижу, вижу... Впрямь, пароход, и как будто не один... А ну мотай к эскадрону. Пусть чуток подальше отойдут, за деревья. Не спугнуть бы раньше времени. Жди сигнала.

Богучаров остался один и с коня следил за дымками.

Вскоре из-за поворота реки, густо дымя широкой трубой, показался небольшой буксир, тянувший за собой в кильватерной колонне два речных парохода. Полая вода

еще не вошла в берега, и маломощные пароходы в это время года, направляясь вверх по течению, прибегали к помощи буксира.

Невозмутимо покуривая, Богучаров наблюдал за их приближением. Уже без бинокля были видны на пароходах пассажиры, в большинстве офицеры, спокойно занимавшиеся своими делами. Когда буксир поравнялся с Богучаровым, тот привстал на стременах и, махнув рукою, крикнул:

— А ну, давай к берегу!..

Из рубки переднего парохода высунулся удивленный старичок в морской фуражке и кителе.

— Для чего?

— К берегу, тебе говорят, речная крыса! — рассердился Богучаров и дал знак Емельянову.

Из леса выдвинулся эскадрон и, развернувшись на ходу, остановился напротив пароходов.

Там наконец сообразили, что это не свои. С палуб открыли беспорядочную стрельбу по конникам. Буксир и пароходы задымили гуще и, не обращая внимания на ответную стрельбу с берега, усилили ход, норовя достичь находившегося невдалеке болотистого берега. На пароходах рассчитали правильно. Конники в болото не сунутся, и они выйдут за пределы берегового огня. Но в это время наперерез пароходам к берегу вылетели тачанки и, развернувшись, полоснули пулеметными очередями по палубам и рубкам.

Пароходы остановились и начали медленно поворачиваться к берегу. На буксире тоже повернули, но с перепугу — на полном ходу и плотно сели на мель.

На пароходах опять послышались одиночные хлопки. Это стреляли офицеры из тех, кому трудно было рассчитывать на помилование или у кого сдали нервы. Другие бросались вплавь к противоположному берегу. Вот этого нельзя было допустить. Если они доплывут туда, колчаковцам станет известно о захвате пароходов. Им предложили вернуться. По упорствующим открыли прицельный огонь.

Переднему пароходу удалось отыскать достаточно глубокое место и пристать к берегу. По сходням на него поднялся Богучаров с группой бойцов.

— Раненые есть? — спросил он у сбившихся на палубе пассажиров и распорядился санитарам: — Займитесь, пе-

ревяжите... — Затем обратился к старичку капитану: — А тебе, папаша, надо бы давно ума набраться. До седых ведь волос дожил... Чего ты испугался? Живого красноармейца не видел? Эти раненые на твоей совести, папаша.

Какая-то женщина лет тридцати в соломенной шляпке и в белой кофточке, заправленной в черную юбку с высоким корсажем, истерически закричала:

— Это все вы!.. Вы!.. Зачем остановили наш пароход? Чем он вам помешал? Воюете с мирным населением? Да?.. Узурпаторы!..

«Узурпаторов» Богучаров не понял, но на всякий случай возразил:

— Ну, мирного населения здесь самая малость. Больше господ офицеров и прочих. А пароходик этот вам без надобности. Сидели бы дома... Обзываете, а еще образованная.

Он распорядился собрать всех пассажиров на верхней палубе. И когда те собрались, сказал им:

— Ну вот что, не знаю как вас величать, господа или граждане. Да это и не так важно. Военных мы возьмем в плен. Только без переодевания и прочих глупостей. Никто вас не укусит. И хотя у вас там о Красной Армии брешут много, пленных мы не расстреливаем. А все прочие высаживайтесь на берег и отправляйтесь куда хотите. Команда останется на пароходе. Все понятно? Ну, тогда действуйте...

Вскоре пароходы были освобождены от пассажиров. Их отвели вниз по реке и укрыли в укромном месте, оставив на них команды и свои караулы.

Возвращались уже под вечер. Емельянов пришпорил коня и, поравнявшись с Богучаровым, сказал:

— Иван! Из ума у меня не идет одна хреновина. Почему они, те, за рекою, не стреляли? Ведь не могли же они не понимать, что происходит с пароходами. Такой бы огонек можно было дать по нас с высокого берега — приходи, кума, любоваться.

— Сам об этом думаю...— отозвался Богучаров.— И вот зудит у меня, как комар над ухом: а что, если у них там слабина? Что, если там и стрелять-то было некому?

— Почему же это некому?

— А очень просто. Они ждут нас там, под Уфою, у железнодорожного моста или еще где, а здесь у них если и есть какие силенки, так небось по деревням стоят.

— Но окопы ты же сам видел.

— Окопы там вырыты, да в окопах-то, похоже, пусто. А если какое охранение и есть, то днем оно, пожалуй, отсыпается. — Богучаров помолчал и сказал в раздумье: — Может, кто и заметил нашу возню с пароходами, так принял за своих. Они ведь, в случае нужды, с населением не очень-то считаются. Понадобится — не то пароход, целый город уведут.

— Все ж Кутякову надо сказать об этом.

— Само собой...

3

Оставив поезд, служивший ему передвижным оперативным штабом, в тупике на запасном пути станции Чишма, Фрунзе выехал в расположение 25-й дивизии.

Автомашина — громоздкое, замызганное смазочными маслами, давно не ремонтированное сооружение, с деревянными спицами колес, с откинутым, как у фаэтона, брезентовым верхом, — чихая и нестерпимо чадя смесью спирта-денатурата и керосина, бодро продвигалась дорогой через лес. В штабе Южной группы были и другие автомашины, более видные, но Михаил Васильевич предпочел эту. Вопреки своему неказистому виду, она была более надежной, нетребовательна к горючему, легко преодолевала бездорожье и была вместительной, — качество не последнее в его глазах. В нее всегда можно было посадить какого-либо командира, политработника или просто нужного человека и по пути обсудить с ним тот или иной вопрос.

И на этот раз, помимо неизменного Никиты Игнатьевича и работников оперативного штаба, он взял с собою начальника политотдела Туркестанской армии Тронина, в прошлом губернского комиссара просвещения в Самаре. Тому было крайне необходимо ознакомиться с недавно переданной им 25-й дивизией.

Фрунзе отлично понимал, что у Туркестанской армии, которой был поручен штурм уфимских укреплений, сил явно недостаточно. Он настаивал на передаче в Южную группу, на время уфимской операции, Пятой армии, но получил отказ. Командование фронтом все еще носилось с идеей удара на север, хотя основные силы противника были сосредоточены здесь, под Уфой. Он все же добился приказа Пятой армии прикрыть уфимскую операцию с се-

вера, заняв верстах в шестидесяти ниже Уфы переправу на реке Белой, чтобы помешать продвижению неприятельской военной флотилии. Затем Михаил Васильевич передал из Первой в Туркестанскую армию вполне боеспособную 24-ю дивизию и приказал командарму Первой прикрыть наступлением 20-й дивизии на Стерлитамак уфимскую операцию с севера. Эти меры значительно усилили Туркестанскую армию, но не настолько, чтобы быть абсолютно уверенным в исходе операции. Он подумал о том, что при таком соотношении сил успех наших войск может обеспечить лишь оперативность, когда всякий вопрос, возникший в ходе боев, решается тут же на месте, без промедления на согласования и увязки, и решил, оставаясь командующим Южной группой, на время операции взять на себя руководство Туркестанской армией.

И еще: его беспокоил план форсирования Белой. Многократные промахи за пятнадцать дней командования Восточным фронтом ничему не научили Самойло. И на этот раз в директиве о наступлении он не удержался от того, чтобы не наметить за Фрунзе направление главного удара. Самойло предложил нанести его правым флангом Туркестанской армии; ударной группой в составе 24-й дивизии, 2-й бригады 2-й дивизии и 3-й кавалерийской дивизии. Так на штабной карте Восточного фронта это наступление выглядело внушительней. У Михаила Васильевича к тому времени еще не сложилось твердое убеждение в правильности или порочности плана штаба фронта. Четырехдневная передышка, которую получил противник в результате неожиданной, после взятия Белебея, приостановки наступления войск Южной группы, могла многое изменить в расстановке колчаковцев, а действия разведки были очень затруднены водной преградой между армиями противников. Фрунзе не стал попусту пререкаться со штабом фронта и отдал приказ о наступлении, решив для себя, что когда прояснится обстановка, он сумеет вовремя повернуть ход событий.

Первые же стычки показали, что этот план, навязанный Самойло, был не лучше его других. Противник словно ждал здесь главного удара и основательно укрепился. Попытка переправиться через Белую южнее Уфы не удалась. Нужно было иное решение. Приказав войскам ударной группировки продолжать демонстрацию наступления, Фрунзе выехал к Чапаеву.

Было еще рано. Обильно выпавшая за ночь роса искрилась в придорожной зелени. Влажная дорога не пылила. Изредка машину потряхивало на выбоинах.

Вжавшись в пружинные подушки, Михаил Васильевич думал об Уральске и Оренбурге. Они, как две занозы в теле, постоянно напоминали о себе. Положение в Уральске действительно было исключительно трудное. Помощь, которую он смог оказывать до сих пор его гарнизону, была явно недостаточна. Фрунзе уже решил: овладев Уфой, остановить Чапаевскую дивизию и повернуть ее на Уральск. Но что было делать с Оренбургом? Гай по-прежнему, не считаясь ни с чем, требовал подкреплений. Поток его жалоб встревожил даже Ленина. Но имеющиеся в наличии силы он использует далеко не достаточно и бессистемно. Пришлось указать ему на это, и довольно резко. Но мало было надежды, что Гай образумится. Слишком уж разгулялось его самолюбие. Видимо, придется ставить вопрос о смене командующего Первой армией. Может быть, это отрезвит его, и в другом месте он опять будет хорошо руководить войсками...

Автомашину резко тряхнуло на выбоине. Фрунзе оторвался от своих мыслей и весело взглянул на спутников.

— Это он нарочно, — кивнул на шофера Михаил Васильевич. — Такой характер. Не переносит угрюмых седоков.

Все невольно оживились, заговорили о том о сем.

— Вы уже встречались с Чапаевым? — спросил Фрунзе у Тронина.

— Один раз в Бузулуке, и то очень коротко.

— Вам надо получше к нему присмотреться. Человек он весьма самобытный и не из легких. Да и окружение под стать ему. Трудновато там политработникам, особенно из городских. Их чапаевцы испытывают и на храбрость, и на политическую выдержку. В последнем случае наговорят такого контрреволюционного вздора, которого и сами не потерпят ни от кого, и наблюдают, как это воспринимает новичок. Даст ли себя спровоцировать, поверит ли, что это всерьез? Такое не всякий выдерживает. Поди, жалуются к вам в политотдел армии, мол, сплошная контрреволюция?

— Не без этого,— усмехнулся Тронин.— Жалобы есть...

— Они и Фурманова вначале так же пробовали. Только Дмитрия Андреевича такими пустячками не возьмешь. Сам прошел неплохую школу еще у нас в Иванове.

На опушке они догнали какую-то красноармейскую часть, цепочкой растянувшуюся по дороге. Фрунзе узнали.

— Далеко направляетесь? — спросил он, остановив автомашину.

— На исходную позицию, согласно приказу, товарищ командующий.

— Не опоздаете?

— У нас такого порядка нет, чтобы опаздывать. Вышли с расчетом, — отозвался плечистый боец с озорными глазами. Он шел босиком, закинув за спину связанные за ушки сапоги.

— А почему босиком?

— Способнее, товарищ командующий. Сапоги мне еще пригодятся осенью. Что их зря трепать летом.

— Расчетливый народ, — посмеялся Фрунзе, когда автомашина обогнала красноармейскую часть. — Не думает о том, что завтра-послезавтра в бой. Такие только и побеждают.

Впереди показалась деревня Авдон. Там расположился штаб 25-й Чапаевской дивизии.

В классной комнате сельской школы, за длинным столом, покрытым домотканой скатертью, собрались командиры и комиссары бригад и полков 25-й дивизии. Здесь же были начальник артиллерии, начальник штаба, начальник связи — словом, все, от кого зависит успех или неудача предстоящей операции.

Парты из школы были вынесены и по-хозяйски сложены во дворе под навесом. Это Фрунзе заметил еще по приезде. В комнате из всего школьного имущества оставались лишь классная доска да географические карты, висевшие на стенах. Их оставили на месте из опасения, как бы кто из бойцов, соблазнившись коленкором, на котором они были наклеены, не употребил бы их на портянки.

Места за столом всем не хватило, и часть приглашенных разместилась на скамейках, поставленных вдоль стен. От Фрунзе не ускользнуло, что и за столом и на скамейках командиры и политработники заняли места, строго выдерживая субординацию, хотя никто от них этого не требовал.

«Вот тебе и вольница неуемная»,— усмехнувшись, подумал он. Это был лучший ответ на доносы, которые сыпались, как из чертова лукошка, и в политотдел армии

и в Реввоенсовет Южной группы. И теперь у него в полевой сумке лежали два самых свежих доноса. Были они и у начальника политотдела армии Тронина. Только в тех всячески поносили Фурманова, который пляшет-де под дудку фельдфебеля царской армии, то есть Чапаева.

— Так что ж, товарищ Чапаев, — сказал негромко Фрунзе, — видно, вам придется брать Уфу штурмом, раз не взяли ее с налету.

Это было чуть-чуть несправедливо, но сказано с расчетом расшевелить собравшихся. Чапаев так и вскинулся:

— И взяли бы, товарищ командующий, если бы после Белебея не протанцевали четверо суток на месте.

— Ну, за то, что было, говорят, цыган и копейки не даст. А Уфу брать надо. И главное — взять так, чтобы именно здесь сломать хребет колчаковской армии, лишить ее возможности возродиться. У вас есть какие-либо соображения по форсированию реки Белой, товарищ Чапаев?

Тот приосанился. Гм, соображения... У него уже был разработан план. Две бессонные ночи он провел над ним, обдумывая детали, подсчитывая, взвешивая соотношение сил, своих и противника.

— Разрешите доложить, товарищ командующий?

Фрунзе молча кивнул.

Чапаев встал, неторопливо развернул карту-двухверстку, всю исчерченную извилистыми линиями, красными и синими, кружками, стрелками. Машинально провел рукою по поясу.

Лицо его как-то обострилось. Глаза чуть-чуть сузились, словно он уже видел предстоящее сражение во всех его подробностях.

— Переправу наладим у Красного Яра, — глуховато начал он. — Это самое подходящее место на нашем участке. На железнодорожный мост рассчитывать не приходится. Он хорошо пристрелян противником и, верней всего, минирован. Тут можно положить всю дивизию и ничего не добиться.

— Сведения о минировании моста есть? — вполголоса спросил Фрунзе.

— Нет, точными сведениями не располагаем. Несколько раз разведчики пытались подобраться к мосту, и все попусту. Но противник не глупее нас. Да и времени подготовиться ему дали достаточно, — не утерпел Чапаев, чтобы

не метнуть камешек в огород виновников четырехдневной задержки наступления...

Фрунзе качнул головою. Вот же неуемный! Так и лезет на рожон. Удивительная способность наживать врагов.

А Василий Иванович продолжал развивать свой план, и было видно, что все у него тщательно продумано, учтено. Время от времени он взглядывал то на Фрунзе, — как тот реагирует? — то на Фурманова, с которым он этот план обсудил еще накануне, то, в зависимости от того, о чем шла речь — об артиллерийском ли обеспечении переправы, о телефонной ли связи с противоположным берегом, о подвозе ли снарядов и патронов, — на начальника артиллерии, на начальника связи или боепитания.

— Таким образом, — говорил Чапаев, — ударная группа в составе Семьдесят третьей бригады, Двадцать пятого кавалерийского полка, отряда броневиков и отряда авиации форсирует Белую у Красного Яра. Семьдесят четвертая бригада сосредоточивается у переправы во втором эшелоне. Потапов со своей Семьдесят пятой бригадой остается на правом фланге у железнодорожного моста с задачей отвлекать внимание противника на себя. Командовать ударной группой назначается Кутяков. Я буду на переправе...

Далее он подробно говорил о дивизионной артиллерии, сорок орудий которой через четыре часа займут позицию у переправы, о телефонной связи с ударной группой, которую, в целях бесперебойной работы, должно дублировать несколькими линиями проводов, о средствах переправы. Их было явно недостаточно, всего два небольших пароходика и десятка полтора лодок.

— А паром? — спросил Фрунзе, думая о том, что в тщательно разработанном плане Чапаева все же чего-то не хватает.

— Паром? — Василий Иванович метнул яростный взгляд в командира приданного дивизии инженерного батальона. Тот сидел потупившись. — Видел я этот паром. Дохлых кошек на нем переправлять, а не артиллерию и обозы.

Фрунзе пожалел, что за недосугом не направил сюда Карбышева. У того такого просчета не случилось бы. Но делать было нечего. Откладывать переправу нельзя. И все же в очень хорошем плане Чапаева чего-то недоставало. Фрунзе мысленно представил себе этапы предстоящего наступления и понял: самым трудным будет занять плац-

дарм на том берегу и, приняв на себя всю ярость противника, продержаться до подхода остальных войск.

— Какой полк пойдет первым? — спросил он.

— Пугачевцы.

Фрунзе с сомнением качнул головою. Полки бригады Кутякова отличались высокими боевыми качествами. 217-й Пугачевский полк выделялся даже из них, но для того чтобы удержаться на том берегу до подхода других частей, этого было недостаточно. Тут одной удалью не возьмешь.

Командир Пугачевского полка Плясунков даже побагровел от напряжения. Он по-своему истолковал сомнения Фрунзе. «Все еще сердится на меня за Уральск».

Насторожился и Чапаев. Болезненно самолюбивый, мнительный, он уже давно бы взорвался, будь это не Фрунзе.

— Каково ваше мнение о двести двадцатом Иваново-Вознесенском полке? — спросил Фрунзе.

— Хороший полк. Стойкий.

— Вот его и пошлем занимать плацдарм. Вслед за ним двинем Пугачевский. Думаю, что им обоим придется принять на себя отчаянный натиск противника, как только тот поймет, что это не демонстрационная атака. А там тоже не дураки. Быстро разберутся...

Уточнив еще некоторые детали плана предстоящей операции, Михаил Васильевич предложил старшим командирам выехать к месту переправы на рекогносцировку.

Ехали верхом, по двое в ряд. Впереди Фрунзе с Чапаевым, следом — Фурманов с Никитой Игнатьевичем, за ними пристроились и остальные. Отдохнувшие кони шагали бодро. Дорога пролегала через негустой лес. Солнце стояло уже высоко, и птичий гомон, особенно сильный по утрам, значительно поутих.

Но вот дорога, вильнув несколько раз, круто свернула к реке.

Фрунзе придержал коня.

— Дальше придется пешком.

Все спешились и по песчаному склону поднялись на косогор, ожидая, что с противоположного берега по ним откроют стрельбу. Но было тихо, и эта тишина вызывала удивление и настораживала. Что бы это могло означать? Беспечность ли это противника, введенного в заблуждение передвижением войск и попытками атак на правом фланге, или его встречная хитрость?

С косогора они в бинокль всматривались в противоположный берег, ощупывали каждый куст, каждый бугорок.

— Что вы думаете об этом, товарищ Чапаев? — спросил Фрунзе, опуская бинокль.

Тот пожал плечами.

— Непонятно что-то, товарищ командующий. Хотя на хитрость не похоже.

— Почему?

— Когда пароходишки захватывали, такая же петрушка была. С того берега хоть бы собака пролаяла. А брали их средь белого дня. Я Богучарова сам расспрашивал.

Фрунзе еще раз провел биноклем по противоположному крутому берегу. Там не было заметно никакого движения. И Михаил Васильевич решился.

— Надо сегодня же ночью начать переправу. Ждать больше опасно. Они могут опомниться. Успеет подойти Семьдесят четвертая бригада?

— Она почти вся уже на исходных позициях. Часа через два будет полностью.

— Так что же вы думаете об этом? Сможем сегодня в ночь начать переправу?

— Раз надо, сможем.

— Тогда на том и решили. Дайте приказ.

С рекогносцировки командир 217-го Пугачевского полка Плясунков возвращался сумрачный. Ему казалось, что Михаил Васильевич все еще в обиде на него за глупую историю в Уральске. О, нет! Он ни в чем не мог бы упрекнуть командующего. Плясунков знал, что его полк по праву считался лучшим в бригаде Кутякова, что его самого ценили как боевого командира, но этого ему было мало. С тайной завистью он наблюдал почти неуловимую сердечность, прорывавшуюся сквозь субординацию, в обращении Фрунзе к Чапаеву, к Фурманову, к командиру 220-го Иваново-Вознесенского полка Горбачеву, даже к Богучарову, и ему мучительно хотелось, чтобы командующий, разговаривая с ним, называл бы его просто по фамилии, без этого постоянного «товарищ». Но как этого добиться?

Всю дорогу он обдумывал повод к примирению, и все было неприемлемо. Просто подойти к Фрунзе и сказать ему об этом Плясунков не мог. Вот если бы представился случай отличиться так, чтобы Михаил Васильевич лично по-

благодарил его! Тогда другое дело. Плясунков тогда сказал бы: «Знаете, Михаил Васильевич, не надо мне вашей благодарности, лучше забудьте мою глупую выходку в Уральске». Он и рассчитывал отличиться при форсировании Белой, первым заняв плацдарм на неприятельском берегу, но поправка Фрунзе к плану Чапаева на совещании лишила его этой возможности.

И только подъезжая к дому, он придумал. Это было именно то, с чего следовало начать.

— Вот что, Аня,— сказал он жене,— я тогда зря упрямился. Перехожу на холостое положение.

Он подсел к столу и придвинул к себе стопку бумаги.

«Товарищ командующий!» — написал Плясунков, но подумал и зачеркнул: слишком официально. «Уважаемый Михаил Васильевич», тоже зачеркнул: получилось не по-военному.

«Уважаемый товарищ командующий!»

— Черт те что! — покрутил носом Плясунков.— Какая-то дрянь в голову лезет.

Он изорвал испорченную четвертушку бумаги и, обмакнув перо, стал писать на новой, не обдумывая, первое, что пришло на ум.

Вечерело. Косые тени ветел легли через улицу селения Авдон. Штаб дивизии работал напряженно и четко, как хорошо отрегулированный, предельно нагруженный механизм. То и дело зуммерили полевые телефоны, связывающие дивизию с бригадами, артиллерийскими частями, полевыми складами и отдельными подразделениями. Стучали телеграфные аппараты. К штабу во весь карьер скакали верховые, на ходу спешивались и, прогремев каблуками по крыльцу, вручали дежурному по штабу срочные донесения. Другие вестовые, дежурившие при штабе и от нечего делать пересыпавшие из пустого в порожнее на дворе, получив пакет и взглянув на его верхний правый угол, где была обозначена скорость доставки, вскакивали на коня и вскоре исчезали из виду, оставив за собою лишь столб медленно оседающей пыли.

А в доме на противоположной стороне сельской улицы, в большой горнице, отведенной командующему, Михаил Васильевич задремал, склонившись над картой. Сказались две бессонные ночи, постоянные разъезды из части в часть

и нервное напряжение, не покидавшее его с того дня, как выяснилось, что разбитый под Чишмой противник все же сумел отвести корпус Каппеля за реку Белую.

Никита Игнатьевич, приоткрыв дверь, так что она не скрипнула, и увидев, что Фрунзе задремал, беззвучно закрыл ее и тихонько вышел на крыльцо.

На углу трое красноармейцев о чем-то громко заспорили. Никита погрозил им кулаком и показал на окна горницы. Красноармейцы поняли и затихли.

Подошел часовой, с любопытством взглянул на окна.

— Спит, что ли?

— Задремал, сидя за столом.

Часовой уважительно покачал головой.

— Видать, намаялся...— Он перебросил винтовку из одной руки в другую и сказал, посмеиваясь: — Там в комендатуре бабенку задержали.

— Зачем?

— Шальная какая-то. Подкатила на паре. Фрунзе, видишь ли, ей понадобился. Хотели тебе сказать, да караульный начальник говорит: пошто его беспокоить? Вот пойдет сам в штаб, тут ему и скажем. Бабенка не слиняет, если посидит здесь.

Никита Игнатьевич неодобрительно хмыкнул:

— Не слиняет... Эх и дуботолы! А если у нее самонужнейшее дело к Михайло Васильевичу, а тебе, дубине стоеросовой, она объяснить не может?

— Да ведь карнач...[1] — возразил часовой.

— А что карнач? Карнач карначом, а самому-то голова на что-нибудь дадена? Неужели только для того, чтобы шапку носить?.. Ну ладно, ты понаблюдай тут, чтобы поблизости не очень шумели, а я пойду посмотрю, что там за человек объявился.

— Пойди, пойди, — посмеялся ему вслед часовой, — бабенка стоящая.

Когда Никита вернулся, у дома, где остановился Фрунзе, стояло в коновязи несколько оседланных лошадей. В горнице у Михаила Васильевича были Чапаев, Тронин, Фурманов, командир 75-й бригады Потапов, еще какие-то военные.

Никита Игнатьевич неодобрительно покосился на них: «Не дали человеку и часу поспать», — но ничего не сказал.

---

[1] Карнач — начальник караула.

Он хорошо знал, что можно, а от чего надо и воздержаться.

Говорил Чапаев:

— Значит, так. Вы, Потапов с Фурмановым, держите железнодорожный мост в пределах видимости. Попытайтесь выяснить, минирован ли он или нет. А если минирован, попытайтесь разъединить провода. Там противник на мост вкатил вагоны с балластом. Вагоны не помеха. Если мост уцелеет, их и выкатить можно. Людей берегите и зря не геройствуйте. Ждите, когда Кутяков потеснит противника. А потеснит — не зевайте. Ну, остальное — на месте и сами увидите, не маленькие. Да чтобы связь была не как в прошлый раз... Ты это своему начсвязи скажи, в случае чего, я с него шкуру спущу. Так что пусть поворачивается.

— Все будет в порядке, Василий Иванович, не сомневайся,— заверил Потапов.

Чапаев полоснул его косым взглядом, но ничего больше не сказал.

— Мы можем ехать, товарищ командующий, — обратился он к Фрунзе. — Все готово.

Фрунзе взглянул на часы.

— Да, пожалуй, пора, — сказал Михаил Васильевич.

К нему подошел Никита Игнатьевич.

— Тут вас женщина спрашивала, — сказал он. — Жена командира полка Плясункова.

— Что ей нужно?

— По личному. Да вот она сама!

К Михаилу Васильевичу бойко подошла молодая женщина и протянула пакет.

— От товарища Плясункова.

— Здравствуйте, — сказал Фрунзе, — мы с вами встречались.

В пакете была записка. Он прочел ее, взглянул на женщину, с трудом сохраняя серьезность, и прочитал еще раз.

— Хорошо, товарищ Плясункова. Так и сделаем. Вы подождите немного. Я распоряжусь.

Женщина ушла.

В записке было сказано:

«Дорогой т. Фрунзе!

Так как красному командиру иметь при себе жену нецелесообразно, прошу Вас взять ее с собой и доставить в Самару. Оттуда она выедет на родину.

Плясунков».

— Ну, что же,— сказал Фрунзе, — доставим эту нецелесообразную жену по назначению... Никита Игнатьевич, возьмите автомашину и отвезите Плясункову на станцию Чишма в наш поезд. Скажите там, пусть ее отвезут в Самару с оказией, а если оказии не случится, она поживет в поезде до нашего возвращения.

Никита исподлобья взглянул на командующего. Ему никак не улыбалось возиться с чьими-то ни было женами, когда здесь через несколько часов начнется бой. Фрунзе это понимал.

— Не хмурься, Никита Игнатьевич, — сказал он. — Отвези в Чишму, устрой все, как я сказал, и возвращайся сюда. Я буду на переправе.

4

Тихо, так, что не загремит приклад, не звякнет котелок, погружались бойцы 220-го Иваново-Вознесенского полка на пароходы, отбитые накануне у неприятеля. Набивались плотно в трюме, на палубе, в проходах, плечо в плечо, грудь к груди. Кто-то разбитной и предприимчивый соорудил из корабельного каната петлю, спустил ее за борт и уселся в петлю, как в люльку.

— Ребята, передай тому, что у штурвала, пусть полегче вихляет свой пароходишко!

С борта отозвались сердитым шепотом:

— Куда тебя занесло! Свалишься ракам на разживу.

Сидевший в петле не унывал:

— Н-но, не очень! Когда в малярах был — по куполам приходилось...

В молчании высаживались на противоположном берегу. Рассыпались в цепь. Большая перезревшая луна, показавшись из-за туч, пятнала оранжевыми, мертвенными бликами мокрую от росы листву, затворы винтовок, бутылочные гранаты на поясах у бойцов и опять скрывалась в облаках, погружая весь берег в серую полутьму летней ночи. А пароходы, как призраки, выплывали из темноты, быстро разгружались и снова исчезали.

На переправе находился Чапаев. Начдив стоял невдалеке от причала, на пригорке, отдавая вполголоса короткие приказания. Он один был неподвижен во встречных потоках людей, возникавших из темноты и исчезавших на пароходе, двигавшихся к переправе и сворачивавших в

сторону по берегу реки. Начдив не кричал, не ругался, и оттого люди при соприкосновении с ним отскакивали от него, как от оголенного электрического провода.

Двести двадцатый Иваново-Вознесенский рабочий полк уже переправился на неприятельский берег и занял исходные позиции. Переправился в полнейшей тишине и 217-й Пугачевский полк.

И чуть забрезжил рассвет, сорок орудий с пристрелянных заранее позиций ударили по неприятелю. Тридцать минут снаряды рвали проволочные заграждения, кромсали брустверы окопов, взламывали ходы сообщения. Тридцать долгих минут бушевал огонь, скрежетал металл сорока орудий, нацеленных на узкий перешеек, замыкавший петлю, которую в этом месте образовала река.

Под таким сосредоточенным огнем удержаться было немыслимо. И неприятель дрогнул, стал беспорядочно — и по ходам сообщения, и вéрхом, припадая к земле, — перебираться на вторую линию укреплений, на третью... Лишь бы подальше от этого ада.

Заметив это, командир полка Горбачев повел иваново-вознесенцев вверх по склону, ближе к окопам противника, а когда артиллерия смолкла, полк, ощетинившись штыками, без выстрела ворвался в окопы. В молчаливом ожесточении кололи штыками, глушили прикладами, сдавшихся в плен оставляли позади и стремились дальше. На плечах бегущего неприятеля подошли к башкирской деревне Новые Турбаслы.

А тем временем 217-й Пугачевский полк продвигался вдоль берега Белой на селение Александровку.

С пригорка, где Чапаев расположил свой наблюдательный пункт, было хорошо видно, как развертывались оба полка.

Проводив их взглядом, Фрунзе опустил бинокль и, прислушиваясь к нараставшей вдали ружейно-пулеметной стрельбе, заторопил Кутякова:

— Пора и нам на тот берег...

Но Кутяков медлил. Ему совсем не улыбалось присутствие на его командном пункте высшего начальника. Об этом он даже говорил с Чапаевым:

«Удержи ты, Василь Иванович, командующего у себя. Понимаешь, ну не могу я в его присутствии чувствовать себя свободно. Ведь он в момент может отменить любое мое распоряжение». Чапаев знал за своим отчаянно храбрым

комбригом эту слабость, сочувствовал даже ему, но помочь не мог.

«Чудишь, Иван. Как ты его удержишь? Не ляпнешь же ему так прямо: мол, погуляйте здесь на берегу, товарищ командующий. Там за рекой без вас веселей».

Кутяков согласился, что такое сказать невозможно, и все-таки медлил, в надежде, авось что-нибудь отвлечет Фрунзе от переправы через реку.

Но Михаил Васильевич не дал ему дальше медлить и приказал переправиться на тот берег.

— А командовать кто будет? — не выдержал Кутяков.

— Как то есть кто?— удивился Фрунзе.— Приказом начдива назначены вы. Следовательно, вы и будете командовать.— И уже в седле усмехнулся, поправляя стремя: — Успокойтесь, вас никто подменять не собирается...

За рекой к ним присоединился начальник политотдела армии Тронин, переправившийся несколько раньше. Втроем, сопровождаемые ординарцами, они направились к линии фронта. Там в районе деревни Новые Турбаслы ружейно-пулеметный огонь все усиливался, но был он какой-то прерывистый, нервозный.

Фрунзе приподнялся на стременах, хотел было послать своего коня в галоп, но в это время к ним на взмыленном коне подскакал командир Иваново-Вознесенского полка Горбачев.

— Товарищ командующий,— обратился он к Фрунзе, — противник после нескольких демонстрационных контратак обрушился на нас силами двух полков при двадцати орудиях. А у нас патроны на исходе. Полк не выдержал, начал отходить...

Михаил Васильевич молча показал взглядом на Кутякова. Тот чуть выдвинулся вперед, сказал взволнованно:

— Любой ценой, понимаешь, Горбачев, любыми средствами надо остановить бегущих. Сейчас подойдут разинцы и домашкинцы. Надо продержаться...

Горбачев круто повернул коня и умчался к своему полку. Вслед за ним подняла лошадей в галоп и группа Фрунзе. Невдалеке от деревни справа их встретил залповым огнем продвинувшийся сюда противник. Упал сраженный пулей ординарец, ранен второй, третий...

— А ну, левее! — крикнул Кутяков. Он рванул коня влево, преградил дорогу Фрунзе с Трониным и повернул всю группу.

На командном пункте комбрига они спешились. Здесь связисты уже протянули провод полевого телефона. Кутяков подсел на корточках к аппарату и принялся связываться с переправой и своими полками.

Михаил Васильевич пристально всматривался в раскинувшуюся впереди деревню Новые Турбаслы. Там нарастал явно неравный бой. На занявших деревню ивановововознесенцев противник обрушил ураган ружейно-пулеметного и артиллерийского огня. Те отвечали слабо. И вдруг, не выдержав, начали откатываться назад, сперва медленно, организованно, потом все быстрее, беспорядочнее, и казалось — полк вот-вот дрогнет, бросится врассыпную навстречу своей гибели.

Выхватив винтовку из рук первого подвернувшегося ординарца комбрига, Фрунзе вскочил на коня и бросился навстречу отступающим с криком:

— Ивановововознесенцы, стой! Отступать некуда!..

Тронин поспешил за ним.

Проводив жену Плясункова до станции Чишма, где стоял штабной поезд Фрунзе, и устроив так, что ее отвезут в Самару с первой же оказией, Никита Игнатьевич поспешил в Красный Яр на переправу. Там ему сказали, что Фрунзе с Кутяковым и Трониным уже часа два назад перебрались на противоположный берег. На пароходы грузился Разинский полк. Никита присоединился к ним.

Еще с парохода Никита заметил, что невдалеке от пристани что-то происходит. Спустившись на берег, он увидел три броневика. Переправившись через реку, они перевернулись при спуске со сходней и беспомощные лежали на боку. Четвертый сошел благополучно, но, не дойдя до шоссе, застрял на песчаной дороге. Около броневиков хлопотала группа кавалеристов, силясь поднять их, но получалось это у них плохо.

Увидев броневики, бойцы повеселели. С броневиками они чувствовали себя увереннеи. Командир полка поручил одному из батальонов заняться застрявшими машинами. Красноармейцы разделились на четыре группы. Откуда-то появились пеньковые канаты, колья, хворост, доски. Через четверть часа все броневики стояли на колесах. Зацепив их канатами, красноармейцы, подбрасывая под колеса доски

и хворост, дружно помогали выбраться броневикам на шоссе.

В это время прискакал ординарец с приказом Кутякова: «Разинцам занять позицию в центре между Пугачевским и Иваново-Вознесенским полками и сосредоточиться в оврагах и в лесу. Дивизион броневиков укрыть от противника, но так, чтобы их можно было в любой момент послать в бой».

Никиту Игнатьевича это уже не интересовало. Здесь управятся и без него. Надо было найти Михаила Васильевича. Где он мог находиться? На командном пункте Кутякова? Возможно. Но что-то Никите подсказывало, что искать Фрунзе надо где-нибудь поблизости от иваново-вознесенцев. Не зря он этот полк послал на самые тяжелые испытания. Нет, не зря... Но где сейчас находятся иваново-вознесенцы?

В поисках рабочего полка Никита миновал проволочные заграждения и остановился у неприятельских окопов. Здесь все было разворочено артиллерийским огнем. Всюду валялись убитые в самых неестественных позах, как застигла их смерть. В одном месте бруствер окопа был обрушен снарядом, и из свежего разлома земли торчала рука с посиневшими ногтями.

Никиту догнала санитарная двуколка. Чубастый парень участливо свесился:

— Аль тюкнуло?

Никиту бросило в жар при мысли, что его могут принять за труса, нарочно отставшего от своей части. Но как объяснить санитару свое присутствие здесь?

— Ногу натер,— соврал Никита, избегая встречаться с ним взглядом.

— А ты переобуйся,— посоветовал санитар.— Нога для нашего брата — первое дело. Переобуйся да подверни получше. Ватки не надо?

— Уже переобулся, — внезапно вспотев, сказал Никита и двинулся было в сторону, но санитар все же настоял и вручил Никите моток бинта с ватой.

— Возьми, браток, сгодится, не себе, так соседу. Бой дело такое... Да, сегодня денек будет жаркий.

Стрельба нарастала по всему фронту. Особенно сильная она была значительно правее. Там гремели залпы, захлебывались пулеметы, визжала шрапнель.

Никита упорно продвигался вперед. По пути там и

здесь ему попадались убитые. Приглядевшись, он заметил, что все они, как правило, лежали головами в одну сторону, вперед по его направлению.

«Та-ак,— отметил Никита в уме.— Одни наступали, а другие бежали без оглядки...»

Он взял у одного из убитых винтовку, набил карманы патронами из подсумков сраженных солдат и, заметив невдалеке воинскую часть, окопавшуюся на опушке леса, присоединился к ней. Это была левофланговая рота Иваново-Вознесенского полка.

Противник, оправившись от внезапного налета и получив подкрепления, начал серию демонстрационных контратак, пытаясь нащупать слабое место в линии нашего фронта. Его встречали ружейно-пулеметным огнем. Он откатывался назад и снова наступал.

Лежавший рядом с Никитой боец не спеша перезаряжал винтовку, долго целился, выжидая, пока в поле зрения появится офицер. Спокойствие незнакомого бойца подействовало и на Никиту. Он улегся поудобнее и тоже стал выжидать.

— Что, паренек, аль отстал? — послышался мягкий грудной голос возле Никиты. — Ты окопался бы, что зря голову подставлять! Да ты никак без лопаты?

— При переправе обронил,— густым шепотом сказал Никита, окончательно махнув на себя рукою и громоздя одну неправду на другую.

— Возьми мою, паренек.

Никита, не глядя, протянул руку и встретился с чем-то мягким и теплым.

Послышался сдержанный смешок.

— Да не здесь! Какой ты прыткий! Вот лопата...

У своего бока Никита ощутил деревянную рукоятку.

Возвращая так же не глядя лопату, Никита опять коснулся теплого и мягкого и только тогда догадался, что рядом с ним женщина.

Никита знал, что в Иваново-Вознесенском полку есть женщины-ткачихи, они были там санитарками, работали в связи, но так просто, в цепи ему еще не приходилось их видеть.

Он покосился на соседа. Да, это была женщина.

— Сама окапывайся,— сказал Никита,— да повыше. А то спрятала только голову... Смотри пониже спины зацепит.

Опять послышался заглушенный смешок:

— А я думала, что ты смирный. Тебя как зовут?

— Никитой.

— Ишь ты какой убедительный, вроде сома, только без усов. А меня — Фросей... — она оборвала, прислушиваясь. — Никак перебежка!

Они бежали вперед с винтовками наперевес, ложились, заслышав пулемет, окапывались одной лопатой, ворвались на плечах отступающего неприятеля в башкирскую деревушку и залегли в огородах. Дальше идти было опасно. Надо было выждать, пока подоспеют от переправы другие полки.

Весь путь они проделали молча, лишь изредка перебрасываясь односложными восклицаниями, вроде: «Пошли!» — когда надо было бежать, или «Ложись!» — если неприятельские пулеметы строчили остервенело прямо по наступающим.

Они лежали под прикрытием земляных бугорков, прислушиваясь к сплошному, все возрастающему гулу пальбы на правом фланге, когда на гребне горы заколыхалась щетина штыков.

— Ну, паренек, держись, — сказала Фрося.— Похоже, на этот раз достанется нам на орехи.

Противник шел в контратаку густо, в несколько цепей. Тут промахнуться было трудно. Но Никита не спешил спустить курок. Как и Фрося, он высматривал офицеров или в крайнем случае унтер-офицеров и бил без промаха. А цепи все приближались.

— Паренек,— услыхал Никита голос Фроси,— патроны кончаются.

Никита непослушными руками пошарил у себя по карманам. Там было всего четыре обоймы. Пополам это выходило по десять патронов на винтовку.

— Ничего, паренек,— сказала Фрося, принимая от Никиты патроны, — будем отбиваться врукопашную. Поправь-ка штык.

Никита покорно довернул хомутик. Сейчас она была сильнее его. Он уже отвык от строя, отвык отвечать только за себя и послушно делал, что ему говорили, не подумав о том, что не ей, а ему было больше к лицу распоряжаться здесь.

При виде приближавшегося неприятеля у него была только одна потребность: вскочить с места, бежать на-

встречу и, с криком ворвавшись в ряды противника, штыком, прикладом преградить им путь, заставить их повернуть обратно.

Цепи противника были на полпути, когда в сознании Никиты возникло ощущение беды.

Полк вздрогнул и стал медленно пятиться назад.

Расстреливая по пути последние патроны, подталкиваемые непреодолимой потребностью быть в минуту опасности ближе к своим, бойцы отходили, забыв, что отступать им некуда, что между ними и другими частями протекает широкая глубоководная река; прижатые к реке, они неминуемо погибнут.

— Куда? — невероятно густым басом взревел Никита. — Ни шагу назад!

Ближайшие бойцы невольно оглянулись, ища обладателя такого баса, но, видя перед собою невысокого паренька с винтовкою и ничем не примечательного, разочарованно спешили догнать ушедших ранее.

— Не сходите с ума! — гремел Никита. — Позади нас река! Стойте, дьяволы! Стойте, вам говорят!..

Он кричал, ругался, кому-то грозил, кого-то уговаривал, но безуспешно. Люди отходили и отходили назад, к реке, к своей гибели. Для них он был рядовым бойцом и не очень внушительным, а противоречие между его могучим басом и небольшим ростом способно было вызвать только усмешку.

— Вид у тебя, паренек, неподходящий, — с сокрушением сказала Фрося, кричавшая не меньше его.

Внезапно он вспомнил... Он вспомнил это, шаркнув рукою по поясу: там под гимнастеркой лежал револьвер, семизарядный наган, личное оружие всякого командира и порою единственный опознавательный знак в бою.

Откинув винтовку, Никита вытащил револьвер и, размахивая им, бросился наперерез отступавшим бойцам. И хотя он кричал то же самое, что и за минуту перед тем, его послушались.

Никита забыл, как он оказался здесь, что его привело на переправу, забыл и то, кого он здесь искал. Он был весь во власти боя.

— А ты бедовый! — сказала Фрося, с удивлением разглядывая Никиту.

Но это не обрадовало его. Он смог удержать только очень незначительную часть бойцов; правее, где несмол-

каемо гремела артиллерия, полк в возрастающем темпе откатывался к переправе.

И вдруг изогнутая, сломленная в нескольких местах линия фронта заколебалась, словно от какого-то внутреннего толчка.

Как дуновение ветра, по рядам пронеслось:

— Фрунзе!

— Где? — рванулся Никита.— Где Фрунзе?!

Ему не ответили.

С ужасающей ясностью представил себе Никита всю опасность, которой сейчас подвергается Михаил Васильевич: у неприятеля десятки орудий, сотни пулеметов, тысячи винтовок, и достаточно одного выстрела... Никита рванулся и побежал вдоль линии фронта.

— Куда же ты? — крикнула ему вслед Фрося.— Да ты пригнись, пригнись, полоумный...

Но Никита уже ничего не слыхал. Ему надо было видеть Фрунзе, сейчас же, сию минуту, убедиться, что он жив, что с ним ничего не случилось... И как это он мог так непростительно увлечься боем!

Вдруг Никита почувствовал, что его бок словно что-то обожгло. Он провел рукой по гимнастерке и, увидев на руке кровь, понял, что ранен, и поморщился с досадой. Эта глупая рана могла задержать его. Того и гляди, угодишь сейчас в санчасть.

Закатав гимнастерку и рубашку, он, как умел, перевязал сквозную рану у себя в боку и упорно продолжал идти, не замечая, что идет все медленнее, пошатываясь и с трудом поднимая ноги. Но он все-таки шел, пока не свалился у дороги.

Как сквозь сон услыхал Никита:

— Пригодилась-таки ватка?

Над ним склонилось лицо знакомого санитара.

— Ну что ж, пойдем ко мне в двуколку... Что, не можешь? Ну, давай подсоблю...

Карьером влетел Михаил Васильевич в сломанные расстроенные ряды отступающего полка. С ходу спрыгнул на землю и, подняв винтовку над головой, крикнул во всю мочь:

— Ивановознесенцы, за мной!..

И от бойца к бойцу, из роты в роту, по фронту на

левый фланг и в глубину к спешившим на переправу полетело:

— Арсений!..

— Наш Фрунзе.

— Михайло Васильевич, — отозвался басок бойца, хваставшего, что ему и купола не страшны.

Встал полк. Потянулись бойцы на зов командующего. Задние, самые прыткие, торопились незаметно пристроиться к любому взводу, все равно — своему или нет, лишь бы скрыть свое печальное первенство.

Неприятель был уже почти рядом.

Фрунзе взял винтовку наперевес:

— Вперед, ткачи!

И пошел навстречу врагу, пошел, не оглядываясь.

— За мной, ткачи!

И тот же озорной и смешливый басок, что по-домашнему приветствовал командующего, пророкотал задорно:

— А который маляр, так его что же, в обоз?.. Ур-ра! — И в два прыжка боец оказался впереди Фрунзе.

Неприятель усилил огонь. Упал сраженный пулей маляр, загородивший собою Михаила Васильевича, упал шедший рядом, плечо в плечо с командующим начальник политотдела Тронин, его подхватили под руки и отвели с поля боя, а Фрунзе продолжал идти вперед.

Но ткачи уже опомнились. Впереди них, с винтовкой наперевес, шел на неприятеля человек, которого они хорошо знали. Одни его видели на дореволюционных маевках и нелегальных собраниях, слушали его страстные призывы к борьбе с самодержавием и речи о программе и тактике рабочего движения; другие — под его руководством в боевой дружине девятьсот четвертого — девятьсот пятого годов учились владеть оружием, учились тактике уличного боя; третьи — в составе посланного в Москву двухтысячного рабочего отряда под его командой участвовали в октябре девятьсот семнадцатого года в свержении буржуазного Временного правительства; и, конечно же, все поголовно иванововознесенцы знали своего председателя губисполкома, к которому можно было так, запросто, прийти со своей бедою или недоумением, зная заранее, что тебя охотно выслушают и в пределах возможного помогут. А теперь, когда они отступали, этот человек, их Арсений, не задумываясь, пошел в атаку. И людям стало стыдно своей минутной слабости.

Правофланговый батальон Иваново-Вознесенского полка, перестраиваясь на ходу, ринулся на противника, вломился в его ряды, и началось самое страшное, что бывает на войне,— штыковой бой. В ожесточении кололи штыками, били прикладами, упорно, шаг за шагом прокладывая себе путь в смятых неприятельских рядах.

И противник дрогнул, стал пятиться, затем бросился врассыпную, оставляя по пути оружие, снаряжение.

С тревогой наблюдал со своего командного пункта Кутяков за развертывающимся боем правофлангового батальона Иваново-Вознесенского полка. Он давно уже послал лучших ординарцев со строжайшим наказом: не отходить от Фрунзе, а если с ним что случится, вынести его из боя. И еще: его начинал беспокоить левый фланг. Там два батальона ивановознесенцев остановились на шоссе и дальше продвинуться не смогли. А когда цепь бойцов с Фрунзе перевалила за бугор, он послал начальника оперативной части бригады с твердым наказом остановить правофланговый батальон.

Плотно сжав губы, стоял Чапаев на своем командном пункте, наблюдая и за тем, что происходило за рекой, и за тем, что было здесь. На лету постигал смысл очередного донесения и сейчас же отдавал соответствующее приказание. И ни порывистого жеста, ни лишнего слова или движения. Все — скупо, внешне спокойно, даже как будто чрезмерно спокойно. Одним взглядом он прекратил суету у переправы, кивком послал патронную двуколку на пароход, поворотом головы подозвал нужного человека, и появлялся именно тот, кого он звал.

Узнав по телефону от Кутякова, что Фрунзе в цепи, Чапаев позеленел:

— А что Горбачев там смотрит? — вскипел он. — Да и сам ты как мог допустить такое?

Кутяков оправдывался:

— А как его удержишь? Командующий же...

Чапаев бросил трубку. Такое объяснение он знал и сам. Позвал негромко:

— Петька!..

Любимец Чапаева ординарец Исаев мгновенно вырос перед начдивом. В это утро ему не удалось сойти с коня.

— Понимаешь, Петя, Михаил Васильевич с правофланговым батальоном иванововознесенцев пошел в штыковую атаку. Вытащи ты его оттуда христа ради!.. Что хочешь делай, но вытащи...

Голос у Василия Ивановича какой-то усталый, не чапаевский. Да и сам он необычный, будто что-то надломилось в нем. Уж лучше бы кричал, ругался... И вдруг, словно стряхнув с себя наваждение, Чапаев закричал:

— А не выведешь, закопайся на том берегу!

Исаев стегнул коня и прямо с ходу влетел в реку.

Чапаев рванул телефонную трубку из рук связиста:

— Артиллерия! Какого дьявола, усильте огонь! Правее берите! Ближе, по наступающим колоннам! Что? За орудия опасаешься? Ты за себя опасайся, чтобы я сам к тебе часом не наведался! Почему только Хлебников переправил свою батарею через реку?.. Понятно. За водной преградой оно как-то спокойней...

Это было явно несправедливо. Переправой руководил он сам. Пароходы сновали по реке, перегруженные пехотой и патронными двуколками, а других средств переправы не было. Но он и не хотел быть справедливым. До того ему было сейчас тошно, что впору наброситься на кого-нибудь, отвести душу.

Держась рукою за луку седла, вплавь переправлялся через реку Исаев. Быстрое течение сносило его вниз. С командного пункта, не отрываясь, следил за ним Чапаев: доплывет ли?

Перевалив за пригорок, правофланговый батальон иванововознесенцев пошел быстрее, сметая на своем пути разрозненные группы еще пытавшихся сопротивляться колчаковцев. Все плотнее становилось живое прикрытие впереди Фрунзе. А возле кто-то вертится, мешает.

— Товарищ командующий!.. Товарищ командующий!

Оглянулся Михаил Васильевич, увидел чапаевского ординарца. Тут же были ординарцы Кутякова и начальник оперативной части бригады.

— Право, товарищ командующий... — твердил Исаев, косясь на винтовку в руках у Фрунзе: «Долбанет он меня прикладом».

К правофланговому батальону иванововознесенцев скакал командир полка Горбачев. Догнав их, он что-то

сказал и махнул рукой, словно призывая их повернуть обратно. Батальон остановился, построился и стал медленно отходить.

— Что это они? — удивился Фрунзе. — Почему прекратили преследование противника?

— Комбриг приказал остановить батальон и оттянуть его назад.

— Почему?

— Второй и третий батальоны дальше шоссе продвинуться не смогли и вынуждены были закрепиться там,— доложил начальник оперативной части штаба бригады.

Фрунзе молча подошел к своему коню, которого держал в поводу один из вестовых, сел верхом и, оглядев с коня окружавших его ординарцев, сказал неодобрительно:

— Набралось вас тут... Не хватает только из штаба фронта.

Исаев вздохнул с облегчением:

«Пронесло... У Василия Ивановича так бы не отделался».

На командном пункте, когда туда вернулся Фрунзе, Кутяков, предворяя неизбежные вопросы, сдержанно доложил:

— Ивановознесенцы, товарищ командующий, не спали всю ночь, до сих пор ничего не ели, измотаны боем. Им надо хотя бы часа два передохнуть и подкрепиться. Без этого первая же контратака противника может создать у них панику.

— Что с пугачевцами?

— Пугачевский полк отрезан противником. От него нет донесений, а Разинский переправляется медленно. Сильно мешает колчаковская авиация. Она бомбит и обстреливает пулеметным огнем переправу. А наш авиаотряд бездействует. Нет горючего...

— Что вы предприняли в отношении пугачевцев?

— Послал на помощь батальон и пешую разведку Домашкинского полка. Кстати, они закроют и разрыв между пугачевцами и ивановознесенцами. А то в него стали просачиваться конные группы противника и обстреливают мой наблюдательный пункт.

Ординарцы принесли молока и хлеба. Наскоро поев, Кутяков и Фрунзе сели на коней и направились на участок Домашкинского полка.

— Есть сведения из полевого штаба армии о противнике? Что дали показания пленных? — спросил Фрунзе.

— Против нас действуют четырнадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый Уфимские полки. Сюда же утром прибыл Сибирский казачий полк и на подходе Восьмая Камская дивизия.

— Что известно о корпусе Каппеля?

— Находится несколько правее нас, но к вечеру как раз будет здесь.

Они выехали на пригорок. Фронт теперь был изогнут подковой. Фланги его примыкали к Белой, а в центре, в районе деревни Старые Турбаслы, сосредоточился в оврагах и в лесу Разинский полк с дивизионом бронеавтомобилей.

К полудню прискакал ординарец с сообщением, что Пугачевский полк при помощи домашкинцев вышел из окружения и намерен продвигаться дальше на Александровку.

Кутяков с сомнением покачал головой:

— Зарывается Плясунков...

Он на листке полевой книжки написал распоряжение — дать людям передохнуть, накормить их и ждать приказа об общем наступлении — и отослал его с тем же ординарцем.

С пригорка Фрунзе пристально рассматривал в бинокль расстилавшееся перед ним поле боя, сверял с картой и снова всматривался в каждый куст, в каждую складку местности, советовался с Кутяковым и начальником оперативной части штаба бригады, несколько раз напоминал им, что пора переходить в решительное наступление. Но Кутяков медлил. Авиация противника очень затрудняла переправу подкреплений. Неприятельские самолеты почти на бреющем полете бомбили и обстреливали из пулеметов всякую красноармейскую часть, приближавшуюся к переправе. Артиллерийский огонь наших батарей заставил их подняться выше, но они упорно продолжали наносить удар за ударом по нашим частям, хотя и с меньшим успехом. Непрерывные бомбежки и обстрел с воздуха задержали на левом берегу нашу артиллерию. Лишь только Хлебникову удалось переправить свою батарею. Он установил ее позади цепей Иваново-Вознесенского полка и метким огнем парализовал попытки противника перейти в контратаку на этом участке фронта.

В два часа Фрунзе решительно сказал Кутякову:

— Вы напрасно выжидаете. У противника гораздо больше возможностей подвести свои войска и в более значительном количестве, чем это сможем сделать мы. Ему не надо форсировать реку. Так что от ваших проволочек в выигрыше будет он... Немедленно отдайте приказ о наступлении.

Кутякову пришлось подчиниться. Но лишь через два часа, когда по его приказу войска готовились к броску на противника, он в полной мере оценил дальновидность Фрунзе.

Минут за двадцать до начала наступления с севера показались густые колонны неприятеля. Минуя ивановознесенцев, встреча с которыми еще была свежа в памяти, они двинулись к центру фронта, занимаемого Разинским и Домашкинским полками. Там не сразу разобрались, что это пылит вдали: сельское ли стадо или противник? Но долго раздумывать не пришлось. Неприятельские колонны, рассыпавшись в цепь, ринулись на них, а вслед за наступающей цепью, перестраиваясь на ходу, надвигались новые колонны.

И разинцы не выдержали. Слишком велико было превосходство противника, слишком стремителен его натиск. Они начали медленно пятиться. Левофланговый батальон, недавно значительно разбавленный необстрелянным пополнением, дрогнул и, не рассуждая, не раздумывая, бросился к берегу, увлекая за собой нестойких бойцов из других батальонов.

Увидев бегущих, Кутяков рванул коня в намет. Надо было спасать положение. Этот злосчастный батальон и сам погибнет и других погубит. Подскакав к батарее, дерзко расположившейся в непосредственной близости от ивановознесенцев, единственной батарее, сумевшей переправиться на правый высокий берег Белой, Кутяков круто осадил коня.

— Хлебников! — крикнул он — Разинцы отступают! Того и гляди, скатятся в реку... Поверни орудия правее. Помоги им...

Приземистый командир батареи и сам уже поглядывал вправо на густые цепи противника, теснившие соседний полк. Быстро определив расстояние, он открыл по ним такой меткий ураганный огонь, что колчаковцы не выдер-

жали, залегли. Подоспевшее с переправы подкрепление остановило отступающих в беспорядке разинцев и помогло выровнять линию фронта.

Озабоченный, возвращался Михаил Васильевич на переправу. Сведения о группировке противника, полученные от пленных, заставляли задуматься. Выходило так, что здесь, на Уфимском направлении, колчаковцы сосредоточили основные силы. Будь в его подчинении Пятая армия, он знал бы, что делать. Ударом 26-й дивизии с севера он вышел бы на тылы противника, и со всей этой группировкой было бы покончено. Но теперь, когда Пятую армию у него взяли, все стало значительно сложнее. Все же Михаил Васильевич не оставил этой мысли. В телеграмме командующему фронтом он просил повернуть хотя бы часть 26-й дивизии на Благовещенский, чтобы ослабить давление противника на войска, форсирующие Белую. Но ответа пока не получил.

Думая об этом, он в то же время пристально всматривался в видневшуюся вдали переправу. Там происходило неладное. Один пароход с бойцами, направлявшийся к высокому берегу, был уже на середине реки, другой стоял у пристани под погрузкой, а над ними кружились неприятельские самолеты и время от времени обстреливали их из пулеметов. Особенно сильно доставалось тому, кто был в пути. На него наседали сразу три самолета. Построившись в круг, каждый из них по очереди обстреливал злосчастный пароход и отходил в сторону, уступая место следующему, мало обращая внимания на ружейный огонь с парохода.

— Что делают!.. Что делают, гады!— не вытерпел Исаев и с опаской взглянул на командующего: испугался своей смелости.

Но Фрунзе не расслышал его. Он видел только этот пароход, который под непрекращающимся обстрелом с воздуха на всех парах шел к берегу, видел, как, едва пароход коснулся причала, с него, как горох из развязавшегося мешка, посыпались бойцы и, растекаясь по берегу, залегали в кустах, укрывались где придется, продолжая обстреливать самолеты противника.

Вдруг один из самолетов круто отвернул влево и направился в сторону конной группы Фрунзе, спешившей к

переправе. Миновав ее, самолет сделал крутой вираж и повернул обратно.

— Товарищ командующий!— испуганно крикнул Исаев, не спускавший взгляда с самолета.— Берегитесь!

Но было уже поздно. От самолета, одна за другой, отделились две черные точки и, разрастаясь, стремительно полетели вниз.

Почти одновременно взметнулись два взрыва.

Конь под Фрунзе взвился на дыбы и рухнул с разорванным брюхом.

Михаил Васильевич вылетел из седла, перевернулся в воздухе и упал плашмя, судорожно царапая землю.

К нему бросились, подняли его, посадили. Кто-то сбегал к реке и принес в котелке воды. Исаев осторожно обмыл ему лицо и руки, смазал ссадины йодом. Этот чапаевский ординарец был на редкость запасливым.

Михаил Васильевич сидел оглушенный, слегка покачиваясь. В голове у него шумело. Перед глазами плавали разноцветные круги.

— Ничего, ничего,— бормотал он.— Это сейчас пройдет.

Вскоре ему и в самом деле стало легче.

— Коня!

Он не мог допустить, чтобы нелепая случайность устранила его от непосредственного руководства армией в такой решительный момент.

Переправились на левый, низменный берег. Еще не доезжая до командного пункта начальника дивизии, Фрунзе заметил, что там что-то неблагополучно.

Чапаев сидел на потемневшем от времени широком пне. Возле него хлопотали врач и два санитара.

— Пуля застряла в черепе,— сказал врач на вопросительный взгляд Фрунзе.— Кажется, не очень глубоко, но прочно.

Он уже несколько раз безуспешно пытался ее вынуть: срывались щипцы.

Чапаев сидел бледный, сжав зубы так, что на скулах его образовались желваки. Крупные капли пота усеяли его лоб и лицо.

— Тащи, тащи, чертов клистир! Долго ты будешь меня мучить?!— сквозь зубы процедил Василий Иванович.

Врач пожал плечами и со вздохом снова взялся за щипцы.

Наконец пуля была извлечена. Врач обработал рану и принялся ее бинтовать.

— Как это случилось?— спросил Фрунзе.

— С аэроплана обстреляли,— отозвался врач.

Чапаев недобро покосился.

— Летают,— сказал он.— Летают, дьяволы. А наши на солнышке греются. Бензина, видишь ли, у них нет. Да с бензином кто хочешь летать будет. Петьку пошлю — и полетит...

Фрунзе промолчал. В этом состоянии Чапаев мог и не такое сказать. Он распорядился отправить начдива в санчасть в Авдон. Тот было заупрямился, но Фрунзе решительно настоял:

— Не чудите, товарищ Чапаев. Вам сейчас необходим покой... Временно командовать дивизией будет Кутяков.

Отдав еще несколько необходимых распоряжений, он выехал в свой оперативный штаб на станцию Чишму. Надо было ориентироваться в том, что происходило на других участках фронта Южной группы, и принять ряд решений.

Поезд полевого штаба Южной группы стоял на запасном пути в стороне от станции. Его сформировали сравнительно недавно в связи с необходимостью руководить боевыми операциями в непосредственной близости от фронта. Поезд состоял из восьми вагонов и бронеплатформы с двумя скорострельными орудиями и пулеметами: предосторожность, далеко не лишняя в условиях прифронтовой полосы, где нередко можно было встретиться с каким-нибудь бродячим отрядом противника, просочившимся в наш ближайший тыл.

Была глубокая ночь, когда заместитель начальника отряда охраны поезда Игнац Агоштон внезапно проснулся. Несколько мгновений он думал о том, что его разбудило, но вскоре понял. Где-то во дворах за станцией спросонок надрывался необыкновенно голосистый петух.

— Глупая птица,— проворчал Игнац, неторопливо приводя себя в порядок.— Весь мир спит, один только он, дурак, орет. А чего орет, и сам не знает.

Осторожно, чтобы не разбудить товарищей, он вышел из вагона. Надо было проверить караулы. Хотя охрана в основном и была сформирована из венгров-интернационалистов, хорошо зарекомендовавших себя в боях, Игнаца

не покидало беспокойство. Район Чишмы только что был занят советскими войсками. Здесь могли быть и отставшие неприятельские части и просто кулацкие банды. Поезд полевого штаба был бы для них заманчивой поживой.

Спустившись на полотно железной дороги, Игнац окинул взглядом поезд. Везде было темно, лишь в третьем вагоне еще светились окна. Видимо, командующий еще работал. Обойдя поезд и проверив по пути караулы, Игнац у паровозов,— их было два: один под парами, всегда наготове, другой с притушенной топкой,— почти столкнулся с Яношем Ковачем, назначенным на эти сутки в наряд начальником караула.

— Что тебе не сидится на месте?— спросил Игнац Агоштон.

Насмешливый Ковач отозвался:

— Да, вероятно, потому же, что и тебе...

Агоштон спросил, как расставлены секреты охранений. Он не был, когда наряжали караул, и не знал этого.

— Мышь не пробежит,— заверил Ковач.— И бойцов послали в секреты опытных. Эти не заснут и не прозевают...

Они возвращались к себе в вагон. Дойдя до третьего вагона, оба, как по команде, взглянули на освещенные окна.

— Не понимаю, когда он спит?— сказал Ковач, имея в виду Фрунзе.— Ведь контужен...

Игнацу Агоштону не понравилось замечание товарища. Он не любил излишнего любопытства.

— Значит, так надо,— жестко сказал он.— И пусть каждый выполняет свой долг. Это и нас с тобой касается, Янош...— Игнац взглянул на часы.— Пора менять караулы.

А Михаил Васильевич в это время с начальником оперативного отдела штаба армии Каратыгиным заканчивал разбор итогов сегодняшней операции.

Сведения разведки и опросы пленных не оставляли сомнения в том, что в Уфе против ударной группы Кутякова сосредоточены основные силы противника на этом участке фронта.

— Какие сведения от Тридцать первой дивизии?— спросил Фрунзе.

Дивизия эта находилась в резерве. По его приказу одна бригада ее была послана на переправу соседней Пятой ар-

мии, чтобы зайти во фланг уфимской группировки противника. Она-то и интересовала Фрунзе.

— К сожалению, переправа в районе Дмитриевского оказалась такова, что по ней обозы перейти не могли, не говоря уж об артиллерии,— сказал начальник оперативного отдела.— А без обоза первого разряда и артиллерийской поддержки бригада не много стоит.

Это Фрунзе знал и сам. Но у него еще теплилась надежда на помощь Пятой армии. Не могли же там не понимать, что поворот только одной 26-й дивизии на Благовещенский поможет полностью уничтожить уфимскую группировку противника. И тогда Пятая армия почти без боев может продвигаться вплоть до реки Тобол. Раньше колчаковцы вряд ли сумеют перестроиться, организовать сопротивление.

— Из штаба фронта ответа нет?— спросил он.

Ответа на его телеграмму о помощи еще не было. Начальник оперативного отдела ушел в аппаратную. Михаил Васильевич остался один. Нерадостно было у него на душе. Всего четыре месяца он на Восточном фронте, а сколько за это время ему пришлось вынести! Одни только наскоки Троцкого чего стоили! Успехи его армий неизменно приуменьшались или просто замалчивались, а всякая самая незначительная неудача раздувалась до размеров катастрофы.

Вот хотя бы история с обороной Оренбурга.

Конечно, воинских сил там для разгрома врага было явно недостаточно. Да откуда и взяться им, если фронтовое командование почти ополовинило созданную им из местных формирований Туркестанскую армию для укрепления других участков фронта! И все же при умелом использовании наличных сил оборона Оренбурга вполне могла бы продержаться до того времени, когда, покончив с Уфимским направлением, Фрунзе повернул бы основные войска на помощь Уральску и Оренбургу. Но события развернулись совсем не так.

Тон задал командарм Первой Гай. Ему не улыбалось взять на себя оборону Оренбурга, и он через голову Фрунзе забросал своими протестами командующего фронтом, главкома.

Его пример оказался заразительным. В Москву хлынули потоки оренбургских жалоб. Телеграфировали и командование укрепленного района, и местные руководи-

тели, и железнодорожное начальство. Все рисовали страшные картины неминуемого разгрома обороны Оренбурга и настаивали на присылке подкреплений.

В штабе Главного командования и в Реввоенсовете республики словно обрадовались этому потоку жалоб. В Южную группу полетели резкие запросы, саркастические замечания, категорические директивы.

В эти дни Михаил Васильевич наряду с подготовкой контрудара налаживал оборону Оренбурга. Он настоял на формировании местных рабочих полков, послал для них пять тысяч винтовок и полтора миллиона патронов, резко прекратил безалаберную эвакуацию штаба Первой армии, наладил планомерный вывоз вместо канцелярской мебели действительно ценного имущества и отправку воинских эшелонов. А по ночам, когда работа в штабе Южной группы затихала, он еще долго сидел у себя в кабинете и, сдерживая нарастающее возмущение, писал спокойные, деловые ответы на запросы командующего фронтом, главкома, Троцкого.

Поток оренбургских жалоб разными путями докатился и до Ленина. Обеспокоенный им, Владимир Ильич запросил Фрунзе, знает ли он о тяжелом положении Оренбурга? Изложив просьбу оренбуржцев, Владимир Ильич, в отличие от других, просил не рассматривать его телеграмму как директиву, нарушающую военные приказания.

Михаил Васильевич в это время был на фронте и телеграммы Ленина не видел. Меры, принятые им по обороне Оренбурга, уже начали сказываться. Противник был отброшен от города и попыток перейти в контратаку не предпринимал.

Когда спустя десять дней Фрунзе вернулся в штаб Южной группы, там уже лежала вторая телеграмма. Владимир Ильич спрашивал, почему ему не отвечают, и сообщал, что жалобы из Оренбурга и просьбы о помощи продолжают поступать.

Михаил Васильевич коротко сообщил о принятых мерах по обороне Оренбурга и их первых результатах, не скрыл, что сил для коренного решения вопроса там явно недостаточно, но продержаться до ликвидации Уфимского направления они вполне могут.

Этим все и закончилось. Запросов от Ленина больше не поступало.

Но нападки Троцкого не прекратились. Фрунзе шпы-

няли по малейшему поводу, явно провоцируя на резкий ответ, после которого можно было бы поставить вопрос перед Советом обороны и Центральным Комитетом партии о невозможности с ним сработаться. Он понимал это и в сношениях с Главным командованием и Реввоенсоветом республики был сдержан и деловит.

А сколько было упущено возможностей разгрома зарвавшегося противника еще до Уфы!

Началось это с Гурьева. Порт этот на Каспийском море надо было занять безотлагательно, чтобы прекратить снабжение через него англичанами белоказаков оружием и снаряжением и тем обезопасить свой тыл. И всего-то для этой операции нужно было от Астрахани направить на Гурьев морем или сухим путем стрелковый полк и полк кавалерии при одной артиллерийской батарее, чтобы, заняв его, обеспечить продвижение 22-й дивизии к югу по всему течению реки Урал, вплоть до Гурьева.

Но командование фронтом, озабоченное неудачами Пятой армии, просто отмахнулось от этого предложения Фрунзе. В результате в Оренбургской и Уральской областях теперь полыхали казачьи восстания, для ликвидации которых потребовалась уже целая армия.

Затем началась мучительная история с контрударом. Соглашаясь взять на себя командование четырьмя армиями, Михаил Васильевич поставил только два условия: немедленную передачу в Южную группу Первой и Пятой армий и предоставление ему необходимой оперативной самостоятельности. У него уже был план разгрома основной группировки колчаковских войск, армии Ханжина, и каждый лишний день проволочки с его выполнением мог только улучшить положение противника.

В те дни, когда под ударами колчаковцев Восточный фронт угрожающе откатывался к Волге и трудно было сказать, где он остановится, Михаилу Васильевичу обещали и то и другое. Пообещали и не выполнили. Передача армий затянулась из-за вмешательства Троцкого, носившегося со своим планом отступления за Волгу. Что же касается оперативной самостоятельности, то ее у него практически никогда не было.

Зажатое, как в тисках, опасениями за Симбирск, где находился штаб фронта, и усиливающимся нажимом главкома, считавшим контрудар Фрунзе пустой затеей, фронтовое командование пыталось создать свой план. И как

случается нередко, когда от добра ищут добра, только отдаляло разгром противника.

Самовольный разгром Кутяковым 11-й неприятельской дивизии и завязавшиеся затем бои сорвали эту отсрочку. Михаилу Васильевичу пришлось тогда по прямому проводу получить выговор от самого Каменева, но дело было сделано. Наступление началось, и притом успешно.

Была возможность разгрома противника в районе Бугуруслана, но от Фрунзе из ударной группировки забрали в Пятую армию сформированную им в Самаре 2-ю дивизию и отказались помочь ему 4-й дивизией из резерва фронта. И все это из-за опасений за Симбирск. Правда, через несколько часов фронтовое командование спохватилось и запрашивало, нельзя ли 2-ю дивизию повернуть южнее, но было уже поздно. Неприятель, почувствовав угрозу оказаться в мешке, хотя и с потерями, но успешно отвел свои войска.

Так был сорван основной замысел Фрунзе — глубоким выходом на тылы отрезать противнику пути на восток и уничтожить главную группировку белых. Неприятель был потрепан в происшедших боях, даже сильно потрепан, но не разбит.

Примерно то же произошло и в районе Белебея. Там были полностью разгромлены два неприятельских корпуса, но в результате вмешательства фронтового командования в оперативное руководство Фрунзе двум другим корпусам удалось отойти на Бирск.

А теперь на очереди была Уфа.

Еще на рассвете, при переправе ударной группировки Кутякова, Михаил Васильевич почувствовал себя так, словно у него только одна рука. Это ощущение не покидало его весь день. Эх, если бы у него была Пятая армия! Как было бы сравнительно просто прорваться на тылы уфимской группировки противника и разгромить ее так, что от Колчака остались бы лишь рожки да ножки. Что мог бы противопоставить этот верховный правитель после разгрома своих лучших войск? Наспех сформированные части из мобилизованных крестьян и пленных красноармейцев? Да они разбегутся при первых выстрелах Красной Армии или, перебив своих офицеров, присоединятся к нашим войскам. Даже теперь, за последние два месяца, было несколько таких случаев. А что стало бы в атмосфере разгрома и повального бегства?..

Но Пятой армии у него не было. Это «заслуга» Самойло... Нет, скорее Троцкого. Самойло вряд ли понимал, что делал. Просто не разобрался и, как говорится, наломал дров...

В салон вошел начальник оперативного отдела с телеграммой в руке, явно смущенный.

— Вот, ознакомьтесь... Копия приказа комфронта командарму Пятой. Нам, так сказать, для сведения. — Каратыгин положил телеграмму на стол.

Фрунзе внимательно прочел ее. И вдруг ему на миг представился знакомый острый профиль, пенсне на шнурке, заостренный книзу клинышек бородки.

В приказе подтверждалась данная ранее, еще во времена Самойло, директива о наступлении Пятой армии круто на север на Красноуфимск с форсированием реки Белой у Бирска. Это было диаметрально противоположно тому, о чем просил Фрунзе.

У Михаила Васильевича тоскливо сжалось сердце. Выходило так, что, несмотря ни на что, несмотря на меры, предпринятые Лениным, чтобы оградить командование Восточным фронтом от наскоков Троцкого, запущенная им машина полевого штаба Реввоенсовета еще продолжала действовать в том же направлении.

«Каков же там в действительности производится нажим на Каменева,— подумал Михаил Васильевич,— если даже теперь командующий фронтом не смог повернуть хотя бы одну Двадцать шестую дивизию Пятой армии на юг?!»

Он поднял голову и взглянул на начальника оперативного отдела. Тот стоял как каменный, глядя прямо перед собой.

«Тоже переживает»,— отметил в уме Фрунзе. Они немало поработали вместе над планом разгрома врага здесь в Уфе и хорошо понимали друг друга.

— Ну что ж, товарищ Каратыгин,— сказал Михаил Васильевич, — к сведению, так к сведению... А наступление будем продолжать. Вызовите к аппарату Кутякова.

5

Больше двух часов провозился Степан Жигулев с электропроводкой в доме Колмогоровых, а повреждения так и не нашел. Да и как его найдешь, когда проводка была

скрытая, а тока в сети не было. Электростанция обычно днем не работала. Но Порфирий Иванович Колмогоров был такой фигурой в Уфе, что было приказано электростанции: сегодня запустить малый движок на два часа раньше.

Под стать папаше были и его сыновья от первого брака. Старший — капитан Глеб Порфирьевич, служил в контрразведке, а второй — поручик Владимир Порфирьевич, был одним из адъютантов самого Каппеля. Тут не то что движок, всю электростанцию запустишь.

Но пока что тока не было, и Степан Жигулев покуривал на кухонном крыльце дома Колмогоровых, поджидая, когда дадут ток. Возле него крутился добровольный помощник, сын дворника Сенька Талмазов, бойкий черноглазый татарчонок лет четырнадцати.

В большом дворе возле конюшни происходила какая-то деловитая возня. Шестеро мужиков кучерского вида хлопотали около фаэтона и нескольких добротных, окованных железом, крытых возков: смазывали оси, пробовали на прочность колеса, осматривали сбрую.

— Что это они, — поинтересовался Жигулев, — вроде собираются куда?

— Не знаю, — отозвался подросток, — хозяин ничего не говорил.

— Оно и понятно: будет он с тобою говорить... Может статься, на богомолье? Как будто не ко времени,— рассуждал Жигулев.— Красные вон рядом, за рекой стоят.

— Переправились, —сказал Сенька.— Ребята сказывали, что красные в Старых Турбаслах.

— И я что-то такое слышал, да верно ли?

— Верно, верно,— закивал головою подросток. —Отец сегодня встретил знакомого оттуда. Тот говорит, что заночевал вчера у родственников, а сегодня не может домой вернуться. Там, говорит, уже красные...

— Ишь ты, как оно дело оборачивается... А ты, Сенька, лучше помалкивай про красных. Попадешь на какого, выпорют. А то и пулю схлопочешь. По этому времени пулю получить плевое дело.

— Да я, дяденька, только вам...— вспыхнул Сенька.

— Мало ли что... И кому другому можешь сболтнуть спроста.

Жигулев покосился на распахнутые окна кухни. Там, что называется, стоял дым коромыслом. Повар в белом

фартуке и колпаке и четверо поварих что-то пекли, жарили, дробно стучали ножами, гремели посудой.

— Это каждый день у вас так?

Сенька отрицательно качнул головой.

— Не.

— Чего же они сегодня стараются?

— Гостей ждут.

— А-а, тогда понятно.

Жигулев загасил окурок цигарки и поднялся:

— Пойдем посмотрим, не дали ли ток.

На щитке ввода ток уже был, хотя контрольная лампа, присоединенная к нему, горела вполнакала. Но это не смущало Жигулева. Он знал, что работает только малый движок, и полного накала не ждал. Вспыхнули лампочки на кухне и в левом крыле здания. Но центральный двухсветный зал по-прежнему был не освещен. Пришлось проверять места соединений. С контрольной лампой и лестницей Жигулев, сопровождаемый Сенькой, подстраховывавшим лестницу, и горничной, приставленной к ним для надзора, переходил от одной клеммы к другой, пытаясь разобраться в схеме проводки.

Он стоял на стремянке, проверяя очередное соединение, когда услыхал сзади:

— Еще не закончили? Боже, сколько вы возитесь!

У Жигулева вертелась на языке не очень приличная присказка о том, что получается от чрезмерной поспешности, но он вовремя сдержался. В дверях большого двухсветного зала, отделанного пилястрами и лепными украшениями, стояла молодая, лет двадцати пяти, женщина. «Хозяйка, — догадался Жигулев. — Вот она какая!»

Владелец нескольких заводов, скупочных лабазов, пароходов и местного банка Порфирий Иванович Колмогоров, рано овдовев, много лет жил один, воспитывая двух сыновей. Но незадолго перед войной он, съездив в Петербург, вернулся оттуда с молодой женой. История эта была широко известна в Уфе, но Жигулеву до этого не приходилось видеть Варвару Петровну, как звали молодую хозяйку.

— И как скоро вы думаете закончить? — не отступала Варвара Петровна.

«Вот же настырная», — с досадой подумал Жигулев, а вслух сказал:

— Часа два еще придется повозиться. Проводка-то скрытая, а схемы ее у вас, понятно, нет.

Хозяйка ушла, прошелестев юбками, а Жигулев продолжал заниматься проводкой. Вдруг ему пришло в голову: а нет ли где-нибудь еще дополнительного щитка? Например, на чердаке? Это было технически не очень грамотно, но мало ли что случается. В своей практике ему доводилось видеть и не такое.

Спросив у горничной, где ход на чердак правого крыла, Жигулев сказал Сеньке Талмазову:

— Ну вот что, парень. Ты постой здесь, следи за светом. Если лампочки погаснут, шумни мне. А я полезу... До ночи, что ли, мы с тобой будем тут копаться!

На чердаке было довольно светло и на редкость опрятно. Нигде не валялась старая поломанная мебель, которую, вместо того чтобы сжечь, почему-то обычно отправляют сюда наверх. Утепляющая шлаковая засыпка потолка была покрыта алебастром. Сверх ее по балкам были проложены деревянные настилы.

Жигулев подивился предусмотрительности строителей. «Не иначе как сам хозяин доглядел. Дока!» Отопление дома было калориферное, и на чердаке вместо неизбежных боровов и труб были только вентиляционные короба. Около одного из них Жигулев и обнаружил дополнительный щиток предохранителей. Двух-трех проб контрольной лампой было достаточно, чтобы убедиться, что повреждение здесь. Просто слабо закрепленные в клеммах концы проводов ежедневно нагревались и со временем обгорели. Исправить такое повреждение было нетрудно. Жигулев даже подосадовал на себя, что потратил столько времени на пустые поиски.

Вдруг он отчетливо услышал голоса и только присмотревшись понял, что говорят где-то внизу, а голоса к нему долетают через открытую ревизию вентиляционного короба. Он хотел закрыть заслонку ревизии, чтобы не подслушивать чужие разговоры, но несколько звонких фраз, сказанных кем-то молодым, остановили его...

В небольшой гостиной, расположенной в правом крыле дома, поручик Владимир Колмогоров взволнованно говорил отцу:

— Не понимаю тебя, папа. Честное слово, не понимаю! Чего ты боишься? Уфа такой орешек, который красным не разгрызть.

Порфирий Иванович, невысокий, плотный, с небольшой холеной бородкой, кое-где прочерченной сединой, сидя на диване, вертел в руках длинную тонкую папиросу и, еле приметно улыбаясь, снисходительно посматривал на своего младшего сына. Было ему лет за пятьдесят, но он принадлежал к той категории дельцов, которые в этом возрасте как бы консервируются и живут еще долго, нисколько не меняясь.

— Ведь выдержала же Уфа во второй половине восемнадцатого века четырехмесячную осаду пугачевских полчищ под командой Ивана Чики, — не унимался поручик.

Порфирий Иванович чиркнул спичкой и закурил.

— Ты бы, Володя, еще киргизского хана Назара с сибирским царевичем Аблаем и мирзой Тевкелем вспомнил. В шестнадцатом веке они втроем пытались смести Уфу с лица земли, но были разбиты. А царевич Аблай и мирза Тевкель попали к нам в плен. Подвиг этот был записан в Золотую книгу, — сказал Порфирий Иванович, пыхнув дымком.

— Не понимаю, какое отношение к нашему разговору имеют все эти ханы и мирзы, — вспыхнул поручик.

— А такое же, как и пугачевцы, — отозвался отец. — Ты вот считаешь Уфу орешком, которого красным не разгрызть. А я думаю, что они его и грызть не станут.

— То есть как это?

— Очень просто. Они обойдут Уфу, да еще с двух сторон, и захлопнут столько наших войск, сколько их здесь окажется. Сдается мне, что они так и будут действовать... А для начала они у вас под носом захватили два моих пароходишка и переправились на правый берег. Как могли допустить это, кто там проморгал, вам виднее. Но попробуйте их теперь выбить... Так-то, сынок. А ты носишься с пугачевцами.

— И все же завтра на заре красных сбросят в Белую,— торжественно сказал поручик. — Генерал Каппель...

— Погоди, — остановил его отец. — Кажется, Глеб подъехал. Я жду его с минуты на минуту.

Вскоре в гостиную вошел, позванивая шпорами, капитан Глеб Колмогоров, поздоровался с отцом, коротко кивнул брату и, опустившись на диван, с наслаждением вытянул ноги.

— Целый день сегодня с коня не сходил, — сказал он. — А вы все спорите. О чем это?

— Да вот Володя обещает завтра на заре сбросить в Белую красных, — с тонкой улыбкой сказал Порфирий Иванович.

— И сбросим, — запальчиво отозвался поручик. Он пытливо взглянул на брата. — Думаю, что отцу это можно сказать...

Капитан Глеб Колмогоров был всего на три года старше брата, но на вид ему можно было дать лет сорок, до того у него порой бывало постаревшее лицо.

— Нашему отцу, Володя, можно сказать решительно все, — усмехнулся капитан, — хотя бы потому, что знает он гораздо больше нас с тобой.

— Ну так вот, — продолжал поручик. — Завтра на заре два офицерских батальона, ударные добровольческие части и каппелевцы — всего до пяти полков — предпримут психическую атаку. Понимаете, они сомкнутыми колоннами, тихо-тихо, без выстрела подойдут вплотную к сонным цепям красных, внезапным ударом переколют, перестреляют эту сволочь, поднимут панику, а за ними в образовавшуюся брешь ринутся с севера свежие войска. Они окружат остальные части красных и уничтожат их.

— Что-то в этом роде слышал и я, — равнодушно отозвался Глеб.

Отец долго молчал.

— Ну что ж, — наконец отозвался он, — желаю успеха. Только думается мне, рискованная это затея. Очень рискованная. Помнится, немцы в начале войны в четырнадцатом году пробовали на нашем фронте нечто похожее. Плохо это для них кончилось. Не один их полк полег под нашими пулеметами... Что же касается меня, то я предпочитаю узнать о результатах этой психической атаки верст за сто от здешних мест. Так оно будет вернее... Глеб, как обстоит с конвоем?

— Все в порядке. Конвой здесь в городе и явится к тебе в любой час.

— Надежный конвой-то?

— Абсолютно. Иванов-Ринов дал целый взвод конников с ручными пулеметами из своей личной охраны.

— Вот как! И что ж он так расщедрился даром?

— Ну, у новоиспеченного атамана Иванова-Ринова даром ничего не получишь. Жмот, каких поискать!

— И много пришлось выложить?

— Так, пустяки. Услуга за услугу. Его мадам слишком

вольготно пользовалась железнодорожным транспортом для своих спекуляций! По воинским литерам «особой категории» вне всякой очереди вагонами гнала в Омск и другие города из Владивостока все, что имеет здесь спрос.

Капитан потянулся к лежавшему на столе портсигару отца, вынул из него длинную тонкую папиросу, повертел ее в руках и, закурив, сказал с усмешкой:

— Эти папиросы — тоже ее доставки. Понятно, сама она в розницу не торгует. Для этого у нее имеется целая армия перекупщиков. Ну, да черт с ней... В другое бы время наш прославленный атаман сибирского казачества и внимания не обратил бы на такой пустяк, просто послал бы свою охрану, и те отбили бы задержанные нами вагоны. Ему это не впервой. Но на этот раз Иванов-Ринов не рискнул на открытый скандал. Он теперь замыслил куш посолиднее. Пообещал адмиралу выставить конный корпус из сибирских казаков-добровольцев и норовит хапнуть под этот корпус сто миллионов рублей и двадцать тысяч комплектов обмундирования.

— Солидно размахнулся, — покачал головою Порфирий Иванович.

— Иванов-Ринов и не такое может. Но тут нашла коса на камень. Против этого прожекта восстал военный министр, барон Будберг, который совершенно не переносит нашего атамана. Это у них еще с Харбина, когда Иванов-Ринов безуспешно пытался сковырнуть генерала Хорвата, в судьбе которого барон принимал непосредственное участие... Словом, прожект конного корпуса повис на волоске. В такой момент привлекать к себе внимание адмирала открытым скандалом Иванову-Ринову было крайне невыгодно. Хорошо известно, что адмирал терпеть не может спекулянтов.

— И как же вы управились с этим делом?

— Очень просто, папа. Вагоны вернули мадам Ивановой-Риновой, офицера, проявившего излишнее рвение, послали с повышением на фронт проветриться, а ты получил отличный казачий взвод охраны... Когда собираешься выезжать?

— Завтра на зорьке и выедем, пока горожане будут спать. Все меньше любопытных будет. А если какой и выглянет в окно, то спросонок не поймет.

— А как же ваш званый вечер сегодня?

— Его затеяла Варвара Петровна еще неделю назад, —

сказал отец. — Признаться, я хотел отменить приглашения, но раздумал. Так будет даже лучше. Гости разъедутся часам к двенадцати, а в четыре мы тронемся в путь. Пароль узнал, Глебушка?

— Да, общевойсковой уфимского района пропуск — «Москва», отзыв — «мулек». — Капитан сунул руку за борт френча и вынул из бокового кармана довольно пухлый пакет, передал его отцу. — Там пропуска, которые тебе могут понадобиться в дальнейшем, несколько писем к нужным людям, остальное ты и сам сумеешь.

— Спасибо, сынок. Вот теперь как будто все в порядке.

— Все-таки, почему ты не едешь поездом? — спросил поручик. — На лошадях далеко не ускачешь!

Отец снисходительно взглянул на младшего сына:

— А ты спроси у Глеба, сколько поездов за последние две недели партизаны спустили под откос. Тогда, быть может, поймешь, почему я предпочитаю своих степняков.

— Но ведь железную дорогу охраняют союзники! — не сдавался поручик.

Порфирий Иванович с досадой отмахнулся от него. Что толку говорить с младенцем? А Глеб рассмеялся.

— Союзники, Володечка,— сказал он,— больше всего озабочены сохранностью своих поездов с пушниной и прочими ими награбленными ценностями. Где уж им дорогу охранять!

— Вот что, дети, — сказал Порфирий Иванович. — Завтра на заре мы уезжаем. Надо, чтобы вы кое-что знали. Дом этот, заводишки и всю недвижимость придется бросить. Жалко, конечно, да ничего не сделаешь. Хорошо, что сохранился капитал. Я ведь еще незадолго перед войной начал изымать из обращения деньги и переводить их в швейцарские банки. Кое-что продал, кое-что заложил и перезаложил. Так что нашего тут не так уж много и останется.

— Я тебя, папка, всегда считал гением! — воскликнул Глеб. — Так тонко провести финансовые операции, что даже я ничего не знал.

— Ну, гений не гений, а кое-что соображаю. А не знали вы потому, что до поры вам и знать было незачем. Там же в банке хранится и мое завещание. Не бойтесь, вас я не обидел. А с собою ничего не унесу... Надо и вам потихоньку выбираться из этой кутерьмы. Я уже кое-что предпринял для этого. Буду в Екатеринбурге, доделаю. Вы по-

лучите назначение в Харбин представителями военно-промышленного комитета. А оттуда, когда все здесь начнет рассыпаться, перебирайтесь в Швейцарию. Мы с Варварой Петровной там будем. Тебе, Володька, надо во всем слушаться Глеба. Он лучше тебя осведомлен, хотя ты и состоишь в адъютантах Каппеля. Да не вздумай геройствовать. Адмирала ты все равно не спасешь. Его песенка спета. Не за свое дело он взялся. Виселицы и порки мужиков Николая Второго не спасли, а уж адмирала и подавно не спасут. Не тот мужик ныне. Не тот... Красные декретами о земле и мире выбили опору у нас из-под ног. Не случайно у нас в армии зеленая молодежь. Адмирал как огня боится старых солдат, воевавших на германской. А красные не боятся, призывают их в первую очередь. Вот теперь и сообрази, у кого войска надежнее... Ну да ладно. Главное вы знаете, а всего не переговоришь. Пошли к хозяйке, посмотрим, что там и как. Скоро гости начнут собираться...

Степан Жигулев не дослушал конца этой беседы. Закрыв задвижку ревизии вентиляционного короба, он наскоро соединил обгоревшие концы проводов и спустился вниз.

— Ну, Сеня,— сказал он заждавшемуся подростку,— пошли! С проводкой все в порядке.

На крыльце, встретив горничную, которой надоело торчать в коридоре, Жигулев сказал:

— Передай хозяйке, что пусть не беспокоится, теперь свет не погаснет до самой победы.

За воротами он спросил у Сеньки:

— Так говоришь, красные уже заняли Турбаслы? А какие, Новые или Старые? Да ты не жмись. Я ведь давеча пошутил. Кому какое дело, о чем мы с тобою разговариваем.

— Отец говорил, что красные уже в Старых Турбаслах.

— Вот оно какое дело! Ну, прощай, Сеня. Я пошел на электростанцию. Сегодня мое дежурство. Надо, чтобы там все было в лучшем виде...

Но на электростанцию Жигулев не пошел. Сообщение поручика Колмогорова, что завтра на заре на уставших сонных красноармейцев обрушатся офицерские части, взволновало его. Ему представилось, как это произойдет, и надежда, что Красная Армия не сегодня-завтра займет Уфу, тускнела в нем, пока не исчезла окончательно.

Жигулев не был коммунистом и в политике почти не разбирался, посвящая все свое свободное время рыбалке и охоте. Но одно дело предпочесть собрание, хотя бы и очень важное, рыбалке в ночь или тяге на заре, а совсем другое — допустить, чтобы эти холеные барчуки в английском обмундировании, взбесившиеся оттого, что у их папаш отобрали имения и фабрики, завтра на заре расстреливали бы в упор, кололи бы широкими японскими штыками усталых, сморенных сном красноармейцев. Нет, этого он перенести был не в состоянии. Но что он мог сделать, чтобы предотвратить эту бойню? Предупредить командование красноармейских частей? Каким образом? Через кого? В городе не было коммунистов. Одни из них отступили с советскими войсками, другие, по слухам, перебрались в леса и там создали партизанские отряды. У него даже не было с кем посоветоваться.

В смятении вернулся Степан Жигулев к себе домой. Он жил на окраине Уфы вдвоем со старухой матерью. Машинально пообедал, посидел, покурил и, ничего не придумав, направился к выходу.

— Если задержусь, ты, мам, не беспокойся, — сказал он, уже перешагнув порог. — На станции работы много, а монтеры разбежались. Одному приходится управляться за двоих.

За калиткой он постоял в раздумье, докурил цигарку и затоптал окурок. Выходило так, что предупредить красноармейцев должен был он. Больше некому.

Уже порядком свечерело, когда Жигулев вышел за город. Он и сам еще не знал, как сумеет миновать все посты колчаковцев. Правда, на чердаке он слышал пароль на эту ночь. Старый солдат, провоевавший три года на русско-германском фронте, он хорошо знал, что это такое и как им пользоваться, но его смущал предел действия этого пароля. Капитан Глеб Колмогоров говорил, что это общевойсковой Уфимского района. Может быть, оно так и есть, если направиться в тыл, а как будет обстоять при переходе через линию фронта? И Жигулев продолжал идти по дороге, держа направление на Старые Турбаслы. У него не было иного выхода.

Первые встречи его с заставами и секретами сошли благополучно. Он вполголоса, как и следовало по уставу, называл пропуск, ему отвечали отзыв и пропускали дальше. Но у самого фронта случилась заминка. Оказавшийся

на заставе старший унтер-офицер, выслушав пропуск, скомандовал ему поднять руки вверх и, пока двое солдат держали Жигулева под прицелом, ловко обшарил его карманы. Не найдя ничего, кроме кисета с махоркой и зажигалки, сделанной из гильзы ружейного патрона, старший унтер-офицер привел Жигулева в крайнюю избу к офицеру, отчаянно скучавшему в наряде.

— Вот, постороннего задержали, господин прапорщик, — лениво козырнув, доложил он. Унтер-офицер был старый служака и к новоиспеченному прапорщику из недоучившихся гимназистов относился в душе пренебрежительно. — Пропуск сказывал, но что-то мне сумнительно...

Прапорщик выпрямился, сдвинул белесые брови, пошарик рукой по кобуре и, вынув наган, положил его на стол.

— Ну, кто таков? — спросил он. — Говори правду...

— Ваше благородие, — сказал Жигулев, — прикажите господину старшему унтер-офицеру выйти.

Прапорщик чуть поколебался, но все же распорядился:

— Ну, ладно. Посиди, Пахомов, там на крыльце.

— А теперь, ваше благородие, — сказал Жигулев, — уберите вашу пушку. Я старый солдат и не такое видел.

Жигулев и сам не понимал, откуда у него берется эта дерзость, но чувствовал, что держаться ему надо только так.

— Хватит болтать!— обиделся прапорщик.— Говори, кто таков? — Но револьвер все-таки убрал.

— Я знаю пароль, — возразил Жигулев, — а кто я, вы можете выяснить в контрразведке у капитана Колмогорова.

Прапорщик обмяк. Капитан Колмогоров здесь был хорошо известен, настолько хорошо, что встречи с ним никто не искал.

— Ты что, идешь к красным? — не сумел скрыть своего любопытства прапорщик.

— Так точно, — ваше благородие. — Прикажите проводить меня за ваши посты. А то еще какой-нибудь дуралей опять притащит меня сюда. А время летнее, светает рано.

— Дальше как пойдешь?

— А это уж как придется, ваше благородие. Не легко там, но что делать, служба. И еще, ваше благородие, прикажите унтеру вернуть мне кисет и зажигалку. В особенности зажигалку.

— Почему же в особенности?

— Да потому, что по ней меня там кое-кто опознает.

— По зажигалке?

— Да, по ней и еще кое по чем.

Прапорщику льстило, что этот, по всему видать, бывалый человек называет его, вопреки приказу, «ваше благородие». Нравилось ему и пренебрежительное отношение Жигулева к унтер-офицеру, которого прапорщик терпеть не мог. Но он все же потянулся к телефону:

— А вот сейчас проверим, правду ли ты говоришь.

Неизвестно, всерьез ли прапорщик был намерен дозвониться до контрразведки или только хотел посмотреть, какое это произведет впечатление на задержанного, но он несколько раз безуспешно зуммерил по полевому телефону; то была занята соединительная линия с бригадой, то с дивизией. А под конец, когда он преодолел и то и другое препятствие, ему кто-то внушительно сказал, что провод с городом занят генералом и чтобы прапорщик знал свое место и не мешал бы заниматься делом.

Просидев несколько минут молча, ошарашенный прапорщик позвал старшего унтер-офицера в избу и, вымещая на нем досаду, сказал:

— Так, так, Пахомов! А еще старый солдат!.. Кого ты задержал?

— Не могу знать, господин прапорщик, — вытянувшись, пробормотал унтер.

— Говорил он тебе пароль? — мстительно продолжал прапорщик.— Говорил?

— Так точно, говорил. А только сумнительно мне показалось...

— Так, понятно. Пароль, значит, тебе не указ. Действуешь по собственному усмотрению? Самовольничаешь? И кисет, значит, прикарманил, и зажигалку. А ну, выкладывай на стол!..

Взопревший, красный, как рак в кипятке, унтер положил перед офицером отобранные у Жигулева вещи. Прапорщик с любопытством повертел в руках зажигалку и, ничего особенного не обнаружив в ней, сказал строго:

— Ну вот что, Пахомов, раз ты самовольно задержал этого человека, то ты его и проведешь через фронт. Проводишь за все наши посты и секреты. И смотри, — прапорщик погрозил пальцем, — чтобы и волосок не упал с его головы!.. Своей головой ответишь...

Как и предполагал Жигулев, пароль здесь был другой, но, сопровождаемый старшим унтер-офицером Пахомовым,

он благополучно миновал все заставы и, только оказавшись на ничейной, фронтовой полосе, понял, что сейчас-то и начинается самое трудное. До сих пор все сходило гладко. Ему даже не пришлось ничего особенного выдумывать. Сказочку о зажигалке он слыхал где-то на фронте, а капитан контрразведки Колмогоров действительно существовал. Но теперь ему предстояло идти через заставы и дозоры хотя и своих, но крайне настороженных бойцов, не ждущих от всякого, кто появится в поле зрения, ничего хорошего. И кто знает, что может случиться! Не пальнет ли в него какой-нибудь молодой, необстрелянный боец, прежде чем Жигулев сумеет к нему приблизиться? И еще он подумал, что в его положении самое верное будет идти по дороге, ровным шагом, не таясь, держа направление на Александровку, расположенную по эту сторону реки напротив Красного Яра, или, смотря по обстоятельствам, — между Александровкой и Новыми Турбаслами. Дороги были здесь знакомые, многократно исхоженные... А там как повезет.

6

Секрет, высланный на ночь Пугачевским полком, с вечера залег в кустарнике, близ проселочной дороги. В секрете было, как обычно, трое: два молодых бойца и один пожилой, отведавший солдатской службы еще в мирное время, за старшего. Но около полуночи к ним присоединились еще трое, никак уставом не предусмотренные.

Командир отдельного эскадрона Богучаров еще с вечера получил задание от Кутякова добыть языка, желательно офицера. Надо было узнать, что затевает противник на завтра. При этом Кутяков, относящийся ревниво к своим бойцам, не утерпел, чтобы не съязвить по поводу временного откомандирования эскадрона в распоряжение Фрунзе:

— Уж и не знаю, посылать ли твоих. Может, вы там в Самаре при штабе на вольных хлебах и ползти по-пластунски разучились.

— Ну, положим, Иван Семенович, — с усмешкой возразил Богучаров, — у вас здесь с питанием куда вольготнее. В селах солдаток хоть пруд пруди. Твоих жеребцов стоялых сметаной кормят... А языка тебе доставим в лучшем виде.

С тем они и расстались...

Оставив коней в логу в версте от застав и сняв шашки, Богучаров с двумя конниками осторожно добрался до секрета. Надо было расспросить, не заметили ли здесь что-нибудь.

Богучаров со старшим в секрете, лежа, шепотом беседовали о том, что было слышно у противника на вечерней заре, когда звуки долетают особенно далеко, куда лучше направиться за языком, и, как это обычно бывает, когда нельзя, обоим смертельно хотелось курить.

Вдруг старший смолк на полуслове и прислушался.

— Как будто кто-то идет,—прошептал он и плотно приник к земле.

— Похоже, — так же шепотом подтвердил и Богучаров.

Они помолчали. Шаги стали слышны отчетливо.

Один из молодых солдат потянулся за винтовкой, но старший схватил его за руку и распорядился:

— Пропустить за секрет и взять живьем, без шума. И чтобы никто не пискнул. Может быть, это передовой...

Шедший по проселочной дороге путник ничего и сообразить не успел, как почувствовал, что лежит на земле, двое держат его за руки, третий солдат у него на ногах, а четвертый сзади зажал ему рот и прошипел над самым ухом:

— Ни звука, если хочешь жить!..

Затем его отвели куда-то в глубь леса, и на него посыпались вопросы:

— Кто такой?

— Куда идешь?

— Почему ночью?

Задержанный назвался рабочим-электриком Степаном Жигулевым и попросил скорее доставить его к кому-нибудь из старших начальников.

— А зачем тебе начальник? — спросил старший.

— Я знаю, что здесь будет на рассвете. Случайно узнал...

— Вот нам и скажи, а мы проверим, — самоуверенно сказал один из конников.

Жигулев снисходительно окинул его взглядом:

— Зелен ты еще проверять. Я сам старый солдат и знаю, кому что положено знать.

— Да врет он все! — воскликнул молодой боец.— Это же шпион. Приколоть гада, и вся недолга.

Богучаров решил, что ему пора вмешаться.

— А ну-ка погоди, Аника-воин, — сказал он. — Храбер ты воевать с безоружным. А если он и в самом деле шел к нам, чтобы предупредить? А ты его штыком? Балда!..— И, обратясь к Жигулеву, спросил: — Дело-то серьезное?

— Очень серьезное,— подтвердил тот.— С пустяком на такой путь я разве решился бы! Тут три раза умереть можно, пока дойдешь.

— Надо его к Кутякову, — решил Богучаров.

Но старший в секрете думал иное:

— Полагается его доставить в штаб полка, по команде. А там решат, что и как.

— Ты еще доставь его к своему взводному. А время-то за полночь перевалило. Пока он по твоей команде будет путешествовать, как раз никаких его сведений и не понадобится, — возразил Богучаров и решительно сказал Жигулеву:— Ну, пошли! Тут у нас невдалеке кони есть. Живо домчимся.

Кутяков задумался... Он верил сообщению Жигулева. Да и как было не поверить? Человек, рискуя собственной жизнью, пробрался через линию фронта. Он знает, что, окажись его сообщение ложным, ему несдобровать. И все же Кутякова мучили сомнения. А что, если это ловушка? Жигулев и сам мог не знать о ней. Сцена в гостиной Колмогорова могла быть подстроена в расчете на то, чтобы Жигулев услыхал именно то, что нужно было колчаковцам. Но следом же возникал вопрос: а зачем это им потребовалось? И как назло, нет поблизости ни Чапаева, ни Фурманова. Чапаева уложили в постель в санчасти и на все попытки связаться с ним неизменно отвечали, что его нельзя беспокоить. Таково приказание Фрунзе. А Фурманов был у железнодорожного моста в бригаде Потапова. Ей предстояло атаковать Уфу, как только противник дрогнет, почувствовав, что ударная группа красных выходит на его тылы. Посоветоваться Кутякову было не с кем.

Он снова расспрашивал Жигулева. Как тот оказался в доме Колмогоровых? Могли бы с электростанции послать кого-нибудь другого? Не подсказали ли ему лезть на чердак? И снова убеждался, что такую ловушку подстроить невозможно. А чтобы Жигулев сам, по доброй воле, пошел на смерть, лишь бы выручить в чем-то колчаковцев,

в это Кутяков не верил. Для этого надо быть либо сумасшедшим, либо истериком-гимназистом.

— Ну что ж, Степан,— сказал, заканчивая разговор, Кутяков, — мы тебе поверим. Благодарить пока воздержусь, сам понимаешь, почему, не маленький. И не обижайся, что пока до утра возьмем тебя под караул.

— А поспать можно будет в этом вашем карауле? — спросил Жигулев. — А то я сегодня часов с шести на ногах...

— Поспать? Отчего же! Это тебе устроят, — отозвался Кутяков, думая о том, что в ударной группировке мало кому сегодня удастся выспаться.

А когда Жигулева увели, Кутяков придвинул к себе телефонный аппарат и распорядился вызывать к нему на провод одного за другим командиров полков ударной группы.

Надо было известить их о своем решении отсрочить на час намеченное на утро наступление и предупредить о готовящейся атаке колчаковцев.

Чуть забрезжил рассвет. Ночь выдалась прохладная. Обильная роса покрыла траву, листья кустарников и деревьев, смочила одежду окопавшихся на ночь бойцов. В цепи давно не спали. Извещенные Кутяковым о затее колчаковцев, командиры полков не замедлили оповестить командиров батальонов. Те оповестили командиров рот, и так, по цепочке, до отделений. На это ушел остаток короткой июньской ночи.

В лощинах и кустарниках расстилался туман, и этот туман был только на руку противнику.

Втихомолку поминая чьих-то родителей, всех святых и богородицу, бойцы и командиры, припав к земле, до рези в глазах всматривались вдаль, стараясь преодолеть эту так не вовремя, невесть откуда наползшую белесую муть.

— Три тридцать, — сказал Кутяков, взглянув на часы. В эту ночь ему так и не удалось соснуть. — Скоро покажется солнце.—На него-то он и рассчитывал: взойдет солнце — сгонит туман.

Но едва заалел восток, как в белесой мути что-то зачернело. Затем стали вырисовываться три колонны войск. В молчании они приближались бесшумными потоками. Они

были черны, эти потоки, как черными были их мундиры офицерских частей, как черно было их дело, которое они пытались спасти, — неправое дело защиты рабства, власти золота над человеком.

Холеные, сытые потомки военных поколений, хорошо знакомые с тактикой боя, они без команды, по одному движению руки старшего, не лязгнув оружием, развертывались со штыками наперевес в густую цепь против ими обреченного Пугачевского полка.

Командир полка Плясунков, сжав челюсти и не отрываясь от бинокля, ждал. Больше всего боялся он, что кто-нибудь не выдержит и преждевременно выстрелит. Но время шло, а затаившиеся в своих наспех вырытых окопах бойцы никак себя не обнаруживали.

И когда неприятельская, ощетинившаяся штыками цепь придвинулась к окопам почти вплотную, для последнего броска, над полком, шипя и потрескивая, взвилась ракета. Но не успела она подняться в зенит, как десятки давно нацеленных пулеметов ударили одновременно и словно какими-то гигантскими косами стали укладывать на землю ряд за рядом людей в черных мундирах. А вслед за пулеметами, перекрывая их захлебывающийся стук, грянули винтовочные залпы.

Неприятельская цепь вздрогнула, остановилась. И вдруг бросилась врассыпную, устилая телами свой позорный путь обратно.

Тогда с фланга по бегущим ударили пулеметы вышедших на открытое место броневиков. Но вскоре они были вынуждены смолкнуть.

Красноармейцы в едином порыве поднялись из окопов, бросились преследовать каппелевцев и гнали их несколько верст, пока окончательно не выдохлись.

Этого момента ждали в 75-й Чапаевской бригаде, расположенной правее ударной группы, прямо против железнодорожного моста.

Отсюда Уфа была как на ладони. Ближе к реке по песчаному косогору лепились домишки бедноты. Дальше виднелись золотые маковки церквей, каменная каланча, дом генерал-губернатора, архиерейское подворье, тюрьма, богатые особняки, утопающие в зелени садов.

Первые попытки поисковых групп прорваться к мосту оказались безуспешными. Пристрелявшийся заранее противник открывал шквальный артиллерийский и пулемет-

ный огонь. Две прошлых ночи бригада употребила на поиски средств переправы.

И когда на заре второго дня со страшным грохотом взлетел железнодорожный мост, командир бригады Потапов сказал командирам полков:

— Ждать больше нечего. Пошли!..

И сразу берег ожил. Рыбачьи лодки, сколоченные наспех небольшие плоты, двери, снятые с железнодорожных будок, какие-то бочки, сваленные на берегу сплавные бревна — все пошло в ход, все годилось для переправы...

Под прикрытием артиллерийского огня красноармейцы кто на чем смог форсировали реку, с ходу ворвались в первую линию окопов, стреляли, кололи штыками, обтекали побросавших оружие пленных, залегали передохнуть и подождать, пока подойдут задние. И снова поднимались в атаку.

Их встречали из глубины обороны ружейно-пулеметным огнем, но встречали так, словно стреляли и оглядывались.

Потом стрельба прекратилась совсем...

Семьдесят пятая Чапаевская бригада входила в город.

Кутяков, памятуя наказ Фрунзе, преодолел искушение ворваться в Уфу с другой стороны и, повернув две другие бригады в обход города, выходил на коммуникации уфимской группировки противника. Его лучшая в Чапаевской дивизии 73-я бригада, перерезав железную дорогу, лишила колчаковцев пути к отступлению.

В частях противника поднялась паника. Она разрасталась, охватила штабы, тыловые учреждения. Все заметались. Одни, побросав оружие, покорно сдавались в плен. Другие еще пытались прорваться, но, столкнувшись с красноармейскими цепями, откатывались, бросая артиллерию и обозы, назад и снова, уже налегке, искали лазейку, чтобы вырваться из этого ада.

А в это время Михаил Васильевич налаживал новый обхват неприятеля. Он двинул справа 2-ю дивизию с задачей еще глубже перерезать железную и военную дороги, бросил в рейд по колчаковским тылам 3-ю кавалерийскую дивизию и уже намечал новый рубеж, на котором будет добивать войска верховного правителя.

1938—1968 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

ТАК НАЧАЛСЯ РАЗГРОМ...

Георгий Михайлович Максимов

ПОЛКОВОДЕЦ

Редактор Е. Н. Янковская
Художественный редактор Э. А. Розен
Технический редактор Е. А. Ельская
Корректор В. Е. Иовлева

Сд. в наб. 31.10.67 г. Подп. к печ. 21.3.68 г. Формат 84×108 1/32. Физ. п. л. 14,0. Усл. п. л. 23,52. Уч.-изд. л. 24,3. Изд. инд. ЛХ-288. А05058. Тираж 75 000 экз. Цена 90 коп. в переплете. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ № 959.

ич

ов

ец

ая
ен
ая
ва

г.
л.
8.
е.
2.

».
5.

ла
ов
и,
9,

[redacted]

90 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

